

Институт
Ближнего Востока

Центр изучения
Израиля и диаспоры

**От Владимира Жаботинского
до Биньямина Нетаньяху:
Национально-либеральное движение
Израиля – прошлое и настоящее**

Том второй
Определяя облик государства

Алек Д. Эпштейн

Москва – Иерусалим

2019

Научное издание

Алек Д. Эпштейн
ОТ ВЛАДИМИРА ЖАБОТИНСКОГО
ДО БИНЬЯМИНА НЕТАНЬЯХУ:
НАЦИОНАЛЬНО-ЛИБЕРАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ
ИЗРАИЛЯ – ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Том второй

М., 2019.

Dr. Alek D. Epstein
FROM VLADIMIR JABOTINSKY TO BENJAMIN
NETANYAHU: NATIONAL LIBERAL MOVEMENT IN
ISRAEL – PAST AND PRESENT

Part Two

Moscow: Institute of the Middle Eastern Studies –
Center for Israel and Diaspora Studies, 2019

ISBN 978-5-89394-299-6

*Книга публикуется в авторской редакции
и не обязательно отражает позицию
Института Ближнего Востока
и Центра изучения Израиля и диаспоры*

- © Институт Ближнего Востока
- © Центр изучения Израиля и диаспоры
- © Алек Д. Эпштейн

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА VI. ТРИУМФЫ И НЕУДАЧИ ПРАВИТЕЛЬСТВА МЕНАХЕМА БЕГИНА

1. Ученики В.Е. Жаботинского, Х. Вейцмана,
Д. Бен-Гуриона и рава А.И. Кука – вместе:
формирование нового правительства – стр. 7
2. Это наша страна, и мы стремимся к миру:
внешнеполитический курс
правительства М. Бегина – стр. 30
3. Предотвращая ядерный Армагеддон:
мужество и предвидение, спасшие человечество – стр. 54
4. Кадровая чехарда и экономические неурядицы – стр. 64
5. Трагедия Ливанской войны – стр. 80

ГЛАВА VII. УДЕРЖИВАЯ РУБЕЖИ: ВРЕМЯ ИЦХАКА ШАМИРА

1. После М. Бегина: выбор лидера, выбор пути... – стр. 99
2. Предательство Э. Вейцмана и формирование
правительства национального единства – стр. 118
3. В коалиции с Партией Труда:
достижения и провалы правительства Ш. Переса – стр. 129
4. Интифада, которую не удалось предотвратить – стр. 170
5. Стойкость, оставшаяся неоцененной – стр. 195

**ГЛАВА VIII. СОЦИОТРЯСЕНИЕ:
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛАГЕРЬ» В ТИСКАХ
«ПРОЦЕССА ОСЛО»**

1. «Национальный лагерь»
в дни окончания «эпохи Шамира» – стр. 215
2. В тисках «процесса Осло»:
отчаяние и бессилие – стр. 232
3. Первое правительство Биньямина Нетаньяху – стр. 254
4. Проиграв выборы, не проиграть страну:
противостоя курсу Эхуда Барака – стр. 283
5. Крах «процесса Осло»
и возвращение «Ликуда» к власти – стр. 303

**ГЛАВА IX. В XXI ВЕКЕ: НАЦИОНАЛ-
ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ИЗРАИЛЬ ПОД РУКОВОДСТВОМ
АРИЭЛЯ ШАРОНА И БИНЬЯМИНА НЕТАНЬЯХУ**

1. Электоральные триумфы Ариэля Шарона – стр. 323
2. От фикции «размежевания» – к расколу – стр. 346
3. Возвращение Биньямина Нетаньяху – стр. 386
4. Израиль – региональная держава – стр. 413
5. Определяя облик Государства Израиль – стр. 429

Эпилог. Парадокс непонимания. Современный
либерализм и Государство Израиль – стр. 441

Цитируемая литература – стр. 455

ГЛАВА VI.

ТРИУМФЫ И НЕУДАЧИ

ПРАВИТЕЛЬСТВА МЕНАХЕМА БЕГИНА

**1. Ученики В.Е. Жаботинского,
Х. Вейцмана, Д. Бен-Гуриона и рава А.И. Кука –
вместе: формирование нового правительства**

Выборы, прошедшие в мае 1977 года, были для Менахема Бегина в полном смысле слова последним шансом. Незадолго до этого, в марте, он перенес тяжелый сердечный приступ, сопровождавшийся воспалением легких, в результате чего значительную часть предвыборной кампании провел не на собраниях и митингах, а в тель-авивской больнице «Ихилон». Ключевую роль в предвыборной кампании играл Эзер Вейцман, и многие считали, что именно он должен, пусть даже и не сразу после выборов, возглавить «Ликуд». К Менахему Бегину и в Партии Свободы, и в других политических силах относились с большим уважением, однако многие считали, что в связи с резко пошатнувшимся состоянием здоровья, его дни как человека, и тем более как политического лидера, сочтены. Достаточно сказать, что Шмуэль Тамир убеждал Игаля Ядина в целесообразности скорейшего вхождения в правительство, аргументируя это тем, что Эзер Вейцман, который вот-вот станет премьер-министром, не сделает им столь щедрых предложений, как те, которые сделал им Менахем Бегин¹. Ни Ш. Тамир, ни И. Ядин, конечно, не могли знать в 1977 году, что оба они уйдут из жизни раньше, чем М. Бегин. Тем более никому не могло прийти

---

¹ См.: Арье Наор, *Бегин во власти: личное свидетельство*, стр. 56–57.

в голову, что Э. Вейцман никогда не возглавит ни Партию Свободы, ни блок «Ликуд», и что спустя всего три года сам он покинет правительство М. Бегина, в котором будет занимать пост министра обороны, в полном смысле слова хлопнув дверью...

Когда в одиннадцать вечера 17 мая 1977 года многолетний ведущий выпусков новостей на израильском государственном телевидении Хаим Явин начал эфир со слов «дамы и господа, переворот», М. Бегин был одним из очень немногих, кто оказался полностью готов к подобному развитию событий. Он ждал этого момента так долго, что успел в деталях продумать, как именно будет себя вести, когда это, наконец, случится. Той же ночью М. Бегин выступил в штабе Партии Свободы в Тель-Авиве, и это его выступление было едва ли не самым драматичным из всех, когда-либо произнесенных новоизбранным главой правительства Израиля.

Менахем Бегин, в частности, сказал: «В эту ночь произошел поворотный момент в истории еврейского народа и сионистского движения, подобного которому не было сорок шесть лет, со времен XVII Сионистского конгресса, когда Жаботинский предложил объявить целью сионизма создание еврейского государства в нашем поколении. Жаботинский посвятил всю свою жизнь достижению этой цели. Ему не довелось увидеть создание государства, как не удалось увидеть поворот, случившийся сегодня. Его последователи, которые, следуя его учению, и во имя претворения в жизнь этого учения, боролись за освобождение нации, терпеливо, с глубокой верой в

демократию, продолжали стремиться изменить положение дел в нашей стране. Силой избирательных бюллетеней, и только ею, мы пришли туда, куда сегодня пришли»².

Тогда же Менахем Бегин подчеркнул общегосударственный, аполитичный – а скорее, надполитичный – характер своего будущего правления: «Возник крепкий союз учеников В.Е. Жаботинского с учениками Хаима Вейцмана, Менахема Усышкина и Аббы Хиллеля Сильвера, нашими друзьями в Либеральной партии, и с учениками Давида Бен-Гуриона, нашими друзьями из Государственного рабочего движения за Эрец-Исраэль»³. Таким образом, Менахем Бегин превратил своих многолетних политических оппонентов – Хаима Вейцмана и Давида Бен-Гуриона – в соратников, ученики и наследники которых вместе с ним сопричастны к управлению страной.

Так оно на самом деле и случилось, и Менахем Бегин предпринял усилия в двух направлениях с целью реализовать данный надполитичный подход. Во-первых, он объявил, что сотрудники всех министерств и ведомств, включая администрацию главы правительства, продолжат свою работу и не будут заменены. Этот шаг вызвал серьезную критику в Партии Свободы, один из руководителей которой – Эйтан Ливни – готовил обстоятельный список партийных активистов с указанием сфер их специализации и должностей, которые они могли

---

² Цит. там же, стр. 14.

³ Цит. там же.

бы занять, однако Менахем Бегин даже не пожелал рассматривать его⁴. Шимон Перес, издевательски охарактеризовавший кабинет М. Бегина «правительством без Партии Свободы и коммунистов», был на самом деле отнюдь не так далек от истины. В сформированном Менахемом Бегиним восемнадцатом правительстве Израиля, начавшем свою работу через месяц после выборов, 20 июня 1977 года, не было ни одного из ветеранов Партии Свободы; единственный, кто все-таки вошел в его состав – Хаим Ландау, да и то это случилось уже в начале следующего, 1978-го, года.

Менахем Бегин стремился сформировать сравнительно компактное правительство, вследствие чего количество портфелей, оставшихся в распоряжении Партии Свободы, оказалось весьма ограниченным. Кроме самого главы правительства, в него вошли Эзер Вейцман, в 1971–1973 годах бывший председателем правления Партии Свободы, ставший министром обороны, и Давид Леви, назначенный министром абсорбции. Либеральная партия получила посты министра финансов для своего нового председателя Симхи Эрлиха (в 1976 году сменившего Э. Римальта во главе партии), министра энергетики и инфраструктур для Ицхака Модиа (урожденного Мадзовича, 1926–1998) и министра строительства для Гидеона Пата. Вступивший в блок «Ликуд» как представитель «Свободного центра» Элизер Шостак получил пост министра здравоохранения, представлявший в «Ликуде» Государственное рабочее

---

⁴ Там же, стр. 29.

движение за Эрец-Исраэль Игаль Хурвиц – министра торговли, промышленности и туризма, а вошедший в «Ликуд» во главе движения «Шломцион» (оно получило два мандата на выборах в Кнессет девятого созыва и позднее прекратило свое существование) Ариэль Шарон – министра сельского хозяйства и председателя межминистерской комиссии по развитию поселенческой деятельности.

Блок «Ликуд», включая депутатов от движения «Шломцион», располагал, однако, лишь 45 мандатами. Было очевидно, что именно он станет основой правительства (ибо социал-демократический блок во главе с Шимоном Пересом имел лишь 32 мандата), однако этого ни в коем случае не было достаточно для формирования правительства, которому требовалось утверждение минимум 61 голосом депутатов Кнессета. Вопрос о том, как и с кем вести коалиционные переговоры, по ряду причин совсем не был очевидным.

Менахем Бегин не был в полном смысле слова религиозным человеком, однако наследие и традиции иудаизма имели для него огромное значение. Не слишком широко известен тот факт, что в судьбоносные для Государства Израиль и для него лично моменты Менахем Бегин обращался к выдающимся раввинам, с которыми на протяжении многих лет поддерживал глубоко искренний и содержательный диалог. Так, 1 июня 1967 года, накануне своего первого вхождения в состав правительства, перед началом войны, которая вошла в историю как Шестидневная, Менахем Бегин посетил раввина Арье

Левина и попросил его благословения⁵. Когда он уже знал, но это оставалось государственной тайной, о решении Ицхака Рабина отправить спецназ в Уганду для освобождения пассажиров захваченного террористами самолета (именно тогда, в ходе операции «Энтеббе», погиб Йонатан Нетаньяху, младший брат которого спустя двадцать лет возглавил правительство Израиля), то в синагоге обратился к главному ашкеназскому раввину Израиля Шломо Горену со словами: «Уважаемый раввин, народ Израиля нуждается в особом благословении»⁶. Накануне выборов в Кнессет девятого созыва, 16 мая 1977 года, когда Шимон Перес, изображая беззаботность, пожимал руки прохожим на улице Дизенгофа в Тель-Авиве, Менахем Бегин отправился в Иерусалим к Стене Плача, где молился, приложив к ней руки. 7 июня 1977 года, когда тогдашний президент Израиля Эфраим Кацир (Качальский) официально поручил ему формирование правительства, М. Бегин перво-наперво вновь направился к Стене Плача, где прочитал наизусть Четвертый и Пятый псалмы царя Давида, в которых в частности говорится: «Когда призываю я, ответь мне, Бог справедливости моей. В тесноте Ты дал простор мне, помилуй меня и услышь молитву мою!» и «Господи, руководи мной в праведности Твоей из-за врагов моих, выпрями предо мной путь Твой». В завершении он прочитал молитву, заканчивавшуюся словами: «Творящий мир на высотах Своих, Он да сотворит в милосердии Своем мир нам и всему Израилю».

---

⁵ Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин*, стр. 224.

⁶ Ави Шилон, *Бегин*, стр. 250.

От Стены Плача М. Бегин и сопровождавшие его лица отправились в Кнессет, а после этого новоизбранный глава правительства поехал к раввину Цви Иехуде Куку (1891–1982) – крупнейшему деятелю религиозного сионизма того времени, отец которого Авраам Ицхак Кук (1865–1935) сформулировал основы философской концепции религиозного сионизма и был первым главным ашкеназским раввином Эрец-Исраэль с 1921 года до конца своих дней. Рав Цви Иехуда и Менахем Бегин относились друг к другу с глубоким уважением, и полученное тогда благословение имело для премьер-министра большое значение. На следующий день после их встречи Цви Иехуда Кук отправил Менахему Бегину взволнованное письмо, в котором охарактеризовал итоги выборов в Кнессет девятого созыва как важный шаг на пути к мессианскому избавлению⁷.

Принимая во внимание все вышеизложенное, неудивительно, что наиболее естественным союзником по правительственной коалиции для М. Бегина была Национально-религиозная партия. На протяжении большей части истории Государства Израиль она входила и в правительственные коалиции, возглавлявшиеся Партией Труда; ее лидер Йосеф Бург (1909–1999) с 1951 по 1975 годы занимал различные посты – от министра здравоохранения до министра внутренних дел. Менахему Бегину было принципиально важно показать, что он видит

---

⁷ См. текст этого письма в книге: Арье Наор, *Бегин у власти: личное свидетельство*, стр. 53–54.

в религиозных сионистах не временных попутчиков, а стратегических партнеров на долгие годы.

Чтобы продемонстрировать это свое особое отношение, Менахем Бегин отдал под контроль религиозных сионистов две сферы, которые прежде никогда не находились в их ведении. Во-первых, он согласился передать Национально-религиозной партии пост министра образования и культуры, который занял наиболее яркий из молодых лидеров партии – Звулун Хаммер (1936–1998). Во-вторых, М. Бегин настаивал на том, что должно быть ликвидировано обособленное министерство полиции (по его словам, такое не существовало ни в одной демократической стране), а его функции переданы министерству внутренних дел, которое возглавил Й. Бург. Этот выбор, сделанный Менахемом Бегиним, оказался стратегически верным: с тех пор, на протяжении более чем сорока лет, Национально-религиозная партия (ныне «Еврейский дом») является наиболее преданным коалиционным партнером блока «Ликуд».

Этим, однако, коалиционные устремления Менахема Бегина не ограничивались. После распада в 1951 году единого блока религиозных партий ашкеназские ультраортодоксы никогда не входили в правительственные коалиции. В Кнессете девятого созыва они были представлены двумя партиями: «Агудат Исраэль» во главе с Иехудой Меиром Абрамовичем (1914–2007), получившей четыре мандата, и «Поалей Агудат Исраэль» во главе с раввином д-ром Калманом Кахане

(1910–1991), получившей один мандат. Для Менахема Бегина было важно, чтобы обе эти партии были частью возглавляемой им правительственной коалиции. Этой цели ему удалось добиться, несмотря на определенное недовольство религиозных сионистов, не бывших в восторге от того, что их положение ультимативных представителей религиозного населения во власти таким образом размывалось. Представители этих партий не претендовали на министерские портфели.

Отметим, что выстроенный им стратегический союз с религиозными партиями в значительной мере позволил Менахему Бегину выиграть выборы в Кнессет десятого созыва еще до того, как они прошли. 26 мая 1981 года, за месяц с лишним до выборов, Менахем Бегин согласовал с руководителями как Национально-религиозной партии, так и «Агудат Исраэль» факт воссоздания коалиции между ними и в Кнессете следующего созыва. Это воодушевило М. Бегина; зная, что американская администрация надеялась на его поражение на выборах и возвращение к власти Партии Труда, М. Бегин сказал посетившему его американскому послу Сэмюэлю Льюису: «Вам и после 30 июня [назначенная дата выборов] придется работать со мной»⁸.

Израильский политолог Даниэль Элазар определял политику М. Бегина в сфере отношений религии и государства как укрепляющую «гражданскую религию». По его мнению, под руководством М. Бегина «Ликуд» стал выражать «новую гражданскую религию» еврейского

---

⁸ См. там же, стр. 218.

населения Израиля. М. Бегин культивировал сращивание национальной политики с иудаизмом, развивая гражданскую религию, в значительной степени опираясь при этом на традиционный иудаизм⁹. Этот подход открывал новые возможности для коалиции и расширял электоральную базу блока. Так, например, многие сторонники Национально-религиозной партии проголосовали на выборах 1981 года за «Ликуд», ощущая глубоко уважительное отношение М. Бегина к религии и религиозным традициям¹⁰.

При том покровительстве, которое М. Бегин оказывал религиозным партиям, он постоянно отмечал, что любовь к еврейской традиции ни в коей мере не является привилегией исключительно тех, кто строго соблюдает предписания иудаизма, и потому различие между религиозным и светским населением Израиля может быть сведено к минимуму благодаря усилиям людей, знающих и любящих еврейские священные тексты и обычаи.

Пост министра по делам религий в правительстве М. Бегина получил представитель религиозных сионистов Аарон Абухацера (в 1981 году он покинул Национально-религиозную партию, а в 1988 году присоединился к блоку «Ликуд»). Наряду с Давидом Леви, получившим пост министра иммиграции и абсорбции, Аарон Абухацера стал

---

⁹ Daniel Judah Elazar, "Religious Parties and Politics in the Begin Era", in Robert O. Freedman (ed.), *Israel in the Begin Era* (New York: Praeger, 1982), p. 115.

¹⁰ Там же, p. 116.

вторым уроженцем Марокко в высшем политическом руководстве страны. Чуть позднее, в январе 1978 года, в правительство по квоте Либеральной партии вошел Моше Ниссим, отец которого, уроженец Багдада Ицхак Ниссим (1896–1981), был в 1955–1973 годах главным *сефардским* раввином Израиля.

Консолидация разных, с точки зрения идеологической платформы, политических сил стала несомненной заслугой Менахема Бегина. М. Бегина, как никого из израильских политических лидеров до него, поддержали евреи – выходцы из стран Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, а также религиозные круги, представители которых считали, что играют недостаточную роль в формировании повестки дня израильского общества. М. Бегин сумел дать им всем ощущение дома, ощущение равенства, и в этом заключался его огромный успех как политика и государственного деятеля.

Реализация многочисленных социальных программ, призванных сократить экономический, образовательный и культурный разрыв между *ашкеназами* и *сефардами*, стала одним из важнейших направлений политики правительства М. Бегина. Были разработаны программы дошкольного воспитания и программы подготовки для поступления в ВУЗы, открывались специальные школы и центры для работы с детьми, выделялись стипендии, призванные стимулировать учебу в вузах детей, родители которых не имели возможности получить высшее образование. Учитывая избрание в 1978 году президентом

страны Ицхака Навона и назначение в 1983 году Моше Леви на пост главы Генерального штаба армии, статус представителей *сефардских* общин менялся на глазах: «второй Израиль», наконец, интегрировался с «первым».

Именно М. Бегин был инициатором энергичной политики искоренения исторически сложившегося социального неравенства между выходцами из Европы и выходцами из стран Среднего Востока и Северной Африки. Правительством М. Бегина была разработана широкомасштабная социально-экономическая программа, целью которой являлся подъем жизненного и культурного уровня восточных евреев. В центре этой программы стоял общенациональный проект комплексной государственной и общественной помощи некоторым поселениям и районам городов. Проект предполагал улучшение жилищных условий, развитие городской среды, социальных и культурных услуг, поднятие уровня дошкольного и школьного образования и помощь в получении высшего образования.

Осуществление этой программы требовало огромных затрат. М. Бегин обратился к мировому еврейству с призывом принять участие в финансировании проекта, и его призыв нашел широкий отклик. М. Бегин также выдвинул план, нацеленный на укрепление единства еврейского народа путем налаживания прямых связей между израильскими городами и районами развития, с одной стороны, и еврейскими общинами диаспоры, с другой. К 1982 году эта программа была реализована в более чем восьмидесяти городских районах; при

поддержке евреев диаспоры было построено порядка тридцати тысяч единиц жилья, при одновременной модернизации инфраструктуры, дорог, систем освещения и канализации. Реализация программы продолжается и в наши дни; она способствовала улучшению качества жизни примерно полумиллиона человек¹¹.

В 1983 году руководителем Генерального штаба армии был впервые назначен военачальник *сефардского* происхождения – Моше Леви (1936–2008), родители которого прибыли в Палестину/Эрец-Исраэль из Ирака. Социал-демократы также стремились показать, что и в их рядах выходцы из стран Востока могут «пробить стеклянный потолок»; в 1984 году уроженец Йемена Исраэль Кейсар стал первым *сефардом*, избранным генеральным секретарем Федерации профсоюзов.

М. Бегин был одним из инициаторов оказания помощи эфиопским евреям, оказавшимся в весьма непростом положении после свержения в 1974 году императора Хайле Селассие I и начала в этой стране гражданской войны. Через несколько недель после своего вступления в должность М. Бегин принял главу Службы внешней разведки Ицхака Хофи (1927–2014), поставив перед ним задачу способствовать иммиграции в Израиль евреев из Эфиопии¹². По условиям сделки между «Моссадом» и председателем Военно-административного совета Эфиопии Менгисту Хайле Мариамом, Израиль

---

¹¹ Даниэль Гордис, *Менахем Бегин. Битва за душу Израиля*, стр. 205.

¹² Там же, стр. 196.

получал возможность вывезти на свою территорию представителей еврейской общины Эфиопии в обмен на поставки этой стране определенных видов оружия. В августе 1977 года самолетом израильских военно-воздушных сил были вывезены 62 эфиопских еврея, которые были размещены в центре абсорбции неподалеку от озера Кинерет; еще 58 человек прибыли в декабре и были поселены в Афуле¹³. М. Бегин был первым премьер-министром Израиля, который проявил внимание к проблемам эфиопских евреев, чем снискал огромное уважение у представителей этой общины.

Многие справедливо отмечали, что выборы в Кнессет девятого созыва не столько выиграл блок «Ликуд», сколько их проиграл блок социал-демократических партий. Это утверждение представляется вполне оправданным, так как парламентская фракция Партии Труда и ее соратников по блоку «Маарах» сократилась на девятнадцать мандатов, в то время как фракция «Ликуда» увеличилась всего на четыре. Остальные же пятнадцать мандатов получило Движение за демократию и реформы (ДАШ), во главе которого стоял бывший начальник Генерального штаба Игаль Ядин. Это движение само по себе представляло довольно пестрый конгломерат идей и идеологий, и не приходится удивляться тому, что оно просуществовало всего одну парламентскую каденцию. Большинство голосовавших за это движение рассчитывали, что оно будет важным корректирующим фактором, при помощи которого руководство страны во

---

¹³ Там же, стр. 195–196.

главе с лидерами Партии Труда сможет существенно изменить курс без того, чтобы нужно было приводить в канцелярию главы правительства Менахема Бегина. Избиратели ДАШ устали от партийно-профсоюзной бюрократии так называемого «рабочего движения», но при этом к числу сторонников национально-либерального лагеря себя не относили.

Учитывая, что после всех прошедших до тех пор выборов правительство *всегда* формировал лидер Партии Труда, значительная часть, если не большинство, избирателей ДАШ была уверена в том, что так случится и в этот раз. Насколько можно судить, к такому развитию событий готовились и лидеры Движения за демократию и реформы Игаль Ядин и Амнон Рубинштейн. Итоги прошедших 17 мая 1977 года выборов поставили их перед совершенно другой ситуацией: вариант партнерства с Партией Труда оказывался заведомо невозможным, ибо при двузначной разнице мандатов в пользу «Ликуда» означал очевидное пренебрежение волеизъявлением граждан страны.

В широких кругах израильской общественности бытовало сформированное противниками М. Бегина представление, что его приход к власти не только подорвет шансы на заключение мира с арабами, но и приведет к новой войне; многие считали, что М. Бегин у власти – это угроза израильской демократии и конституционному строю. Многолетнее бессменное правление Партии Труда привело к сращиванию между собой партийной, общественной, экономической и культурной элит.

Поэтому победа на выборах «Ликуда», основную электоральную базу которого составляли социальные и политические группы, оказавшиеся на периферии израильского общества и не представленные в истеблишменте, была не только важным политическим событием, но и началом глубоких социальных изменений в израильском обществе и ощущалась многими как переход власти в руки чуждого элемента, как крах традиционных идеалов и «старого Израиля».

Именно для изначально, скорее, левоцентристского Движения за демократию и реформы вхождение в правительство представляло наибольшую проблему. Ицхак Шамир вспоминал: «Не все были готовы примириться с правительством “Ликуда” или правительством под руководством “Ликуда”. В редакциях газет, университетских кампусах, в обширном и разветвленном профсоюзном аппарате и среди многих представителей свободных профессий слышались ропот и хула в адрес Закона о выборах. Были даже те, кто заявлял, что они сомневаются в возможности продолжать жить в государстве, которое отныне и впредь будет фашистским» [именно так!]¹⁴. Учитывая, что как раз в редакциях газет, университетских кампусах и среди представителей свободных профессий Движение за демократию и реформы получило большинство своих голосов, положение, в котором оказались его лидеры, сложно было назвать простым.

---

¹⁴ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 138.

Принимая во внимание большое количество полученных этой партией голосов и мандатов, И. Ядин рассчитывал, что именно ему первому будет предложено подписать коалиционное соглашение, однако М. Бегин рассуждал по-другому, стараясь, прежде всего, выстроить надежный мост, который бы связал блок «Ликуд» и религиозные партии. Правительство получило вотум доверия и было приведено к присяге в Кнессете вообще без поддержки ДАШ; голосов коалиции хватило и для избрания председателя Центрального комитета Партии Свободы Ицхака Шамира председателем Кнессета, а руководителя тель-авивского отделения партии Моше Аренса – председателем Комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне. Таким образом, фракция из пятнадцати депутатов ДАШ оказалась перед весьма ограниченным выбором: либо стать второстепенным коалиционным партнером (а М. Бегин оставил для них вакантными посты министров социального обеспечения, юстиции, транспорта и связи), либо же прозябать в оппозиции.

Колебания в руководстве ДАШ продолжались более четырех месяцев, но 24 октября 1977 года партия все же вошла в правительство. При этом ни один из предлагавшихся постов самому Игалю Ядину не казался достойным его статуса, и он предпочел занять скорее церемониальный пост второго вице-премьера. Однако, в отличие от уже бывшего вице-премьером Симхи Эрлиха, возглавлявшего в то время Либеральную партию, занимавшего одновременно с этим важнейший пост

министра финансов, Игаль Ядин не получил под свой контроль никакое конкретное министерство. Прошедший большой путь рядом с М. Бегиным и в противостоянии с ним Ш. Тамир занял пост министра юстиции, а генерал в отставке Меир Амит – посты министра транспорта и министра связи (по личным причинам и в связи с расколом Движения за демократию и реформы он вышел в отставку спустя менее чем через год, тогда как И. Ядин и Ш. Тамир продолжили работать в правительстве). После присоединения ДАШ к коалиции, правительство М. Бегина опиралось на поддержку 78 депутатов Кнессета.

Пожалуй, основная роль Игаля Ядина в ходе формирования правительства заключалась не столько в том, кого и на какие посты ему удалось продвинуть, сколько в том, какое назначение ему удалось сорвать. Менахем Бегин планировал назначить на новый пост министра по делам гражданской обороны и борьбы с террором генерала в отставке Ариэля Шарона. Согласно израильскому законодательству и существующей – и поныне – практике, главе правительства Израиля напрямую подчинены Служба внешней разведки («Моссад»), Общая служба безопасности (ШАБАК) и Совет по национальной безопасности, который был создан 1999 году – и который Менахем Бегин хотел сформировать за двадцать два года до этого; предполагалось, что контроль над деятельностью всех этих организаций будет передан Менахемом Бегиным Ариэлю Шарону. Именно против этого активнее всего выступил Игаль Ядин, и Ариэль Шарон благомерно согласился не быть препятствием для

успеха коалиционных переговоров между «Ликудом» и ДАШ¹⁵. С точки зрения же национальных интересов Израиля, очень жаль, что И. Ядину удалось настоять на своем: глава правительства был занят самыми разными делами, и отнюдь не всегда у него получалось осуществлять оперативный контроль над деятельностью спецслужб. Отсутствие же Совета по национальной безопасности очень дорого обошлось Израилю в дни Первой Ливанской войны, когда такой коллективный орган, в котором руководители различных силовых структур могли бы совместно вырабатывать оптимальные меры в целях обеспечения военно-политических интересов Израиля, очевидно, принес бы огромную пользу.

К удивлению многих, ключевой пост министра иностранных дел Менахем Бегин отдал Моше Даяну, избранному в Кнессет девятого созыва по списку Партии Труда. М. Бегина критиковали в связи с тем, что это важнейшее гражданское министерство было отдано военному, не имевшему дипломатического опыта, однако нужно помнить, что и в завершавшем свою работу правительстве И. Рабина пост министра иностранных дел занимал генерал в отставке И. Алон, до этого также не обладавший никаким дипломатическим опытом. О том, что М. Бегин испытывал большое личное уважение к М. Даяну, было достаточно хорошо известно еще со времен Синайской войны 1956 года, когда последний

---

¹⁵ См.: Арье Наор, *Бегин во власти: личное свидетельство*, стр. 57–58.

возглавлял Генеральный штаб, а М. Бегин входил в Комиссию Кнессета по иностранным делам и обороне. Многие помнили и то, что при активной поддержке М. Бегина М. Даян был назначен на пост министра обороны накануне оказавшейся Шестидневной войны. Лишь очень ограниченный круг лиц знал, что, начиная с 24 марта 1977 года, когда М. Даян навесит М. Бегина, выздоравливавшего в больнице «Ихилон», шли интенсивные переговоры о присоединении бывшего начальника Генерального штаба и министра обороны к блоку «Ликуд». Супруга Моше Даяна Рут (урожденная Шварц) была родной сестрой супруги Эзера Вейцмана Реумы, и, как следствие, два генерала в отставке были очень хорошо знакомы между собой не только по армейской службе. 10 апреля 1977 года Э. Вейцман и М. Даян вновь встретились между собой – на этот раз, для обсуждения условий присоединения М. Даяна к блоку «Ликуд», избирательной кампанией которого Э. Вейцман руководил. На следующий день, 11 апреля, переговоры продолжились в доме М. Даяна. Было согласовано, что М. Даян займет третье место в списке «Ликуда» (изначально планировалось – и так в итоге и случилось – что третьим в списке будет Игаль Хурвиц от Государственного рабочего движения за Эрец-Исраэль), тогда как сам Эзер Вейцман шел в объединенном списке четвертым, Ицхак Шамир – шестым, а Моше Аренс – восьмым; больше представителей Партии Свободы в первой десятке блока «Ликуд» не было.

Немалые сложности вызвало требование М. Даяна,

согласно которому «до тех пор, пока идут переговоры о мирном урегулировании между Израилем и арабскими странами, юрисдикция Израиля не будет распространена на контролируемые территории или их часть». Эта декларация М. Даяна была передана М. Бегину в больницу; ознакомившись с ней, лидер блока «Ликуд» категорически отказался принять ее¹⁶. М. Бегин, со своей стороны, предложил другой, намного более юридически точный и четкий вариант формулировки, которая акцентировала внимание *на праве* правительства отказаться от распространения израильского суверенитета на те или иные территории, оказавшиеся под контролем Израиля в 1967 году, но *не на обязательстве* воздержаться от такого шага. Эта формулировка была выработана на совещании в больничной палате Менахема Бегина, в котором принимали участие Эзер Вейцман, Симха Эрлих, Ицхак Шамир, Моше Ниссим и Игаль Хурвиц. Было согласовано, что Симха Эрлих, занимавший второе место в объединенном списке «Ликуда», передаст данное предложение Моше Даяну.

Однако, как показали последующие события, Симха Эрлих (по всей видимости, под давлением своего соратника по партии Арье Дульчина, мечтавшего занять пост министра иностранных дел), саботировал процесс присоединения Моше Даяна к «Ликуду», задержав этот документ у себя и не передав его тому, для кого он был предназначен¹⁷. Когда позднее М. Даян все-таки получил

---

¹⁶ Арье Наор, *Бегин во власти: личное свидетельство*, стр. 47.

¹⁷ См. там же, стр. 48.

бумагу, составленную М. Бегиным, то отметил, что, несомненно, подписал бы ее. Однако было уже поздно; списки кандидатов в депутаты Кнессета уже были поданы в Центральную избирательную комиссию, и Моше Даян остался на седьмом месте в списке блока Партии Труда и Объединенной рабочей партии. Однако уже тогда М. Бегин обещал ему, что, несмотря на это, в случае своей победы на выборах, предложит ему достойный пост в правительстве. Менахем Бегин, бывший человеком слова, так и поступил, и до октября 1979 года Моше Даян оставался министром иностранных дел в его правительстве. При этом М. Даян как раз своих как бы соратников по руководству Партией Труда в свои планы и переговоры не посвящал, а потому, по свидетельству биографа девятого президента Израиля, «внезапный поступок Даяна, даже не посоветовавшегося с ним предварительно, оставил глубокий шрам на сердце Переса»¹⁸. Неизвестно, в какой мере М. Бегин и Ш. Перес знали о том, что М. Даян рассматривал и возможность участия в выборах собственным списком (что и случилось, но спустя четыре года). Показательно, что, по свидетельству Я. Кедми, идеологической платформой этой новой партии должен был стать тезис о том, что «главное – не допустить возвращения территорий, захваченных в результате Шестидневной войны»¹⁹.

---

¹⁸ Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография* [2005] / пер. с иврита (Москва: «Гамма-пресс», 2011), стр. 358.

¹⁹ Яков Кедми, *Безнадежные войны* / пер. с иврита (Москва: «Яуза», 2012), стр. 166–167.

Таким образом, М. Бегину удалось сформировать широкое коалиционное правительство, в которое входили люди, придерживавшиеся очень разных взглядов, но в котором практически не было активистов и ветеранов Партии Свободы. В этом была сила правительства и в этом же состояла его слабость. С одной стороны, это был не узкопартийный кабинет, а широкая правительственная коалиция, представлявшая богатую палитру мировоззрений – от религиозной ортодоксии и религиозного сионизма до правоцентристской Либеральной партии, левоцентристского Движения за демократию и реформы и последователей Давида Бен-Гуриона, вместе с ним создававших так называемый Список рабочих Израиля и пришедший ему на смену Государственный список, таких, как Моше Даян и Игаль Хурвиц. В правительство вошли пять генералов в отставке (Моше Даян, Игаль Ядин, Эзер Вейцман, Ариэль Шарон и Меир Амит)²⁰, что, без сомнения, усилило его авторитет в обществе.

Вместе с тем, вокруг Менахема Бегина в кабинете министров не возникло преданное ему ядро; говоря начистоту, в правительстве не было практически никого, кому премьер-министр мог бы доверять, что называется, «с закрытыми глазами». Каждый из генералов считал, что является оптимальным кандидатом на пост главы

---

²⁰ Отставных военных было так много, что Ицхак Шамир в книге *Подводя итоги* (стр. 138) даже забыл о Меире Амите, упомянув о том, что в правительство вошли «четыре прославленных генерала»; на самом деле их было пять.

правительства, лучше всех понимая проблемы страны и зная пути их решения, и эта эгоцентричность отдельных членов правительства и отсутствие «чувства локтя» чем дальше, тем больше становились факторами, существенно затруднявшими работу кабинета. Фактически, в связи со слабым здоровьем Менахема Бегина, борьба за его место и наследство началась уже в первый день его пребывания на посту премьер-министра, что, конечно, отнюдь не было благом для государства и общества.

**2. Это наша страна, и мы стремимся к миру:
внешнеполитический курс
правительства М. Бегина**

Программа правительства М. Бегина была сформулирована так, как никакой из подобных документов израильских кабинетов министров прежде. В ней говорилось: «Еврейскому народу принадлежит вечное историческое право на Эрец-Исраэль – землю наших предков, и это право не может быть поставлено под сомнение». Представляя правительство в Кнессете, Менахем Бегин вновь посвятил основную часть своего выступления значению Земли Израиля для еврейского народа: «Это наша единственная страна, мы сохраняли верность ей на протяжении всех поколений, мы молились за нее, тосковали по ней, любили ее всем сердцем и всей душой. Ни на один день, живя в изгнании, мы не забывали о ней, и ее имя сохраняли на устах наши предки, преследуемые жестокими гонителями на протяжении

веков»²¹.

Этот подход новоизбранного главы правительства к земле Израиля контрастно отличал М. Бегина от всех его предшественников. Многие, слушая это выступление, полагали, что тем самым Менахем Бегин закрывает саму возможность ведения переговоров о мирном урегулировании, ибо если «еврейскому народу принадлежит вечное историческое право на Эрец-Исраэль, землю наших предков, и это право не может быть поставлено под сомнение», то о чем, казалось бы, можно было говорить с президентами Сирии и Египта, королем Иордании или представителями палестинских арабов?! Однако те, кто воспринимали подход Менахема Бегина как закрывающий любую возможность для переговоров о мирном урегулировании, на самом деле упускали из виду ряд ключевых моментов его мировоззрения.

К тому времени Организация освобождения Палестины во главе с Ясиром Арафатом уже добилась серьезного международного признания, что создало проблему не только для Израиля, но и для Иордании, на территорию которой ООП претендовала, и где она в 1970 году стремилась устроить государственный переворот, подавленный королем Хусейном и верными ему войсками с жесткостью, которую израильская армия никогда не могла себе позволить. В израильском национально-либеральном лагере в то время не было единства мнений

---

²¹ Выступление М. Бегина опубликовано в протоколе 3-го заседания Кнессета 9-го созыва, 20 июня 1977 г., стр. 15 [на иврите].

по данной проблеме. Ариэль Шарон, в частности, считал, что сценарий превращения Иордании в Палестинское государство в целом является справедливым и желательным, ибо в этой стране палестинские арабы составляют большинство населения, и реализация именно там их национальных чаяний сможет избавить Израиль от международного давления по палестинской проблеме. Правительство Голды Меир (в этом вопросе ее поддерживали Игаль Алон, Абба Эвен и Ицхак Рабин, тогда бывший послом Израиля в США) в 1970 году не только гарантировало на словах, но и обеспечило королю Хусейну существенную военно-политическую поддержку, которая позволила ему справиться с палестинским восстанием, развязанным Ясиром Арафатом при поддержке сирийских танков²². Ариэль Шарон считал этот подход в корне неверным, полагая, что сохранение Хашимитского режима менее важно для Израиля, чем разрешение палестинской проблемы, которая, как он верил, в случае превращения Иордании в Палестинское государство, сойдет с повестки дня.

Менахем Бегин рассуждал совершенно другим образом. С его точки зрения, Иордания занимает территорию, которая исторически по праву принадлежит еврейскому народу, в чем нет – и не может быть – никаких сомнений. Вместе с тем, факт состоит в том, что Иордания как государство существует, и в момент ее возникновения

---

²² См.: Мирон Мидзини, *Голда. Политическая биография*, стр. 469; Avi Shlaim, *Lion of Jordan: The Life of King Hussein in War and Peace* (London: Penguin Books, 2007), pp. 330–333.

никто не спрашивал мнения каких-либо представителей еврейского народа по данному вопросу. Иными словами, поскольку еврейское национальное движение было непричастно к созданию Иордании, то оно могло де-факто признавать ее и вести переговоры с ее руководителями. Напротив, прикладывание Израилем усилий для создания на территории Иордании какого-либо иного нееврейского государства (например, палестинского) виделось М. Бегину шагом категорически неприемлемым, ибо получалось, что еврейское национальное движение своими собственными руками передавало контроль над восточной частью Эрец-Исраэль другому народу. Прежде всего именно из этого следовало неприятие М. Бегиним идеи превращения Иордании в Палестинское государство.

С историко-философской точки зрения, для М. Бегина и во второй половине 1970-х годов, то есть спустя более полувека после создания Иорданского Хашимитского королевства, оно не обладало историко-правовой легитимностью. «Вся Эрец-Исраэль – наша родина – говорил он, выступая в Кнессете. – Амман, как и Шхем, Гильад, как и Самария, какие бы из этих территорий сейчас ни находились под внешней оккупацией»²³. С точки зрения мировоззрения М. Бегина, не Израиль оккупировал Западный берег реки Иордан (который он никогда не называл таким образом, а

---

²³ Цит. по: Арье Наор, *Бегин у власти. Личное свидетельство*, стр. 98. Гильад (Галаад) – историческая область Древнего Израиля к востоку от реки Иордан и к северу от Мертвого моря; ныне находится на территории Иордании.

исключительно как Иудею и Самарию), а Иордания оккупирует его восточный берег.

При этом Менахем Бегин был категорическим противником принципа «территории в обмен на мир» в любом его проявлении, причем не только по историко-философским, но и по весьма прагматичным причинам. По свидетельству знавшего его много лет Арье Наора, мировоззрение Менахема Бегина базировалось на том, что контроль над территорией, как минимум, Западной Эрец-Исраэль, включая Иудею, Самарию, Иорданскую долину и сектор Газа, занятые Израилем в 1967 году, необходимы еврейскому государству не только для реализации его исторических национальных прав, но и для обеспечения безопасности, без которой невозможно никакое мирное урегулирование²⁴.

Еще в 1970 году, когда он убеждал членов ЦК Партии Свободы и Либералов проголосовать за выход из правительства, согласившегося начать переговоры на основе резолюции №242 Совета Безопасности ООН, М. Бегин говорил о том, что, в случае израильского отступления из Иудеи и Самарии, контроль над ними окажется в руках Ясира Арафата, который при поддержке Советского Союза провозгласит там Палестинское государство, после чего само существование Израиля окажется под угрозой. Спустя семь лет он отстаивал те же самые принципы и, выступая в Кнессете, говорил: «Сегодня вы знаете, что уступки не привели к миру [по

---

²⁴ См.: Арье Наор, *Бегин у власти. Личное свидетельство*, стр. 105.

всей видимости, М. Бегин имел в виду израильско-египетские соглашения 1974 и 1975 годов], и чем больше вы гонитесь за “миром”, тем дальше он ускользает от вас»²⁵.

После Войны Судного дня Менахем Бегин был последовательным оппонентом «челночной дипломатии» Генри Киссинджера, строившейся на том, что от Израиля требовалось идти на различные территориальные уступки во имя подписания промежуточных соглашений. Для Менахема Бегина единственными соглашениями, имевшими смысл и оправдывавшими территориальные уступки (и то *исключительно вне границ Эрец-Исраэль* мандатного периода) были полноценные и всеобъемлющие мирные договоры, предусматривающие полную нормализацию, включая установление дипломатических отношений в полном объеме.

Многие удивлялись тому, что именно при бескомпромиссном М. Бегине был подписан израильско-египетский мирный договор, однако представляется, что во многом именно поэтому он и был подписан: во времена правительства И. Рабина А. Садат мог возвращать под контроль Египта те или иные части Синайского полуострова, не признавая права Израиля на существование, не подписывая с ним мирный договор и не устанавливая с ним дипломатических отношений. С приходом к власти М. Бегина продолжение подобного курса стало невозможным; *ни на какие территориальные уступки без заключения всеобъемлющего мирного*

---

²⁵ Цит. там же, стр. 98.

договора Менахем Бегин был идти категорически не готов.

Двадцать шестой пункт программы кабинета министров, сформированного в 1977 году, постулировал, что правительство будет соблюдать международные соглашения, подписанные Израилем в прошлом. Это вызвало шквал обвинений в адрес Менахема Бегина со стороны Игаля Алона и особенно Шимона Переса, который в своем первом выступлении в Кнессете в качестве главы парламентской оппозиции напомнил о том, что «М. Бегин выступал против Родосских соглашений о прекращении огня в 1949 году, против отступления израильских сил с Синайского полуострова и сектора Газа в 1957 году, против согласия с резолюцией №242, выраженного израильским правительством в 1970 году, против условий прекращения огня в октябре 1973 года и соглашений о разъединении войск между Израилем, с одной стороны, и Сирией и Египтом, с другой, в 1974–1975 годах»²⁶. Тот факт, что правительство М. Бегина сразу же объявило о том, что оно будет соблюдать соглашения, против которых новоизбранный премьер-министр так активно выступал ранее, было в глазах Ш. Переса и его коллег по руководству Партией Труда признанием, пусть и запоздалым, их правоты.

Дело, однако, обстояло совершенно иначе. Для М. Бегина, либерала до мозга костей, была совершенно

---

²⁶ Выступление Ш. Переса опубликовано в протоколе 3-го заседания Кнессета 9-го созыва, 20 июня 1977 г., стр. 20 [на иврите].

немыслимой идея о том, что законно избранное правительство откажется соблюдать международные обязательства, которые взяли на себя руководители, столь же демократически избранные в предшествующие годы. *Подобно тому, как сам он никогда даже не рассматривал возможность силового захвата власти, так и став главой правительства, он даже не мыслил о том, что Государство Израиль под его руководством может отказаться выполнять соглашения, под которыми ранее подписались его законно избранные лидеры.*

Вместе с тем, толкование отдельных решений М. Бегиным и его сторонниками порой существенно отличалось от их интерпретации деятелями Партии Труда. М. Бегин с большим вниманием изучил труды профессора юриспруденции Иерусалимского университета Иехуды Блума, который обращал внимание на принципиальные различия правового статуса Синайского полуострова и Голанских высот, с одной стороны, и Иудеи, Самарии и сектора Газа, с другой. По мнению профессора И. Блума, у Государства Израиль, как правопреемника британского мандата, существовали международно-признанные границы с Египтом и Сирией, но у него не могло существовать таких границ с Иудеей, Самарией и сектором Газа, которые также входили в территорию, подконтрольную британскому мандату. Международно-признанная граница с Иорданией проходила по реке Иордан, аннексия же Западного берега (Иудеи и Самарии) Иорданией не была признана никакими государствами,

кроме Великобритании и Пакистана. Исходя из этого, профессор И. Блум, и М. Бегин вслед за ним, утверждали, что резолюция №242 Совета Безопасности ООН, в которой речь шла о «выводе израильских вооруженных сил с территорий, оккупированных во время недавнего конфликта», неприменима к Западному берегу реки Иордан и сектору Газа. Это положение, несмотря на то, что оно, очевидным образом, противоречило мировоззрению тех, кто резолюцию №242 формулировал и принимал, стало одной из краеугольных основ внешнеполитического курса Менахема Бегина и его правительства.

Придя к власти, М. Бегин начал проводить активную внешнюю политику, преследовавшую четко определенные стратегические цели: достижение мира с Египтом, упрочение геополитического положения Израиля на Ближнем Востоке (М. Бегин понимал это как необходимость углубить военно-политическое сотрудничество с США и не допустить установления сирийского контроля над Ливаном), реализацию исторических прав Израиля на Иудею, Самарию, Иорданскую долину и сектор Газа. Кроме того, М. Бегин испытывал совершенно особые чувства к Германии, которые не считал нужным скрывать.

М. Бегин был глубочайшим образом возмущен, когда услышал, что в ходе пребывания в Саудовской Аравии канцлер ФРГ Гельмут Шмидт (1918–2015), в годы войны служивший в войсках Вермахта, заявил, что у Германии есть нравственные обязательства по отношению к арабам, поскольку проблема арабских беженцев возникла

вследствие создания Государства Израиль, что, в свою очередь, произошло вследствие Катастрофы европейского еврейства. В выступлении, основные положения которого были опубликованы всеми израильскими газетами, М. Бегин не скрыл своего возмущения: «Канцлер говорит о моральном долге по отношению к арабам?! Он должен знать, что моральный долг Германии по отношению к еврейскому народу будет вечным!». Не останавливаясь на этом, М. Бегин назвал немцев «нацией уничтожателей», «последними, кто имеют право высказывать какую-либо критику в адрес Израиля – государства, созданного народом, чудом избежавшим полного исчезновения в лагерях уничтожения»²⁷.

Это высказывание М. Бегина, ничем принципиально не отличавшееся от его риторики в ходе полемики о репарациях, вызвало большой как дипломатический, так и внутривластный скандал. Многие считали, что то, что мог себе позволить лидер небольшой оппозиционной партии, не должен говорить глава правительства. Для М. Бегина же подобного разделения не существовало и существовать не могло: если он во что-то верил, то отстаивал это всегда, независимо от того, какой пост занимал. Когда депутат Кнессета профессор Амнон Рубинштейн потребовал обсудить эти высказывания председателя правительства в Кнессете, М. Бегин не только не отказался от них, но и подчеркнул:

«Я ответил канцлеру Шмидту так, как, согласно моему миропониманию, глава еврейского правительства

---

²⁷ Цит. по Арье Наор, *Бегин у власти*, стр. 212.

только и должен отвечать немцу и бывшему офицеру гитлеровской армии на его слова, сказанные в ходе визита в Саудовскую Аравию. Немецкий народ несет ответственность за уничтожение трети нашего народа, и он должен пройти процесс очищения. Наши раны не заживут и через десять поколений. Они не только убили наших детей, наших врачей, наших философов и мыслителей – они смертельно ранили всех нас. Некоторым из нас удалось выжить и спастись, и это было подлинным чудом, что мы смогли, поднявшись из последних сил, встать во весь рост и завоевать свою свободу в своей стране»²⁸.

Однако М. Бегин не ограничился и этим. Холокост имел для него не только важнейшее национальное, но и глубоко личное измерение, поэтому он продолжал: «Вам повезло, профессор Рубинштейн, что Ваши родители жили в Эрец-Исраэль – и сам Вы здесь родились и выросли. Мои мама и папа всегда мечтали об Эрец-Исраэль, но им не довелось оказаться здесь, и я не буду рассказывать здесь о том, как они погибли. Господин Шмидт, дававший присягу верности фюреру и остававшийся верный ей до конца, воевал на Восточном фронте. Одним из занятых немецкой армией на Восточном фронте городов был Брест-Литовск, где были убиты мои родители. Могу ли я быть уверенным, что он, Гельмут Шмидт, не был там, среди их убийц?! Я задавал этот вопрос, но не получил на него ответа»²⁹.

---

²⁸ Цит. там же, стр. 212–213.

²⁹ Там же, стр. 213.

Первый международный визит М. Бегина в качестве главы правительства Израиля прошел в середине июля 1977 года в Вашингтон. Переговоры с Дж. Картером были очень непростыми, но М. Бегин сумел изменить вектор ближневосточной политики США. Президент был более всего озабочен палестинской проблемой, стремясь добиться, пусть и не сразу, но в обозримой перспективе, создания независимого Палестинского государства. М. Бегин же настаивал на том, что важнее всего – попробовать прийти к соглашениям о мирном урегулировании с двумя наиболее проблемными для Израиля приграничными странами – Египтом и Сирией. Продвижения на сирийском направлении не произошло, но переговоры с Египтом начались сразу же.

В ноябре 1977 года состоялся исторический визит президента Египта Анвара Садата в Израиль, в ходе которого он выступил на пленарном заседании Кнессета в Иерусалиме (А. Садат стал первым арабским лидером в истории, который пошел на подобный шаг). Личный вклад М. Бегина в достижение мира с Египтом был решающим: он непосредственно руководил переговорами и участвовал во всех основных встречах. В отличие, например, от раввина Цви Иехуды Кука, Менахем Бегин не воспринимал Синайский полуостров как часть исторической Эрец-Исраэль, а потому, хоть и с тяжелым сердцем, под американским давлением согласился на его полное возвращение Египту (что было сопряжено с

разрушением возникших на Синае к тому времени еврейских поселений и эвакуацией их жителей). Однако руководителям израильской делегации М. Бегину, М. Даяну и Э. Вейцману удалось согласовать гарантии обеспечения безопасности Израиля, сохраняющие свое значение и поныне. За первые двадцать пять лет существования еврейского государства между ним и Египтом имело место пять войн, но, после совершенного М. Бегиним и А. Садатом прорыва, за сорок прошедших с тех пор лет их не было ни одной.

Израильско-египетское соглашение о принципах мирного урегулирования было подписано 17 сентября 1978 года, а 28 сентября того же года оно было одобрено Кнессетом 84 голосами «за», при 19 «против» и 17 воздержавшихся или не принимавших участия в голосовании (среди тех, кто не голосовали «за», были и входившие в число высших руководителей Партии Свободы и блока «Ликуд» Ицхак Шамир и Моше Аренс). Подписание мирного соглашения между двумя странами состоялось 26 марта 1979 года. Как точно отметил Даниэль Гордис, человек, от которого этого ждали меньше всего, принес мир земле, которую он некогда «поджег», чтобы избавить ее от британского мандата. «Террорист» превратился в государственного деятеля, а государственный деятель – в миротворца. Человек, поднявший восстание, провозвестил, как казалось, начало конца войны³⁰. В 1978 году Менахем Бегин стал вторым

---

³⁰ Даниэль Гордис, *Менахем Бегин. Битва за душу Израиля*, стр. 242.

израильянином, после выдающегося писателя Шмуэля-Йосефа Агнона, удостоенным Нобелевской премии. Человек, которого хотели повесить англичане и который чуть не погиб при расстреле «Альталены», был удостоен Нобелевской премии мира.

*

Мирный договор с Египтом был важным шагом в обретении Израилем столь нужной ему легитимации на региональной и международной арене, но в глазах Менахема Бегина уход с Синайского полуострова должен был быть «сбалансирован» «компенсирующими» шагами. Однажды, в марте 1957 года, Израиль уже возвращал Египту занятый за четыре месяца до этого Синайский полуостров, и тогда М. Бегин выступал с резкой критикой правительства Д. Бен-Гуриона. Став премьер-министром, он показал, что территориальные уступки можно совершать принципиально иначе. Верно рассудив, что Египет – крупнейшая страна арабского мира – не будет делать ничего, что даст Израилю достаточный повод для отказа от реализации соглашения и возвращения Синая, а другие страны не пойдут на Израиль войной, не имея поддержки Египта, М. Бегин решил, что это позволяет сделать заявку на вечный контроль над двумя принципиально значимыми для Израиля территориями: Восточным Иерусалимом и Голанскими высотами.

30 июля 1980 года по инициативе правительства Кнессет подавляющим большинством голосов (69

голосами «за» при 15 «против» и 3 воздержавшихся³¹) принял Основной закон, первая статья которого провозглашала Иерусалим единой и неделимой столицей Государства Израиль. Вторая статья Закона, получившего конституционный статус, утверждала Иерусалим местом постоянного пребывания президента Государства Израиль, Кнессета, правительства и Верховного суда. Несмотря на международное осуждение, которому подвергся Израиль после принятия этого Закона (Совет Безопасности ООН принял не имевшую никакого практического значения резолюцию №478, объявившую этот Закон недействительным), *единство Иерусалима и его статус вплоть до настоящего времени являются одними из немногих вопросов, по которым в еврейском Израиле существует общенациональный консенсус.*

Помня о крайне негативной реакции на Основной закон о Иерусалиме (и это несмотря на то, что содержательно он практически ничем не отличался от не имевшего конституционного статуса аналогичного закона, принятого еще в конце июня 1967 года), Менахем Бегин осознавал, что любое юридическое изменение территориального статус-кво будет повсеместно воспринято крайне враждебно. М. Бегин был фактически первым главой правительства Израиля, который понимал, что у еврейского государства на самом деле нет надежных союзников, что у него нет иного выхода, кроме как

---

³¹ См.: Протокол 363-го заседания Кнессета 9-го созыва, 30 июля 1980 г. // Протоколы заседаний Кнессета 9-го созыва, стр. 4325 [на иврите].

полагаться только на себя. Вместе с тем, М. Бегин стремился свести к возможному минимуму масштабы внешнеполитических проблем, с которыми сталкивался Израиль. В конце 1981 года он считал, что сложился сравнительно благоприятный международный расклад, который важно не упустить. Советский Союз и Соединенные Штаты, и без того находившиеся в очень плохих отношениях между собой после советского вторжения в Афганистан, срыва переговоров об ограничении стратегических вооружений и бойкота американцами московской Олимпиады, вступили в фазу дальнейшего обострения двусторонней напряженности в связи с событиями в Польше, где на акции протеста профсоюзного движения «Солидарность» режим ответил введением чрезвычайного положения. М. Бегин справедливо рассудил, что в этих условиях обеим великим державам немножко не до маленького Израиля и законов, которые принимает его парламент.

В ближневосточном регионе также складывались условия, благоприятствующие Израилю: тогдашний президент Сирии Хафез Асад находился под сильным американским давлением после размещения им в долине Бекаа на территории Ливана ракет «земля–воздух» (американцы настоятельно требовали эти ракеты оттуда убрать), а только ставший президентом Египта после убийства А. Садата Хосни Мубарак находился в предвкушении передачи под его контроль последних участков территории Синайского полуострова, с которых Израиль должен был отступить согласно мирному

договору между странами. Рассчитав (и этот расчет оказался абсолютно верным), что новый глава Египта поостережется предпринимать какие-либо резкие антиизраильские шаги за несколько месяцев до того, как Израиль должен был передать ему столь вождеденные им территории, М. Бегин пришел к выводу, что сложились условия для принятия Закона о распространении израильского суверенитета на занятые за четырнадцать лет до этого Голанские высоты.

Насколько известно, М. Бегин посвятил в свой план только двух членов правительства: министра юстиции Моше Ниссима и министра обороны Ариэля Шарона³². Утром 14 декабря 1981 года М. Бегин буквально огорошил участников еженедельного заседания правительства своим предложением в тот же день принять в Кнессете – сразу в трех чтениях – Закон о распространении израильского суверенитета на Голанские высоты. Когда никто в мире этого не ожидал и к этому не готовился, законопроект был рассмотрен и утвержден Кнессетом, причем в тексте Закона говорилось о том, что он вступает в силу немедленно. Несмотря на то, что на Голанских высотах к тому времени был создан целый ряд сельских поселений, жители которых на выборах преимущественно поддерживали Партию Труда, ее представители в Кнессете отказались принимать участие в обсуждении законопроекта и голосовании по нему; впрочем, у правительственной коалиции хватило голосов и без них. Закон был принят в первом чтении 60 голосами «за» при

---

³² Арье Наор, *Бегин у власти. Личное свидетельство*, стр. 232.

17 «против»³³, а во втором и третьем чтениях – 63 голосами «за» и 21 «против»³⁴. *Этот закон остается в силе и по настоящее время, и можно только с ужасом думать о том, что бы ждало жителей Галилеи, если бы Голанские высоты, совсем рядом с которыми до самого недавнего времени находился анклав т.н. Исламского государства, были возвращены Сирии.*

*

Менахем Бегин подписал с Анваром Садатом два соглашения, одно из которых касалось двусторонних отношений, тогда как другое представляло собой скорее декларацию о том, какими должны быть параметры урегулирования арабо-израильского и, в особенности, палестино-израильского конфликта.

Не до конца понятно, по какому праву именно президент Египта взял на себя функцию представителя палестинских арабов; никакого решения того или иного палестинского, общеарабского, общеисламского или международного форума на этот счет не было. Учитывая резко негативное отношение во многих арабских столицах к самому факту ведения переговоров с Израилем, желание президента Египта «прикрыться» заботой о палестинских арабах было, в целом, вполне объяснимо, тогда как

---

³³ См. Протокол 32-го заседания Кнессета 10-го созыва, 14 декабря 1981 г., стр. 43 [на иврите].

³⁴ Там же, стр. 50.

основной целью А. Садата, очевидно, было возвращение его стране Синайского полуострова.

В рамках начавшегося в Кемп-Дэвиде процесса начались и переговоры о предоставлении палестинским арабам, жившим на Западном берегу реки Иордан (с точки зрения М. Бегина, жили они исключительно в Иудее и Самарии) и в секторе Газа, той или иной формы автономии. М. Даян относился к этим переговорам со всей серьезностью, тогда как для М. Бегина, как и для А. Садата, они были, если называть вещи своими именами, не более чем «фиговым листком» для легитимации израильско-египетского мирного договора. Менахем Бегин на протяжении многих лет выступал с резкой критикой идеи автономии для палестинских арабов, утверждая, что она неминуемо приведет к созданию независимого Палестинского государства, что станет катастрофой для Израиля.

М. Бегин оказался в непростой ситуации: вполне найдя общий язык с президентом Египта А. Садатом, ему, одновременно с этим, нужно было нейтрализовать президента США Дж. Картера, с одной стороны, и своего «собственного» министра иностранных дел М. Даяна, с другой. При этом от М. Бегина, разумеется, никак не зависело, кто будет находиться в Овальном кабинете Белого дома, а вот глубоко уважаемого им М. Даяна он хотел сохранить в составе своего правительства, одновременно с этим фактически торпедируя то, что сам министр иностранных дел считал в то время основным смыслом своего пребывания в кабинете. Стремясь

обуздать инициативность М. Даяна в направлении создания палестинской автономии, М. Бегин объявил, что для руководства соответствующими переговорами будет создана комиссия в составе министров обороны Э. Вейцмана, иностранных дел М. Даяна, юстиции Ш. Тамира, сельского хозяйства А. Шарона, внутренних дел Й. Бурга и бывшего министром без портфеля М. Ниссима; при этом М. Даяну М. Бегин предложил возглавить эту комиссию. Министр иностранных дел, однако, выразил мнение, что подобный форум ни о чем не сможет договориться между собой, вследствие чего эффективность переговоров об автономии, весьма непростых изначально, окажется близкой к нулю.

Заявив М. Бегину о своей неготовности возглавить данную межминистерскую комиссию, М. Даян надеялся заставить главу правительства отказаться от идеи ее создания. Премьер-министр же был настроен совершенно по-иному, сообщив М. Даяну, что коль скоро сам он отказывается руководить ее работой, это будет поручено Йосефу Бургу³⁵. М. Бегин ясно отдавал себе отчет в том, что последнее, в чем заинтересовано руководство Национально-религиозной партии – это передача каких бы то ни было территорий Иудеи и Самарии под контроль Ясира Арафата и его молодчиков. В беседе с самим Й. Бургом М. Бегин подчеркнул, что назначает его на этот пост «вследствие его верности Эрец-Исраэль»³⁶. Сам

---

³⁵ Арье Наор, *Бегин во власти. Личное свидетельство*, стр. 201.

³⁶ Цит. по: Офер Грозбард, *Менахем Бегин. Портрет лидера*, стр. 239.

Йосеф Бург отнюдь не был правым радикалом, но ему нужно было продолжать смотреть в глаза религиозным сионистам, которые составляли большинство жителей еврейских поселений, созданных на тех самых территориях, где предлагалось создать палестинскую автономию. М. Даян достаточно быстро осознал, что фактически лишился возможности влиять на происходящее, а диагностированный у него вскоре рак привел его к решению оставить государственную деятельность. 23 октября 1979 года он объявил на заседании правительства о своей отставке, а менее чем через два года его не стало. Переговоры о палестинском самоуправлении шли ни шатко, ни валко и, как и следовало ожидать, ни к чему не привели.

10 мая 1979 года в радиointerview Менахем Бегин подчеркнул, что намерен соблюдать «каждое слово в подписанных соглашениях», поэтому речь не может идти о «переговорах об автономии», а только и исключительно «об административном самоуправлении»³⁷; именно в этом и состояла огромная разница между подходом Менахема Бегина, убежденного в непререкаемом праве еврейского народа на всю территорию Западной Эрец-Исраэль, и подходом «архитекторов Осло», уверенных, наоборот, в правомерности и оправданности раздела этой территории между израильянами и палестинскими арабами.

---

³⁷ Цит. по: Офер Грозбард, Менахем Бегин. Портрет лидера, стр. 239.

Кроме того, в отличие от «соглашений Осло», предусматривавших право арабских жителей Восточного Иерусалима принимать участие в выборах в органы власти Палестинской национальной администрации, Менахем Бегин категорически отказался наделить арабских жителей Восточного Иерусалима правом участвовать в выборах, которые должны были пройти (но, впрочем, тогда так и не прошли) на Западном берегу, указывая, что, согласно Кемп-Дэвидскому договору, Восточный Иерусалим являлся не частью территории, где должно быть создано административное самоуправление палестинских арабов, а входил в состав объединенной столицы Государства Израиль. М. Бегин справедливо гордился тем, что ему удалось добиться соглашения с руководителями Египта и США, которое исключало какую-либо часть Иерусалима из территорий, на которые палестинские арабы могли претендовать. *Это блестящее дипломатическое достижение Менахема Бегина было бездарно разбазарено идеологами «процесса Осло» пятнадцать лет спустя.*

Спустя пятнадцать лет инициаторы «процесса Осло» заявляли, что они, якобы, реализуют программу, согласованную М. Бегиним в Кемп-Дэвиде. Самого М. Бегина к тому времени уже не было в живых, и он, поэтому, не мог ответить на эту заведомую ложь. Его согласие на ведение переговоров об административном самоуправлении для палестинских арабов было не более чем дипломатическим маневром, призванным сделать возможным подписание – впервые в истории –

полноценного и всеобъемлющего мирного договора между Израилем и приграничной арабской страной, с которой Израиль к тому времени воевал пять раз – больше, чем с каким-либо другим государством за всю свою историю. Никакой политической автономии палестинским арабам в «западной Эрец-Исраэль» (а именно так глава правительства воспринимал территорию Государства Израиль, Иудеи, Самарии, Иорданской долины и сектора Газа) М. Бегин предоставлять не собирался. Выступая на предвыборном митинге в городе Ариэль в Самарии в 1981 году, глава правительства торжественно заявил: «Я, Менахем, сын Хаси и Зеэва Бегина, обещаю вам, что пока я остаюсь главой правительства, мы не передадим никакую часть территории Иудеи, Самарии, сектора Газа и Голанских высот под чужую власть»³⁸. По свидетельству тогдашнего секретаря правительства Арье Наора, Менахем Бегин «стремился создавать как можно больше поселений [в Иудее и Самарии] везде, где это было возможно с правовой точки зрения»³⁹.

За десять лет после окончания Шестидневной войны и до того, как М. Бегин вступил в должность премьер-министра, на контролируемых территориях было основано 75 небольших еврейских поселений; ко времени его ухода в отставку их число удвоилось⁴⁰. За время пребывания М. Бегина у власти численность еврейского населения в

---

³⁸ Арье Наор, *Бегин во власти. Личное свидетельство*, стр. 214.

³⁹ Там же, стр. 203.

⁴⁰ Даниэль Гордис, *Менахем Бегин. Битва за душу Израиля*, стр. 220.

Иудее и Самарии утроилась – с 7,1 тыс. человек в конце 1976 года до 23,7 тыс. по переписи 1983 года; в начале 1980-х гг. были начаты широкие строительные проекты; дома, сданные в эксплуатацию в 1984–1985 гг., позволили вновь утроить еврейское население Иудеи, Самарии и сектора Газа (по оценке поселенческих движений – до 60 тысяч человек на 1985 год); всего за этот период было создано более сотни новых поселений.

Учитывая, что среди палестинских арабов не было тогда никого, кто был бы готов подписать соглашение с Израилем – и гарантировать его выполнение, Моше Даян предлагал объявить об одностороннем выводе израильских вооруженных сил из Иудеи, Самарии и сектора Газа, чтобы палестинские арабы могли учредить там автономию⁴¹. М. Бегин же был категорическим противником идеи одностороннего размежевания, которая (уже после его смерти) в 2005 году была все же частично реализована правительством под руководством А. Шарона. М. Бегин предсказывал, что территории, которые будут оставлены израильской армией, станут базой для ведения вооруженной антиизраильской деятельности, что на них будут размещены ракеты, нацеленные на израильские города, и «террористическое палестинское государство превратит нашу жизнь в постоянный ад»⁴². *Все, что произошло в Израиле после*

---

⁴¹ См.: Офер Грозбард, *Менахем Бегин. Портрет лидера*, стр. 240.

⁴² Цит. по: Арье Наор, *Бегин у власти. Личное свидетельство*, стр. 214.

реализации плана одностороннего размежевания с сектором Газа в 2005 году, свидетельствует, насколько пророческим было видение Менахема Бегина.

3. Предотвращая ядерный Армагеддон: мужество и предвидение, спасшие человечество

Еще во время бесед М. Бегина с И. Рабиным в мае 1977 года, когда происходила передача власти «Ликуду», новоизбранный премьер-министр получил информацию о попытках правителя Ирака Саддама Хусейна (1937–2006) обрести ядерное оружие. Эта серьезнейшая проблема, о которой руководители Партии Труда знали, не была решена ими; они передали ее Менахему Бегину «в наследство». Как человек, мысливший историческими категориями, М. Бегин опасался нового Холокоста, что могло стать реальностью в связи с намерениями С. Хусейна обзавестись ядерной бомбой.

Для Менахема Бегина, родители и брат которого были убиты нацистами, тема Холокоста никогда не теряла свою актуальность. Его многолетняя секретарша Йона Климовицкая свидетельствовала о том, что Менахем Бегин почти каждый день делился с нею теми или иными мыслями и воспоминаниями, касавшимися беспримечной трагедии, постигшей европейское еврейство⁴³.

Саддам Хусейн приступил к сооружению реактора на расстоянии менее двадцати километров от Багдада в 1974 году; техническое содействие в этом ему оказывала

---

⁴³ Цит. по Ави Шилон, *Бегин*, стр. 228.

Франция. Израильская разведка, основываясь на информации, полученной как в Ираке, так и во Франции, пришла к выводу, что достигнуть уровня обогащения урана, необходимого для создания атомной бомбы, иракцы могут за срок от пяти до семи лет.

Осознание М. Бегиним реальности серьезнейшей угрозы Израилю в этих обстоятельствах было несомненным. Еще выступая в Кнессете в 1963 году, задолго до того, как он стал премьер-министром, М. Бегин сформулировал свою позицию ясно и бескомпромиссно: «Не надо даже задаваться вопросом, является ли неконвенциональное оружие более опасным для нашего будущего, чем конвенциональные виды вооружения – по моему мнению, ответ совершенно очевиден. Самая большая и самая серьезная угроза для нашего будущего, нашей безопасности, нашего существования – это неконвенциональное оружие»⁴⁴. Когда М. Бегин занял пост премьер-министра, то у него не было никаких сомнений, что он не может позволить себе игнорировать угрозу, связанную с возможным появлением у непримиримой арабской страны, в 1948 году участвовавшей в нападении на Израиль и так и не подписавшей с ним мирного договора, атомного оружия.

Еще 7 июля 1977 года министр иностранных дел Моше Даян отправился в Тегеран для обсуждения возможностей ирано-израильского сотрудничества с целью предотвратить превращение Ирака в ядерную

---

⁴⁴ Выступление М. Бегина в Кнессете, 24 июня 1963 г. [на иврите].

державу, однако эти переговоры ни к чему не привели⁴⁵. Неудача миссии М. Даяна, вновь столь же безрезультатно посетившего Тегеран 27 декабря 1977 года⁴⁶, привела Менахема Бегина к пониманию того, что в сложившейся ситуации у Израиля нет партнеров, и задача предотвращения обретения Ираком ядерного оружия либо будет решена еврейским государством в одиночку, либо не будет решена вообще. Несколько раз М. Бегин давал понять послу США в Израиле С. Льюису, что «либо США должны принять меры для остановки реактора, либо это придется сделать нам»⁴⁷. У него не было сомнений относительно того, как отреагирует международная общественность – однако он был убежден, что бездействие (а именно таковой была реакция американцев на его обращения) сопряжено со значительно большей опасностью. *Ни одна страна в истории никогда прежде не бомбила ядерные объекты другой; по инициативе М. Бегина Израиль стал первопроходцем в этом вопросе, всеми доступными средствами защищая режим нераспространения атомного оружия.*

---

⁴⁵ Шломо Накдимон, *Таммуз в огне* (Иерусалим: «Эйданим», 1986), стр. 73–74 [на иврите].

⁴⁶ Там же, стр. 76.

⁴⁷ Цит. по: Yehuda Avner, *The Prime Ministers* (Jerusalem: Toby Press, 2010), p. 556.

Атака на ядерный реактор «Осирак»⁴⁸, получившая кодовое название «операция Опера», готовилась в течение долгого времени. Высказывались и мнения, что такая операция может серьезно навредить отношениям Израиля с Францией, которая принимала самое активное участие в сооружении реактора. (Франция, в частности, поставила Ираку 27 килограммов 800 граммов обогащенного урана). Беспокойство вызывало и возможное негативное воздействие операции на отношения с Соединенными Штатами. Нужно сказать, что при обсуждении в правительстве вопроса о возможности и оправданности бомбардировки иракского ядерного реактора представители силовых структур высказывали полярно разные мнения. Тогдашние глава военной разведки (АМАН) и Службы внешней разведки («Моссад») советовали сохранять сдержанность, внимательно следя за развитием событий, в то время как их заместители поддерживали мнение Менахема Бегина о том, что Израиль не может смириться с наличием у не скрывавшего своей крайней враждебности по отношению к еврейскому государству иракского лидера Саддама Хусейна атомного оружия, которое он рано или поздно обретет.

При голосовании в президиуме правительства, прошедшем 14 октября 1980 года, Менахема Бегина

---

⁴⁸ Название «Осирак» — это контаминация названия французского ядерного реактора класса «Осирис», послужившего прототипом для иракского реактора, и топонима «Ирак».

поддержали Симха Эрлих, Ариэль Шарон, Ицхак Шамир, Моше Ниссим и Игаль Хурвиц, в то время как Игаль Ядин, Йосеф Бург, Звулун Хаммер и Элизер Шостак выступили против, потребовав, чтобы окончательное решение по этому судьбоносному вопросу принимало правительство в полном составе. М. Бегин удовлетворил это требование, собрав такое заседание 28 октября 1980 года. Выступая на этом заседании, он сказал: «Если Ирак обретет атомное оружие, то случится одно из двух: или нам придется подчиниться их [арабов] требованиям, или же мы окажемся под угрозой массового уничтожения. С того дня, как мне стало известно об иракских намерениях, я все время думаю об этой проблеме... Пришло время принимать решение. Нет иного пути остановить введение в действие реактора, иначе как при помощи военной операции»⁴⁹. Однако и это выступление убедило отнюдь не всех. За то, чтобы поручить силам израильской армии разбомбить строившийся реактор, проголосовали десять членов правительства, против – шестеро.

Более того, И. Ядин заявил М. Бегину, что не согласен нести коллективную ответственность за последствия реализации этого решения, попросив главу правительства предупредить его заранее, накануне этой операции, чтобы он мог подать в отставку до этого времени. М. Бегин обещал И. Ядину выполнить эту просьбу, однако, как представляется, И. Ядин не столько собирался уйти из правительства, сколько шантажировал

---

⁴⁹ Цит. по: Арье Наор, *Бегин у власти. Личное свидетельство*, стр. 221.

М. Бегина угрозой своей отставки. Иракский реактор был уничтожен силами израильских военно-воздушных сил 7 июня 1981 года, однако Игаль Ядин остался на посту вице-премьера до конца работы восемнадцатого правительства и ушел в отставку в день завершения его работы 5 августа 1981 года. Так как Движение за демократию и реформы распалось, и он, поэтому, не был переизбран в Кнессет десятого созыва, в сформированное после выборов новое правительство он не вошел.

Личное письмо Ш. Переса с резкими возражениями против нанесения удара по иракскому ядерному реактору, переданное М. Бегину 10 мая 1981 года, побудило премьер-министра отложить операцию, которая должна была пройти в тот же день. «Я считаю своим долгом посоветовать Вам – со всей серьезностью и должным вниманием к национальным интересам – воздержаться от этой акции», – призывал Ш. Перес М. Бегина, утверждая, что, если бомбардировка иракского реактора будет произведена, то «Израиль будет как одинокое дерево в пустыне – уже и сейчас достаточно поводов для беспокойства. Я присоединяю свой голос – и это не только мой голос – к тем, кто обращается к Вам с просьбой не совершать этого шага, и во всяком случае не в настоящее время и не при существующих обстоятельствах»⁵⁰. Тот факт, что Ш. Перес знал о планируемом ударе, означал, что информация об этом распространилась шире, чем этого хотел настаивавший на сохранении строжайшей секретности глава правительства. М. Бегин стремился

---

⁵⁰ Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 368–369.

свести к минимуму риски, связанные со всеми аспектами запланированной операции, особенно касавшиеся безопасности пилотов.

Часть членов правительства выразила опасение, что возможная неудача этой операции будет стоить блоку «Ликуд» и его коалиционным партнерам победы на выборах, предлагая отложить ее проведение на вторую половину лета 1981 года (выборы были назначены – и прошли – 30 июня 1981 года). Для М. Бегина подобная отсрочка была категорически неприемлемой именно потому, что он также опасался поражения на выборах, вследствие которого не сделает главного, что должен сделать – защитить Израиль и его народ от ядерного шантажа со стороны Саддама Хусейна. «Друзья мои, – сказал М. Бегин выражавшим сомнения и колебания членам правительства, – никто не знает, каковы будут итоги выборов, и, возможно, что через месяц за моим столом будет сидеть Шимон Перес. Сейчас мы знаем со всей определенностью, что если он будет главой правительства, то он не поручит израильской армии разбомбить реактор, он сам написал об этом. Мы не можем уйти со сцены, оставив эту проблему нашим детям»⁵¹. М. Бегин был убежден, что опасность подобной остроты не угрожала еврейскому народу со времен Холокоста, вследствие чего он считал себя обязанным сделать все, что было в его силах, чтобы ликвидировать эту угрозу.

---

⁵¹ Арье Наор, *Бегин у власти. Личное свидетельство*, стр. 222.

Бомбардировка реактора была назначена на воскресенье 7 июня 1981 года (этот день был выбран с целью минимизировать число жертв – по воскресеньям французские специалисты не работали и реактор обслуживало минимальное количество людей). Авиагруппа собралась на авиабазе Эцион, на Синайском полуострове. Эта база была избрана местом старта, так как позволяла осуществить вторжение в иракское воздушное пространство с наименее ожидаемого направления, используя для пролета пустынные районы Саудовской Аравии и Иордании, не имевшие надежного радиолокационного прикрытия. Маршрут полета составлял 2800 километров.

Самолеты были оборудованы дополнительными баками с горючим, что позволило обойтись без дозаправок в воздухе. 7 июня 1981 года в 16:01 самолеты поднялись в воздух. Первой шла четверка F-16 из 117-й эскадрильи, за ней на дистанции 3600 метров шла вторая четверка F-16. F-15 прикрытия летели парами справа, слева и сзади ударной группы. В целях маскировки самолеты летели в режиме полного радиомолчания, на предельно малых высотах (от 40 до 100 м), в плотном строю, чтобы в случае обнаружения казаться на экранах радаров одной крупной «точкой». При подходе к иракской столице группа прикрытия и постановки помех уходила вверх с набором высоты до 5 км, а ударные F-16 выполняли бомбардировку реактора с интервалом в 15 секунд.

В 17:35 бомбардировщики спикировали на иракский реактор; меньше чем за полторы минуты, один за одним

израильские F-16 сбросили в активную зону реактора шестнадцать бомб. В 19:06 все израильские самолеты, принимавшие участие в атаке на реактор, без потерь и повреждений вернулись на свои авиабазы.

Эта беспрецедентная операция израильских ВВС вызвала критику со стороны части оппозиции и острую реакцию в мире (9 июня 1981 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию, осуждавшую акцию Израиля), и в том числе, в США (Вашингтон на четыре месяца заморозил программы военного сотрудничества с Израилем). Впоследствии, однако, две войны в Персидском заливе и возникновение на значительной части территории Ирака т.н. Исламского государства заставили большинство критиков пересмотреть свои взгляды. Давид Иври, в 1977–1982 годах бывший командующим военно-воздушными силами Израиля и в этом качестве непосредственно руководивший операцией по уничтожению иракского ядерного реактора, в 2000 году был назначен послом в США, где к нему с большим уважением относились и президент Джордж Буш-мл., и вице-президент Ричард Чейни. Оба они признавали, что если бы израильские самолеты не уничтожили в 1981 году ядерный реактор в Ираке, то весь мир оказался бы в другой, гораздо более опасной ситуации. Не будет преувеличением сказать, что *государственная смелость и высочайшее чувство ответственности, отличавшие Менахема Бегина, наряду с высочайшим профессионализмом израильских военно-воздушных сил, спасли весь мир от опасности ядерного Армагеддона.*

Следует отметить, что атака на Ирак не оказала воздействия на мирный договор с Египтом. Ни одна из арабских стран не предприняла ответных действий против Израиля. Реактор был разрушен, а мирный договор с Каиром сохранил свою силу. Во время своего выступления на митинге в Тель-Авиве, прошедшем за несколько дней до выборов, М. Бегин заявил: «Мы изменили наши методы самозащиты. Во времена Партии Труда существовала политика ответного удара. Мы не отрицаем ее значимости. Просто у нас теперь новая политика. Мы теперь не будем наносить ответные удары. Мы перешли к превентивным ударам. Мы выходим навстречу врагам, проникаем на их базы, и расплата настигает их. Теперь мы больше не ждем, чтобы они пришли к нам»⁵². Эти принципы получили название «доктрина Бегина», и она остается в силе и поныне, многие годы спустя после ухода самого М. Бегина с политической арены. Сущность ее заключается в том, что Израиль не позволит ни одному арабскому государству обрести наступательный ядерный потенциал⁵³. Верность этой доктрине Израиль подтвердил в 2007 году, когда премьер-министр Эхуд Ольмерт принял решение о нанесении удара по ядерному реактору, который строился в Сирии недалеко от реки Евфрат.

---

⁵² Цит. по: Даниэль Гордис, *Менахем Бегин. Битва за душу Израиля*, стр. 257.

⁵³ Дан Равив и Йосси Мелман, *История разведывательных служб Израиля* / пер. с англ. Ю.Н. Кобякова (Москва: «Международные отношения», 2000), стр. 301.

4. Кадровая чехарда и экономические неурядицы

Когда Менахем Бегин только сформировал правительство, то в связи с коалиционным раскладом, не сумел ввести в его состав кого-либо из своих соратников по подпольной борьбе, и это огорчало и расстраивало его. В 1978 году в правительство был введен Хаим Ландау, непрерывно бывший членом Кнессета от Партии Свободы с самого первого созыва. После выборов в Кнессет десятого созыва М. Бегину удалось включить в состав правительства в должности министра экономики и ответственного за взаимодействие между различными органами исполнительной власти ветерана ЭЦЕЛЯ Якова Меридора. Особенности израильской парламентской демократии таковы, что глава правительства имеет крайне ограниченные возможности в формировании кабинета, которым ему самому предстоит руководить: министрами становятся лидеры коалиционных партий, и редко когда можно обнаружить прямую взаимосвязь между сферами компетенции тех или иных политиков и должностями, которые им удастся заполучить. Хотя Менахем Бегин оставался премьер-министром Израиля на протяжении шести лет, в 1981 году приведя блок «Ликуд» к самому большому электоральному успеху за всю его историю (после выборов его фракция насчитывала 48 депутатов, т.е. сорок процентов списочного состава парламента), в как бы собственном правительстве он был трагически одинок.

Согласно принятой в Израиле политической традиции, три министерства считаются самыми важными: иностранных дел, обороны и финансов. Ни один из руководителей, которым М. Бегин поручил эти министерства, не доработал на своем посту до конца каденции, что, конечно, весьма негативно сказывалось на эффективности государственного управления в стране.

Уход в отставку Моше Даяна 23 октября 1979 года был не первым случаем, когда тот или иной член правительства, возглавлявшегося М. Бегиним, покинул его (так, Меир Амит вышел в отставку еще в сентябре 1978 года), но он ознаменовал собой начало беспрецедентной кадровой чехарды. Менахем Бегин хотел видеть Моше Даяна министром иностранных дел в своем кабинете, и, несмотря на многочисленные сигналы, свидетельствовавшие об усталости и болезни прославленного генерала и его желании освободиться от изнурявшей его работы, М. Бегин, по не до конца понятным причинам, не искал ему потенциальную замену до тех пор, пока М. Даян не объявил о своем уходе, сделав это непосредственно в ходе заседания правительства. Возможно, он рассчитывал на то, что коллеги начнут его переубеждать, и он даст себя уговорить, однако, услышав заявление М. Даяна об отставке, ни один из министров не проронил ни слова, и тот, кто только что был министром иностранных дел, покинул заседание в одиночестве; лишь секретарь правительства Арье Наор дипломатично вышел вслед за ним, чтобы проводить до машины⁵⁴.

---

⁵⁴ Арье Наор, *Бегин у власти. Личное свидетельство*, стр. 204.

Лишь 10 марта 1980 года, то есть спустя четыре с половиной месяца после отставки М. Даяна, в Министерство иностранных дел был назначен новый руководитель – им стал Ицхак Шамир, до этого на протяжении почти трех лет бывший председателем Кнессета. В отдельных публикациях утверждается, будто М. Бегин держал это место вакантным, надеясь, что М. Даян одумается и вернется. На самом деле все обстояло иначе: ему просто некого было назначить на этот пост. Опасаясь за стабильность правительственной коалиции, он боялся, что если МИД будет отдан кому-либо из деятелей Партии Свободы, то это вызовет резкое недовольство руководителей Движения за демократию и реформы (ДАШ), с одной стороны, и Национально-религиозной партии, с другой.

Первым делом М. Бегин предложил занять должность министра иностранных дел лидеру ДАШ Игалю Ядину. С точки зрения самого М. Бегина, наиболее подходящим кандидатом был входивший тогда в ДАШ министр юстиции Шмуэль Тамир, однако по существующей в Израиле традиции, министерские портфели среди членов каждой из входящих в коалицию партий распределяет ее руководитель, поэтому М. Бегин не мог обратиться к Ш. Тамиру «через голову» И. Ядина. Глава же Движения за демократию и реформы отказался стать министром иностранных дел, аргументировав это тем, что, будучи за рубежом, он, среди прочего, должен будет разъяснять и защищать курс правительства М. Бегина на интенсивное развитие еврейских поселений в

Иудее и Самарии, с которой сам он едва ли был согласен. При этом И. Ядин осознавал, что назначение Ш. Тамира министром иностранных дел поставит под удар его собственное положение лидера ДАШ, и поэтому наложил на это назначение вето – к большому огорчению самого Ш. Тамира, у которого не было никакого иного выбора, кроме как смириться с этим. У Ш. Тамира была идея вернуться в Партию Свободы и «Ликуд», и М. Бегин был даже готов принять его обратно, простив многие годы раскольнической деятельности. М. Бегин поддерживал в этом вопросе и Яков Меридор, однако министры Йорам Аридор и Давид Леви выступили категорически против. Сложно сказать, были ли они движимы принципиальными соображениями, либо же стремились не допустить появления сильного конкурента им самим, но им удалось добиться своего: М. Бегин поставил вопрос на голосование, и из высших руководителей Партии Свободы возвращение Ш. Тамира поддержали всего четверо, тогда как восемь проголосовали «против». Эта история отчетливо демонстрирует, насколько беспочвенными были обвинения в адрес М. Бегина со стороны самого Ш. Тамира, охарактеризовавшего Партию Свободы как «двор раввина и его последователей»: после того, как две трети «двора» проголосовали против «раввина», последнему не осталось ничего другого, кроме как позвонить Ш. Тамиру и известить его о результатах голосования, в ходе которого сам М. Бегин оказался в меньшинстве⁵⁵.

---

⁵⁵ Там же, стр. 210.

Столкнувшись с тем, что пост министра иностранных дел не займет никто из лидеров Движения за демократию и реформы, Менахем Бегин предложил его д-ру Йосефу Бургу, которого он глубоко уважал лично и с которым находил взаимопонимание по большинству обсуждавшихся в правительстве вопросов. Однако, в отличие от И. Ядина, бывшего «вице-премьером без портфеля», Й. Бург возглавлял Министерство внутренних дел, которое фактически и так было сдвоенным: к его обычным функциям де-факто министерства по делам местного самоуправления и регионального развития были переданы полномочия ликвидированного М. Бегиним (и позднее восстановленного) Министерства полиции. Вследствие этого, назначение Й. Бурга министром иностранных дел требовало от него отказаться от поста руководителя МВД, причем, учитывая коалиционную арифметику, на этот пост не мог быть назначен другой представитель той же самой партии. Йосеф Бург, практически бессменно занимавший пост министра внутренних дел с сентября 1970 года, видел в возможности сменить сферу ответственности ободряющую перспективу, однако в руководящих органах Национально-религиозной партии возобладала точка зрения, согласно которой контроль над МВД является несравнимо более важным, чем руководство МИДом, и Й. Бург, не без огорчения, был вынужден отклонить предложение М. Бегина. Лишь после этого глава правительства стал искать кандидата среди руководителей возглавляемой им самой партии, не без колебаний сделав в итоге выбор в пользу И. Шамира.

По целому ряду причин это был отнюдь не самый очевидный выбор. Дело было даже не в том, что сам И. Шамир не входил в круг ближайших соратников М. Бегина: в ходе раскола в ЭЦЕЛе он сразу же присоединился к ЛЕХИ, перед выборами в Учредительное собрание вел избирательную кампанию не Партии Свободы, а Списка борцов, и хотя в первой половине 1970-х годов он даже возглавлял Центральный комитет Партии Свободы, к кругу наиболее преданных соратников М. Бегина он не принадлежал. Вероятнее всего, если бы был жив Арье Бен-Элиэзер, с которым М. Бегин был близко дружен с 1943 года, то министром иностранных дел был бы назначен именно он, однако ранняя скоропостижная смерть этого незаурядного человека лишила Израиль возможности увидеть его на высоком правительственном посту. Главная же, связанная с И. Шамиром, сложность состояла в том, что он сам по идеологическим причинам был противником израильско-египетского соглашения, предусматривавшего полную эвакуацию израильских сил и поселений с Синайского полуострова; по его собственным воспоминаниям, в ходе голосования в Кнессете ранним утром 22 марта 1979 года, когда 95 из 120 депутатов парламента отдали свои голоса в поддержку правительства, И. Шамир был среди оставшихся 25, которые правительству в такой поддержке отказали. По прошествии менее чем года И. Шамир, выступавший против Кемп-Дэвидских соглашений, оказался на посту министра иностранных дел, став тем человеком, который должен был защищать их,

представляя Израиль за рубежом, и способствовать их реализации, находясь в стране. М. Бегин прекрасно понимал двусмысленность складывавшегося положения, но другой кандидатуры подыскать не сумел.

Для самого И. Шамира ситуация была нравственно и политически сложной. Вот как вспоминал об этом он сам: «Я снова начинал сначала, на этот раз в незнакомой области: мне предстояло руководить командой дипломатов высшего ранга, которые (почти все) были воспитаны на идеологии, противоположной моим взглядам... Министерство иностранных дел все еще было одной из крепостей Партии Труда, и его люди относились подозрительно и молчаливо критически к главе правительства, человеку из “раскольников”, пославшего к ним другого “раскольника”. И если моего далекого прошлого было недостаточно, то и мое близкое прошлое казалось им весьма “чреватым”... Я был известен как записной “упрямец”, человек, воздержавшийся при голосовании по Кемп-Дэвидским соглашениям в 1978 году и вновь воздержавшийся при голосовании по мирному договору с Египтом в 1979 году, как человек, который, по мнению многих, проголосовал бы “против” в обоих этих случаях, если бы только был волен сделать это»⁵⁶. Занимая пост председателя Кнессета, И. Шамир не считал себя вправе голосовать против позиции как правительства, так и значительного большинства депутатов, однако своего несогласия с разрушением и эвакуацией созданных Израилем на Синайском полуострове поселений, пусть

---

⁵⁶ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 155–156.

даже и ради достижения мирного соглашения с крупнейшей страной арабского мира, не скрывал. Кроме того, в МИД он пришел один, не имея никакой *своей* команды, которая могла бы помочь ему руководить этим важнейшим ведомством, где его, называя вещи своими именами, никто не ждал. И. Шамир проявил недюжинные организаторские навыки, оставаясь во главе МИДа на протяжении всего последующего периода, пока М. Бегин был премьер-министром.

Одним из тех, кто негативно воспринял приход И. Шамира в Министерство иностранных дел, был Э. Вейцман, и дело было не только в том, что тогдашний министр обороны был одним из «архитекторов» и самых ярких сторонников Кемп-Дэвидских соглашений; сложности в отношениях между ними уходили корнями далеко в прошлое. Ицхак Шамир вспоминал, что когда Эзер Вейцман в конце 1969 года вошел в правительство национального единства в качестве министра транспорта, то «быстро сделался любимцем средств массовой информации. Общество, в большинстве своем, относилось к нему с симпатией... Многие сильно преувеличивали, хваля его энергию и очарование»⁵⁷. И. Шамир не скрывал, что «не разделял этого мнения о нем. Я считал его несерьезным в политическом отношении и, кроме того, честолюбцем сверх всякой меры. Неудивительно, что он тоже не питал ко мне особой симпатии». И. Шамир считал, что Э. Вейцман «замыслил прибрать Партию Свободы к рукам, оставив М. Бегину лишь роль

---

⁵⁷ Там же, стр. 131.

номинального вождя, оттеснив подальше от командных высот всех ветеранов движения»; сам же И. Шамир «всеми силами способствовал провалу этого “бунта”»⁵⁸. Однако, начиная с 10 марта 1980 года, сохранивший верность взглядам, которых он придерживался всю жизнь, И. Шамир и все более сдвигавшийся влево Э. Вейцман, оказались за одним столом в кабинете: первый – в качестве главы МИДа, второй – Министерства обороны. Эта ситуация продолжалась два с половиной месяца, до 26 мая 1980 года, когда Эзер Вейцман со скандалом покинул правительство; на этом его пути с Партией Свободы и Менахемом Бегиним разошлись окончательно и бесповоротно; позднее он основал движение «Яхад» [«Вместе»], а после того, как на выборах в Кнессет одиннадцатого созыва в 1984 году оно получило всего один мандат, присоединился к Партии Труда.

Представляется, что Эзер Вейцман рассчитывал на максимально скорый уход Менахема Бегина в отставку по состоянию здоровья, после чего он сам будет утвержден председателем правительства. Изнурительные переговоры с египтянами и американцами оказали на Э. Вейцмана двоякое влияние: с одной стороны, он считал, что, ни в чем не уступая М. Бегину, именно там, в Кемп-Дэвиде, он доказал свое право быть руководителем страны; с другой стороны, как и М. Даян и И. Ядин, он считал, что интенсивное развитие еврейских поселений на контролируемых территориях является серьезным негативным фактором, затрудняющим движение Израиля

---

⁵⁸ Там же, стр. 132.

к общерегиональному мирному урегулированию. Будучи человеком, несомненно, умным и очень волевым, он, однако, не придавал должного значения тому факту, что визит в Иерусалим и начало мирных переговоров с Израилем были личными инициативами А. Садата, к которым в то время не был готов присоединиться никто из арабских лидеров, безотносительно того, какими темпами развивались – и развивались ли вообще – еврейские поселения в Иудее, Самарии, Иорданской долине, секторе Газа и на Голанских высотах. Именно поэтому ошибочными были обвинения Э. Вейцмана в адрес М. Бегина и его соратников будто своими действиями они подрывают возможности мирного урегулирования «палестинской проблемы»: таковых возможностей на самом деле не было.

Пост министра обороны, освободившийся после отставки Э. Вейцмана, мечтал занять А. Шарон, но М. Бегин серьезно сомневался в возможности и целесообразности подобного назначения. На протяжении более чем года М. Бегин, абсолютно штатский человек, совмещал пост главы правительства с должностью министра обороны и лишь после выборов в Кнессет десятого созыва, состоявшихся в июле 1981 года, передал-таки Министерство обороны под контроль А. Шарона.

Несмотря на недоброжелательность значительной части прессы, серьезные неудачи в экономической политике и возвращение многих избирателей (в первую очередь, сторонников Движения за демократию и реформы) к блоку социал-демократических партий, на

выборах в Кнессет десятого созыва в 1981 году «Ликуд» увеличил свое представительство с 43 до 48 депутатов и продолжал оставаться самой большой парламентской фракцией. Своей победой на выборах «Ликуд» был во многом обязан личному авторитету и широкой популярности Менахема Бегина.

Сформированное в 1977 году коалиционное правительство выступило инициатором широких реформ в экономической и социальной сферах, конечной целью которых была либерализация израильской экономики, характеризовавшейся до того времени массивным государственным вмешательством. В программе нового кабинета министров содержались обязательства бороться с инфляцией, коррупцией, облегчить налоговое бремя, обеспечить рост ВВП.

В 1977 году Министерство финансов возглавил Симха Эрлих, объявивший о снятии многих ограничений на операции с иностранной валютой и отмене фиксированного курса израильской лиры – отныне он определялся балансом спроса и предложения на валютном рынке. Кроме того, был отменен ряд налогов, в частности, налог на поездки за границу, при одновременном увеличении НДС с 8 до 12%. В рамках провозглашенной новым министром финансов политики сужения государственного вмешательства в экономику правительство почти полностью отменило в 1977 году субсидии на экспорт⁵⁹. По политическим причинам,

---

⁵⁹ См.: Андрей Федорченко, *Экономика Израиля* (Москва, 2004), стр. 39.

С. Эрлиху не удалось сократить расходы государственного бюджета, что было частью выдвинутой им программы реформ, результатом чего стал дополнительный рост инфляции. Доверие к израильской лире было утрачено, и большинство расчетов (в том числе, касавшиеся продажи и аренды недвижимости) было привязано к курсу доллара.

Стремительный рост инфляции, превысившей к концу 1980 года 130% в год, и признаки спада потребовали частичного возврата к политике государственного регулирования экономики; ломка традиционно сложившихся экономических структур оказалась болезненной и сопровождалась финансовыми и экономическими трудностями, которые сразу проявились в израильском хозяйстве, в особенности в аграрном секторе. Надежды на рост капиталовложений не оправдались, цены на основные продукты выросли, не удалась налоговая реформа, хотя подоходный налог был немного снижен. 7 ноября 1979 года Симха Эрлих ушел в отставку, оставшись, впрочем, заместителем главы правительства. Его преемник в Министерстве финансов Игаль Хурвиц, пытавшийся проводить политику жесткой бюджетной экономии с целью обуздать инфляцию, под влиянием забастовок также был вынужден оставить свой пост уже 13 января 1981 года.

На смену И. Хурвицу через неделю после его отставки был назначен эффективный государственный менеджер Йорам Аридор (урожденный Либерман), который, несмотря на огромную инфляцию и опустение государственной казны, снизил налоги на многие товары,

в том числе на импортные автомобили и цветные телевизоры. На короткое время экономическая политика Й. Аридора (он оставался министром финансов до 15 октября 1983 года) позволила немного снизить скорость гиперинфляции (с 133% в 1980 году до 102% в 1981 году). Это произошло из-за увеличения потребительского спроса, но увеличение импорта привело к значительному сокращению валютных запасов страны. Далее ситуация ухудшалась вновь: в 1982 году инфляция увеличилась до 132%, а в 1983 году – до 191%; такое состояние экономики привело в октябре 1983 года к банковскому кризису и прекращению операций на Тель-Авивской бирже.

С большим трудом достигнутая в этих условиях победа национал-либералов на парламентских выборах 1981 года была далеко не абсолютной и не безоговорочной. Блок «Ликуд» лишь на один депутатский мандат опередил блок социал-демократических партий во главе с Партией Труда. Правительственная коалиция включала только 61 депутата Кнессета из 120, то есть располагала минимальным большинством. Не исключено, что М. Бегин опасался, что А. Шарон покинет «Ликуд» (это и случилось, правда, двадцать четыре года спустя), и это крайне осложнит задачу формирования правительства – и не видел иного способа гарантированно удержать его, иначе как предоставив ему желаемый им пост.

На протяжении более года Менахем Бегин искал более подходящего, чем Ариэль Шарон, кандидата на пост министра обороны. Насколько известно, первым, кто получил от него предложение занять соответствующий

пост, был Ицхак Шамир, который отклонил это предложение, указав, что только-только возглавил МИД и не может, «словно бабочка», прыгать из кресла в кресло. Игаль Ядин посоветовал М. Бегину назначить на пост министра обороны бывшего командующего военно-воздушными силами генерала в отставке Дана Толковского, однако М. Бегину не казалось правильным в 1980 году вверить ответственность за вооруженные силы человеку, демобилизовавшемуся за двадцать два года до этого. М. Бегину было, разумеется, близко то, что после Шестидневной войны Д. Толковский вошел в состав Движения за неделимую Эрец-Исраэль, однако идеологические соображения, какие бы важные они ни были, не могли компенсировать в глазах М. Бегина недостаточную профессиональную компетентность кандидата.

Далее М. Бегин предложил пост министра обороны видному деятелю Партии Свободы профессору Моше Аренсу, возглавлявшему Комиссию Кнессета по иностранным делам и обороне. М. Аренс аргументировал свое нежелание занять этот пост тем, что одной из основных задач Министерства обороны в то время было обеспечение эвакуации израильских сил и поселений с Синайского полуострова, с которой сам М. Аренс был категорически не согласен⁶⁰. Он все же занял пост министра обороны в феврале 1983 года, но к тому времени трагическая война в Ливане уже была свершившимся фактом, который М. Аренсу не под силу было изменить.

---

⁶⁰ Арье Наор, *Бегин у власти*, стр. 260–261.

Получив отказы от И. Шамира и М. Аренса, и не имея какого-либо совета в отношении другой достойной кандидатуры, М. Бегин не мог больше противостоять давлению А. Шарона, с самого момента отставки Э. Вейцмана претендовавшего на этот пост.

Правительство, сформированное после выборов 1981 года, было принципиально иным по своему составу в сравнении с тем, которое было сформировано за четыре года до этого, вследствие чего назначение Ариэля Шарона на пост министра обороны оказалось ошибкой, вскоре приведшей к трагедии. Как указывалось выше, в правительство, сформированное в 1977 году, входили пять генералов в отставке, однако четыре года спустя все они, кроме Ариэля Шарона, покинули политическую жизнь: Эзер Вейцман, как оказалось, – временно, Моше Даян, Игаль Ядин и Меир Амит – навсегда. В конце 1970-х годов любое мнение, которое тот или иной отставной генерал высказывал, аргументируя его своим военным опытом, могло быть проверено и оспорено другими его высокопоставленными сослуживцами, также входившими в состав правительства. Кроме того, уже в 1977 году Менахем Бегин назначил бригадного генерала в отставке Мордехая Ципори (урожденного Ханковича, 1924–2017) на пост заместителя министра обороны; этот серьезный и ответственный человек, только в 1976 году демобилизовавшийся после двадцати восьми лет службы в Армии обороны Израиля, фактически руководил министерством в то время, когда Э. Вейцман уже ушел в отставку, а А. Шарон желанного назначения еще не

получил. В 1981–1983 годах А. Шарон и М. Ципори, ставший министром связи, остались единственными профессиональными военными за столом кабинета министров, и когда А. Шарон просил правительство утвердить те или иные планы, никто из присутствовавших не мог критически проанализировать их.

Целый ряд отставных военных, хорошо знавших А. Шарона, советовали М. Бегину воздержаться от его назначения министром обороны, однако проблема состояла в том, что в распоряжении главы кабинета в общем-то не было другой кандидатуры на этот пост, пользовавшейся широкой общественной поддержкой. М. Даян умер в 1981 году, Э. Вейцман и И. Ядин не были переизбраны членами Кнессета, и выбирать М. Бегину было особенно не из кого. Постфактум высказывались мнения, что более достойным кандидатом был бы генерал в отставке Шломо Лахат, победа которого на муниципальных выборах в Тель-Авиве 31 декабря 1973 года стала предвестником триумфа «Ликуда» в 1977 году, однако Ш. Лахат был в 1978 году переизбран мэром крупнейшего города Израиля и не претендовал ни на какие посты общегосударственного значения.

М. Бегин рассчитывал, что сможет контролировать деятельность А. Шарона, установив прямой контакт с начальником Генерального штаба армии, поручив ему отчитываться непосредственно перед ним, однако генерал армии Рафаэль Эйтан (1929–2004) установил куда более доверительные отношения с Ариэлем Шароном, чем с Менахемом Бегиним. А. Шарон и Р. Эйтан – два уроженца

сельских поселений в подмандатной Палестине/Эрец-Исраэль (первый родился в Кфар-Малаль, второй – в Тель-Адашим), на всю жизнь сохранившие тягу к земле, бывшие практически одногодками, не отличавшиеся возвышенной куртуазностью, большая часть жизней которых прошла в армии, были несравнимо ближе друг к другу, чем к бывшему на пятнадцать лет старше их «поляку» М. Бегину, знавшему девять языков, получившему высшее юридическое образование, все свои израильские годы жившему в небольшой квартире в центре Тель-Авива (на все предложения переехать в более удобное жилье, его супруга Ализа отвечала, что «из этой квартиры Менахем переедет только в дом главы правительства» – и так оно и случилось), ни разу не стрелявшему и никогда не появлявшемуся на публике без галстука. М. Бегин надеялся контролировать А. Шарона, благодаря своим личным отношениям с Р. Эйтаном, однако фактически превратился в заложника доверительных отношений между ними самими. Именно в этом кроются корни трагедии Ливанской войны, которая началась 5 июня 1982 года, затянулась на три долгих года и привела к уходу М. Бегина в отставку.

5. Трагедия Ливанской Войны

К началу 1980-х гг. образ Бегина-политика в общественном сознании претерпел значительные изменения. Глава правительства Израиля заключил мир с Египтом, был удостоен Нобелевской премии мира, а

благодаря блестящим действиям по уничтожению ядерного реактора «Осирак» не только избавился от репутации человека, неспособного эффективно проводить военные операции, но также и утвердил концепцию превентивного удара, которая, выражаясь словами Даниэля Гордиса, «подняла на уровень политики то, что в Шестидневную войну было лишь требованием момента»⁶¹.

Однако угроза существованию Израиля не ушла в прошлое. С течением времени Ясир Арафат, ФАТХ и Организация освобождения Палестины становились для Израиля проблемой куда более серьезной, нежели считалось в прошлые годы. После провалившейся попытки государственного переворота в Иордании в 1970 году силы ФАТХа и ООП были выдворены с территории королевства. Новой базой их антиизраильской деятельности стал Ливан, в котором нарастали масштабы гражданской войны между христианами-маронитами и мусульманами. Палестинские террористы сумели совершить ряд терактов (в частности, в городах Кирьят-Шмона, Нахария, кибуце Рош ха'Никра, поселках Шамир и Кфар-Йовель)⁶². Отдельные теракты были особенно тяжелыми, в частности, в Маалоте, где в мае 1974 года в захваченной палестинскими террористами школе погибли тридцать человек, включая 22 детей.

---

⁶¹ Даниэль Гордис, *Менахем Бегин. Битва за душу Израиля*, стр. 259.

⁶² См.: Avner Yaniv, *Dilemmas of Security. Politics, Strategy, and the Israeli Experience in Lebanon* (New York: Oxford University Press, 1987), pp. 27–90.

В 1981 году боевики ООП перешли к регулярным ракетным обстрелам израильских приграничных городов со своих новых баз в Южном Ливане; их целью была полная дезорганизация повседневной жизни жителей Кирьят-Шмоны, Метулы, Нахарии... Обстрелы северного Израиля становились все более частыми, и население чувствовало себя в осаде. К концу весны 1982 года уже более пятнадцати тысяч палестинских боевиков действовало в Южном Ливане на территории, за которой закрепилось название «Фатхленд»⁶³.

Еще в марте 1978 года М. Бегин одобрил направление частей Армии обороны Израиля в Южный Ливан с целью очистки от террористов всей территории вплоть до реки Литани, на расстоянии примерно двадцати километров от границы. Непосредственным поводом к началу операции «Литани» стал теракт 11 марта 1978 года на Прибрежном шоссе, в ходе которого группа палестинских террористов, высадившись с моря в районе города Зихрон-Яакова, захватила пассажирские автобусы и направилась в сторону Тель-Авива. В ходе захвата заложников, последующего преследования и штурма автобуса были убиты 39 израильтян, в том числе 13 детей, более семидесяти человек были ранены.

14 марта 1978 года израильская армия начала военную операцию «Литани», целями которой было обеспечение безопасности северных территорий Израиля, оттеснение ООП и иных палестинских вооруженных формирований от границы, а также укрепление позиций

---

⁶³ Там же, р. 45.

союзных Израилю т.н. «Сил свободного Ливана», в связи с нападениями на христиан в ходе гражданской войны в этой стране.

В первый день операции самолеты ВВС Израиля нанесли ракетно-бомбовые удары по городам Дамур и Сайда; обстрелу с моря подверглись лагеря палестинских беженцев в окрестностях города Тир. 16 марта 1978 года наземные части израильской армии вели боевые действия по овладению селениями Бинт-Джебейль, Аркуба и Аттейбе. За несколько дней части израильской армии заняли всю южную часть Ливана вплоть до реки Литани. 20 марта 1978 года израильские войска захватили мост через реку Литани, имевший важное стратегическое значение; перерезали автомагистраль Тир – Сайда; и предприняли наступление на город Тир. Одновременно с этим артиллерия нанесла массированные удары по городу Набатия и его окрестностям.

21 марта 1978 года министр обороны Израиля Эзер Вейцман объявил о том, что цели операции достигнуты, вследствие чего она завершается, а войска выводятся с занятых за неделю боев территорий. В ходе операции «Литани» погибли шестнадцать израильских военнослужащих⁶⁴.

Однако вскоре после вывода израильских войск из Южного Ливана возобновились враждебные действия вернувшихся в этот район сил ФАТХа и ООП (перебазировавшихся к северу страны во время операции «Литани» и, таким образом, не пострадавших).

---

⁶⁴ См. там же, р. 72.

Израильская армия проводила различные боевые операции с целью защиты северных районов страны, но всё это не могло обеспечить желанные мир и спокойствие. Администрация президента Дж. Картера демонстрировала огорчительную невосприимчивость к передаваемой израильскими официальными представителями информации о происходящем.

Став министром обороны, Ариэль Шарон сразу же взял курс на подготовку к масштабной войне, которая должна будет решить вопрос существования «Фатхленда» раз и навсегда. Черпая вдохновение в событиях, произошедших 5 июня 1967 года, А. Шарон был убежден, что для обеспечения безопасности Израиля нужно не реагировать на события, а предупреждать их. Согласно принятому в 1976 году Кнессетом Основному закону об армии, «армия подчинена правительству» (статья 2а), тогда как министр обороны лишь «руководит армией от имени правительства» (статья 2б). Исходя из этого, решение о начале масштабной боевой операции, предусматривавшее, в частности, призыв резервистов, могло быть принято только правительством в полном составе.

Это решение далось нелегко. Министров беспокоили как продолжительность операции (не затянется ли она дольше, чем на несколько дней?) и ее масштабы (речь шла о войне на территории Ливана, но не против Ливана, его армии или органов власти, и важно было такой формат боевых действий и сохранить), так и отсутствие поддержки такого решения со стороны международного сообщества и

общественного мнения в самом Израиле. Г.А. Насера, бывшего руководителем крупнейшей страны арабского мира, угрожавшего «сбросить Израиль в море» больше не было; являются ли ФАТХ и ООП в достаточной мере серьезными угрозами, чтобы большинство еврейских жителей страны сочли оправданным начало новой войны? При обсуждении на заседании правительства 10 мая 1982 года семь из восемнадцати министров, включая обоих вице-премьеров, Симху Эрлиха и Давида Леви, проголосовали против начала масштабной войны, целью которой был разгром сил ФАТХа и других палестинских незаконных вооруженных формирований на территории Ливана. Менахем Бегин считал, что большинство в четыре голоса является категорически недостаточным для принятия решение о вступлении в войну и отказал министру обороны и начальнику Генерального штаба в санкции на ее начало⁶⁵.

Ситуация драматичным образом изменилась, когда в ночь с 3 на 4 июня 1982 года палестинскими террористами был смертельно ранен (он так после этого никогда не вышел из больницы) израильский посол в Великобритании Шломо Аргов (1929–2003). На исходе субботы вечером 5 июня 1982 года М. Бегин собрал экстренное заседание правительства, которое открыл следующими словами:

«Уважаемые министры, настало время принимать решение. Вы все знаете, что сделал я – и что сделали мы все – для того, чтобы избежать войны и связанной с ней

---

⁶⁵ См. там же, р. 109.

скорби. Но судьба наша такова, что в Эрец-Исраэль у нас нет иного выхода, кроме как самоотверженно сражаться с полной отдачей сил. Поверьте мне, что альтернатива этому – Треблинка, а мы решили, что Треблинка не повторится!... Весь мир должен знать, что у еврейского народа, как и у любого другого, есть право на самооборону.

Я не хочу, чтобы кто-либо думал, что я вношу это предложение с легким сердцем; я полон опасений. Я знаю, что означает предложение начать военную операцию. У нас неминуемо будут жертвы, хотя Армия обороны Израиля сделает все, что в ее силах, чтобы сократить их число. Все мы знаем, что не бывает войн без жертв. Но невозможно смириться с фактом сосуществования в стране двух категорий граждан: одни – в Тель-Авиве, живущие в мире и спокойствии, а другие – в Нахариин и Кирьят-Шмоне, проводящие дни и ночи в бомбоубежищах. Это не может продолжаться таким образом, и если мы не будем действовать сейчас, нам придется действовать позже, но мы раз и навсегда должны снять угрозу с Галилеи и ее жителей»⁶⁶.

Мало кто знает о том, что в этот драматический момент М. Бегин думал и заботился отнюдь не только о еврейских гражданах Израиля. В его мировоззрении крайне важное место занимал саммит в Мюнхене, прошедший в сентябре 1938 года, в ходе которого глава правительства Великобритании Невилл Чемберлен (1869–1940) и премьер-министр Франции Эдуард Деладье (1884–1970) согласились с требованиями Адольфа Гитлера о

---

⁶⁶ Цит. по: Арье Наор, *Бегин у власти*, стр. 282–283.

передаче Германии Судетской области. Предательство Великобританией и Францией Чехословакии, с которой они были связаны союзническими обязательствами, было, по мнению М. Бегина, точкой невозврата, приведшей ко Второй мировой войне и Холокосту. Когда в начале 1980-х годов ливанские христиане-марониты запросили помощь у Израиля, М. Бегин считал себя не вправе отказать им, сравнивая их с чехами, Государство Израиль – с европейскими державами, а сирийцев и палестинцев – с нацистской Германией⁶⁷. Это благородное стремление к взаимопомощи было «ахиллесовой пятой» всего плана военных действий, ибо его успех в значительной мере зависел от поддержки Башира Жмайеля, руководителя партии христиан-маронитов «Катаиб» [«Ливанская фаланга»]. М. Бегин полагал, что, поддержав Б. Жмайеля и позволив ему прийти к власти, Израиль сможет рассчитывать на заключение второго мирного договора с соседней страной. По сути, успех операции «Мир Галилее» в значительной мере зависел от успеха Башира Жмайеля, который был движим совершенно иными целями.

Утвержденная правительством цель операции – уничтожение плацдарма террористической деятельности ФАТХа и ООП в радиусе около сорока километров от израильской границы – была поддержана и парламентской оппозицией; когда 8 июня 1982 года начало боевых действий обсуждалось в Кнессете, против них выступили и проголосовали только депутаты от

---

⁶⁷ См.: Арье Наор, *Бегин у власти*, стр. 240.

Коммунистической партии⁶⁸. Однако совершенно не было понятно, на каких конкретных рубежах, как и каким образом войска должны остановиться, и практически сразу после начала боевых действий А. Шарон начал выступать за более значительное продвижение вглубь территории Ливана. После первых четырех дней боев израильские силы пересекли сорокакилометровый рубеж и продвигались к Бейруту, встречая ожесточенное сопротивление боевых отрядов ФАТХа. По мере затягивания конфликта число потерь росло, и израильское общество стало задаваться вопросом, не была ли эта война ошибкой с самого начала.

Когда военные действия приняли более широкий характер и израильские силы вышли к шоссе Бейрут – Дамаск, а затем блокировали Бейрут и начали интенсивный артиллерийский обстрел восточной части города, где, по оценкам, сосредоточилось около десяти тысяч боевиков ФАТХа, недовольство в израильском обществе достигло беспрецедентных масштабов. М. Бегин, не имевший военного опыта и крайне ограниченно разбиравшийся в вопросах военной стратегии, тактики, логистики и видах вооружений, продолжал поддерживать ход операции, при этом постоянно обращаясь к тематике и воспоминаниям времен Второй мировой войны и Катастрофы европейского еврейства и уподобляя

---

⁶⁸ О парламентских обсуждениях Ливанской войны накануне и в первые дни после ее начала см.: Avner Yaniv, *Dilemmas of Security. Politics, Strategy, and the Israeli Experience in Lebanon*, pp. 120–127.

Организацию освобождения Палестины нацистам. Однако эти аналогии становились все менее убедительными; в конце концов, никакого плана уничтожения еврейского народа у Ясира Арафата, ФАТХа, ООП не было, ни к какому «окончательному решению еврейского вопроса» они не стремились, ни Треблинку, ни каких-либо иных лагерей уничтожения для евреев не строили, при том, что их террористическая деятельность против Израиля зачастую была безгранично жестокой.

К концу июня 1982 года, когда М. Бегин отправился с визитом в США, Бейрут был в осаде, число погибших израильских солдат составило 216 человек, а число раненых превысило тысячу⁶⁹. М. Бегин сумел договориться с президентом США Р. Рейганом о том, что боевики и активисты ООП будут эвакуированы из Ливана в другую арабскую страну; таковой был выбран Тунис. В августе 1982 года появились основания полагать, что в результате военных действий поставленная цель операции «Мир Галилее» была достигнута.

Башир Жмайель, пользовавшийся поддержкой Израиля, был 23 августа 1982 года избран президентом Ливана. Уже 30 августа в израильском городе Нахария состоялась его встреча с Менахемом Бегиним, на которой обсуждались параметры мирного договора между двумя странами. Нужно сказать, что Б. Жмайель, к удивлению израильских руководителей, предложил поддерживать неформальные отношения, подобные тем, которые

---

⁶⁹ Даниэль Гордис, *Менахем Бегин. Битва за душу Израиля*, стр. 272.

существовали у Израиля с Ираном до исламистского переворота и свержения монархии; М. Бегин и А. Шарон же настаивали на официальном соглашении, подобном тому, которое было подписано с Египтом⁷⁰. Вероятнее всего, Б. Жмайель стремился избежать подписания официального мирного договора, опасаясь за свою жизнь; в конце концов, именно вследствие переговоров, которые он вел с Израилем, был убит А. Садат, как до него – король Иордании Абдалла I ибн Хусейн (1882–1951) и премьер-министр этой страны Васфи аль-Телль (1919–1971). Эти и другие террористические акты не могли не оказать значительного влияния на менталитет политических лидеров региона, которые, желая сохранить свои жизни, вынуждены были корректировать проводимый ими политический курс, считаясь с требованиями палестинских и исламистских террористических организаций. В результате, даже в тех странах, режимы которых не отнесешь к радикальным и фундаменталистским, экстремистские силы оказывали и оказывают значительное реальное влияние на ход происходящих политических процессов⁷¹.

---

⁷⁰ См.: Avner Yaniv, *Dilemmas of Security. Politics, Strategy, and the Israeli Experience in Lebanon*, p. 152.

⁷¹ См.: Алек Д. Эпштейн, «В заложниках у терроризма: полувековой ближневосточный опыт и выводы из него» // *Международное сотрудничество и роль общественности в противодействии экстремизму и терроризму* (Москва: Общественная палата РФ – Институт религии и политики, 2006), стр. 8–15.

Предпринятые им меры предосторожности, однако, не спасли Башира Жмайеля, который был убит (вместе с еще двадцатью шестью людьми) в результате взрыва, организованного сирийскими спецслужбами в штабе возглавляемой им партии «Катаиб» 14 сентября 1982 года. Внутри Израиля нарастало недовольство действиями правительства, особенно усилившееся после резни, учиненной 16–17 сентября 1982 года ливанскими христианами в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила (их внешние границы находились под контролем израильских вооруженных сил, которые, однако не входили в сами лагерь). 26 сентября 1982 года сотни тысяч протестующих вышли на демонстрацию в Тель-Авиве. Оппозиция обвиняла Бегина в том, что он впервые в истории Израиля использовал армию для достижения политических целей, ввергнув страну в войну, которая не была неизбежной. Некогда яркая и неоспоримая риторика М. Бегина больше не действовала на сознание людей, уставших от войны и не видевших в ней смысла.

Требования полномасштабного юридического расследования случившейся в Сабре и Шатиле трагедии раскололи и правительство, которое 30 сентября 1982 года в знак протеста покинул министр энергетики и инфраструктуры Ицхак Берман (1913–2013) – пользовавшийся большим уважением ветеран ЭЦЕЛЯ, в 1980–1981 годах бывший председателем Кнессета. После отставки И. Бермана его требование о создании независимой следственной комиссии, аналогичной Комиссии Аграната после Войны Судного дня, всё же было

выполнено. Следственная комиссия во главе с тогдашним председателем Верховного суда Израиля Ицхаком Каханом (1913–1985), назначенная правительством Израиля для расследования обстоятельств трагедии в Сабре и Шатиле, с одной стороны, признала прямую ответственность ливанских христиан-фалангистов за резню в лагерях беженцев, но, с другой стороны, возложила косвенную ответственность за произошедшую трагедию на министра обороны А. Шарона. В поданном 7 февраля 1983 года отчете Комиссия заключила, что разрешение на вход отрядов фалангистов в Сабру и Шатилу было дано Ариэлем Шароном 15 сентября, а сообщение об этом представлено им правительству лишь вечером 16 сентября, уже после входа фалангистов в лагерь. Комиссия отметила, что риск неблагоприятного развития событий обязывал, как минимум, обеспечить должный надзор за действиями фалангистов в лагерях. При этом информация, хоть и отрывочная, о происходившей в лагерях трагедии не заслужила должного внимания со стороны израильских военных, что позволило резне беспрепятственно продолжаться на протяжении двух дней.

Многие годами, чтобы не сказать – десятилетиями, обвиняли Менахема Бегина разве только что не в «фашизме». Меир Шамгар, в разные годы бывший главным военным прокурором, юридическим советником правительства Израиля, сначала членом, а затем на протяжении двенадцати лет председателем Верховного суда, свидетельствовал прямо об обратном. В своей книге

воспоминаний он суммировал свои впечатления следующими словами: «Я встречался с Бегиным когда он стал главой правительства и смог оценить его глубоко либеральное мировоззрение и абсолютную приверженность власти закона»⁷². Несмотря на то, что выводы Комиссии Кахана были очень проблематичными для политического и военного руководства Израиля, правительство М. Бегина утвердило их сразу же, шестнадцатью голосами «за» при всего одном «против». Это решение привело к увольнению главы военной разведки Иехошуа Саги; 14 февраля 1983 года подал в отставку и Ариэль Шарон (оставшийся, однако, членом правительства в статусе министра без портфеля). Тогдашний секретарь правительства Дан Меридор сразу же позвонил в Нью-Йорк, где тогда находился посол Израиля в США Моше Аренс, сообщив, что премьер-министр предлагает ему занять пост министра обороны. М. Аренс сразу же согласился – и уже на следующий день вылетел в Израиль, вынужденно отклонив предложение глубоко уважавшего его сенатора Говарда Метценбаума (Howard Morton Metzenbaum, 1917–2008) устроить прощальный ужин в его честь в Конгрессе США⁷³.

Выводы Комиссии Кахана помогли лучше понять, что произошло в ходе одного из самых трагических эпизодов Ливанской войны, но они никак не помогли

---

⁷² Меир Шамгар, *Закончено, но не завершено. Страницы жизни* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2015), стр. 280 [на иврите].

⁷³ Моше Аренс, *Во имя безопасности Израиля. История жизни* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2018), стр. 104 [на иврите].

решить главную проблему – добиться прекращения самой этой войны. На каком-то этапе М. Бегин почувствовал, что ситуация в Ливане вышла из-под контроля – при этом ни он, ни кто-либо другой не мог предложить приемлемый выход из сложившегося тупика. Постоянно возраставшее число жертв среди израильских военнослужащих в Ливане (М. Бегин поручил докладывать ему о каждом погибшем солдате и офицере в любое время суток) и раскол в израильском обществе по вопросу об этой войне оказали тяжелое моральное воздействие на главу правительства. Смерть жены Ализы в ноябре 1982 года, с которой М. Бегин прожил почти всю свою жизнь, стала трагедией, от которой он так и не смог оправиться. 19 июня 1983 года скончался и заместитель главы правительства Симха Эрлих, с которым М. Бегин работал рука об руку долгие годы. 15 сентября 1983 года М. Бегин подал в отставку, аргументировав ее крайне лаконично: «Я больше не могу»⁷⁴.

Менахема Бегина не раз обвиняли в том, что он якобы «неожиданно» ушел в отставку посреди войны, чуть ли не «бросив на произвол судьбы государство и общество». Это серьезное обвинение совершенно не соответствовало реальному положению дел. Еще перед выборами в Кнессет десятого созыва в 1981 году, выступая в телепрограмме «Мокед» [«Фокус»], Менахем Бегин сказал, что просит мандат доверия от народа на двухлетний срок, а по достижении им семидесятилетнего

---

⁷⁴ Цит. по: Ави Шилон, *Бегин*, стр. 420.

возраста [16 августа 1983 года] уйдет в отставку⁷⁵. Ровно так он и поступил, проработав на полтора месяца дольше и покинув пост 10 октября 1983 года, когда пришедший ему на смену Ицхак Шамир сформировал новое правительство. Еще в том же телеэфире М. Бегин отметил, что не готовит себе никакого «преемника», что следующий глава правительства будет выбран с соблюдением всех демократических процедур. Те, кто критиковали М. Бегина за якобы неожиданное самоустранение с политической арены, по всей видимости недостаточно хорошо его знали, воспринимая то, что было сказано в предвыборный период, как пустые слова. Однако М. Бегин был чрезвычайно честным человеком и не обманывал народ и общество ни тогда, когда до выборов было еще далеко, ни тогда, когда они приближались; демократ до мозга костей, М. Бегин считал, что подобно тому, как в семьдесят лет в обязательном порядке уходят в отставку все израильские судьи, так и политические руководители страны не должны держаться за власть до конца своих дней.

Остаток жизни М. Бегин прожил в своей иерусалимской квартире как частное лицо, подчеркнуто избегая публичных встреч. Покидая пост премьер-министра, Бегин заявил о своем намерении после ухода в отставку написать книгу — «От Катастрофы к возрождению» — о событиях своей жизни и об истории Государства Израиль. Он и его друзья полагали, что жизнь в уединении даст ему достаточно времени для этой

---

⁷⁵ Арье Наор, *Бегин у власти. Личное свидетельство*, стр. 209.

работы; увы, М. Бегин так и не приступил к реализации своего замысла⁷⁶.

М. Бегин получил международное признание как политик, стремящийся к миру, а не к войне. Однако, несмотря на заключение мира с Египтом, ликвидацию иракской ядерной угрозы и активную поселенческую деятельность в Иудее и Самарии, вовлеченность Израиля в Ливанскую войну, принявшую затяжной характер и приведшую к многочисленным жертвам с израильской стороны (она унесла жизни 657 израильтян), а также крайняя непоследовательность в кадровой политике, тяжелые для экономики страны последствия реформ и неприятие М. Бегина элитами, в том числе СМИ и городской интеллигенцией крупных городов, не позволили ему в полной мере реализовать заявленную программу реформ и определить внутри- и внешнеполитический курс Государства Израиль на последующие десятилетия. Он возглавил Государство Израиль слишком поздно; стань он главой правительства лет на десять раньше, он бы успел сделать значительно больше. Хотя он дважды, в 1977 и 1981 годах, сумел привести блок «Ликуд» к победе на выборах, превратить его в полном смысле слова правящую партию тогда не удалось. 15 сентября 1983 года М. Бегин объявил о своей отставке с должности главы правительства; чуть меньше, чем через год, 13 сентября 1984 года, случилось то, чего он более всего хотел не допустить: высший государственный пост занял председатель Партии Труда Шимон Перес.

---

⁷⁶ Ави Шилон, *Бегин*, стр. 430.

ГЛАВА VII.

УДЕРЖИВАЯ РУБЕЖИ:

ВРЕМЯ ИЦХАКА ШАМИРА

---

1. После М. Бегина: выбор лидера, выбор пути...

Когда Менахем Бегин объявил о своей отставке, национал-либеральное движение оказалось в ситуации, в которой оно не находилось никогда, ибо М. Бегин возглавлял Партию Свободы на протяжении всех лет ее существования, и никакого опыта выбора руководителя у Партии Свободы и блока «Ликуд» [«Единство»] не было. «Впервые более чем за тридцать лет Партия Свободы должна была избрать своего лидера на настоящих выборах, а не при помощи аплодисментов, переходящих в овации. При Бегине глава партии тоже избирался, иногда даже тайным голосованием – он сам на этом настаивал, но тогда все заранее знали, что именно Бегин будет избран, получив 99% голосов, – не без сарказма вспоминал И. Шамир, отмечая: Но на этот раз дело обстояло иначе»⁷⁷.

Даже люди, знавшие Менахема Бегина на протяжении десятилетий, не до конца понимали причины его поступка. «Чем больше я пытаюсь понять, что побудило Бегина уйти из политики таким образом и в такое время, тем больше убеждаюсь, что причиной тому были не конкретные политические события, а нечто вроде приговора, который он вынес самому себе, когда у него просто не оставалось больше сил руководить страной. Он всегда полагался на свою духовную силу и на свои внутренние резервы, на свою способность принимать

---

⁷⁷ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 197.

решения и нести ответственность за их последствия. Он никогда ни к кому не обращался за помощью, хотя в преданных и профессиональных помощниках недостатка не было. Теперь, когда он почувствовал, что до конца исчерпал запасы душевных сил, питавшие его творческую натуру, он пришел в отчаяние, которое и выразилось в трагических прощальных словах», – писал Ицхак Шамир⁷⁸. Даже И. Шамир, бывший тогда министром иностранных дел, задавался вопросом о том, «как вообще Партия Свободы и блок “Ликуд” смогут существовать без человека, чье лидерство казалось столь естественным и само собой разумеющимся?»⁷⁹ Упрек И. Шамира в адрес М. Бегина, что «он никогда не работал над тем, чтобы вырастить себе замену, никогда не хотел знать и даже думать, что произойдет, когда он не сможет больше стоять у руля» представляется справедливым; верным был и вывод о том, что «на горизонте не было видно никакого “естественного” наследника»⁸⁰.

Ситуация была непростой, но все же не беспрецедентной ни с конституционно-правовой, ни с общественно-политической точек зрения. В Израиле в прошлые годы уже были примеры, когда глава правительства менялся без того, чтобы получить формальное признание со стороны общества. Собственно говоря, Менахем Бегин стал фактически *первым* главой правительства, избранным непосредственно населением

---

⁷⁸ Там же, стр. 193.

⁷⁹ Там же, стр. 193.

⁸⁰ Там же, стр. 194.

страны. Моше Шарет возглавил правительство в 1953 году, спустя два года после выборов в Кнессет второго созыва, вследствие исключительно кулуарных договоренностей в руководстве Партии Труда после первого ухода Давида Бен-Гуриона в отставку. Аналогичным образом, Леви Эшколь возглавил правительство страны спустя два года после выборов в Кнессет пятого созыва, после второй – и, как оказалось, окончательной – отставки Давида Бен-Гуриона. Голда Меир была приглашена возглавить страну после отставки Леви Эшколя ценившими ее коллегами по руководству Партии Труда опять-таки без каких-либо общенациональных выборов. Выборы в Кнессет восьмого созыва, прошедшие 31 декабря 1973 года, выиграл как раз список во главе с Голдой Меир, но уже через считанные месяцы она ушла в отставку, а главой правительства стал Ицхак Рабин, «за» или «против» которого на выборах не голосовал никто. В этой связи необходимость заменить Менахема Бегина, не обращаясь за мандатом доверия к гражданам Израиля, не была задачей чрезвычайного характера: такое уже было, и не раз.

Основная проблема, поэтому, состояла в другом: Менахем Бегин был руководителем Партии Свободы, которая играла первую скрипку в блоке «Ликуд», но при которой остальные входившие в него политические силы отнюдь не были ансамблем статистов. Достаточно сказать, что из 48 депутатов, избранных по списку «Ликуда» в 1981 году, лишь 25 представляли Партию Свободы, тогда как 23 – Либералов и других соратников по объединенному блоку. Нужно было гарантировать, что человек,

избранный на место М. Бегина в Партии Свободы, *будет признан всеми участниками «Ликуда» как достойный и приемлемый лидер всего этого блока.* Кроме того, нужно было согласовать *процедуру* выбора председателя партии: будет ли он избираться членами парламентской фракции партии, или ее секретариатом, или Центральным комитетом, или голосованием всех членов партии, или же, может быть, на открытых праймериз, в которых могли бы принять участие все сторонники и избиратели «Ликуда». Поскольку опыта выборов председателя у Партии Свободы и блока «Ликуд» не было вообще, модель, которую следовало принять в этой ситуации, совсем не представлялась очевидной.

О том, что блок «Ликуд» отнюдь не представлял собой монолитное политическое образование, не раз говорилось в предыдущих главах, однако и сама Партия Свободы за три с половиной десятилетия прошла путь, в ходе которого изменилась весьма существенным образом. Изначально созданная бойцами ЭЦЕЛЯ и имевшая своей основной целью сохранение идеологии и наследия именно этой организации, партия с течением времени пополнила свои ряды десятками тысяч людей, не имевших к ЭЦЕЛЮ никакого отношения. Многие из них – хотя и отнюдь не все – были выходцами из стран Среднего Востока и Северной Африки, вследствие чего Партия Свободы была наиболее интегративной политической силой в еврейском Израиле.

Очень многие, и среди них даже такой видный исследователь, как Говард Сакер, фатально не понимали

это важнейшее направление деятельности М. Бегина по созданию зонтичной политической структуры, которая бы объединяла *ашкеназов и сефардов* на основе принципов равенства и взаимоуважения. Г. Сакер обвинял М. Бегина в том, будто «он стал прибегать к свойственной ему подстрекательской риторике, натравливая выходцев из стран Востока на *ашкеназов*»⁸¹. Действительность была противоположной: среди руководителей Партии Свободы в то время *ашкеназы* составляли значительное большинство, но именно она стала первой, где уроженец Марокко (Д. Леви после отставки М. Бегина) баллотировался на пост председателя партии; его единственным соперником на этих выборах оказался Ицхак Шамир. Оба они входили в состав правительства, занимая в нем ведущие посты: Д. Леви был вице-премьером и министром жилищного строительства, а И. Шамир – министром иностранных дел. И. Шамир был абсолютно прав, констатируя: «На правом фланге сионизма никогда не было и намека на межобщинную напряженность, и даже наши наиболее истеричные противники никогда не выдвигали против нас таких обвинений»⁸².

И. Шамир относился к Д. Леви с уважением, характеризуя его как «человека энергичного и

---

⁸¹ Говард Сакер, *История Израиля. От зарождения сионизма до наших дней*, Т. 3, 1978–2005 (Москва: «Книжники», 2011), стр. 111.

⁸² Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 195.

честолюбивого»⁸³, но в то же время отмечал: «Я симпатизировал ему в личном плане, но считал, что он не должен руководить движением, или стоять во главе израильского правительства»⁸⁴. В 1983 году Давиду Леви было всего 46 лет, и Ицхак Шамир, бывший старше его на 22 года, годился ему в отцы. Фактор возраста играл тогда значительную роль: Давида Леви многие считали недостаточно зрелым и опытным для того, чтобы встать во главе страны, тогда как Ицхака Шамира, который был всего на два года моложе Менахема Бегина, многие считали слишком пожилым человеком, здоровье которого может не позволить ему заниматься государственными делами с той интенсивностью, как они того требуют.

При этом Давид Леви никогда не состоял в ЭЦЕЛе (не забудем, что на момент роспуска этой организации ему было всего одиннадцать лет), тогда как Ицхак Шамир покинул ЭЦЕЛЬ, став одним из основателей и лидеров ЛЕХИ, а после прекращения ее деятельности руководил электоральной кампанией Списка борцов в ходе выборов в Учредительное собрание (по факту, Список борцов, как и все остальные партии, боролся за голоса избирателей, в том числе и против созданной активистами ЭЦЕЛЯ Партии Свободы). Таким образом, ни Давид Леви, ни Ицхак Шамир не принадлежали к кругу основателей партии, в который, наряду с Менахемом Бегиним, входили Яаков Меридор, Хаим Ландау, Арье Бен-Элиэзер, Эстер Разиэль-Наор, Амихай Паглин и некоторые другие.

---

⁸³ Там же, стр. 194.

⁸⁴ Там же, стр. 195.

При всем этом очевидно, что ветеранам движения Ицхак Шамир – такой же, как и они, уроженец Польши, активист-подпольщик, с оружием в руках борющийся против британских мандатных властей, арестованный и высланный из Палестины/Эрец-Исраэль, а затем на протяжении нескольких десятилетий сохранявший верность идеологическим принципам учения В.Е. Жаботинского, вопреки давлению со стороны тогдашнего политического истеблишмента – был куда ближе, чем Давид Леви.

Выходцы из стран Среднего Востока и Северной Африки составляли большинство среди *избирателей*, отдававших свои голоса за блок «Ликуд»; так, на победных для «Ликуда» выборах 1977 года, по данным социологических опросов, выходцы из стран Среднего Востока и Северной Африки в первом и втором поколениях составляли 52% избирателей блока, тогда как европейские евреи, *ашкеназы* – 38%, а коренные израильтяне во втором и последующих поколениях – 10%. Данные опросов свидетельствовали о том, что за «Ликуд» голосовали 53% всех выходцев из стран Востока, как и 44% коренных израильтян, но лишь 20% *ашкеназов*, в большинстве своем поддержавших Партию Труда и Движение за демократию и реформы⁸⁵. Однако представленность выходцев из стран Северной Африки и Среднего Востока в руководстве движения была тогда

---

⁸⁵ Asher Arian, *Security Threatened: Surveying Israeli Opinion on Peace and War* (Tel Aviv: Jaffee Center for Strategic Studies – Cambridge University Press, 1995), pp. 149–150.

несоизмеримо ниже, чем их доля среди рядовых избирателей. При этом, очевидно, не только – и, пожалуй, даже не столько – этнический фактор имел решающее значение в ходе противостояния Ицхака Шамира и Давида Леви.

Не забудем, что в момент отставки М. Бегина Израиль находился на одном из самых сложных этапов своей истории: война в Ливане продолжалась, почти каждый день унося жизни израильских солдат и офицеров, инфляция в стране была беспрецедентно высокой, а внешнеполитическое положение являлось крайне неустойчивым: называя вещи своими именами, у Израиля в то время практически не было союзников на международной арене. Принимая во внимание все эти факторы, становится очевидно, что на посту главы правительства Израилю требовался человек чрезвычайной стойкости, разбирающийся как в сфере безопасности, так и в вопросах экономики (справедливости ради нужно сказать, что Менахем Бегин не отличался глубокими познаниями ни в одной из этих сфер, и именно это в значительной мере привело Израиль к тому положению, в котором страна оказалась к моменту его отставки).

По всем этим критериям Ицхак Шамир, безусловно, превосходил Давида Леви: в отличие от М. Бегина, который в ЭЦЕЛе занимался идеологией и определением стратегического пути движения, И. Шамир и в ЛЕХИ, и в Службе внешней разведки «Моссад», где он служил с 1955 года, был ответственен за непосредственное планирование

боевых операций. На протяжении первых семи лет израильской государственности он занимался частным бизнесом, к которому вернулся после демобилизации из Службы внешней разведки; как указывалось выше, именно он спасал Фонд «Тель-Хай» от финансового коллапса. Ицхак Шамир, разумеется, не был ни выдающимся военачальником, ни предпринимателем мирового уровня, но он обладал существенными познаниями в сферах безопасности и экономики, которых у его конкурента не было. При этом стойкость и бескомпромиссность Ицхака Шамира уже тогда была легендарной, и его сторонники имели все основания рассчитывать на то, что он будет справляться с международным давлением с не меньшим успехом, чем это делал Менахем Бегин; развитие событий в последующие годы отчетливо продемонстрировало, что эти надежды были более чем оправданными. Даже отнюдь не симпатизировавший И. Шамиру М. Бар-Зохар, дважды избиравшийся депутатом Кнессета от Партии Труда, отмечал, что новоизбранный глава «Ликуда» «был честным и правдивым человеком, который никогда не пользовался хитрыми политическими маневрами или двусмысленными заявлениями для достижения своих целей»⁸⁶.

*

---

⁸⁶ Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 377.

Свою книгу «Подводя итоги» Ицхак Шамир закончил словами: «Если имя мое останется в истории, то я надеюсь, что это будет память о человеке, который любил Эрец-Исраэль и стоял на страже ее всю жизнь»⁸⁷. Этой надежде выдающегося израильского государственного и политического деятеля суждено было исполниться. Хотя первые годы жизни И. Шамира едва ли предвещали ему столь незаурядное будущее.

Ицхак Шамир родился в 1915 году в местечке Ружаны Гродненской губернии Российской империи (в настоящее время – Брестская область Республики Беларусь) в семье владельца небольшой кожевенной мастерской Шломо Езерницкого. Родители Шамира в молодости были активистами БУНДа – Всеобщего еврейского рабочего союза, однако позднее они изменили свои идейные убеждения и присоединились к сионистскому движению. Родители сделали все, чтобы их дети – две дочери, Мирьям и Ривка, и, в особенности, сын, Ицхак, изучали иврит. «Не могу представить, как бы сложилась моя судьба, если бы языком моим не был иврит, если бы я не учился в начальной и средней школе на этом языке... Мое воображение постоянно черпало энергию в языке, истории, пейзажах далекой неведомой страны, совсем иной, чем нееврейский мир, окружавший меня. Пребывание в Польше все больше представлялось мне случайным, как остановка в пути на промежуточной станции», – вспоминал впоследствии И. Шамир⁸⁸.

---

⁸⁷ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 338.

⁸⁸ Там же, стр. 10.

По утверждению самого И. Шамира, когда ему было всего десять лет, его отношение к сионистскому движению уже практически сформировалось: «Мне было 10 лет, когда у нас в Ружанах, маленьком местечке, которое сейчас относится к Белоруссии, а в 1925 году принадлежало Польше, я услышал об открытии Еврейского университета в Иерусалиме. Это был настоящий праздник... Тогда я впервые услышал о горе Скопус, где был построен этот университет. В Ружанах с любовью и гордостью произносились имена великих евреев – поэта Хаима-Нахмана Бялика, ученого Хаима Вейцмана, лорда Бальфура, присутствовавших на церемонии открытия университета. Мне кажется, уже тогда я стал сионистом, не зная еще толком значения этого слова»⁸⁹. В школьные годы И. Шамир присоединился к движению БЕЙТАР, а по окончании обучения в гимназии «Тарбут» в Белостоке в 1932 году поступил на юридический факультет Варшавского университета, который, однако, в отличие от Менахема Бегина, закончить не успел.

В 1935 году он по студенческой визе прибыл в Палестину/Эрец-Исраэль, где первое время продолжал учебу в Еврейском университете в Иерусалиме, однако вскоре выбрал иную судьбу. В 1937 году он вступил в ЭЦЕЛЬ, сменив фамилию Езерницкий на Шамир, что в переводе с языка иврит означает «камень, которым обтесывают камни». За сравнительно небольшой отрезок времени И. Шамир стал известен как дерзкий – и при этом тщательно соблюдавший меры предосторожности –

---

⁸⁹ Там же, стр. 11.

подпольщик. Когда руководство ЭЦЕЛЯ после начала Второй мировой войны объявило, что прекращает боевые действия против британской администрации, И. Шамир вместе с другими противниками нового курса вышел из организации. С его точки зрения, в вопросах, связанных с достижением еврейским народом государственной независимости, не было места компромиссам, какими бы «высшими» соображениями они ни мотивировались. Покинув ЭЦЕЛЬ, И. Шамир принял участие в создании ЛЕХИ (где взял себе подпольную кличку «Михаэль») – единственной еврейской организации в Палестине/Эрец-Исраэль, ведшей борьбу с британскими властями на протяжении всего периода Второй мировой войны. И. Шамир видел в Великобритании врага, препятствие на пути к обретению евреями своей государственности.

В конце 1941 года И. Шамир был арестован и помещен в концентрационный лагерь, откуда ему 31 августа 1942 года удалось бежать. И. Шамир играл ведущую роль в выработке тактики и стратегии ЛЕХИ. В июле 1945 года он активно участвовал в заключении соглашения между ЭЦЕЛем и ЛЕХИ о координации акций против британских властей и в создании объединенного Движения еврейского сопротивления. В конце июля 1946 года, во время массовых репрессий со стороны британских властей в ответ на взрыв отеля «Царь Давид», И. Шамир был арестован в Тель-Авиве. Пробыв несколько месяцев в заключении в Судане и Эритрее, он бежал из лагеря, сумев через Джибути добраться до Франции. Однако в Израиль он смог прибыть только во второй половине мая 1948 года,

уже после провозглашения государственной независимости. Активное участие в деятельности еврейских подпольных организаций в Палестине/Эрец-Израэль в последние годы британского мандатного правления оказало огромное влияние на последующее формирование Шамира-политика.

После убийства Ф. Бернадотта деятельность ЛЕХИ на территории Государства Израиль была официально запрещена. В 1948–1955 гг. И. Шамир занимался коммерческой деятельностью. В 1955 году он был принят в Службу внешней разведки Израиля («Моссад»), в которой занимал ряд ответственных постов, находясь в непосредственном подчинении у ее руководителя. В 1962 году именно И. Шамир возглавил группу, ответственную за реализацию операции «Дамоклов меч», целью которой являлась ликвидация угрозы обретения Египтом нового ракетного оружия. В конце 1950-х гг. президент Египта Гамаль Абдель Насер, не желавший зависеть ни от Запада, ни от Советского Союза, сделал ставку на развитие собственных военных технологий, стремясь, в частности, к созданию ракет класса «земля–земля», которые могли быть использованы в будущей войне с Израилем. Уже в июле 1962 года стало известно о состоявшихся в Египте четырех успешных ракетных испытаниях. В разработке ракет принимали участие специалисты из ФРГ, ранее занятые в программе по развитию боевых ракет в Третьем рейхе⁹⁰. Именно их нейтрализация была основной целью

---

⁹⁰ Дан Равив и Йосси Мелман, *История разведывательных служб Израиля*, стр. 159.

И. Шамира и его подчиненных по отделу «Мифрац» (позднее переименованному в «Кейсария») Службы внешней разведки.

Выйдя в отставку в 1965 году, И. Шамир вернулся в бизнес, где, однако, не мог в полной мере раскрыть свой личностный потенциал. В 1970 году он вступил в Партию Свободы, где вскоре был избран членом правления (вначале он заведовал отделом по работе с новыми иммигрантами, а затем – организационным отделом), а в 1975 году – его председателем.

В 1973 году И. Шамир был впервые избран в Кнессет по списку «Ликуда» (хотя и занимал он только 27-е место), став членом Комиссии по иностранным делам и обороне и Комиссии по государственному контролю. В 1977 году он был избран в состав Кнессета девятого созыва, занимая шестое место в объединенном списке «Ликуда»; в том же году он стал председателем парламента. Преданный идее неделимой Эрец-Исраэль и отвергавший любые компромиссные предложения, предусматривавшие территориальные уступки, он не голосовал ни за одно из израильско-египетских соглашений в ходе их обсуждения в Кнессете. После отставки М. Даяна в марте 1980 года М. Бегин предложил И. Шамиру пост министра иностранных дел.

Сразу же после вступления в должность, Ицхак Шамир провозгласил принцип «трех нет», ставший одним из базовых принципов его политики на посту главы внешнеполитического ведомства. На решения Хартумского саммита Лиги арабских государств, принятые

в сентябре 1967 года («нет – миру с Израилем, нет – признанию Израиля, нет – переговорам с Израилем»), И. Шамир давал свой ответ: «нет» – возврату Израиля к границам, существовавшим до 1967 года, «нет» – созданию независимого Палестинского государства, «нет» – возвращению арабам Восточного Иерусалима, в особенности, Старого города.

Коллеги по руководству Партией Свободы, многие из которых за пять лет до этого были потрясены согласием Менахема Бегина вернуть под контроль Египта всю территорию Синайского полуострова, что требовало ликвидации ряда уже существовавших к тому времени еврейских поселений, искали нового руководителя, который на посту премьер-министра подобных «сюрпризов» делать не будет. Ицхак Шамир, несомненно, был именно таким кандидатом. Стремление любой ценой сохранить целостность территории Израиля стало одним из главных лейтмотивов всей его деятельности на посту главы правительства. И. Шамир проявлял твердость заявленному им принципу «трех нет» на протяжении всех лет, что он руководил страной. «За всю свою жизнь я не поступился ни единым квадратным сантиметром территории Эрец-Исраэль, даже пядью земли», – говорил И. Шамир, и это никто не мог оспорить.

При голосовании, прошедшем в Центральном комитете Партии Свободы 1 сентября 1983 года, Ицхак Шамир с большим отрывом – 436 голосов против 302 – победил Давида Леви, будучи избран председателем Партии Свободы, блока «Ликуд» и правительства

Израиля, главой которого он был формально утвержден 10 октября 1983 года. Интересно, что на протяжении всего последующего года Ицхак Шамир сохранил за собой и пост министра иностранных дел (так было и во времена премьерства Моше Шарета, и так стало после выборов 2015 года, когда посты премьера и министра иностранных дел занял Биньямин Нетаньяху), тогда как Давид Леви остался вице-премьером (причем единственным) и министром строительства. Несмотря на то, что они баллотировались друг против друга, Ицхак Шамир и Давид Леви сохранили способность к конструктивному коллегиальному взаимодействию между собой, и это положение не менялось на протяжении всех последующих девяти лет, пока Ицхак Шамир возглавлял «Ликуд».

Правительство, которое сформировал Ицхак Шамир к 10 октября 1983 года, опиралось на те же парламентские фракции, которые поддерживали в Кнессете и правительство во главе с Менахемом Бегиним. Сам И. Шамир, сохранивший за собой и пост министра иностранных дел, понимал, что у него осталось лишь около года до новых выборов в Кнессет, чтобы попробовать заполнить лакуну, образовавшуюся с уходом М. Бегина, развивать находившиеся в кризисе отношения с США и сделать всё возможное, чтобы ускорить вывод израильских сил из Ливана на наиболее приемлемых условиях и с наименьшим риском⁹¹.

Затяжной и кровопролитный конфликт в Ливане являлся одной из сложнейших проблем, доставшихся

---

⁹¹ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 198.

И. Шамиру в наследство от М. Бегина и А. Шарона. Всё больший размах приобретали протесты против войны, проходившие под знаком требования немедленного прекращения израильского военного присутствия в Ливане. В этих условиях И. Шамир и министр обороны М. Аренс приняли непопулярное решение сохранить израильский военный контингент в Ливане, но при этом ограничить территорию его присутствия в пределах страны. Принятие этого решения было обусловлено рядом факторов: неспособностью ливанского правительства и армии взять под контроль положение в стране из-за межобщинных конфликтов; нежеланием президента Сирии Хафеза Асада вести какие-либо переговоры с Израилем, в т.ч. касавшиеся будущего Ливана, на земле которого находились как израильские, так и сирийские войска; колебаниями политики стран Запада, в том числе США, по отношению к ливанской проблеме; разногласиями среди израильских политических лидеров относительно непосредственных и стратегических целей израильской политики. Осенью 1983 года, в соответствии с разработанным ранее планом, был осуществлен отвод израильских сил в западном (прибрежном) и центральном секторах примерно на 30 километров к югу; в восточном секторе ЦАХАЛ продолжал удерживать прежние позиции, сдерживая возможное продвижение сил сирийской армии.

Новая линия обороны в целом совпадала с 40–45-километровым поясом безопасности вдоль северной границы Израиля, изначально объявленным целью операции «Мир Галилее». Несмотря на отвод Армии

обороны Израиля на новые рубежи и, как следствие, значительное сокращение контролируемой территории, на которой было около пятисот тысяч жителей, Израиль продолжал нести потери в результате всё более усиливавшейся террористической деятельности. Так, 4 ноября 1983 года груженный взрывчаткой пикап въехал на территорию израильской базы в Тире; в результате взрыва погиб 61 человек, из них 29 – израильские военнослужащие. К концу 1983 года общие потери Израиля за время Ливанской войны достигли 560 человек убитыми и более трех тысяч ранеными. Недовольство войной охватывало всё большее число израильтян. Правительство во главе с Ицхаком Шамиром принимало меры, направленные на дальнейшее сокращение израильского военного присутствия в Ливане, стремясь при этом добиться той основной цели, ради достижения которой эта война началась – обеспечить мир Галилее.

Представляя правительство Кнессету, Ицхак Шамир сразу же обозначил принципиально важный для него аспект, которому он сохранял верность на всём протяжении своего пребывания на посту главы правительства. «Следует открыть пути для создания еврейских поселений на всей территории Эрец-Исраэль. Предыдущее правительство под руководством Менахема Бегина очень много сделало в этой области, заложило основы новых поселений и зажгло свет в новых еврейских домах во многих новых точках Галилеи, Самарии, Иудеи, Негева, Голан. Нельзя допустить, чтобы это святое дело прервалось. Оно не может быть остановлено, ибо это –

суть нашего бытия, сердце нашей жизни, а сердце остановиться не может»⁹². Правительство М. Бегина, в особенности после отставок М. Даяна и Э. Вейцмана, вкладывало значительные средства в стимулирование поселенческой активности (бюджет, выделяемый на развитие поселений в Иудее, Самарии и Иорданской долине, вырос с четырех миллионов долларов в 1976 году до 35 миллионов – в 1983 ⁹³). Если в 1977 году, когда «Ликуд» впервые победил на выборах, в Иудее, Самарии, Иорданской долине и в секторе Газа жило приблизительно 5 тысяч евреев, то в 1981 году, к концу первой премьерской каденции М. Бегина, их было уже 27 тысяч⁹⁴. И. Шамир стремился в разы увеличить число еврейских жителей контролируемых территорий, чтобы снять с повестки дня саму возможность отказа от контроля над ними. Многие смеялись над этой программой, считая ее маниловщиной, однако к июню 1992 года, когда завершилась премьерская каденция Ицхака Шамира, численность жителей еврейских поселений (не считая Восточного Иерусалима и Голанских высот, включенных в состав Государства Израиль) увеличилась, по сравнению с 1981 годом, более чем вчетверо, значительно превысив сто тысяч человек. Что бы ни происходило, Ицхак Шамир остался верен этому курсу; какой бы критике его ни подвергали, его караван ни разу не сбился с пути.

---

⁹² Выступление И. Шамира опубликовано в протоколе 233-го заседания Кнессета 10-го созыва, 10 октября 1983 г. [на иврите].

⁹³ См.: Алек Д. Эпштейн, *Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться*, стр. 144.

⁹⁴ Там же, стр. 151.

2. Предательство Э. Вейцмана и формирование правительства национального единства

Выборы в Кнессет одиннадцатого созыва были проведены на год раньше срока и состоялись 23 июля 1984 года. Национал-либеральное движение подошло к ним в весьма и весьма сложном положении. Впервые оно просило мандат доверия у избирателя не для того, чтобы главой правительства стал Менахем Бегин; общественный авторитет Ицхака Шамира был несравним с той поистине всенародной любовью, которую около половины еврейских граждан Израиля испытывали к Менахему Бегину.

Авторитет самого Ицхака Шамира в Партии Свободы был несравним с авторитетом Менахема Бегина: выдвинувший свою кандидатуру против него Ариэль Шарон получил в ходе решающего голосования в Центральном комитете партии 42.5% голосов; немыслимо представить, чтобы кто-то получил так много, бросив вызов М. Бегину. Фактически, победу Ицхака Шамира над Ариэлем Шароном обеспечили лишь 54 голоса членов ЦК Партии Свободы; если бы эти люди проголосовали не за И. Шамира, а за А. Шарона, именно он стал бы кандидатом партии и блока «Ликуд» на пост главы правительства⁹⁵. Более того: двадцать лет спустя бывший

---

⁹⁵ См.: Давид Ландау, *Арик. Жизнь Ариэля Шарона* (Ор-Иехуда: «Двир», 2015), стр. 175 [на иврите].

тогда членом избирательной комиссии Михаэль Адирам, много лет входивший в состав партийного суда Партии Свободы, признался, что в нарушение всех норм и процедур, видя высокий процент голосовавших за Ариэля Шарона, стал непосредственно в ходе голосования убеждать тех, кто еще не опустил конверт с именем предпочитаемого им кандидата в избирательную урну, поддержать Ицхака Шамира. По его оценке, если бы не эта его активность, многие из сторонников Моше Аренса и Давида Леви поддержали бы не Ицхака Шамира, а Ариэля Шарона, и это позволило бы последнему победить. Опасения перед «непредсказуемым бульдозером Ариком» были существенными, и осознав, что протестное голосование, имевшее целью продемонстрировать Шамиру, что он отнюдь не является «вторым Бегинным», может привести к «политическому землетрясению», некоторые из тех (как, в частности, депутат Кнессета Михаэль Кляйнер), кто планировал такой шаг, отказались от него⁹⁶. И. Шамир выиграл, но ожидаемого им и его сторонниками триумфа не было и близко. Таким образом, «Ликуд» выдвигал на пост главы правительства страны политика, пользовавшегося отнюдь не безграничной популярностью даже в его собственных рядах.

Положение в сфере безопасности было крайне проблематичным. Изгнанные из Ливана силы ООП больше не могли наносить ракетные удары по территории Верхней Галилеи; в значительной мере была разрушена

---

⁹⁶ См.: Михаэль Адирам, «Конверты, остановившие Шарона» // портал News1.co.il, 7 января 2006 г. [на иврите].

вся инфраструктура, начиная с 1970 года созданная ФАТХом и ООП в Ливане, и это «квазигосударство в государстве» перестало существовать. В то же время, на место ФАТХа и ООП пришли не миротворцы и пацифисты, а незаконные вооруженные формирования исламистов, с одной стороны, квазипартизанские милиции, с другой, и регулярные силы сирийской армии, с третьей (не забудем, что между Израилем и Сирией ни тогда, ни в дальнейшем, вплоть до настоящего времени, не было подписано мирного соглашения). ООП была изгнана из Ливана, но отнюдь не разгромлена, начав воссоздание своих военно-политических подразделений в Тунисе, где в 1982–1993 годах находился штаб Ясира Арафата; попытки нивелировать его влияние на арабов, проживавших на Западном берегу и в секторе Газа, имели крайне ограниченный успех. Договор между Ливаном и Израилем, заключенный 17 мая 1983 года при активных посреднических усилиях госсекретаря США Дж. Шульца, не был реализован из-за противодействия со стороны Сирии и верных Х. Асаду незаконных вооруженных формирований, расквартированных на территории Ливана. К середине 1984 года потери Израиля в Ливане составили более шестисот человек убитыми и втрое больше ранеными, и хотя практически все понимали, что израильские силы из Ливана нужно выводить, отсутствовала конкретная стратегия в отношении того, как именно это нужно сделать.

Израильская армия оставалась в Ливане без западных союзников, которые фактически бежали с поля

боя после нескольких кровопролитных терактов. Наиболее значительный из них произошел 23 октября 1983 года, когда два грузовика, начиненные взрывчаткой, врезались в здание казарм американских морских пехотинцев и парашютистов французского Иностранного легиона в Бейруте, вследствие чего погибли 241 американский и 58 французских военнослужащих. Под впечатлением от этого теракта Конгресс США усилил давление на администрацию Р. Рейгана с требованием скорейшего вывода американских войск из Ливана, что и было сделано в феврале 1984 года; французские легионеры были выведены несколькими неделями ранее (и американские, и французские войска были введены в Ливан во второй половине августа 1982 года). Таким образом, Израиль остался в Ливане в одиночестве, причем западный мир не только не оценил вклад Израиля в борьбу с терроризмом, все больше приобретающим радикальный исламистский оттенок, но и подвергал резкой критике действия еврейского государства. «С такими трудами завоеванное доброе имя Государства Израиль, этот сплав героизма и гуманизма, оказалось в немалой степени потускневшим», – сокрушался Говард Сакер⁹⁷.

В значительной мере вследствие непосильных для Израиля расходов, связанных с ведением чрезвычайно длительной войны в Ливане, но и по ряду других причин, куда в большей степени обусловленных

---

⁹⁷ Говард Сакер, *История Израиля. От зарождения сионизма до наших дней*, Т. 3, стр. 110.

непрофессионализмом руководителей Министерства финансов и Министерства промышленности и торговли, галопирующая гиперинфляция привела к обнищанию многих тысяч семей, до этого принадлежавших к среднему классу. В конце 1983 года резервы свободно конвертируемой валюты на счетах Государственного банка Израиля сократились до всего трех миллиардов долларов. Хотя Ицхак Шамир, как руководитель, был в целом профессиональнее Менахема Бегина, ничем не уступая ему и в той стойкости, с которой он был готов отстаивать интересы Государства Израиль в целом, и право на сохранение израильского контроля над Иудеей, Самарией, Иорданской долиной и Голанскими высотами в частности, он не обладал той харизмой, которая позволяла Менахему Бегину на протяжении многих десятилетий собирать многотысячные митинги.

На выборах в Кнессет одиннадцатого созыва «Ликуд» потерял семь мандатов, получив поддержку 32% избирателей; Партия Труда вернулась на первое место, получив на 3% голосов и, соответственно, на три депутатских мандата больше. Шимон Перес, возглавлявший список Партии Труда, готовился к тому, чтобы следующие четыре года руководить правительством страны. В «Ликуде» понимали причины, по которым партия не смогла повторить успех 1977 и 1981 годов, однако считали приход к власти Шимона Переса бедой для настоящего и будущего Израиля. В ходе консультаций, которые, согласно действовавшей на тот момент редакции Основного закона о правительстве, провел президент

Израиля Хаим Герцог, шестьдесят депутатов Кнессета, включая арабских депутатов и представителей Коммунистической партии, предложили поручить формирование кабинета министров Шимону Пересу, тогда как пятьдесят четыре – Ицхаку Шамиру. Его был готов поддержать и впервые ставший депутатом раввин Меир Кахане (1932–1990), однако президент, совершив беспрецедентный поступок, отказался принять избранного депутата Кнессета, мотивировав это своим категорическим неприятием политических взглядов М. Кахане, которые он охарактеризовал как антидемократические и расистские. Возглавлявшееся раввином Меиром Кахане движение «Ках» было единственной политической силой в Израиле, выступавшей за трансфер арабского населения страны. В июле 1985 года была принята поправка к Основному закону о Кнессете, статья 7(а) которого запрещала участие в выборах партиям, не признающим демократический характер Государства Израиль и подстрекающим к расизму; перед выборами 1988 года Верховный суд запретил партии «Ках» вновь участвовать в выборах в Кнессет, а после убийства Ицхака Рабина в ноябре 1995 года руководимые наследниками убитого раввина М. Кахане движения «Ках» и «Кахане хай» [«Кахане жив»] были объявлены в Израиле вне закона.

Возвращаясь к событиям 1984 года, особенно отметим позицию, занятую религиозными сионистами во главе с Йосефом Бургом, выступившими за создание в условиях политического цугцванга правительства национального единства, в котором бы Партия Труда и

«Ликуд» взаимодействовали на паритетной основе; этой же позиции придерживался и Ариэль Шарон, выступивший посредником в переговорах И. Шамира и Ш. Переса⁹⁸. Именно этот план в итоге и был реализован в ноябре 1984 года, когда Шимон Перес был утвержден Кнессетом главой правительства, Ицхак Рабин – министром обороны, а Ицхак Шамир – первым вице-премьером и министром иностранных дел, причем было согласовано, что Ш. Перес и И. Шамир через два года поменяются должностями (принцип ротации во главе правительства). Была сформирована максимально широкая коалиция, вследствие чего правительство в ходе голосования получило беспрецедентную поддержку со стороны 97 депутатов Кнессета.

Партия Труда, хотя и была представлена крупнейшей парламентской фракцией, не имела достаточно коалиционных партнеров для получения вотума доверия в Кнессете. Возможность сформировать правительство без участия Партии Труда у Израиля тогда, как это ни покажется парадоксальным, была. Дело в том, что пять мандатов получила партия «Тхия» [«Возрождение»], в состав которой входили видный ученый-физик профессор Юваль Неэман (1925–2006), активистка ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ Геула Коэн, незадолго до этого демобилизовавшийся из армии одиннадцатый начальник ее Генерального штаба Рафаэль Эйтан, а также раввин Элиэзер Вальдман, бывший одним из основоположников возрождения еврейской общины Хеврона и движения «Гуш Эмуним»

---

⁹⁸ Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 378.

[«Блок верных»] – все эти люди безусловно принадлежали к национальному лагерю и безоговорочно поддерживали кандидатуру Ицхака Шамира на пост премьер-министра. Идентичных позиций придерживалось и движение «Мораша» [«Наследие»] во главе с одним из виднейших раввинов религиозного сионизма Хаимом Друкманом. Фракции партий «Тхия» и «Мораша» вместе насчитывали семь депутатов Кнессета и, в случае их присоединения к «Ликуду», давали бы ему уверенный перевес над Партией Труда.

«Золотой ключик» оказался в руках Эзера Вейцмана, бывшего в прошлом одним из руководителей Партии Свободы и одним из создателей блока «Ликуд», покинувшего движение за три года до того, как он мог бы побороться за право его возглавить. Баллотировавшись в 1984 году во главе собственного списка, Э. Вейцман добился очень ограниченного успеха, получив лишь 2,2% голосов, что позволило ему провести в Кнессет трех депутатов, включая себя самого. Если бы Э. Вейцман принял крайне щедрое предложение И. Шамира о возвращении в движение, одним из создателей которого он был, причем ему предлагались посты министра обороны и вице-преьера, то Ш. Перес никогда бы не возглавил правительство. Однако Э. Вейцман предал своих многолетних соратников – возможно, в связи с тем, что лично с И. Шамиром его отношения на протяжении многих лет были весьма напряженными, а возможно, в связи с тем, что его новые политические друзья дали ему более внушительные надежды, пообещав выдвинуть его на

пост президента Израиля, когда закончится каденция Хаима Герцога (так и случилось – именно Э. Вейцман при поддержке Партии Труда был избран седьмым президентом Государства Израиль).

В 1984 году в состав Кнессета прошли представители пятнадцати (!) различных партий, причем тринадцать из них, взятые вместе, получили 35 мандатов – меньше, чем оказавшийся вторым «Ликуд». Простая парламентская арифметика показывает, что существовала реальная возможность сформировать правительство без Партии Труда, остовом которого был бы «Ликуд» (41 мандат), и в которое вошли бы «Тхия» (5 мандатов), Национально-религиозная партия (4 мандата), религиозный список ШАС «Объединение *сефардов* – хранителей Торы» (4 мандата), «Агудат Исраэль» (2 мандата), «Мораша» (2 мандата), ТАМИ – «Движение за наследие Израиля» во главе с Аароном Абухацирой, вышедшим из Национально-религиозной партии (1 мандат), и список «Вместе – Движение за национальное единство» во главе с Эзером Вейцманом (3 мандата). Это правительство опиралось бы на поддержку 62 депутатов, что позволяло ему получить вотум доверия в Кнессете. Эзер Вейцман, однако, сорвал возможность реализации этого сценария, сделав приход к власти Шимона Переса практически неизбежным; более того, когда, в связи с формированием правительства с участием «Ликуда» и правых партий, социалистическая партия МАПАМ вышла из блока с Партией Труда, Эзер Вейцман и два его соратника присоединились к возглавляемому ею блоку «Маарак», чтобы он по-

прежнему имел численное превосходство над «Ликудом». Эзер Вейцман, который сыграл важную роль в победе национал-либералов на выборах в Кнессет девятого созыва, спустя семь лет примерял на себя роль могильщика этого движения. «Как от человека, бывшего одним из лидеров “Ликуда” в прошлом, который порой даже утверждал, что именно он был архитектором победы на выборах 1977 года, можно было бы ожидать от Вейцмана сотрудничества с “Ликудом”, но не таков был его подход. Ему доставляло удовольствие наносить урон “Ликуду”, даже когда он сам от этого ничего не выигрывал», – с болью отмечал тогдашний министр обороны Моше Аренс⁹⁹.

По его мнению, Э. Вейцманом «двигало эго, а не идеология»¹⁰⁰, но это едва ли верно: заслуживает упоминания тот факт, что спустя пять лет, в 1989 году, Эзер Вейцман стал первым израильским министром, нарушившим законодательный запрет на встречи с представителями ООП; возмущенный И. Шамир настаивал на его увольнении с занимаемого им тогда поста министра науки и технологий, однако принял компромиссное предложение И. Рабина о выведении Э. Вейцмана из состава президиума правительства (т.н. военно-политического кабинета), оставив его во главе министерства¹⁰¹. «Больше всего меня поражает факт, что некоторые люди, стремящиеся установить контакт с ООП,

---

⁹⁹ Моше Аренс, *Во имя безопасности Израиля*, стр. 129–130.

¹⁰⁰ Там же, стр. 130.

¹⁰¹ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 235.

предпочитают обсуждать израильско-арабские проблемы с арабами, даже с заклятыми врагами или иностранцами, лишь бы не сотрудничать с министрами от “Ликуда”», – писал, суммируя эту грустную сагу, Ицхак Шамир¹⁰², к сожалению, игнорируя тот факт, что Э. Вейцмана как раз с «Ликудом» в прошлом очень многое связывало.

Переговоры Ицхака Шамира (который в основном молчал) и Шимона Переса (который говорил без умолку) о создании правительства продолжались три дня, однако ни к чему не привели. Несколько парадоксальным образом, кризис удалось разрешить после вмешательства «бойкотируемого» Ариэля Шарона, с которым Шимон Перес договорился об основных параметрах формирования правительства национального единства, в котором блок «Ликуд» и Партия Труда были бы представлены на паритетной основе. Достигнув взаимопонимания с Шимоном Пересом, Ариэль Шарон убедил в целесообразности создания такой широкой правительственной коалиции и Ицхака Шамира¹⁰³. Призом для самого А. Шарона стало повышение его статуса с поста министра без портфеля до министра промышленности и торговли.

Сложно было найти людей, столь по-разному видевших задачи Государства Израиль, его миссию и те политические горизонты, к коим нужно стремиться, как

---

¹⁰² Там же.

¹⁰³ См.: Давид Ландау, *Арик. Жизнь Ариэля Шарона*, стр. 176; автор ссылается на свою беседу с Ш. Пересом, состоявшуюся 11 июля 2006 г.

Ицхак Шамир и Шимон Перес, но на протяжении шести последующих лет им пришлось сосуществовать в рамках единого кабинета министров, во главе которого два первых года стоял Шимон Перес, а четыре последующих – Ицхак Шамир. По свидетельству его биографа, «Перес презирал Шамира, в котором видел упрямого, негибкого политика, не способного и не желающего предпринять и поддержать какую-либо политическую инициативу»¹⁰⁴. Ицхак Шамир, в свою очередь, писал о Шимоне Пересе так: «Большую часть времени он действовал за моей спиной, игнорируя вред, который наносил тем самым правительству и коалиции»¹⁰⁵. Крыловская басня о лебеде, раке и щуке реализовалась в этом правительстве с достойной лучшего применения полнотой, однако и в этих условиях страна двигалась вперед, так или иначе отвечая на вызовы, перед которыми ее ставило время.

3. В коалиции с Партией Труда: достижения и провалы правительства Ш. Переса

Принято считать, что два года пребывания Шимона Переса во главе правительства Израиля были крайне успешными; его биограф даже использует словосочетание «те великие дни, когда он был премьер-министром»¹⁰⁶, однако на самом деле положение дел был намного более противоречивым. Действительно, за два года пребывания

---

¹⁰⁴ Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 423.

¹⁰⁵ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 228.

¹⁰⁶ Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 416.

Шимона Переса во главе правительства, Израиль вывел свои войска с большей части территории Ливана (оставив под своим контролем лишь сравнительно небольшую так называемую «зону безопасности» в приграничном районе), а инфляция, достигшая к концу 1984 года 445% годовых, сократилась в двадцать раз, и эти достижения ни в коем случае нельзя недооценивать. Вместе с тем, нужно помнить и о нескольких тяжелейших провалах, причем каждый из них стал, в определенной мере, следствием ошибочных шагов, предпринятых лично Шимоном Пересом.

*

Первый из них касался расследования действий сотрудников Общей службы безопасности (ШАБАКА) в ходе кризиса 12 апреля 1984 года. Поздно вечером четверо арабов, проживавших в секторе Газа, сели в автобус №300, направлявшийся из Тель-Авива в город Ашкелон, который находится на юге Израиля. Это были террористы, которые, применив силу и угрожая пассажирам ружьями и гранатами, заставили водителя изменить маршрут. Ночью, до начала штурма, с террористами велись переговоры; в обмен на жизни пассажиров они потребовали освобождения большого числа опасных преступников, находившихся в израильских тюрьмах. На заре, когда автобус прибыл в Дир-эль-Балах в секторе Газа, десантное подразделение израильской армии – по распоряжению министра обороны Моше Аренса –

штурмом взяло автобус и освободило заложников¹⁰⁷.

Двое террористов были убиты спецназовцами при освобождении заложников; погибла и одна из заложников – военнослужащая Ирит Португез (1964–1984). Двоих оставшихся в живых террористов избили и связали солдаты – как было позднее сказано в отчете Государственной прокуратуры, «с целью предотвратить детонацию взрывчатки»¹⁰⁸.

Когда автобус был захвачен, официальный представитель израильской армии сообщил, что никого из четырех террористов не осталось в живых: двое были убиты во время штурма, а двое других умерли от полученных ранений. Но на опубликованных в газетах снимках было видно (а затем подтверждено очевидцами), что двоих террористов сотрудники Общей службы безопасности уводили с места события живыми; следовательно, их раны не были смертельными. «Стало ясно, что тут что-то не так, – вспоминал Ицхак Шамир, – и скандал не замедлил разразиться. Вопросы посыпались со всех сторон: как именно были уничтожены все четверо террористов, действительно ли двое умерли, уже попав в плен, имеют ли место попытки что-то скрыть или прикрыть кого-то? Армия, полиция, Государственная

---

¹⁰⁷ Моше Аренс, *Во имя безопасности Израиля*, стр. 125.

¹⁰⁸ Цит. по: Пнина Лахав, «“Бочка без обручей”: влияние борьбы с террором на израильскую юридическую культуру» [1988] / пер. с англ. Нелли Хеймец // *Национальная безопасность и демократия в Израиле*, Том 1 (Раанана: Открытый университет Израиля, 2007), стр. 311.

прокуратура и, конечно, Общая служба безопасности начали свои расследования, стремясь выяснить, что же происходило в самый напряженный момент, до наступления утра»¹⁰⁹.

К сожалению, глава правительства и министр обороны представили в своих воспоминаниях разные версии того, что происходило дальше. По свидетельству Ицхака Шамира, глава Общей службы безопасности Авраам (Аврум) Шалом (урожденный Бендор, 1928–2014) доложил ему, что оба террориста были тяжело ранены во время штурма и умерли от ран; «мне и в голову не пришло усомниться в его словах», – указывал премьер-министр¹¹⁰. Моше Аренс, в свою очередь, рассказал о том, что уже на утро 13 апреля 1984 года Ицхак Шамир вызвал его к себе, и в ходе встречи сказал: «Аврум говорит, что Вы дали указание убить двух террористов, захваченных живыми»¹¹¹. М. Аренс утверждает, что это утверждение его шокировало, и он заявил главе правительства, что «это неправда», а вернувшись в свою канцелярию, сразу же позвонил А. Шалому, обвинив его в лжесвидетельстве. По его словам, после некоторой паузы глава Общей службы безопасности ответил: «Извините, я, видимо, ошибся»¹¹².

Спустя полтора года, 29 октября 1985 года, на прием к сменившему Ицхака Шамира на посту главы правительства Шимону Пересу прибыл заместитель

---

¹⁰⁹ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 211–212.

¹¹⁰ Там же, стр. 212.

¹¹¹ Моше Аренс, *Во имя безопасности Израиля*, стр. 125.

¹¹² Там же.

руководителя Общей службы безопасности Реувен Хазак. В ходе этой встречи Р. Хазак сообщил главе правительства, что двое захваченных террористов были без суда и следствия расстреляны сотрудниками Общей службы безопасности, коллеги которых намеренно лгали следственным органам, перекладывая ответственность за это на других участников операции по спасению заложников; основной жертвой их клеветы был генерал Ицхак Мордехай, находившийся тогда во главе пехотно-десантных войск Армии обороны Израиля (перед выборами 1996 года он присоединился к «Ликуду» и был назначен Биньямином Нетаньяху на пост министра обороны в его первом правительстве). Р. Хазак подчеркнул, что обвинения в адрес И. Мордехая были заведомо клеветническими, и что офицеры Общей службы безопасности убили захваченных террористов по личному распоряжению А. Шалома. Более того, Р. Хазак сообщил, что когда министром обороны Моше Аренсом была создана комиссия по расследованию данного инцидента во главе с генералом запаса Меиром Зореа (1923–1995), в нее был включен и представитель Общей службы безопасности Йоси Гиносар (1945–2004), который фактически стал «троянским конем»: после каждого заседания комиссии он в деталях докладывал А. Шалому о направлениях проводимого расследования, после чего руководители и сотрудники Общей службы безопасности согласовывали свидетельские показания, чтобы отвести подозрения в совершении каких-либо противоправных действий от себя и своих сослуживцев, перекладывая

ответственность на других¹¹³. Как стало известно позднее, именно через Йоси Гиносара Авраам Шалом отдал приказ убить террористов; Й. Гиносар передал это распоряжение Эхуду Ятому, который и выполнил его немедленно¹¹⁴. После этого Эхуд Ятом еще на протяжении тринадцати лет служил в Общей службе безопасности, где в последние годы возглавлял Оперативный отдел.

Р. Хазак сообщил Ш. Пересу, что А. Шалом настаивал на том, что все его распоряжения были согласованы – то ли с министром обороны М. Аренсом, то ли с И. Шамиром – как в отношении убийства террористов, так и сокрытия правды об этом от следственных органов. И. Шамир вспоминал, что А. Шалом действительно утверждал, будто «сам он действовал в соответствии с полученными инструкциями», а «инициатива исходила от главы правительства». «Узнав об этом, я был потрясен, – не скрывал Ицхак Шамир. – Не столько наглостью Авраама Шалома, сколько его желанием оклеветать меня»¹¹⁵.

Опытный подпольщик и многолетний руководитель едва ли не самого засекреченного отдела Службы внешней разведки «Моссад», Ицхак Шамир не раз и не два принимал решения, от которых зависела чья-то жизнь или смерть, но он при этом в полной мере отдавал себе отчет в

---

¹¹³ Пнина Лахав, «“Бочка без обручей”: влияние борьбы с террором на израильскую юридическую культуру», стр. 322.

¹¹⁴ Об этом рассказал в 1996 г. сам Эхуд Ятом в интервью газете *Едиот ахронот* [«Последние известия»].

¹¹⁵ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 212–213.

том, что суверенное правовое государство, даже в условиях борьбы с жестоким террором, не может и не должно подвергать сомнению принцип верховенства права. Согласно мировоззрению Ицхака Шамира, Государство Израиль имело полное право вести борьбу против тех, чья деятельность угрожала самому его существованию и безопасности его граждан *любыми* средствами, но лишь в условиях невозможности судебного преследования этих людей, живших, работавших или скрывавшихся на территории других стран, однако в самом Израиле вынесение приговоров обвиняемым в преступлениях против государства и общества могло осуществляться исключительно судом.

Р. Хазак в беседе с Ш. Пересом признал, что на протяжении долгого времени верил А. Шалому, пока не обнаружил, что как убийство захваченных террористов, так и заведомая дезинформация следственной комиссии, были результатом решений, принимавшихся лично руководителем Общей службы безопасности, не получавшим на них санкции кого-либо из высших руководителей страны. Поняв это, Р. Хазак потребовал от А. Шалома уйти в отставку, сообщив, что, чувствуя себя ответственным, пусть и невольно, за сокрытие правды и дезинформацию следственных органов, не считает себя вправе претендовать на эту должность, а готов оставить свой пост одновременно с А. Шаломом¹¹⁶.

---

¹¹⁶ Иехиэль Гутман, *Потрясение в Общей службе безопасности* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 1995), стр. 66–67 [на иврите].

Спустя несколько дней Ш. Перес вызвал Р. Хазака на вторую встречу, в ходе которой объявил о своем решении проигнорировать все, что он услышал. Нет никаких сведений о том, что он обсуждал этот вопрос с руководителями «Ликуда» Ицхаком Шамиром или Моше Аренсом, как можно было бы ожидать, принимая во внимание паритетный состав правительства национального единства. Это было вдвойне неправильно еще и потому, что И. Шамир и М. Аренс, занимавшие в апреле 1984 года, соответственно, посты главы правительства и министра обороны, имели несравнимо больше информации по данному вопросу, и могли куда яснее, чем Ш. Перес, понять, насколько верным и значимым является свидетельство Р. Хазака. Ш. Перес, однако, редко когда с кем-либо советовался, и эта самоуверенность и в этот раз дорого обошлась Израилю.

Сообщив, что он доверяет главе Общей службы безопасности, и указав, что эта организация не может существовать и адекватно выполнять свои функции в условиях острого конфликта между руководителем и его заместителем, Ш. Перес констатировал, что «один из двух должен уйти – и у меня нет оснований для того, чтобы уходил глава Службы»¹¹⁷. Как справедливо указывала профессор Пнина Лахав, Шимон Перес отнесся к говорившим правду офицерам Общей службы безопасности «как к оппортунистам, которые пытаются

---

¹¹⁷ Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 389. Реувен Хазак после увольнения занялся тем, к чему многие годы тянулась его душа, став скульптором.

извлечь личную выгоду, добиваясь отставки своего непосредственного начальника Авраама Шалома»¹¹⁸. Это решение Ш. Переса было кардинально ошибочным. Р. Хазак сказал ему правду, от которой он, без всяких на то оснований, отмахнулся.

После этого Реувен Хазак обратился к генеральному прокурору Дорит Бейниш, которая, внимательно изучив его показания и сопоставив их с другими собранными материалами, 14 февраля 1986 года в деталях доложила о своих выводах юридическому советнику правительства Ицхаку Замиру (впоследствии и Дорит Бейниш, и Ицхак Замир были избраны в состав Верховного суда Израиля). В Израиле юридический советник правительства одновременно является верховным руководителем Государственной прокуратуры, однако даже он не мог допросить офицеров Общей службы безопасности, не получив на это санкции главы правительства, которую Ш. Перес несколько недель не давал. И. Замир, однако, проявил настойчивость, и в начале апреля трое старших офицеров Общей службы безопасности – Реувен Хазак, Рафи Малка и Пелег Радаи – дали свидетельские показания юридическому советнику правительства. «Перес постоянно пытался помешать мне», – свидетельствовал много лет спустя Ицхак Замир¹¹⁹. Шимон Перес не ограничился просто фактом создания

---

¹¹⁸ Пнина Лахав, «“Бочка без обручей”: влияние борьбы с террором на израильскую юридическую культуру», стр. 324.

¹¹⁹ Цит. по: Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 390.

помех, и 1 июня 1986 года пошел на крайние меры, объявив Ицхаку Замиру о том, что он увольняется со своего поста; это было первое в истории Израиля досрочное увольнение правительством своего юридического советника.

Общество оставалось в полном неведении относительно всех описываемых событий до 24 мая 1986 года, когда первое завуалированное сообщение о происходящем было передано в телевизионных новостях. Учитывая, что Авраам Шалом уволил Рафи Малку, который, в свою очередь, подал иск в Верховный суд с требованием о восстановлении в должности, возможностей сохранения в тайне информации об этом скандале становилось все меньше. Опасаясь, что в ходе судебного следствия обществу станет известна информация как о попрании правовых и коллегиальных норм сотрудниками Общей службы безопасности, так и о категорическом нежелании Шимона Переса докапываться до истины, 24 июня 1986 года по инициативе премьер-министра правительство приняло беспрецедентное решение обратиться к президенту Хаиму Герцогу (1918–1997) с просьбой о немедленной досудебной амнистии офицеров Общей службы безопасности, причастных к сокрытию и искажению правды, прежде чем против них будут выдвинуты официальные обвинения. С немислимой быстротой – уже на следующий день – президент амнистировал тех, кто не только не выразил никакого раскаяния и не был осужден, но еще даже не был отдан под суд! Даже очень благожелательно настроенный к нему

биограф указал: «Шимон Перес допустил ошибку в своем отношении к расследованию дела о захваченном террористами автобусе. Если бы он послушал Р. Хазака, он смог бы разрешить кризис намного раньше и не дать ему разрастись до безобразных размеров»¹²⁰.

*

Одним из наиболее ярких индикаторов тех душевных трудностей, которые переживал Менахем Бегин в последние месяцы своего пребывания на посту главы правительства, была отмена его запланированного визита в США. Изначально предполагалось, что он посетит Соединенные Штаты в мае 1983 года; тем не менее, по его просьбе, этот визит был отложен на месяц. Однако и в июне М. Бегин не чувствовал себя в силах лететь в США. Складывалась очень неприятная ситуация: как правило, иностранные лидеры просят о встречах с президентами США, которые, в свою очередь, не без труда находят на это время в своем перенасыщенном графике. Теперь же израильский премьер-министр дважды подряд отменял согласованную встречу с Рональдом Рейганом. Понимая беспрецедентность ситуации, Менахем Бегин лично позвонил президенту, объяснив, что по причинам глубоко личного характера не может совершить визит в США¹²¹.

Представляется, что травма, связанная с прошлой поездкой в США, когда во время его пребывания в Лос-

---

¹²⁰ Там же, стр. 392.

¹²¹ Ави Шилон, *Бегин*, стр. 416.

Анджелесе в ноябре 1982 года в Иерусалиме скончалась его преданная супруга Ализа, не отпускала М. Бегина. В ту поездку Ализа по состоянию здоровья (она страдала от эмфиземы легких) уже не могла сопровождать своего мужа, и М. Бегин отправился в США с дочерью Леей. Из телефонного звонка сына Биньямина-Зеева, глава правительства узнал о смерти жены. Он немедленно принял решение вернуться, однако полет из Лос-Анджелеса в Израиль занял шестнадцать часов. И в гостинице, и в самолете, по свидетельству окружающих его наиболее доверенных сподвижников, он повторял, испытывая тяжелое чувство вины: «Я не должен был оставлять ее»¹²². Для Менахема Бегина отныне и навсегда Соединенные Штаты Америки стали страной, куда ему не следовало ехать в момент, оказавшийся самым трагическим в его жизни; вероятнее всего, он отказывался от встречи с Рональдом Рейганом не потому, что, как утверждали отдельные критики, ему было нечего сказать президенту США относительно израильской политики в Ливане и на контролируемых территориях Иудеи, Самарии и Газы, а сугубо в связи с тем, что он душевно не мог освободиться от глубоко терзавшего его чувства вины, связанного с прошлой поездкой в эту страну.

Одним из самых первых и важных дел И. Шамира, сменившего М. Бегина на посту главы правительства, стала поездка в США для встречи с президентом Рональдом Рейганом и государственным секретарем Джорджем Шульцем – с ними обоими, особенно с

---

¹²² Там же, стр. 408.

Дж. Шульцем, у И. Шамира установились доверительные отношения. В ходе этого визита И. Шамира сопровождал министр обороны М. Аренс, еще за девять месяцев до этого бывший послом Израиля в США и установивший с Дж. Шульцем глубокие доверительные отношения. «В конце визита стало ясно, – указывал Ицхак Шамир, – что Израиль снова воспринимается как единственное государство Ближнего Востока, на которое Соединенные Штаты могут положиться»¹²³. Президент США в своем выступлении назвал прошедшие переговоры «очень продуктивными, как и должно быть между близкими друзьями и союзниками». Более того, было принято решение о проведении совместных военных учений, а также размещении в Израиле передового американского военного оборудования. Рональд Рейган и Ицхак Шамир также объявили о начале переговоров о создании свободной экономической зоны между США и Израилем. Не скрыв, что по нескольким вопросам их с Ицхаком Шамиром мнения не совпали, президент, однако, подчеркнул, что «разногласия между добрыми друзьями не влияют на исключительность и прочность отношений между нашими странами»¹²⁴. Президент США также согласился превратить крупные ссуды, выданные

---

¹²³ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 203.

¹²⁴ В оригинале: «Disagreements between good friends do not alter the unique and sturdy foundation of our relationship». Remarks of the President Ronald Reagan and Prime Minister Yitzhak Shamir of Israel Following Their Meetings, November 29, 1983 // The Ronald Reagan Presidential Library, Simi Valley, California, United States.

Израилю преимущественно на приобретение современного американского оружия, в безвозмездную помощь, а также обязался предоставить Израилю дополнительную помощь в размере четверти миллиарда долларов¹²⁵.

Таким образом, став главой правительства, Шимон Перес «унаследовал» прекрасно налаженные отношения, как с президентом США, так и с руководителем американского внешнеполитического ведомства. Этим важнейшим для Израиля стратегическим капиталом Шимон Перес, однако, распорядился отнюдь не оптимальным образом. За два года его пребывания на посту премьер-министра два грандиозных скандала оказали резко негативное влияние на отношения, которые Израилю в те годы были важны в еще большей мере, чем сейчас.

В ноябре 1985 года разразился первый из них: американская контрразведка арестовала Джонатана Полларда – уроженца и гражданина США, работавшего аналитиком разведки военно-морского флота США и в этом качестве имевшего доступ к большому корпусу секретных документов, примерно тысячу восемьсот из которых он скопировал и передал офицеру израильских военно-воздушных сил Авиаму Сэле, который находился в США на учебе, одновременно с этим курируя контакты с Дж. Поллардом, получая инструкции и передавая получаемые от него документы в Бюро по научным связям (ЛАКАМ) – едва ли не самую засекреченную на тот момент

---

¹²⁵ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 204–205.

израильскую спецслужбу. Она была создана в 1957 году в целях обеспечения разведывательного и контрразведывательного сопровождения израильского атомного проекта, и поскольку сам этот проект был в максимальной степени засекречен, тем более ничего не сообщалось о формировании «сопровождавшей» его спецслужбы. Руководитель ЛАКАМ не подчинялся ни главе Службы внешней разведки «Моссад», ни руководителю Общей службы безопасности (ШАБАК), ни командиру военной разведки (АМАН), находясь в подчинении у министра обороны. Руководители израильских силовых структур менялись и меняются каждые несколько лет, но Биньямин Блумберг (1924–2018) возглавлял Бюро по научным связям на протяжении почти четверти века – с момента его создания до 1981 года.

Название этой структуры не должно вводить в заблуждение: никакими собственно научными связями она не занималась; все ее усилия были сосредоточены на научно-техническом шпионаже – в самом широком смысле этого слова, – с одной стороны, и на предотвращении шпионско-диверсионной деятельности против наиболее передовых военных технологий, разрабатываемых в Израиле, с другой. Информация, которую на протяжении полутора лет передавал Джонатан Поллард через атташе по научным связям израильского посольства в Вашингтоне, лишь частично соответствовала профилю ЛАКАМ; в частности, сведения о комплексе зданий в Тунисе, использовавшихся руководством Организации Освобождения Палестины, с детальным

указанием расположения каждой комнаты и ее целевого предназначения, оказали большую помощь Израилю в планировании авиаудара по штаб-квартире ООП в октябре 1985 года, но к научно-технической разведке, это, очевидно, не имело никакого отношения.

Во времена Д. Бен-Гуриона, когда был создан ЛАКАМ, министром обороны был он сам, поэтому вопрос о том, кому подотчетно это Бюро, не стоял на повестке дня; все руководители спецслужб безоговорочно признавали авторитет и полномочия Д. Бен-Гуриона. В начале 1980-х годов ситуация была совершенно иной: министры обороны сменялись куда чаще, чем руководители Бюро по научным связям, причем тогдашний глава ЛАКАМ Рафи Эйтан пришел на этот пост из подчиняющейся лично главе правительства Службы внешней разведки (которую он хотел возглавить, но не получил такое назначение) и перед «рядовым» министром, с которым его не связывали никакие личные отношения, отчитываться не привык. Моше Аренс лично засвидетельствовал, что хотя он был министром обороны значительную часть того времени, на протяжении которого Дж. Поллард передавал информацию, он – министр, в подчинении которого находился ЛАКАМ! – не имел ни малейшего представления ни об этом человеке, ни о том, чем он занимался¹²⁶. Более того, Рафи Эйтан не получил санкции министра и на существенное расширение сфер деятельности возглавляемого им Бюро

---

¹²⁶ Моше Аренс, *Во имя безопасности Израиля*, стр. 137.

по научным связям в области, не касавшиеся научно-технологического шпионажа¹²⁷.

Джонатан Поллард сотрудничал с одной из разведывательных служб еврейского государства как по идейно-национальным, так и по финансовым причинам, но в значимости передаваемой им информации не было никаких сомнений. В середине 1985 года Джонатан Поллард понял, что вычислен, о чем он успел информировать Авиаму Сэлу. Оба они поспешили в израильское посольство в Вашингтоне, однако убежище там было предоставлено только А. Сэле, имевшему израильское гражданство. В нашем распоряжении нет точных сведений о том, кем именно и на основе каких соображений было принято решение оставить Джонатана Полларда у закрытых ворот тщательно охранявшегося здания израильского посольства, где он и был арестован сотрудниками Федерального бюро расследований США 21 ноября 1985 года. В июле 2012 года Рафи Эйтан сообщил о том, что буквально накануне ареста Дж. Поллард почувствовал, что кольцо вокруг него сжимается, и эту информацию лично он, Р. Эйтан, передал главе правительства Ш. Пересу, который, однако, не придавал этой информации никакого значения¹²⁸. (Как ни странно это звучит, но ни А. Сэла, ни Р. Эйтан не имели планов экстренной эвакуации Дж. Полларда в случае его разоблачения).

---

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Интервью Рафи Эйтана в телепрограмме Дана Маргалита «Новый вечер» 3 июля 2012 г. [на иврите].

Столкнувшись с арестом Джонатана Полларда, глава правительства Шимон Перес и министр обороны Ицхак Рабин проявили полную неспособность противостоять американскому давлению. Мало того, что американским следователям было разрешено допросить на территории Израиля всех государственных служащих и офицеров, с которыми они хотели пообщаться, – израильские власти еще и передали США все секретные материалы, которые были получены от Джонатана Полларда, и это позволило Федеральной прокуратуре собрать внушительную доказательную базу, позволившую добиваться – и добиться – его осуждения на пожизненное заключение. Джонатан Поллард находился в тюрьме тридцать лет и был освобожден лишь в 2015 году, став единственным человеком за всю историю США, который был приговорен к пожизненному сроку за передачу информации государству, считающемуся американским союзником¹²⁹. Отказавшись поддержать Дж. Полларда, Ш. Перес и И. Рабин фактически безропотно отдали его на заклятие. Когда следователи ФБР, через посредство сотрудников посольства США в Израиле, обратились за разъяснениями к Ш. Пересу и И. Рабину, те не нашли ничего лучшего, как отговориться, что не знают никакого Дж. Полларда, что привело в бешенство госсекретаря Дж. Шульца, который позвонил Ш. Пересу и настоятельно потребовал полного

---

¹²⁹ См.: Алек Д. Эпштейн, *Ближайшие союзники? Подлинная история американско-израильских отношений*, том 2, стр. 81–86.

сотрудничества израильской стороны с проводимым ФБР расследованием¹³⁰.

Ш. Перес и И. Рабин нанесли огромный урон способности израильских спецслужб привлекать информаторов в иностранных государствах: ведь если в наиболее «дружественной» Америке человек, работавший на Израиль, при поддержке сдавших его израильских властей оказался в тюрьме на бесконечно долгие тридцать лет, на что могли рассчитывать друзья Израиля, евреи и неевреи, в других странах, где Израиль «стратегическим союзником» не считается?! Ш. Перес и И. Рабин не только предали Дж. Полларда и, в значительной мере, разрушили успешно проработавшее почти тридцать лет Бюро по научным связям, но и нанесли тяжелый урон деятельности израильских разведывательных служб в целом. Дж. Поллард передал Израилю важнейшую информацию, касающуюся, в частности, расположения сирийских батарей зенитных управляемых ракет, иракских испытательных полигонов и объектов производства и складирования химического оружия, и уже за это должен был получить всемерную поддержку с израильской стороны. Дж. Поллард справедливо указывал, что тот факт, что американцы не передают эту информацию Израилю, противоречит заключенному М. Бегиным с администрацией Р. Рейгана в ноябре 1981 года Меморандуму о взаимопонимании в сфере стратегического сотрудничества. Ш. Перес и И. Рабин могли, как представляется, отстаивать ту же точку зрения,

---

¹³⁰ Говард Сакер, *История Израиля*, том 3, стр. 131–132.

не извиняясь перед американцами, а требуя от них объяснений, почему столь важная для обеспечения безопасности Израиля информация не передавалась еврейскому государству по взаимно согласованным каналам. Фактически, израильские спецслужбы неконвенциональным путем получали в США информацию, которая должна была предоставляться им Соединенными Штатами на упорядоченной регулярной основе, но Ш. Перес и И. Рабин не осмелились разговаривать с американцами так, как с ними говорил М. Бегин, напомнивший 20 декабря 1981 года послу США в Израиле С. Льюису, выражавшему протест против принятого Кнессетом Закона об израильском суверенитете над Голанскими высотами: «У нас достаточно сил, чтобы защитить свою независимость и свои права... Пожалуйста, будьте добры, сообщите государственному секретарю, что Закон о Голанских высотах остается в силе. Не существует никакой силы на земле, которая может заставить нас его отменить»¹³¹. Однако для того, чтобы так разговаривать с американцами, нужно было быть М. Бегиным – ни Ш. Перес, ни И. Рабин его силой духа и воли не обладали и близко. Даже весьма сложно относившийся к главе Партии Свободы Е.М. Примаков отмечал, что «Бегин был далек от роли деятеля, выполняющего указания из Вашингтона. ... Он отличался от многих других израильских руководителей тем, что не боялся принимать

---

¹³¹ Цит. по: Алек Д. Эпштейн, *Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений*, том 2, стр. 63–65.

решения»¹³². Е.М. Примаков встречался и с Ш. Пересом, и с И. Рабиным, но ни об одном из них он таких слов написать нужным не считал.

Представляется, что если бы об этом с самого начала знал И. Шамир, то ситуация развивалась бы иначе. Однако глава ЛАКАМ Рафи Эйтан, помнивший те дни, когда был воином ПАЛЬМАХа, по его собственному признанию, не информировал министра иностранных дел, в прошлом бывшего одним из руководителей ЛЕХИ, о деятельности агента Дж. Полларда и об удавке, которая затягивалась вокруг его шеи¹³³. Богатый опыт Ицхака Шамира как одного из руководителей Службы внешней разведки Израиля не был востребован тогда, когда он мог бы сослужить чрезвычайно важную службу.

Следователи министерства юстиции США и ФБР, подозревая наличие в США широкой израильской шпионской сети, приступили к дознанию и с помощью детектора лжи начали проверять возможные контакты Дж. Полларда как с еврейскими организациями, так и с известными фигурами из числа американских евреев. Как указывал Говард Сакер, «никаких инкриминирующих результатов эти проверки не дали, но со времен дела Розенбергов в начале 1950-х годов евреям в США не доводилось жить в такой атмосфере всеобщего

---

¹³² Евгений Примаков, *Конфиденциально: Ближний Восток: на сцене и за кулисами*, 2-е издание, переработанное и дополненное (Москва: «Российская газета», 2012), стр. 300.

¹³³ Интервью Рафи Эйтана в телепрограмме Дана Маргалита «Новый вечер» 3 июля 2012 г. [на иврите].

подозрения; ... еврейская пресса США, казалось, просто онемела от ужаса и никак не комментировала происходящее»¹³⁴. Евреи США оказались в наихудшей из возможных ситуаций: американские власти опасались, что они более лояльны Израилю, чем стране, в которой они живут и которую всегда готовы предать, если это пойдет на пользу Израилю, тогда как израильское руководство отказалось сделать что бы то ни было для защиты того единственного американского еврея, который был пойман с поличным и обвинен именно в такого рода деятельности.

Если бы Шимон Перес и Ицхак Рабин с самого начала встали на сторону Джонатана Полларда, предоставив ему всю возможную защиту, то он, скорее всего, никогда не был бы осужден: совершенно невозможно представить себе, что американские силовые структуры штурмовали бы израильское посольство в Вашингтоне с целью ареста Дж. Полларда. (Тот факт, что никто не штурмует посольство Эквадора в Лондоне, где уже много лет скрывается Джулиан Ассанж, является очевидным доказательством правоты данного утверждения). Даже после ареста Дж. Полларда Израиль мог многим помочь ему, что позволило бы просионистски настроенным американским евреям ощущать, что в случае, если их преданность Израилю окажется сильнее их лояльности Америке, это будет оценено и вознаграждено. Фактическое предательство Джонатана Полларда Шимоном Пересом и Ицхаком Рабиным показало американскому еврейству, что каковы бы ни были их

---

¹³⁴ Говард Сакер, *История Израиля*, том 3, стр. 133–134.

чувства к Израилю и каков бы ни был их вклад в обеспечение его безопасности, в по-настоящему трудный момент они не смогут рассчитывать на помощь и защиту со стороны еврейского государства.

Очевидно, что не Шимон Перес и не Ицхак Рабин принимали решение о вербовке Джонатана Полларда; как и во всех остальных случаях подобного рода, такие вопросы не поднимаются на уровень главы правительства и министра обороны, однако, столкнувшись с кризисом, Ш. Перес и И. Рабин повели себя самым прискорбным образом, как с точки зрения интересов израильского разведывательного сообщества, так и с точки зрения доверия к Израилю со стороны еврейства диаспоры.

*

Однако, пожалуй, самым тяжелым провалом Шимона Переса на посту главы правительства было его решение по снабжению режима аятолл в Иране оружием во имя призрачной перспективы укрепления отношений с США по «неформальным» каналам. Сложно сказать, кто именно был инициатором всей этой позорной операции: по свидетельству Шломо Газита, которое получил биограф Шимона Переса в ходе работы над книгой о нем, идея исходила от тогдашнего советника президента США по национальной безопасности Роберта Макфарлейна, который делегировал в Израиль для таких крайне деликатных переговоров своего советника д-ра Майкла Ледина – американского еврея неоконсервативных

взглядов, выпускника Висконсинского университета в Мадисоне, специалиста по истории итальянского фашизма¹³⁵. В ходе встречи с Шимоном Пересом и уполномоченным им на ведение этих переговоров бывшим командующим военной разведкой генералом в отставке Шломо Газитом¹³⁶ в конце мая 1985 года Майкл Ледин поинтересовался, не может ли Израиль помочь США в установлении контактов в Тегеране с целью поиска

---

¹³⁵ Е.М. Примаков указывал, что Майкл Ледин в то время был заместителем директора аппарата Совета национальной безопасности США подполковника Оливера Нортона; см.: Евгений Примаков, *Конфиденциально: Ближний Восток: на сцене и за кулисами*, стр. 375–376; в опубликованных биографиях Майкла Ледина этот факт не фигурирует. Не исключено, что Е.М. Примаков ошибался; например, в его книге (на стр. 299) указывается, что Элияху Бен-Элиссар «стал председателем Кнессета», хотя в действительности он никогда не занимал данный пост. Может быть, не точна и информация, касающаяся М. Ледина.

¹³⁶ В оригинальной версии книги на иврите цитируется поручение, которое дал Ш. Перес Ш. Газиту, и указывается, что именно он встречался с М. Ледином в Иерусалиме; см.: М. Бар-Зохар, *Феникс. Шимон Перес – политическая биография* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2006), стр. 545–546; в издании книги на русском языке этот факт не упоминается. Сам М. Ледин утверждал, что всего встречался с Ш. Пересом «четыре или пять раз», не конкретизируя, однако, даты этих встреч. Michael A. Ledeen, *Perilous Statecraft: An Insider's Account of the Iran-Contra Affair* (New York: Charles Scribner's Sons, 1988), p. 102.

путей освобождения семи американцев, удерживавшихся в качестве заложников в Ливане террористами «Хизбаллы», за которыми стоял Иран. При этом остается неясным, в какой мере Роберт Макфарлейн посвятил в детали своего плана госсекретаря Джорджа Шульца. Сам глава американской дипломатии чувствовал, что президентский советник давал ему неполную информацию; в ответ на это обвинение Р. Макфарлейн заявил Дж. Шульцу и Р. Рейгану, что инициатива установления контактов с иранцами принадлежала не ему, а руководителям Израиля¹³⁷. Того же мнения, кстати, придерживались и в советской внешней разведке; Е.М. Примаков утверждал, что схема трехстороннего сотрудничества между США, Израилем и Ираном «была инициативно разработана израильскими должностными лицами»¹³⁸. Не до конца

---

¹³⁷ Ronald Reagan, *An American Life. The Autobiography* (New-York: Simon & Schuster, 1990), pp. 504–506. Г. Сакер, в свою очередь, утверждает, что Р. Макфарлейн инициировал этот проект с целью освобождения похищенных в Бейруте в 1985 г. «Хизбаллой» семерых граждан США, родственники которых требовали от президента Р. Рейгана добиваться их освобождения, и обратился к Израилю после того, как госсекретарь Дж. Шульц и министр обороны К. Уайнбергер категорически отказались от его предложения добиваться освобождения американских заложников путем поставок в Иран оружия, нужного ему для ведения войны против Ирака; см.: Говард Сакер, *История Израиля*, том 3, стр. 165.

¹³⁸ Евгений Примаков, *Конфиденциально: Ближний Восток: на сцене и за кулисами*, стр. 375.

понятно, каков мог быть собственно израильский интерес в значительных поставках оружия исламистскому режиму аятолл (а в книге Е.М. Примакова скрупулезно указывается, сколько именно противотанковых ракет TOW и зенитных ракет «Хок» американского производства было доставлено из Израиля в Иран 30 августа и 14 сентября 1985 года, а затем 18 и 27 февраля 1986 года¹³⁹), вследствие чего гипотеза о том, что инициатива принадлежала израильской стороне, представляется весьма странной. Единственной возможной причиной могло, пожалуй, быть предположение, что Саддам Хусейн являлся злом еще большим, вследствие чего в войне между Ираном и Ираком, которая длилась восемь лет и была тогда в самом разгаре, для Израиля было крайне важно не допустить победы иракских войск. При этом биограф Шимона Переса настаивает на том, что если Роберт Макфарлейн представил Рональду Рейгану этот проект как израильскую инициативу, то он тем самым дезинформировал президента¹⁴⁰.

Чья бы ни была инициатива, Шимон Перес, несомненно, совершил большую ошибку, способствуя ее реализации. Именно тогдашний глава израильского правительства привлек к этой операции своего стародавнего друга Адольфа (Эла) Швиммера (Adolph William Schwimmer, 1917–2011) – уроженца США, бывшего одним из создателей военно-воздушных сил Израиля и на

---

¹³⁹ Там же, стр. 376–377.

¹⁴⁰ Михаэль Бар-Зохар, *Феникс. Шимон Перес – политическая биография*, стр. 546.

протяжении почти четверти века возглавлявшего концерн «Авиационная промышленность Израиля». Он, в свою очередь, ввел в круг посвященных своего бизнес-партнера Якова Нимроди – бывшего военного атташе Израиля в Тегеране до Исламской революции. А. Швиммер и Я. Нимроди преследовали собственные коммерческие интересы, и вся коррупционная составляющая этой нечистой торговли вызывала возмущение Ш. Газита, о чем он говорил Ш. Пересу, который, к его удивлению, не видел в происходившем проблемы; не имея возможности повлиять на ход событий, Ш. Газит прекратил участвовать в реализации этого безобразного проекта, в котором ведущую роль, как это ни покажется удивительным, стал играть советник Шимона Переса по борьбе с террором Амирам Нир (1950–1988). Американские власти отказывались напрямую ввязываться в военные сделки с Ираном, и можно лишь сожалеть о том, что Шимон Перес согласился предоставить услуги Израиля как посредника по поставкам оружия¹⁴¹. Е.М. Примаков, скорее всего, прав, утверждая, что «Перес хотел еще больше сблизиться с США, показав им незаменимость израильского механизма для осуществления американских тайных

---

¹⁴¹ В русском переводе книги ошибочно утверждается, будто американцы возместили Израилю затраты на это оружие (см. М. Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 397); в тексте на иврите указывается, что США расплачивались с Израилем не деньгами, а поставками более современных ракет в сравнении с теми, которые Израиль передавал Ирану (см. М. Бар-Зохар, *Феникс. Шимон Перес – политическая биография*, стр. 547).

операций на Ближнем Востоке»¹⁴², однако эта история имела прямо обратные последствия и нанесла Израилю большой политический урон.

Иранцы заплатили значительные суммы за поставленное им Израилем вооружение; эти деньги были перечислены на счета в швейцарских банках, причем примерно пятнадцать миллионов долларов по указанию Амирама Нира, следовавшего инструкциям, полученным от Оливера Норты, были переведены непосредственно на счета никарагуанских «контрас», которые вели гражданскую войну против левого правительства Даниэля Ортеги¹⁴³. (Учитывая, что Израиль получал от США более современное оружие взамен того, что поставлялось в Иран, ни на какие платежи из Исламской Республики он не претендовал). Эти средства, разумеется, не могли быть переведены на счет Федерального казначейства США, ибо это потребовало бы от администрации Р. Рейгана отчитаться перед Конгрессом за военно-политическое сотрудничество с Ираном, которое она ни в коем случае не была готова признать публично. С другой стороны, никарагуанские повстанцы постоянно обращались к представителям администрации президента США с просьбой о помощи, которую она была бы рада предоставить, но на это не давал своего согласия Конгресс. Оливеру Норте и его коллегам по Совету национальной безопасности США показалось разумным направить

---

¹⁴² Евгений Примаков, *Конфиденциально: Ближний Восток: на сцене и за кулисами*, стр. 375.

¹⁴³ Говард Сакер, *История Израиля*, том 3, стр. 168.

полученные из Тегерана деньги на финансирование никарагуанских «контрас». Весной 1986 года Роберт Макфарлейн даже лично побывал в Тегеране, причем среди сопровождавших его лиц был, как это ни покажется удивительным, Амирам Нир (все они прибыли в Иран с поддельными ирландскими паспортами¹⁴⁴).

3 ноября 1986 года информация о секретных поставках американского оружия в Иран была опубликована в ливанской газете *Al-Shiraa* – насколько можно судить, она получила информацию от конфликтовавшего с аятоллой Хомейни (1902–1989) аятоллы Хосейна-Али Монтазери (1922–2009)¹⁴⁵ – и разгорелся один из самых громких скандалов в политической истории США, причем Израиль оказался в едва ли не самом неприглядном положении, о котором только можно было подумать. Когда в конце 1986 года разоблачения по делу «Иран–контрас» достигли апогея, и была создана специальная комиссия по расследованию во главе с сенатором-республиканцем из штата Техас Джоном Тауэром (John Tower, 1925–1991), не мог не прозвучать вопрос о том, не превратило ли военно-политическое и коммерческое сотрудничество с режимом аятолл, которое проводилось под покровительством и при

---

¹⁴⁴ Там же, стр. 167.

¹⁴⁵ Этой версии придерживался глубоко изучивший обстоятельства данного дела израильский аналитик Шмуэль Сегев (1926–2012); см.: Samuel Segev, *The Iranian Triangle: The Untold Story of Israel's Role in the Iran-Contra Affair* (New York: Free Press, 1988).

личном участии советника главы правительства Израиля по борьбе с террором, саму эту борьбу в фиговый листок для деятельности совершенно иного рода. И тогда, и впоследствии руководителей Исламской Республики Иран отличали наиболее непримиримые позиции в отношении Израиля, а действовавшая уже тогда при его покровительстве в Ливане «Хизбалла» была одной из самых враждебных организаций, ответственной за жестокие теракты против израильтян, евреев диаспоры и американцев. Вместо того, чтобы показать незаменимость Израиля для Соединенных Штатов в противостоянии исламизму и террору, Шимон Перес продемонстрировал всему миру беспредельный цинизм и внешнеполитическую нечистоплотность, и от этих неприглядных качеств в глазах американского и мирового общественного мнения Израилю было очень и очень непросто «отмыться».

Хотя ключевые решения в этом деле принимал Шимон Перес, а Адольф Швиммер и Амирам Нир числились его советниками (первый – по науке и технологиям, второй – по борьбе с международным терроризмом), нужно сказать прямо, что Ицхак Шамир, с 1980 года бессменно занимавший пост министра иностранных дел, был им проинформирован – и никаких возражений глава «Ликуда» не высказал. Напротив, он поручил одному из своих наиболее доверенных сотрудников, которого он знал еще по совместной работе в Службе внешней разведки «Моссад», генеральному директору Министерства иностранных дел Давиду Кимхи

(1928–2010) лично участвовать в переговорах, в ходе которых обсуждались детали реализации этого плана. И. Шамир мог попробовать наложить вето на участие Израиля в этой крайне сомнительной афере, но не сделал этого. Более того, когда по соглашению о ротации он в октябре 1986 года сменил Шимона Переса, то оставил Амирама Нира на посту советника главы правительства¹⁴⁶. А. Нир погиб в 1988 году в Мексике при обстоятельствах, которые так и не удалось выяснить, несмотря на практически безграничные финансовые возможности его супруги и матери двух его сыновей Джуди Мозес, семья которой владеет крупнейшим в Израиле издательским концерном «Едиот ахронот» (впоследствии она вышла замуж за одного из лидеров «Ликуда» Сильвана Шалома, в разное время занимавшего посты министра науки, финансов, энергетики, иностранных и внутренних дел).

Наряду с делом Дж. Полларда, скандал «Иран–контрас» нанес огромный урон статусу Израиля, как в глазах широких слоев американского общества, так и среди американского еврейства. Продажа значительных партий оружия Ирану позволила коррумпированным посредникам, в том числе и тем, которых привлек Шимон Перес, обогатиться на миллионы долларов, но для Государства Израиль в целом обе эти истории имели, безусловно, крайне негативные последствия.

*

---

¹⁴⁶ См.: Samuel Segev, *The Iranian Triangle*, p. 301.

Кабинет, пафосно называвшийся «правительством национального единства», по сути, представлял собой конфедерацию, в которой министры от «Ликуда» и от Партии Труда существовали в значительной мере обособленно друг от друга, демонстрируя крайне ограниченную степень взаимного доверия.

Шимон Перес и Ицхак Шамир по-разному видели будущее Израиля: первый, чем дальше, тем больше, становился адептом «религии мирного процесса», тогда как второй на глубинном уровне не верил в готовность арабо-мусульманского мира принять факт существования еврейского государства и поддерживать с ним добрососедские отношения. Шимон Перес крайне скептически относился к государственному аппарату, дипломатам и даже спецслужбам, предпочитая личные контакты с главами иностранных государств, с которыми он встречался так часто, как никто из его предшественников на посту. Напротив, Ицхак Шамир был интровертом, крайне скупым на слова и эмоции. Шимон Перес, как, кстати, и Менахем Бегин, очень любил церемонии и знаки статусного внимания, оба они считались прекрасными ораторами; Ицхак Шамир, напротив, был совершенно равнодушен к формальностям, красным коврам, дорожкам, приветствующим военным оркестрам, он не любил выступать публично, если во что и веря, то в личные джентельменские договоренности вдали от общественности и прессы. Шимон Перес был человеком, стремившимся *изменить* Ближний Восток и место Израиля в нем; Ицхак Шамир, в свою очередь,

видел свою главную задачу в том, чтобы *не растерять* того, чего Израилю удалось добиться.

Они провели молодые годы на противоположных сторонах военно-политических баррикад, и это тоже не способствовало их сближению. Шимон Перес всю свою жизнь принадлежал к истеблишменту, власть всегда была благосклонна к нему, он сам с юных лет был ее частью. Уже в тридцать шесть лет он стал депутатом Кнессета – на четырнадцать лет раньше, чем Ицхак Шамир, будучи при этом его на восемь лет моложе. Напротив, молодость И. Шамира прошла в условиях двойного преследования: как со стороны британских мандатных властей, так и со стороны того политического лагеря, питомцем которого был Ш. Перес. Шимон Перес, европеец, гурман и эпикуреец, лучше всего чувствовал себя среди писателей и артистов, тогда как Ицхак Шамир – среди товарищей по подполью и Службе внешней разведки.

Тот факт, что Партия Труда с формальной точки зрения выиграла выборы, получив на три мандата больше, чем блок «Ликуд», но он при этом был вынужден довольствоваться постом главы правительства лишь на протяжении половины каденции, отнюдь не улучшал отношение Шимона Переса к Ицхаку Шамиру и его соратникам по «Ликуду». У Ицхака Шамира сложилось впечатление, что Перес «не придавал никакого значения ни той коалиции, в которую вошел добровольно, ни имиджу правительства. Наши взгляды на структуру правительства были различны. Разумеется, я бы тоже предпочел правительство, во главе которого стоит моя

партия, но я знал, что в сложившемся положении это невозможно, и нам следует использовать существенные преимущества данной ситуации. Она доказала, что Израиль достиг политической зрелости и что его государственный аппарат способен творчески преодолевать даже принципиальные разногласия ради престижа государства. Перес же, напротив, относился, по видимому, к правительству национального единства как к тяжкому недугу, с которым следует бороться любыми методами, если это служит его политическим интересам»¹⁴⁷. Все это привело Ицхака Шамира к горькому выводу о том, что Шимон Перес «это человек, сотрудничество с которым невозможно»¹⁴⁸.

Особенно острые разногласия между И. Шамиром и Ш. Пересом возникали по поводу создания еврейских поселений за так называемой «зеленой чертой». «По непонятным мне причинам, поселения просто-таки вызывали его гнев, в буквальном смысле слова», – вспоминал Ицхак Шамир. Хотя, будучи министром обороны в первом правительстве И. Рабина в 1974–1977 годах, сам Ш. Перес немало сделал для развития еврейского поселенчества в Иудее, Самарии, Иорданской долине и в секторе Газа, а также на Голанских высотах и Синайском полуострове, в 1980-е – 1990-е годы мало кто из высших руководителей Израиля относился к созданию новых и развитию существовавших еврейских поселений с таким антагонизмом, как Шимон Перес. Сам Ицхак

---

¹⁴⁷ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 222–223.

¹⁴⁸ Там же, стр. 222.

Шамир никогда не жил где бы то ни было на контролируемых территориях, но их заселение имело для него огромное идеологическое и символическое значение: в возвращении иудеев в Иудею, а также в Самарию и другие районы, бывшие неотъемлемой частью Эрец-Исраэль, Ицхак Шамир видел смысл существования еврейского государства. Тот факт, что Шимон Перес на протяжении двух лет был главой правительства, никак не был в глазах Ицхака Шамира достаточной причиной для прекращения или замораживания на этот срок поселенческой деятельности, имевшей непреходящее общенациональное значение. Ицхак Шамир считал, что Израиль заставили уйти с Синайского полуострова потому, что там было очень ограниченное число еврейских жителей. Заселение Иудеи, Самарии и Голанских высот были важны еще и для того, чтобы сделать невозможным повторение Синайского сценария.

В общественном сознании широко распространено мнение о Ш. Пересе как о победителе инфляции, которая за период с осени 1985 по осень 1986 года сократилась с 35% до 2% в месяц. Г. Сакер справедливо констатировал, что, «подобно своему учителю Бен-Гуриону, Перес давно расстался с иллюзиями относительно эффективности социалистических принципов в экономике»¹⁴⁹, однако нужно все-таки помнить, что *ключевая роль в обуздании инфляции и стабилизации экономики Израиля принадлежала не главе правительства, а министру финансов, которым как раз на протяжении всех первых*

---

¹⁴⁹ Говард Сакер, *История Израиля*, том 3, стр. 149.

четырёх лет существования правительства национального единства, с 1984 по 1988 годы, был представитель блока «Ликуд»: до 16 апреля 1986 года – Ицхак Модаи, а затем – Моше Ниссим.

Накануне выборов 1984 года, которые, согласно данным публиковавшихся опросов, Шимон Перес должен был выиграть, к нему обратился профессор экономики Хаим Бен-Шахар, бывший в 1975–1983 годах президентом Тель-Авивского университета, с предложением создать группу специалистов по подготовке плана оздоровления финансовой и хозяйственной жизни страны. В эту группу входили, среди других, Амнон Нойбах и Эммануэль Шарон: первый после выборов был назначен экономическим советником премьер-министра, а второй – генеральным директором Министерства финансов. Оба они настойчиво убеждали Ш. Переса задействовать единый комплексный экономический план, однако глава правительства сопротивлялся, опасаясь, что это будет неприемлемо для руководителей Федерации профсоюзов, с которыми он отнюдь не хотел конфликтовать.

Вместо этого, Ш. Перес попробовал договориться о «пакетной сделке» между правительством, профсоюзами и Союзом промышленников, на что Х. Бен-Шахар иронично сказал: «Вы создали хорошенький пакет. Вы упаковали горстку горящих углей в красивую упаковочную бумагу, но в финале огонь разгорится и все сгорит дотла»¹⁵⁰. Беседы главы правительства с ведущими экономистами свидетельствовали о его тотальной

---

¹⁵⁰ Цит. по: Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес*, стр. 383.

некомпетентности в финансово-хозяйственной сфере; в ходе одного из заседаний бывший председатель правления Государственного банка Израиля Моше Занбар (1926–2012) сказал ему: «Шимон, есть вопросы, которые Вы не должны задавать; это стыдно»¹⁵¹.

Фактически, Эммануэль Шарон и Ицхак Модаи разработали план радикальных экономических преобразований, который сумели навязать Шимону Пересу; именно Эммануэль Шарон представил этот план в ходе заседания правительства 30 июня 1985 года. Ицхак Модаи, равно как и Ицхак Шамир, сразу же выступили за предложения, выдвинутые Э. Шароном, которые поддержал и Ш. Перес, воочию видевший, что за девять первых месяцев его премьерства Израиль все глубже погружался в пучину экономического кризиса. К счастью для Израиля, после изнурительного марафонского заседания правительство утвердило этот план большинством голосов, и, несмотря на сопротивление со стороны Федерации профсоюзов, он был реализован в полном объеме. Израильская экономика была спасена от финансового коллапса, но нужно помнить, что отнюдь не Шимон Перес был ее спасителем. Ключевая роль в этом принадлежала министру финансов от блока «Ликуд» Ицхаку Модаи и генеральному директору этого министерства в 1984–1987 годах Эммануэлю Шарону. Несмотря на высокий профессионализм Ицхака Модаи и его несомненные достижения во главе минфина, в апреле 1986 года Шимон Перес настоял на его увольнении в связи

---

¹⁵¹ Цит. там же, стр. 383.

с тем, что не мог стерпеть критику, которую министр финансов высказывал лично в его адрес. Его место занял Моше Ниссим, бывший до этого министром юстиции, и эта рокировка, как оказалось впоследствии, имела фатальные последствия для развития израильской авиационной промышленности.

*

Разработка нового израильского самолета, предназначенного для замены истребителей «Кфир» (созданных в значительной мере по чертежам французского самолета «Мираж-5»), началась в 1980 году. Предполагалось, что новый истребитель будет решать задачи завоевания господства в воздухе (дополняя истребители F-15) и использоваться для нанесения ударов по наземным целям как на поле боя, так и в оперативной глубине. Хотя в работах по программе значительное участие приняли американские авиастроительные фирмы, этот проект по созданию многофункционального боевого самолета должен был обеспечить израильским военно-воздушным силам беспрецедентную независимость. Один из создателей кафедры авиационной инженерии Хайфского Технологического университета профессор Моше Аренс, при трех премьер-министрах руководивший работой Министерства обороны Израиля, и поныне считает, что «Лави» стал бы лучшим в мире истребителем-

бомбардировщиком, а его производство – флагманом израильских научно-технологических разработок¹⁵².

31 декабря 1986 года состоялся первый полет опытного самолета «Лави» (он продолжался 26 минут, и за ним наблюдали тысячи людей), а в марте 1987 года в воздух поднялся второй прототип истребителя. Программу исследований предполагалось завершить к 1990 году, а в дальнейшем планировалось серийное производство самолетов. Израильские инженеры создали машину не хуже, а во многом и лучше, чем американский F-16, тем самым поставив под угрозу портфель будущих заказов концерна «Локхид-Мартин». С этим американцы оказались мириться не готовы, и тогдашний министр обороны США Каспар Уайнбергер (1917–2006) начал свой «крестовый поход» против проекта «Лави»¹⁵³. Задачу доказать израильтянам, что проект создания собственного современного самолета-истребителя им не по карману, К. Уайнбергер возложил на сотрудника Пентагона Дова Закхайма, совсем не разбиравшегося в авиации, но имевшего, в силу занимаемой им должности (*Deputy Undersecretary of Defense for Planning and Resources*), большие полномочия в сфере распределения американского военного бюджета и контроля над ним. К. Уайнбергер предполагал, что к этническому еврею Д. Закхайму доверие в Израиле, куда он неоднократно

---

¹⁵² Моше Аренс, «Как в Израиле “похоронили” самый лучший самолет в мире» // *Ха'арец*, 21 апреля 2009 г. [на иврите].

¹⁵³ См.: Алек Д. Эпштейн, *Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений*, том 2, стр. 87–89.

прилетал, будет велико, и это поможет в борьбе за удушение проекта «Лави».

Эта борьба никогда бы не увенчалась успехом, если бы не присоединение к ней руководителей Партии Труда Шимона Переса и Ицхака Рабина. Как с горечью указывал Моше Аренс, «вместо того, чтобы отправить его [Закхайма] домой, Рабин согласился вместе с ним провести перерасчет стоимости всего проекта»¹⁵⁴. Согласно расчетам специалистов израильского концерна «Авиационная промышленность», стоимость каждого самолета «Лави» должна была составить 15,2 миллиона долларов, однако на пресс-конференции, которую он провел в Тель-Авиве 7 января 1987 года, Д. Закхайм заявил, что она будет на 45% выше. При этом он не забыл подчеркнуть, что военная помощь США Израилю в обозримой перспективе ни в коем случае не превысит 1 миллиарда 800 миллионов долларов в год, вследствие чего выразил «опасение», что развитие проекта «Лави» ударит по всем остальным оборонным потребностям Израиля¹⁵⁵. И. Рабин, который в принципе с огромным трудом принимал решения в ситуациях, требовавших выдержанности и стойкости, испугался, пообещав американскому эмиссару, что, как министр обороны, внесет в правительство предложение о прекращении работы над реализацией этого проекта.

К августу 1987 года первый и второй прототипы истребителя «Лави» набрали уже более сотни часов

---

¹⁵⁴ Моше Аренс, *Во имя безопасности Израиля*, стр. 143.

¹⁵⁵ Там же, стр. 144.

экспериментальных полетов, в 1,45 раза преодолев скорость звука на высоте 12,5 тысяч метров над землей¹⁵⁶. М. Аренс считал, что на этом этапе перспективность проекта не может быть поставлена под сомнение, однако его профессиональный оптимизм оказался чрезмерным. Ш. Перес и И. Рабин не только сами выступили за то, чтобы принять требования американцев, но и потребовали от всех без исключения представителей Партии Труда в правительстве проголосовать соответствующим образом. Ш. Перес представил дело не как вопрос первостепенной важности в сфере национальной безопасности, а как политическое противостояние «бережливой» Партии Труда против «транжирящего бюджет» «Ликуда». В ходе голосования 30 августа 1987 года все члены правительства от Партии Труда, кроме министра здравоохранения Шошаны Арбели-Альмозлино (1926–2015), которая воздержалась, подняли руки за закрытие проекта «Лави». Напротив, все министры от «Ликуда» голосовали за продолжение проекта; все, кроме одного – министра финансов Моше Ниссима, которого американские эмиссары убедили в том, что создание собственного передового самолета – непосильное бремя для израильского бюджета. Двенадцатью голосами против одиннадцати при одной воздержавшейся решение об удешевлении проекта «Лави» было принято¹⁵⁷.

Кончилась эта сага едва ли не наихудшим для Израиля образом. Вопреки пустым обещаниям И. Рабина,

---

¹⁵⁶ Там же, стр. 145.

¹⁵⁷ Там же, стр. 149–150.

с закрытием проекта «Лави» сотни высококвалифицированных специалистов лишились работы, и многие из них покинули Израиль – кто на время, а кто, пустив корни на новом месте, и навсегда.

В 1992 году было заключено израильско-китайское соглашение о сотрудничестве в создании для КНР нового истребителя, известного как J-10, в основу проекта которого был положен самолет «Лави» (а также ракеты «воздух-воздух» израильского производства). Насколько известно, китайцы, вместе со специалистами из Центрального аэрогидродинамического института им. Н.Е. Жуковского, доработали израильский проект, с учетом новейших достижений авиационной техники.

В январе 2007 года состоялся первый полет китайского истребителя J-10; к настоящему времени произведено более трехсот таких самолетов, часть из которых экспортировались в другие страны, в том числе в Иран. Таким образом, самый лютой враг Израиля, который не скрывает своего стремления стереть еврейское государство с лица Земли, получил один из лучших истребителей в мире, созданный в основе своей израильскими специалистами. Израиль же, в свою очередь, продолжает ультимативно зависеть от поставок американских истребителей, причем астрономическая цена F-35 (которая всё росла и росла с продвижением этого проекта) намного превышает расчетную стоимость самолетов «Лави».

4. Интифада, которую не удалось предотвратить

В октябре 1986 года подписанное соглашение о ротации было реализовано, и главой правительства Израиля стал Ицхак Шамир. Нужно сказать, что многие сомневались в том, что Шимон Перес добровольно уйдет в отставку с высшего поста в стране; советники Переса прямо рекомендовали ему инициировать, по тому или иному поводу, правительственный кризис, который дал бы возможность объявить досрочные выборы – в надежде их выиграть и сформировать правительство вообще без «Ликуда». Нимрод Новик, на протяжении ряда лет сопровождавший Шимона Переса на различных должностях, которые тот занимал, советовал воспользоваться разногласиями по поводу будущего Табы (этот городок в окрестностях Эйлата Египет требовал вернуть под свой суверенитет, утверждая, что он является неотъемлемой частью Синайского полуострова и на него, поэтому, распространяется действие подписанного с Израилем соглашения), чтобы сделать резкий демарш: «Если наше предложение не пройдет, это будет самый благоприятный момент и самый подходящий повод для развала правительства»¹⁵⁸.

Седьмой параграф египетско-израильского мирного договора гласил: «Разногласия, могущие возникнуть в ходе реализации этого договора или при его толковании, улаживаются с помощью переговоров. Все споры, которые

---

¹⁵⁸ Слова Нимрода Новика цит. по книге Михаэля Бар-Зохара *Шимон Перес. Биография*, стр. 412.

невозможно решить с помощью переговоров, улаживаются с помощью процедуры примирения или с помощью арбитража». Ицхак Шамир категорически выступал против арбитража в отношении Табы, опасаясь, что длительная и изнурительная юридическая процедура, в ходе которой Египет и Израиль вместо того, чтобы строить добрососедские отношения между собой, будут бороться, выдвигая обвинения друг против друга, в итоге закончится поражением Израиля¹⁵⁹. Так оно и случилось после двух с половиной лет изматывающих обсуждений.

Шимон Перес, бывший в начале 1986 года главой правительства, решил, однако, поддержать египетское требование об арбитраже. И. Шамир, пытаясь найти объяснение этой позиции, выдвинул следующие гипотезы: «Вера (ошибочная) в то, что выполнение египетских требований приведет к улучшению двусторонних отношений; увеличение вероятности визита Х. Мубарака в Иерусалим – в качестве гостя Ш. Переса (что могло бы послужить противовесом визита А. Садата – гостя М. Бегина); увеличение вероятности посещения Ш. Пересом Каира с государственным визитом; скорейшее возвращение египетского посла в Тель-Авив (он был отозван в Каир, когда началась Ливанская война)»¹⁶⁰. Ш. Перес даже отправил своего эмиссара в Каир, пообещав египтянам, что их требование об арбитраже будет выполнено вне зависимости от мнения министра

---

¹⁵⁹ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 232.

¹⁶⁰ Там же, стр. 233.

иностранных дел Израиля, которым тогда, напомним, был И. Шамир.

Заседания арбитража закончились в сентябре 1988 года, спустя два года после того, как Ш. Перес покинул канцелярию главы правительства: арбитраж постановил, что Таба принадлежит Египту¹⁶¹. Вынужденное возвращение египтянам Табы, где Израиль успел построить прекрасную гостиницу «Сонеста» и оздоровительный санаторий, ничем не улучшило отношения между двумя странами. Хосни Мубарак так и не прилетел в Израиль (это случилось только в 1995 году, когда он, наряду со многими другими руководителями государств, прибыл в Иерусалим на похороны убитого Ицхака Рабина), а отношения между Израилем и Египтом продолжали оставаться примером «холодного мира»: туристические связи были исключительно односторонними (египтяне практически не бывали в Израиле), экономические, культурные и научные контакты – крайне ограниченными, а на создание Израильского научного центра в Каире в 1982 году (его первым директором был профессор Шимон Шамир, позднее ставший первым послом Израиля в Иордании¹⁶²) египетская сторона так и не сочла нужным ответить аналогичным шагом. Единственное, чего на самом деле добился Ш. Перес (и о чем, к сожалению, вообще не упоминает в своей книге И. Шамир), – это возвращение в

---

¹⁶¹ Говард Сакер, *История Израиля*, том 3, стр. 173.

¹⁶² Между профессором Шимоном Шамиром и Ицхаком Шамиром не было родственных связей.

Израиль египетского посла Мухаммеда Басьюни (1937–2011), что едва ли могло быть признано разумной и достаточной компенсацией за потерю Израилем своего второго порта на Красном море.

Ицхак Шамир вспоминал: «Несколько лет я надеялся на то, что мы решим данный вопрос с египтянами конструктивно: поделим между собой этот клочок земли. Таба получит экстерриториальный статус, может быть, мы осуществим там совместный туристический проект, который стал бы символом мира. Но разговаривать было не с кем. ... Я был убежден тогда, убежден и сейчас, что мы могли сохранить Табу, ничего не потеряв в политической области, – если бы выступали единым фронтом. По-моему, было немало иронии в том, что меня и мне подобных, тех, кто выступал против “раздачи” Эрец-Исраэль, обливали ушатами грязи, изображали фанатиками, но никто (кроме «Ликуда») не обратил внимания (не говоря уже о том, что не протестовал) на то, что египтяне ногтями вцепились в Табу, – а это ставило под угрозу мирный процесс, – только из соображений национального престижа»¹⁶³.

*

Как указывалось выше, помощники Шимона Переса советовали ему воспользоваться позицией Ицхака Шамира, стремившегося сохранить за Израилем этот небольшой клочок важной и нужной ему территории (а

---

¹⁶³ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 233–234.

Египет контролирует огромную часть акватории Красного моря, тогда как у Израиля есть лишь очень узкая полоска, где был создан город Эйлат), с целью развалить правительство национального единства, инициировать турбулентный и очень дорогостоящий процесс досрочных выборов, чтобы только удержаться у власти. Удивительным образом, между президентом Египта, требовавшим от Израиля болезненной территориальной уступки, и как бы соратником по правительству национального единства, искавшим возможности этой уступки избежать, помощники Шимона Переса занимали сторону Хосни Мубарака, а не Ицхака Шамира. Насколько известно, ключевую роль в том, что Шимон Перес не принял их макиавеллианский совет, была позиция его супруги Сони (урожденная Гельман, 1923–2011), выразившей опасение, что обвинения в адрес ее мужа в том, что ему невозможно доверять, в этот раз будут иметь фатальные последствия для его политического будущего. Биограф Шимона Переса считает, что именно Соня оказала серьезное влияние на его решение¹⁶⁴. Поскольку до запланированной даты ротации оставалось еще девять месяцев, то Шимон Перес успокоил Нимрода Новика, сказав ему рано утром 13 января 1986 года, после окончания затянувшегося глубоко за полночь заседания правительства: «У меня еще есть время, Нимрод»¹⁶⁵.

В апреле 1986 года помощник Ш. Переса Эльханан Ишай инициировал внесение на обсуждение делегатами

---

¹⁶⁴ Михаэль Бар-Зохар, *Перес. Биография*, стр. 412.

¹⁶⁵ Там же, стр. 413.

партийного съезда резолюции о выходе Партии Труда из правительства национального единства, что неминуемо должно было привести к его распаду и досрочным выборам. Сам Ш. Перес был против принятия съездом подобной резолюции и сумел добиться того, чтобы она была снята с обсуждения, однако крайне показателен в этой связи его диалог с одним из делегатов съезда, которому премьер-министр сказал: «Ты действительно веришь, что я собираюсь передать кресло премьера Шамиру? Ты считаешь, что я выжил из ума? Не беспокойся, я позабочусь, чтобы правительство развалилось до наступления дня ротации. Давид Леви будет критиковать Шамира с одной стороны, а Шарон с другой. В любом случае, они перегрызутся. Я выступлю с такими инициативами, которые вынудят “Ликуд” выйти из правительства»¹⁶⁶. Иными словами, Шимон Перес хотел сорвать соглашение о ротации, которое сам же подписал, но при этом не считаться виновным в его срыве!

Однако его надежда на неосторожные шаги министров от блока «Ликуд» оказалась ошибочной. Хотя Ариэль Шарон, Давид Леви, Ицхак Модаи и, в определенной степени, Моше Аренс воспринимали Ицхака Шамира не более чем как «первого среди равных», ему удалось удержать их от резких шагов, которые бы позволили Шимону Пересу сделать то, что он хотел, свалив ответственность на других. «Я всегда ставил интересы “Ликуда” выше интересов его лидеров в отдельности, а национальные интересы – выше интересов

---

¹⁶⁶ Цит. там же, стр. 414–415.

“Ликуда”», – писал Ицхак Шамир¹⁶⁷, и этот подход позволил ему, несмотря на все усилия Шимона Переса и его соратников, сохранить правительство и добиться реализации соглашения о ротации на посту премьер-министра.

*

Будучи главой правительства, Ш. Перес прикладывал большие усилия, чтобы прийти к согласию с королем Иордании Хусейном в отношении возможности подписания всеобъемлющего мирного договора между странами – аналогичного тому, который был заключен М. Бегиним с президентом Египта А. Садатом. Начиная с 28 августа 1974 года, Ш. Перес неоднократно встречался с королем Хусейном¹⁶⁸. Еще в ходе самой первой встречи (в которой, кстати говоря, с израильской стороны принимали участие также тогдашний глава правительства Ицхак Рабин и министр иностранных дел Игаль Алон) Ш. Перес предложил создание некой формы демилитаризованной Палестинской автономии на Западном берегу и в секторе Газа, которая будет находиться под совместным управлением Израиля и Иордании; он также предложил, чтобы Израиль, Иордания и формируемая таким образом Палестинская автономия создали бы единый общий рынок. Насколько известно, король Хусейн достаточно резко выразил свое

---

¹⁶⁷ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 248.

¹⁶⁸ Avi Shlaim, *Lion of Jordan*, p. 381.

нежелание обсуждать этот план, который даже сам Ш. Перес охарактеризовал в ходе встречи как «фантастический»¹⁶⁹.

После состоявшейся вскоре второй встречи Ш. Перес и король Хусейн не видели друг друга лицом к лицу около десяти лет, несмотря на то, что принадлежавший королю Иордании дом в лондонском районе Кенсингтон находился на расстоянии лишь нескольких сот метров от здания израильского посольства. Именно там они вели переговоры 19 июля 1985 года, когда Ш. Перес уже был главой правительства. Эта встреча прошла в очень конструктивном ключе, и два государственных деятеля договорились о последовательных шагах, которые должны были превратить политический диалог между Иорданией и Израилем из тайного в явный.

При этом король Хусейн вел достаточно сложную двойную игру: с одной стороны, он был заинтересован в возвращении потерянных в 1967 году территорий под свой контроль, с другой стороны, боялся, что полное игнорирование им Организации освобождения Палестины приведет к острому конфликту, аналогичному тому, который в 1970 году закончился гражданской войной, вошедшей в палестинскую историю как Черный сентябрь. В разные годы отношения между королем Хусейном и Ясиром Арафатом колебались от остро враждебных до нарочито корректных, в 1985 году будучи внешне взаимно толерантными.

---

¹⁶⁹ Там же, р. 382.

5 октября того же года глава правительства Израиля и король Иордании встретились в Лондоне вновь – на этот раз в доме лорда Виктора Мишкона – британского еврея, видного юриста и активиста Лейбористской партии, к которому оба они испытывали большое уважение¹⁷⁰. Хотя и Шимон Перес, и король Хусейн хотели прийти к соглашению, равно воспринимая перспективу образования независимого палестинского государства как огромную проблему для своих стран¹⁷¹, король Иордании был намерен максимально строго соблюдать меры предосторожности – во многом из опасений, что будет убит так же, как был убит Анвар Садат. Шимон Перес очень хотел, чтобы официальное начало открытых израильско-иорданских переговоров состоялось под покровительством президента Египта, однако Хосни Мубарак заявил, что пока не будет улажен спор по поводу Табы, он не намерен встречаться с премьер-министром Израиля. Биограф Ш. Переса указал, что из-за упрямства Х. Мубарака Израиль и Иордания дорого заплатили за потерянные полтора года, пока в международном арбитраже обсуждался вопрос о суверенитете над Табой¹⁷².

Не имея поддержки со стороны Египта, король Хусейн настаивал на том, что пойдет на открытые переговоры с Израилем только в рамках международной конференции, в которой примут участие представители всех пяти стран, бывших постоянными членами Совета

---

¹⁷⁰ Там же, р. 430.

¹⁷¹ Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 403.

¹⁷² Там же, стр. 405.

Безопасности ООН. Эту идею, однако, отвергал и сам Ш. Перес¹⁷³, и тем более министр иностранных дел И. Шамир, который был уверен, что такая конференция превратится в форум, где Израиль «быстро окажется в изоляции и не сможет выстоять против тяжелого международного давления»¹⁷⁴. И. Шамир неоднократно подчеркивал, что «такого рода конференция принесет нам только бедствия»¹⁷⁵, и Ш. Перес, понимавший, что без поддержки «Ликуда» не сможет добиться утверждения в правительстве и Кнессете никаких своих договоренностей с королем Иордании, вынужден был считаться с этим. Таким образом, король Хусейн фактически оказался заложником Хосни Мубарака и Ясира Арафата, а действия Шимона Переса в значительной мере сковывались осторожностью Ицхака Шамира.

Американский дипломат Ричард Мерфи был направлен госсекретарем Джорджем Шульцем для сглаживания противоречий между Шимоном Пересом и королем Хусейном. Большую часть разногласий удалось преодолеть, однако израильская сторона категорически отвергла требования короля Хусейна, касавшиеся формата двусторонних переговоров. Ш. Перес считал, что ему удалось убедить короля Иордании в том, что пленарное заседание международной конференции должно носить «исключительно протокольный характер»¹⁷⁶; Ш. Перес

---

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 229.

¹⁷⁵ Там же, стр. 228.

¹⁷⁶ Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 409.

полагал, что против этого не будет слишком активно выступать И. Шамир. Однако король Хусейн выдвинул требование, что если двусторонние переговоры зайдут в тупик, то для выхода из этой ситуации обсуждаемый вопрос будет передан на рассмотрение пленарного заседания конференции¹⁷⁷. Даже когда в феврале 1986 года отношения короля Хусейна и Ясира Арафата вновь резко ухудшились и иорданский монарх снял требование об участии ООП в переговорах, именно настойчивость Хусейна в том, что международная конференция должна быть высшим арбитром в разногласиях между Израилем и Иорданией в ходе двусторонних переговоров, не позволила продвинуться вперед.

2 марта 1986 года боевиками ООП был убит проиорданский мэр города Шхем (Наблус) Зафир аль-Масри, и это стало сильнейшим сигналом и напоминанием королю Хусейну о том, перед какими опасностями он на самом деле стоит¹⁷⁸. В марте 1986 года Хусейн тайно встретился в Страсбурге (Франция) с Ицхаком Рабиным, бывшим тогда министром обороны Израиля и в этом качестве отвечавшим в правительстве за все происходившее на контролируемых территориях, в том числе Западного берега (в Иудее, Самарии и Иорданской долине). Не забудем, что хотя к тому времени прошло уже девятнадцать лет с тех пор, как Иордания потеряла контроль над Западным берегом, его арабские жители по-прежнему не имели никаких паспортов, кроме

---

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Avi Shlaim, *Lion of Jordan*, p. 433.

иорданских, а в правительстве этой страны продолжал работать министр по делам оккупированных территорий.

При этом король Хусейн был глубоко обескуражен поставками Израилем оружия Ирану, о которых он узнал не сразу, но достаточно быстро. При всех трениях между королем Хусейном и Саддамом Хусейном, иорданский монарх полностью поддерживал Ирак в ходе войны против Ирана. Исламскую республику Иран после Хомейнистской революции король Хусейн видел как серьезную угрозу и для Ирака, и для его собственной страны, и для всего арабского мира¹⁷⁹. Учитывая, что в ходе его визита в США в 1986 году королю Хусейну не удалось договориться о поставках американского оружия Иордании, его разочарование американской политикой на Ближнем и Среднем Востоке было огромным – и это отнюдь не способствовало успеху переговоров, которые он вел с Ш. Пересом, И. Рабиным и их помощниками, об активной вовлеченности которых в поставки оружия Ирану он хорошо знал.

Ш. Перес, со своей стороны, предпринимал все новые шаги, которые должны были «не оставить королю Иордании иного выхода, кроме как пойти на мирное соглашение с Израилем». Он, в частности, совершил визит в Марокко, где в Атласских горах встретился с королем Хасаном II. У Израиля и Марокко нет общих границ, между ними нет территориальных споров, и они никогда не воевали друг против друга. Ш. Перес рассчитывал привлечь короля Хасана II к «символическому

---

¹⁷⁹ Там же, р. 435.

патронированию» иордано-израильского мирного процесса, но эта затея провалилась, поскольку условием, выдвинутым королем Марокко, было признание Израилем Организации освобождения Палестины как полноправного представителя арабского населения Западного берега и сектора Газа. Поскольку ООП к тому времени отказывалась от любого признания Израиля в каком бы то ни было качестве и в каких бы то ни было границах, данное требование было заведомо невыполнимым. Таким образом, единственное, что продемонстрировали эти переговоры – это политическое одиночество Израиля на ближневосточной арене. Свои дипломатические усилия Ш. Перес не согласовывал с И. Шамиром, который никак не мог запретить главе правительства встречаться с теми, с кем он считал нужным. И. Шамир надеялся, что когда он станет премьер-министром, ситуация изменится, однако события развивались по иному сценарию.

*

Ицхак Шамир был не так далек от истины, когда писал, что «те, кто вздохнул с облегчением, когда Перес выпустил руль из рук, вскоре убедились, что положение только осложняется. С того момента, как я стал главой правительства, а он перешел в Министерство иностранных дел, его решимость добиться своих целей (включая те, которых он не достиг, будучи главой правительства)

вдесятеро возросла»¹⁸⁰. И действительно, Шимон Перес верил, что – вне зависимости от того, какой пост он занимал – он может, а значит должен, способствовать достижению мирного урегулирования. Как указывал его биограф, «двухгодичный срок пребывания Переса на посту премьер-министра прошел в бесполезных переговорах между ним и иорданцами. Только после того, как Перес передал премьерство Шамиру и принял на себя обязанности министра иностранных дел, Хусейн столкнулся с новой реальностью»¹⁸¹.

Король Иордании, вероятно, полагал, что сможет получить от Ицхака Шамира в точности то же самое, что Анвар Садат получил от Менахема Бегина – все территории, утраченные его страной в июне 1967 года, в обмен на полноценный и всеобъемлющий мирный договор. Он, однако, не отдавал себе отчет в совершенно различном отношении в израильском обществе к Синайскому полуострову, с одной стороны, и к Иудее, Самарии и Иорданской долине, с другой. Кроме того, хотя Ицхак Шамир и был политическим наследником Менахема Бегина, возглавляя ту же партию, что возглавлял последний, его отношение к территориальным уступкам было существенно более бескомпромиссным: он в принципе не понимал, почему мир нужно менять не на мир, а на какие-либо территории. *Ицхак Шамир в принципе отвергал принцип «территории в обмен на мир»* – и это лишало короля Иордании надежды вернуть

---

¹⁸⁰ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 226.

¹⁸¹ Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 417–418.

под свой контроль Западный берег, потерю которого он оплакивал два десятилетия.

Хотя Хусейн понимал, что Шимон Перес больше не являлся первым лицом израильской политики, иорданский монарх принял решение двигаться к соглашению вместе с ним, ибо никакой другой альтернативы у него фактически не было. При этом, будучи руководителем одной из самых слабых в военном отношении государств в регионе (любая из граничивших с Иорданией стран могла достаточно легко завоевать ее), король Хусейн хотел получить как можно более широкую поддержку предпринимавшихся им шагов, настаивая на том, чтобы двусторонние мирные переговоры начались под эгидой международной конференции по ближневосточному урегулированию в целом.

Существуют различные версии относительно значения переговоров, которые Шимон Перес и Йоси Бейлин вели с королем Хусейном и тогдашним премьер-министром Иордании Зайдом ар-Рифаи. Ш. Перес и Й. Бейлин утверждали, что достигли прорыва, который мог привести к кардинальному изменению ситуации, как на иорданском, так и на палестинском направлении. С другой стороны, трижды бывший министром обороны, а в 1988–1990 годах – министром иностранных дел Моше Аренс выразил крайне скептическое отношение к этому утверждению: «С течением времени не раз утверждалось, будто Израиль упустил в этом случае уникальную возможность, так как соглашение Переса–Хусейна, в случае его реализации, привело бы к тому, что иорданский

монарх принял бы на себя ответственность за судьбу палестинского арабского населения в Иудее и Самарии, и, возможно, что этот шаг существенно приблизил бы разрешение палестино-израильского конфликта»¹⁸². М. Аренс считал, однако, подобные надежды иллюзорными, обращая внимание на то, что «ни один человек, кроме Переса и, может быть, Хусейна, не видел это соглашение. До сегодняшнего дня невозможно найти его экземпляр. Его содержание никогда не становилось предметом обсуждения в правительстве»¹⁸³. Сам М. Аренс полагал, что целью Ш. Переса было не столько достижение мирного урегулирования с кем бы то ни было, сколько инициирование процесса распада правительства, однако это мнение как раз представляется ошибочным: насколько известно, именно это – выход Партии Труда из правительства в случае, если согласованные с королем Иордании договоренности не будут утверждены Ицхаком Шамиром, Шимон Перес обещал Хусейну, но данное обещание не выполнил, что вызвало сильнейший кризис доверия по отношению к нему со стороны главы Хашимитской династии.

Шимон Перес и Йоси Бейлин утверждали, что в ходе переговоров в Лондоне 11 апреля 1987 года смогли добиться от иорданского монарха трех важнейших уступок: во-первых, признания сугубо церемониального характера международной конференции, на которой Хусейн настаивал; во-вторых, отказа от требования

---

¹⁸² Моше Аренс, *Во имя безопасности Израиля*, стр. 140.

¹⁸³ Там же.

одновременного проведения израильско-сирийских переговоров, что фактически означало готовность на сепаратное двустороннее урегулирование, вне зависимости от позиции Х. Асада и других арабских и неарабских лидеров; в-третьих, Хусейн согласился на то, что палестинские арабы – жители Западного берега войдут в состав единой с иорданцами делегации, руководителем которой будет представитель Иордании. Биограф Ш. Переса утверждает, будто «переговоры между израильской делегацией, с одной стороны, и иордано-палестинской, с другой, исключали участие в них представителей ООП»¹⁸⁴, но совершенно неясно, на чем основывается этот тезис. Моше Аренс прав в том, что никакого подписанного сторонами документа нет, однако его текст, как утверждали Ш. Перес и Й. Бейлин, полностью согласованный и принятый их иорданскими собеседниками, существует. Пятый пункт третьего параграфа «Трехчастного взаимопонимания между Иорданией и Израилем» (*A Three-Part Understanding Between Jordan and Israel*) утверждал, что «участие в конференции будет базироваться на признании сторонами резолюций №242 и №338 [Совета Безопасности ООН] и отказе (*renunciation*) от насилия и терроризма»¹⁸⁵. Можно было утверждать, что поскольку ООП в то время эти резолюции не признавала, то этим она сама исключала себя из переговорного процесса, однако так как руководители ФАТХа и ООП всегда настаивали на том, что

---

¹⁸⁴ Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 420.

¹⁸⁵ Цит. по ксерокопии подлинного документа.

ведут не террористическую войну, а национально-освободительную борьбу, ничто не свидетельствовало об их готовности вверить судьбу Западного берега королю Иордании. Не исключено, что Ш. Перес и Й. Бейлин выдавали желаемое за действительное (а оба они были очень воодушевлены¹⁸⁶), однако И. Шамир не стал проверять детали, взяв курс на то, чтобы сорвать саму возможность движения по сценарию, предусмотренному соглашением Переса–Хусейна.

Ш. Перес повел себя крайне странным образом: вернувшись в Израиль, он сразу же позвонил И. Шамиру, попросив о встрече тет-а-тет в тот же день, после еженедельного заседания правительства. На самом этом заседании Ш. Перес (а он был тогда, напомним, министром иностранных дел) о своей состоявшейся накануне встрече с королем Иордании не сказал ни слова, а И. Шамиру зачитал документ, который они написали с Й. Бейлиным при участии сопровождавшего их тогдашнего начальника отдела «Тевель» Службы внешней разведки «Моссад» Эфраима Халеви и лорда Виктора Мишкона, в доме которого все эти переговоры проходили. Ш. Перес представил И. Шамиру Лондонский документ, который тот молча прочитал, однако дальше произошла поистине кафкианская сцена: глава правительства захотел сделать для себя копию этого документа, однако «его» министр иностранных дел отказал ему в этом!

---

¹⁸⁶ Ави Шилон, *Скорбь «левых»: Йоси Бейлин и крах лагеря мира* (Модиин: «Двир», 2017), стр. 164 [на иврите]

Потрясенный И. Шамир спросил: «Вы мне не доверяете?», на что Ш. Перес ответил: «Вам я доверяю, но боюсь, что через кого-то из Ваших помощников может произойти утечка информации. В любом случае, идея состоит в том, что американцы могут выдвинуть это соглашение как свою инициативу. Поэтому будет лучше, если этот документ Вы получите от американцев»¹⁸⁷. При этом Ш. Перес фактически солгал главе правительства: они с Й. Бейлиным сделали копию этого документа и представили его на рассмотрение тогдашнему послу США в Израиле Томасу Пикерингу.

По воспоминаниям Й. Бейлина, Т. Пикеринг сказал, что крайне важно донести информацию о прошедших в Лондоне переговорах до госсекретаря США Дж. Шульца. Еще до того, как Ш. Перес проинформировал о чем-либо И. Шамира, он направил Й. Бейлина в Хельсинки, где тогда, по дороге в Москву, находился Дж. Шульц. Й. Бейлин вылетел из Израиля в одиннадцать утра, в авральном порядке получив с помощью Э. Халеви все необходимые для перелета документы. Сам госсекретарь был занят подготовкой к переговорам с М.С. Горбачевым, и ему было не до встречи с генеральным директором Министерства иностранных дел Израиля; Й. Бейлина принял помощник госсекретаря Чарльз Хилл. Дж. Шульц в своей книге «вспоминал» о том, как встречался с Й. Бейлиным¹⁸⁸, однако последний настаивает на том, что

---

¹⁸⁷ Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 424–425.

¹⁸⁸ См. George Shultz, *Turmoil and Triumph: My Years as Secretary of State* (New-York: Charles Scribner's Sons, 1993), pp. 937–938.

таковой встречи не было в принципе, и что госсекретаря о Лондонском соглашении проинформировал не он сам, а достаточно скептически настроенный по отношению к этому документу Ч. Хилл¹⁸⁹.

Недоверие в правительстве, которое напоминало что угодно, только не национальное единство, достигло апогея: подобно тому, как Ш. Перес отправил к Дж. Шульцу Й. Бейлина, не проинформировав об этом И. Шамира, глава кабинета министров, также ни слова не сказав Ш. Пересу, отправил к госсекретарю США своего эмиссара – М. Аренса. «Дипломатической деятельности Переса, которая велась за спиной главы правительства и кабинета в целом, не было прецедентов в израильской истории, – указывал Моше Аренс, добавляя: – По правде говоря, ей не было прецедентов и в истории мировой дипломатии»¹⁹⁰.

И. Шамир поручил бывшему послу Израиля в США, с которым Дж. Шульц был хорошо знаком, обратить внимание госсекретаря на то, что Лондонский документ был «партизанской выходкой» со стороны министра иностранных дел, не получившего на это согласия премьер-министра и других членов кабинета. М. Аренс напрямую спросил Дж. Шульца, представляет ли он себе ситуацию, при которой сам ведет переговоры с руководителем иностранного государства, не получив на это санкции президента США, а потом обращается к

---

¹⁸⁹ Ави Шилон, *Скорбь «левых»: Йоси Бейлин и крах лагеря мира*, стр. 164–165.

¹⁹⁰ Моше Аренс, *Во имя безопасности Израиля*, стр. 140.

руководителям третьих стран с целью убедить Р. Рейгана это соглашение принять. М. Аренс добавил, что если Дж. Шульц примет решение от имени Соединенных Штатов Америки поддержать эту инициативу, то это будет означать вмешательство во внутривосточные споры в самом Израиле, от чего М. Аренс настоятельно просил своего собеседника воздержаться.

Эта аргументация показалась Дж. Шульцу разумной, и он согласился с М. Аренсом в том, что не будет поддерживать документ, касающийся Израиля, против которого выступает законно избранный глава правительства этой страны. Опытный дипломат, Дж. Шульц изначально относился к данному вопросу со значительной осторожностью, не сообщив информацию, которую привез с собой Й. Бейлин, М.С. Горбачеву, а по возвращении в США посоветовал президенту Р. Рейгану «узнать из первых рук от короля Хусейна о его позиции»¹⁹¹. Свидетельство главы американской дипломатии является вопиющей демонстрацией коварной интриги, которую затеял его израильский коллега: «В 1987 году Перес старался использовать меня для того, чтобы ввести Шамира в заблуждение. Он хотел, чтобы я сказал, что это была американская инициатива. Я сказал: “Нет, это неправда. Представление [этого документа как американской инициативы] было бы обманом”»¹⁹².

---

¹⁹¹ George Shultz, *Turmoil and Triumph: My Years as Secretary of State*, p. 939.

¹⁹² Цит. по: Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 427.

Только 22 апреля, т.е. спустя одиннадцать дней после того, как Ш. Перес и король Хусейн обсудили и согласовали Лондонский документ, И. Шамир получил (причем, не от Ш. Переса и не от Й. Бейлина, а от американского посла Т. Пикеринга) его копию. «По оригинальному плану Переса, который почему-то не удался, – не без сарказма вспоминал И. Шамир, – у меня должно было создаться впечатление, что инициатива привести Хусейна за стол переговоров, не ссоря его с арабами, принадлежит американцам. Кроме того, мне следовало поверить, что Перес не приложил ко всему этому руку. Надо ли говорить, что замысел не осуществился?»¹⁹³ В ходе встречи с премьер-министром посол Т. Пикеринг вел себя так, будто полагал, что И. Шамир ничего не знает об этом документе, а премьер-министр сделал вид, что впервые слышит о нем. По воспоминаниям присутствовавшего на этой встрече помощника И. Шамира Арье Мекеля, глава правительства Израиля был вне себя от возмущения, сказав: «Я чуть не рехнулся от этой ситуации – иностранный посол Пикеринг говорил мне, что мой министр иностранных дел заключил соглашение с арабской страной в Лондоне»¹⁹⁴.

И. Шамир был убежден в неприемлемости международной конференции, в которой бы участвовали Советский Союз и Китай, занимавшие тогда одностороннюю проарабскую позицию и даже не поддерживавшие тогда с Израилем дипломатических

---

¹⁹³ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 230–231.

¹⁹⁴ Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 427.

отношений! И. Шамир высказывал сомнения в том, что иностранные державы согласятся ограничиться чисто церемониальной ролью, и считал ошибочными заверения Ш. Переса, что Израиль будто бы сможет без всякого ущерба для себя прекратить участие в конференции, если от него потребуют уступок, угрожающих его безопасности.

И. Шамир в своих выступлениях неоднократно указывал, что готов к прямым переговорам с королем Иордании в любое время и в любом месте, но Хусейн прекрасно понимал, что у него нет никаких шансов получить от И. Шамира Западный берег, который в глазах премьер-министра Израиля был Иудеей, Самарией и Иорданской долиной – частями Эрец-Исраэль, которые по праву принадлежат еврейскому народу. Когда Дж. Шульц попробовал предложить королю Хусейну вести переговоры не с министром иностранных дел Израиля, а с главой его правительства, иорданский монарх, по воспоминаниям И. Шамира, «отклонил это предложение, говоря, что если бы я [т.е. Шамир] был готов к территориальным уступкам, я бы с самого начала согласился на международную конференцию»¹⁹⁵. И. Шамир признавал, что так оно и было: «Это было недалеко от истины – и дело закончилось ничем»¹⁹⁶.

Премьер-министр и глава «Ликуда» был уверен, что реализация Лондонского документа, во-первых, приведет к массивному многостороннему давлению на Израиль, который в ходе международной конференции

---

¹⁹⁵ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 237.

¹⁹⁶ Там же.

окажется один против всех остальных ее участников, а во-вторых, заставит еврейское государство отказаться от контроля над принципиально важными для него территориями, которые, хочет этого король Иордании или нет, подпадут под контроль боевиков ООП. И. Шамир считал своим долгом избежать этой крайне невыгодной для еврейского государства ситуации, и ему на самом деле это удалось. Даже Э. Халеви, который непосредственно сопровождал Ш. Переса и Й. Бейлина в их поездке в Лондон, считал, что по прошествии двадцати лет после того, как Иордания потеряла контроль над Западным берегом, она не сможет вернуть его себе, даже если Израиль и передаст ей эти территории; не без горечи Э. Халеви указывал, что Ш. Перес и Й. Бейлин ни разу не обратились к нему, одному из руководителей Службы внешней разведки «Моссад», с просьбой высказать свое профессиональное мнение по данному вопросу¹⁹⁷.

И. Шамиру удалось защитить Израиль от той катастрофы, которая, как он был убежден, ждала бы его в случае реализации планов Ш. Переса и Й. Бейлина, однако вопросы о том, не были ли эти опасения чрезмерными, а его победа – Пирровой, и поныне не имеют однозначного ответа. И. Шамир не предложил Ш. Пересу совместно встретиться с королем Иордании; отклонив Лондонский документ, он не представил никакого альтернативного проекта движения вперед.

---

¹⁹⁷ Оз Розенберг, «Тридцать лет лондонскому соглашению: возвращаясь к моментам, почти изменившим облик Ближнего Востока» // *Маарив*, 1 апреля 2017 г. [на иврите].

Спустя всего восемь месяцев, в декабре 1987 года, на Западном берегу началось арабское восстание, получившее название «интифада». Осознав, что ситуация стала необратимой, в июле 1988 года король Иордании отказался от стремления вернуть Западный берег под свой контроль, продекларировав, что отныне палестинские арабы должны сами нести ответственность за свою судьбу.

Эти события имели для Израиля очевидно негативные последствия, ибо они создали совершенно новую, крайне невыгодную для еврейского государства, картину, которую почти ежедневно стали видеть зрители всех мировых телеканалов. Попытки Израиля справиться с палестинским восстанием, в целом, успеха не имели. Оно продолжалось и продолжалось, унося жизни все новых израильтян (с момента начала интифады 9 декабря 1987 года и до ее официального прекращения 13 сентября 1993 года было убито 100 граждан Израиля, из них 53 – в пределах «зеленой черты», а 47 – на контролируемых территориях, а также в Восточном Иерусалиме¹⁹⁸) и палестинских арабов, став одним из важнейших факторов, приведших к поражению национал-либеральных сил на выборах и их отстранению от власти в июне 1992 года.

5. Стойкость, оставшаяся неоцененной

В марте 1988 года состоялся второй визит Ицхака Шамира в Вашингтон по приглашению президента

---

¹⁹⁸ По данным организации «Бецелем», см. ее Интернет-сайт https://www.btselem.org/statistics/first_intifada_tables

Рональда Рейгана. Эти переговоры, несмотря на начавшуюся за четыре месяца до этого интифаду, были лишь ограниченно успешными. И. Шамиру не удалось побудить Р. Рейгана отказаться от начала политического диалога с ООП, что израильский премьер считал невыносимой уступкой международному терроризму. Администрация Р. Рейгана – Дж. Шульца считается весьма дружественной к Израилю, однако нельзя забывать о том, что именно в эти годы начался прямой диалог между США и ООП, который президент Д. Трамп и пытается прекратить сейчас, о чем свидетельствует его принятое в начале сентября 2018 года решение о закрытии представительства ООП в Вашингтоне. И. Шамир был глубоко убежден, что путь к мирному сосуществованию евреев и арабов откроется лишь тогда, когда арабы убедятся, что путем террора и насилия они ничего не добьются – диалог, начатый администрацией Р. Рейгана с ООП, уже поэтому был шагом в принципиально неверном направлении, превращая террор в деятельность, способную приносить дивиденды. Кроме того, Р. Рейган и Дж. Шульц поддерживали план Ш. Переса по созыву международной конференции по Ближнему Востоку с участием представителей Израиля и арабских стран, а также стран, бывших постоянными членами Совета Безопасности ООН, и И. Шамиру, несмотря на все его усилия, так и не удалось сдвинуть тогдашних американских руководителей с этих позиций. В воспоминаниях об этом визите И. Шамир, несмотря на выбранный им крайне дипломатичный тон, не скрыл факт

своих существенных расхождений с собеседниками: «На завтраке в доме Шульца я почувствовал, что на этот раз мне, к сожалению, не удастся объяснить свою позицию»¹⁹⁹.

Беспорядки и террористические акты, которые палестинские арабы практически ежедневно устраивали во время интифады, вынуждали Израиль к ответным шагам с целью поддержания хоть какой-то стабильности и безопасности. Все это чрезвычайно затрудняло экономическую деятельность на контролируемых территориях, где с регулярностью, достойной лучшего применения, палестинские арабы устраивали забастовки, основными жертвами которых были они сами, ибо из-за случаев террора и насилия израильские власти были вынуждены вводить режим блокады контролируемых территорий, который порой оставался в силе неделями и даже месяцами, лишая местных арабских жителей возможности легально работать на территории Израиля. Эта динамика формировала крайне проблематичный замкнутый круг: во многом из-за своего тяжелого положения палестинские арабы принимали участие в акциях протеста, многие из которых сопровождалось отдельными актами насилия, в ответ на что Израиль принимал меры, направленные на улучшение ситуации в сфере безопасности, которые, в свою очередь, еще более ухудшали экономическое положение палестинских арабских жителей, что становилось топливом для продолжения и усиления интифады.

---

¹⁹⁹ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 239.

Ицхак Шамир понимал проблему («армии приходилось объявлять военное положение или закрывать территории на долгий срок, и жизнь палестинцев в подобных условиях и при военном режиме была незавидной»²⁰⁰) и, вопреки тому, что многие от него ожидали, взял курс на весьма сдержанную реакцию на то, на что можно было реагировать существенно жестче. Он, однако, был убежден в том, что «коллективная нравственность и коллективная сдержанность израильтян»²⁰¹ являются важнейшими факторами для сохранения населением страны убежденности в своей правоте, и, как представляется, был в этом абсолютно прав.

*

В связи с принятым перед выборами в Кнессет двенадцатого созыва, прошедшими 1 ноября 1988 года, решением об объединении входивших в блок «Ликуд» политических сил, Партия Свободы прекратила свое существование. Единой национально-либеральной партией в Израиле стал «Ликуд».

Главным конкурентом «Ликуда» вновь была Партия Труда во главе с Шимоном Пересом, который надеялся, что в этот раз, наконец, добьется успеха, однако ситуация была существенно менее оптимистичной для социал-демократов и их лидера. Как верно указывал М. Бар-

---

²⁰⁰ Там же, стр. 244.

²⁰¹ Там же, стр. 243.

Зохар, «Перес проводил политику, безусловно, левого толка, оставив центр Шамиру. Под руководством Ш. Переса Партия Труда явно сползала влево, и “Ликуд” поторопился заполнить образовавшуюся пустоту»²⁰². Значение этих перемен нельзя недооценивать: хотя формально Партия Труда сохраняла свое название, по сути, она находилась в эпицентре процесса внутренних преобразований, кардинально повлиявших на ее облик.

Невозможно утверждать, будто с точки зрения внешнеполитических и оборонных вопросов Давид Бен-Гурион или Голда Меир были «левыми»: на протяжении десятков лет они не принимали арабов, даже после предоставления им израильского гражданства, в свою партию и «свою» Федерацию профсоюзов, категорически выступали против отступления Израиля с большей части занятых в 1967 году территорий, отрицая при этом существование палестинских арабов как отдельного народа. Шимон Перес, хотя формально и возглавлял ту же самую партию, что и они, трансформировал ее в политическую силу совершенно другого, с идеологической точки зрения, плана. Процесс постепенного превращения национал-либералов в правящую правоцентристскую партию в значительной мере был следствием именно той политической трансформации, которую прошла противостоявшая им Партия Труда.

Хотя формально выборы ноября 1988 года закончились практически ничьей (Партия Труда получила лишь на один мандат меньше, чем «Ликуд»), в реальности

---

²⁰² Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 433.

положение было принципиально другим: парламентская фракция «Ликуда», в сравнении с ситуацией, существовавшей до выборов, лишилась одного депутата, тогда как представительство Партии Труда сократилось на целых пять мандатов. Все эти шесть потерянных двумя ведущими партиями мандатов достались религиозным: ШАС, «Агудат Исраэль» и Национально-религиозной партии. При этом парламентский вес сил, находившихся правее «Ликуда» и, с другой стороны, – левее Партии Труда, оставался неизменным. Таким образом, сложилась ситуация, при которой Ицхак Шамир вместе с семью небольшими правыми и религиозными партиями мог сформировать правительственную коалицию, которая опиралась бы на поддержку 65 депутатов Кнессета, однако Партия Труда, в свою очередь, сформировать правительство без «Ликуда» не могла никоим образом, ибо формирование коалиции одновременно с ортодоксальными религиозными партиями, леворадикалами и антисионистскими арабскими списками было заведомо невозможным.

Несмотря на относительно скромную победу «Ликуда» над Партией Труда с формальной точки зрения, по сути, эти выборы изменили внутривнутриполитический расклад в Израиле кардинально. Удивительным образом, Шимон Перес не понял этого – и весной 1990 года развалил правительство, выведя из него всех министров от возглавлявшейся им партии²⁰³ (хотя Ицхак Рабин позднее назвал этот шаг «грязным трюком»), весной 1990 года он

---

²⁰³ Там же, стр. 435–436.

покинул правительство вместе с остальными, освободив тем самым пост министра обороны, который бессменно занимал шесть лет). Шимон Перес надеялся, что его личный дар убеждения превзойдет очевидную парламентскую математику, однако последняя, как и следовало ожидать, оказалась сильнее. Новое правительство 11 июля 1990 года вновь сформировал Ицхак Шамир, и в нем больше не было представителей Партии Труда.

Шимон Перес, занимавший в 1988–1990 годах пост министра финансов, освободил его для куда более подходившего для этой работы Ицхака Модиаи, вернувшегося на хорошо знакомую ему должность. Одним из грандиозных провалов Ш. Переса во главе Министерства финансов стал государственный бюджет Израиля на 1990 год, в котором были заложены средства на первоначальную абсорбцию только 40 тысяч новоприбывших – при том, что он лично получил экспертный прогноз о том, что следует ожидать прибытия из Советского Союза 100 тысяч человек, а через два месяца – еще один, в котором указывалось, что Израилю следует готовиться принять 150 тысяч человек. В реальности приехало еще больше – 184 тысячи, что превышало прогноз Бюро по связям с евреями СССР и Восточной Европы более чем на 20%, но возможности, заложенные в государственном бюджете, – в четыре с половиной раза!²⁰⁴ Это привело к тяжелейшим последствиям для судеб многих тысяч людей, и непосредственная вина в этом

---

²⁰⁴ Яков Кедми, *Безнадежные войны*, стр. 270–271.

Ш. Переса очевидна. Перед выборами 1992 года лидеры Партии Труда что только не обещали иммигрантам из Советского Союза, ни разу не сказав о том, что тяжелейшие трудности, с которыми многие из них столкнулись, в значительной мере были следствием самоуверенности главы их партии, проигнорировавшего аргументированный экспертный прогноз, который ему был представлен.

Министром обороны вместо Ицхака Рабина в 1990 году вновь стал Моше Аренс. Проблемой для И. Шамира были требования Давида Леви, который, вопреки своему очевидному профессиональному несоответствию, сумел буквально «выбить» свое назначение на пост министра иностранных дел. У И. Шамира не было никаких сомнений в том, что этот пост Д. Леви может занимать чисто номинально, и когда в конце того же года под эгидой США и СССР было объявлено о проведении в Мадриде международной конференции по ближневосточному урегулированию, в которой государства-участники были представлены на уровне министров иностранных дел, израильскую делегацию возглавил лично Ицхак Шамир, заместителем которого в этом качестве стал бывший тогда заместителем министра иностранных дел Биньямин Нетаньяху; по прошествии полутора лет, когда И. Шамир ушел в отставку с поста председателя партии «Ликуд», именно Б. Нетаньяху, победив на внутривыборных выборах Д. Леви, был избран на его место, но не будем забегать вперед.

Ицхак Шамир не без оснований считал, что победа

на выборах 1988 года стала следствием трех основных факторов: во-первых, его решительной позиции против любых территориальных уступок в Иудее, Самарии, Иорданской долине и секторе Газа, не говоря уже о Голанских высотах и Восточном Иерусалиме; во-вторых, его личной репутации как человека, преданного своей стране и не уступающего ничьему давлению в ходе каких бы то ни было переговоров; и в-третьих, привлекательности тогдашней команды сравнительно молодых политиков, представлявших новое поколение «Ликуда»²⁰⁵. Нельзя не отметить в этой связи, что впоследствии часть этих политиков, лично И. Шамиром выпестованных (и им в своей книге с гордостью перечисленных), покинули «Ликуд», в том числе Дан Меридор, бывший в 1990–1992 годах министром юстиции, Рони Мило, являвшийся в этот период министром полиции, и Эхуд Ольмерт, в те же годы возглавлявший Министерство здравоохранения, что наглядно свидетельствует о том, что люди, которым И. Шамир доверял и кого он продвигал, отнюдь не всегда были политиками, в наибольшей степени верными заветам Жаботинского. Однако на рубеже 1980-х–1990-х годов это была единая команда, представлявшая поколение израильтян, уже родившихся в стране, и подобной «сборной» не было ни у Партии Труда, ни у какой-либо другой политической силы. Следует сказать и о вкладе в тогдашний успех министра обороны М. Аренса, которого

---

²⁰⁵ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 246–247.

И. Шамир назначил в 1988 году руководителем предвыборного штаба «Ликуда»²⁰⁶.

Свою роль сыграли и «пропагандисты» из числа палестинских арабов, за двое суток до выборов, 30 октября 1988 года, бросившие бутылку с зажигательной смесью в израильский автобус, что стоило жизни пятерым пассажирам, трое из которых были детьми. Тогда, как и восемь лет спустя, в 1996 году, Шимон Перес обвинял арабских террористов в том, что они «украли у него победу», и в этом обвинении, безусловно, было зерно истины: израильское общество, которому Шимон Перес и его приближенные неустанно повторяли о необходимости «болезненных уступок во имя мира», раз за разом видело, что предполагаемые партнеры по «мирному процессу» были движимы не желанием прийти к какому-либо компромиссу, а лишь стремлением убить как можно больше евреев – и осознавая это, делало свои выводы на избирательных участках.

Ицхак Шамир, Моше Аренс, Ариэль Шарон, Ицхак Модай и Биньямин Нетаньяху вполне отдавали себе в этом отчет, и именно благодаря их стойкости Израилю удалось выдержать сильнейшее давление со стороны администрации президента Дж. Буша-ст. и назначенного им госсекретарем Джеймса Бейкера. Более того, группа министров, включавшая Давида Леви, Ариэля Шарона и Ицхака Модай, даже пытались атаковать Ицхака Шамира «справа», критикуя его за якобы чрезмерную готовность к уступкам. Моше Аренс был прав, когда охарактеризовал

---

²⁰⁶ Моше Аренс, *Во имя безопасности Израиля*, стр. 152.

эти обвинения как «абсурдные»: «Шамир был, по всей видимости, самым ястребино настроенным главой правительства из тех, кто когда-либо был в Израиле. Он не был готов отказаться ни от миллиметра земли Эрец-Исраэль. Не было никакой возможности обогнать его справа, но они все равно пытались»²⁰⁷. Учитывая, что Д. Леви занимал тогда, среди прочего, пост заместителя председателя партии «Ликуд», а А. Шарон был председателем ее Центрального комитета, обвинения этих людей в адрес И. Шамира наделали много шума – но это был несомненный пример шума из ничего...

Были «эксперты», разглагольствовавшие о том, что И. Шамир будто бы сам инициировал этот псевдо-бунт, чтобы показать американцам, что даже если они убедят его в своей правоте, ему не удастся добиться утверждения их требований в израильском правительстве. Подобный анализ игнорирует два важнейших фактора: во-первых, администрация Дж. Буша – Дж. Бейкера абсолютно не интересовалась внутренними раскладами в правительстве Израиля, а во-вторых, и в главных, И. Шамир совершенно не нуждался в чем бы то ни было давлении, чтобы отстаивать принципы и идеи, в которые верил всем сердцем. И. Шамир – единственный человек в истории Израиля, кто в разные годы возглавлял и Кнессет, и правительство, но не будет большим преувеличением сказать, что он так и не стал в полном смысле этого слова политиком, сохраняя абсолютную верность своим принципам и идеалам, какие бы политические ветры ни

---

²⁰⁷ Там же, стр. 171.

дули вокруг. Дж. Бейкер пытался опутать его паутиной демагогии, призывая «дерзнуть подняться на вершину горы»²⁰⁸. И. Шамир терпеливо выслушивал это пустословие, но перед каждым новым визитом госсекретаря в Израиль где-то в Иудее или Самарии возникало новое еврейское поселение...

В коалиционное соглашение о создании правительства национального единства, подписанное в 1988 году, по инициативе И. Шамира был введен пункт о грядущем строительстве восьми новых поселений, причем это число могло быть увеличено только с согласия министра финансов, которым тогда был Шимон Перес, такового согласия, как правило, не дававший²⁰⁹. Освободившись от необходимости согласовывать свои действия с человеком, имевшим в то время совершенно иное мировоззрение, И. Шамир, при поддержке министра обороны М. Аренса и бывшего тогда министром строительства А. Шарона, взял курс на максимально интенсивное развитие еврейских поселений в Иудее, Самарии, Иорданской долине, а также на существенное увеличение еврейского присутствия в Восточном Иерусалиме. За два последних года своего премьерства И. Шамир сделал в этом направлении больше, чем за четыре предшествовавших.

Одним из успешных примеров еврейской поселенческой деятельности на Западном берегу является история города Маале-Адумим, хорошо знакомая автору

---

²⁰⁸ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 268.

²⁰⁹ Там же, стр. 261.

настоящей книги и на личном опыте. В январе 1991 года, когда население Маале-Адумим еще не достигло 20 тысяч человек, Ицхак Шамир принял решение впервые предоставить одному из еврейских поселений статус города, выбрав Маале-Адумим. По воспоминаниям мэра города Бени Кашриэля, И. Шамир говорил поселенцам: «Стройте, как можно скорее застраивайте и заселяйте Иудею и Самарию, будущее – за этим строительством на земле Эрец-Исраэль, которой еврейский народ владеет по праву». Всего за два десятилетия население этого интенсивно развивающегося города выросло в два раза, достигнув в начале 2010-х годов сорока тысяч человек. Как отмечал сын Ицхака Шамира, Яир, «город Маале-Адумим – это живая модель сионистской идеи, воплощенной в жизнь»²¹⁰.

«Эрец-Исраэль – это ценность, а не просто клочок земли», – не уставал повторять Ицхак Шамир²¹¹, причем его дела не расходились с его словами. Когда после того, как силы международной коалиции во главе с США выбили Ирак из захваченного им Кувейта, и госсекретарь Дж. Бейкер объявил арабским странам, «что США не согласятся на двойную мораль», имея в виду категорическое неприятие продолжения израильской «оккупации» занятых в 1967 году территорий, именно стойкость главы правительства Израиля заставила в итоге Дж. Буша-ст. и его госсекретаря увидеть пределы возможностей единственной сверхдержавы, оставшейся

---

²¹⁰ Цит. по <http://9tv.co.il/news/2015/10/05/214503.html>

²¹¹ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 287–288.

таковой после окончания Холодной войны. «Сравнение [Израиля с Ираком] показалось мне возмутительным и лишенным логики», – отметил И. Шамир²¹², и каковы бы ни были меры кнута и пряника, которые применяли американские и европейские политики, в итоге администрация Дж. Буша – Дж. Бейкера ушла в отставку, проиграв выборы на полгода позже, чем свой пост вынужденно покинул И. Шамир, так и не получив от него не только согласия на какие бы то ни было территориальные уступки, но и даже на прекращение, пусть и временное, поселенческой деятельности. М. Бар-Зохар был отнюдь не единственным, кто ошибочно обвинял И. Шамира в том, что он «возвел бездействие в религию»²¹³; на самом же деле его основной задачей было удержать Израиль от опрометчивых шагов и неоправданных уступок, и с этой очень сложной задачей он справлялся с исключительной выдержкой. Я. Кедми обоснованно назвал И. Шамира «честнейшим, как в личном, так и в политическом плане, человеком, преданность которого еврейскому народу и Стране Израиля была безгранична»²¹⁴.

Ицхак Шамир придавал огромное значение еврейской иммиграции в Израиль. Многолетний глава Бюро по связям с евреями СССР и Восточной Европы Яков Кедми вспоминал о ходе советско-израильских переговоров о начале прямых рейсов для перевозки

---

²¹² Там же, стр. 303.

²¹³ Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 377.

²¹⁴ Яков Кедми, *Безнадежные войны*, стр. 519.

еврейских иммигрантов: «Переговоры между «Аэрофлотом» и «Эль Аль» о прямых авиарейсах между СССР и Израилем были эффективными и продвигались довольно быстро. Встал вопрос о цене. Советская сторона потребовала небывало высокую цену – около 700 долларов за билет. Их требование завело переговоры в тупик. Мы попросили сделать перерыв и вылетели в Израиль. Я доложил Шамиру, что обо всем договорено, кроме цены за билет. Шамир был разъярен, и совершенно справедливо. “Почему ты не согласился на их цену?” – говорил он раздраженно, повышенным тоном. “Это не вопрос денег. Немедленно возвращайся и соглашайся на любую цену, которую они попросят. Главное, чтобы были прямые авиарейсы”. Я устыдился самого себя. Ведь я придерживался точно такого же мнения, но не рискнул взять на себя решение о цене на билеты. Когда Шамир выговаривал мне, я радовался и по-настоящему гордился своим премьер-министром. ... Договор был подписан в течение нескольких дней»²¹⁵.

Вопреки тому, что о нем часто говорилось и писалось, Ицхак Шамир был человеком весьма осторожным и сдержанным, имея исключительное чутье в отношении того, где именно располагаются «красные линии», которые нельзя пересекать – и он не останавливался раньше, чем их достигал. Несомненно, многолетний опыт оперативно-тактического командира подпольной боевой организации ЛЕХИ, как и десятилетняя работа во главе наиболее засекреченного

---

²¹⁵ Там же, стр. 275.

подразделения Службы внешней разведки «Моссад», способствовали кристаллизации этой его черты, которая, по всей видимости, была присуща ему изначально. Именно поэтому, вопреки призывам людей, его степенью ответственности не обладавших, И. Шамир воздержался от какого бы то ни было публичного ответа на обстрелы территории Государства Израиль иракскими ракетами СКАД в январе – марте 1991 года; при этом все необходимые распоряжения о засылке израильских командос в Ирак с целью уничтожения угрожавших Израилю ракетных установок были И. Шамиром и М. Аренсом даны, но, по внешнеполитическим причинам, сохранялись в тайне – и общество об этом не знало...

В январе 1992 года из-за сообщения о том, что израильская делегация на переговорах, ни шатко, ни валко шедших в рамках «мадридского формата», якобы намеревается обсуждать вопрос о предоставлении автономии арабам Иудеи, Самарии и Газы, из правительственной коалиции вышли праворадикальные партии (ныне уже не существующие) «Моледет» [«Родина»] и «Тхия» [«Возрождение»]. Это была и невероятная глупость, и вопиющая политическая безответственность, но после этого досрочные выборы в стране стали неизбежными.

В 1992 году И. Шамиру было уже 77 лет и ему все же не следовало вновь выдвигать свою кандидатуру на пост премьер-министра. Вполне вероятно, что в случае, если бы «Ликуд» пошел на выборы в Кнессет тринадцатого созыва во главе с профессором Моше Аренсом, то он бы эти

выборы выиграл. Прочитируем мнение о нем Я. Кедми: «Аренс обладал практичным, логическим мышлением, столь редким у израильских чиновников, прямоотой и честностью, не только личной, но и профессиональной»²¹⁶. Однако Д. Леви и А. Шарон видели себя, а не М. Аренса, достойными возглавить партию и страну – опасаясь раскола партии, И. Шамир решил баллотироваться вновь. Это была большая ошибка: к тому времени общество устало от И. Шамира, возраст которого воспринимался как запредельный для главы правительства (Д. Бен-Гурион именно в 77 лет оставил этот пост, а все остальные занимавшие его люди были моложе). Есть, однако, очень горькая ирония в том, что человек, который сделал для выживания и безопасности Израиля так много, отличаясь столь исключительной скромностью и безупречной финансовой порядочностью, окончил свою карьеру столь бесславно, проиграв 23 июня 1992 года выборы Партии Труда с разницей в 12 мандатов – с таким отрывом «Ликуд» не проигрывал выборы с 1973 года! Время И. Шамира подошло к концу, и после поражения на всеобщих выборах он сложил с себя и обязанности председателя партии. Наступала новая эпоха, ключевым героем которой становился Биньямин Нетаньяху.

---

²¹⁶ Там же, стр. 328.

ГЛАВА VIII.

СОЦИОТРЯСЕНИЕ:

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛАГЕРЬ В ТИСКАХ

«ПРОЦЕССА ОСЛО»

---

1. «Национальный лагерь» в дни окончания «эпохи Шамира»

Главу об итогах выборов 1992 года, в результате которых национал-либералы впервые после пятнадцатилетнего перерыва оказались за пределами правительства, а Партия Труда вернулась к власти, нужно начать с напоминания о том, что именно стало причиной этих выборов. В середине января 1992 года боровшиеся за само свое существование маленькие праворадикальные партии «Тхия» [«Возрождение»] и «Моледет» [«Родина»] вышли из правительственной коалиции, возглавлявшейся Ицхаком Шамиром, обвинив премьер-министра в готовности к чрезмерным уступкам, которые якобы выразились в его согласии на создание палестинской автономии. Учитывая тогдашний парламентский расклад и невозможность восстановления так называемого правительства национального единства, менее чем за два года до этого разваленного Шимоном Пересом, Ицхак Шамир не мог оставаться на своем посту иначе, как вновь получив мандат доверия от граждан страны. 4 февраля 1992 года Кнессет принял Закон о самороспуске и проведении досрочных выборов, которые были назначены на 23 июня того же года.

Избирательная кампания была навязана И. Шамиру в условиях, когда он проявлял поистине чудеса национального героизма, противостоя давлению администрации Дж. Буша – Дж. Бейкера, требовавшей от израильского правительства всевозможных уступок во имя

успеха инициированного ею Мадридского процесса. Администрация Дж. Буша-ст. открыто и по разным поводам выражала недовольство неуступчивостью И. Шамира, используя как предлог для оказания давления поданную им просьбу о предоставлении американских гарантий на запрашиваемые Израилем банковские ссуды (большие средства были необходимы стране для развития инфраструктуры, строительства домов и создания рабочих мест в условиях, когда всего за два года, вследствие массовой иммиграции из Советского Союза, население Израиля увеличилось почти на 10%). Несмотря на то, что Государство Израиль всегда безупречно выплачивало все ссуды, то есть было идеальным заемщиком, ни в коей мере не угрожавшим Соединенным Штатам какими-либо непредвиденными расходами, а также невзирая на факт, казалось бы, союзнических отношений между двумя странами, тогдашняя американская администрация отказалась помочь еврейскому государству, дав «левым» кругам в самом Израиле повод для беспрецедентной атаки на главу правительства, непримиримость которого якобы и подрывает «общенациональные усилия по абсорбции алии», и ставит под угрозу отношения Израиля с его главным стратегическим союзником – Соединенными Штатами Америки²¹⁷.

---

²¹⁷ Подробнее об американском давлении на И. Шамира в связи с поданной им просьбой о получении гарантий под ссуды см.: Алек Эпштейн, *Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений*, том 2, стр. 125–133.

Вместо того, чтобы всячески поддерживать Ицхака Шамира, обеспечивая максимально возможный прочный тыл, лидеры партий «Тхия» [«Возрождение»] и «Моледет» [«Родина»] Геула Коэн и Рехаваам Зеэви (1926–2001) стали атаковать премьер-министра, пусть и с противоположных позиций, но с не меньшим рвением, чем стремившиеся вернуться к власти социал-демократы. Ицхак Шамир не скрывал своего удивления и разочарования в связи с этим: «Не только Дж. Буш-ст. и его команда подрядились расшатывать власть “Ликуда” – этим же занимались и наши маленькие партии, находившиеся справа от него, – “Тхия”, “Цовет” [«Перекресток»], “Моледет”. Прекрасно зная, что правительство защищает право евреев селиться в любой части Эрец-Исраэль и что я – не менее пламенный сторонник этой политики, чем любой из их членов, они, ослепленные своим экстремизмом, все же начали выступать против меня. Я и теперь не понимаю, что послужило тому причиной... Их было всего семь членов Кнессета [от трех вышеназванных партий, вместе взятых], почти в шесть раз меньше, чем депутатов от “Ликуда”, и, разумеется, не было ни малейшей вероятности, что эти члены Кнессета войдут в коалицию с Партией Труда, но их сил хватало на то, чтобы лишить правительство под нашим руководством парламентского большинства, необходимого для его существования»²¹⁸.

Неустанно атакуя правительство с еще более правых, национально ориентированных позиций, Геула Коэн,

---

²¹⁸ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 330.

Рехаваам Зеэви и их сторонники старались продемонстрировать оправданность существования собственных партий, однако их личная политическая корысть была, вне зависимости от того, отдавали они себе в этом отчет или нет, проявлением вопиющей национально-государственной безответственности. Поскольку, как верно отмечал И. Шамир, о парламентской коалиции этих праворадикальных партий с социал-демократами не могло быть и речи, а шансы на то, что они сами, даже объединившись (а сама возможность такого объединения выглядела крайне маловероятной), смогут стать основой правительственной коалиции, были не более чем нулевыми, сложилась гротескная ситуация: они разваливали правительство, в котором первую скрипку играл «Ликуд», не имея никаких иных электоральных перспектив, кроме как после выборов войти в новое правительство во главе с тем же «Ликудом», пусть и на чуть лучших условиях.

Этот гамбит был крайне безответственным, ибо возможная выгода от него была минимальной: фракция «Ликуда» насчитывала в то время сорок депутатов, тогда как каждая из праворадикальных партий имела в парламенте лишь двух-трех представителей, вследствие чего и после выборов «Ликуд» наверняка мог быть единственной партией национального лагеря, способной сформировать правительство. При этом, в случае поражения «Ликуда» в противостоянии с Партией Труда, праворадикальным политическим силам вообще не на что было рассчитывать, а все завоевания национал-либералов

в сферах внешней политики, поселенческой деятельности, экономики и общественного плюрализма оказывались под угрозой. «Глядя со стороны, можно было подумать, что эти три партии [“Тхия”, “Моледет” и “Цомет”] встали на путь самоуничтожения, не понимая, что удар, нанесенный “Ликуду”, поможет Партии Труда возвратиться к власти (при поддержке арабских партий, которые находились всегда на одной стороне политической карты) и вернуть государство к границам 1967 года, – с горечью отмечал Ицхак Шамир. – Мне не дано понять это иррациональное поведение, и остается только предположить, что члены трех этих партий убедили себя в том, что ничто из того, что они сделают или заявят, не повлияет на результат выборов. Вскоре им пришлось убедиться, насколько они ошибались. Как любой фанатизм, их фанатизм был близорук – и дорого всем нам обошелся. Они не обращали внимания ни на мои многочисленные предостережения, ни на расстановку сил в парламенте и нанесли Израилю огромный вред»²¹⁹.

Выборы, прошедшие 23 июня 1992 года, стали ярчайшей иллюстрацией тезиса о том, как опасно рыть яму другому, не думая, что можно упасть в нее самому. Разваливая правительственную коалицию, возглавлявшуюся И. Шамиром, лидеры партии «Тхия» [«Возрождение»] едва ли могли представить себе, что в Кнессете тринадцатого созыва они не будут присутствовать вообще. Критикуя И. Шамира, они не приняли в расчет возможность появления еще более радикальной

---

²¹⁹ Там же, стр. 331.

политической силы, которая будет критиковать с еще более правых позиций их самих, однако именно это и произошло: раввин Моше Левингер (1935–2015), бывший одним из основателей движения «Гуш эмуним» [«Блок верных»] и возрождения еврейской общины в Хевроне, создал обособленный список, получивший название «Ха’Тора ве-ха’арец» [«Тора и страна Израиля»], который поддержали многие из тех, кто на выборах в ноябре 1988 года голосовал как раз за «Тхию».

Сложилась совершенно кафкианская ситуация: хотя Ицхак Шамир был, очевидно, самым «правым» из государственных деятелей, когда-либо возглавлявших израильское правительство, целых четыре партии («Тхия», «Цомент», «Моледет» и «Ха’Тора ве-ха’арец») атаковали его справа, а еще две позиционировали себя как правоцентристские, как и сам «Ликуд»: Новая либеральная партия, созданная бывшим министром финансов Ицхаком Модай, и партия «Демократия и алия», во главе которой стоял многолетний отказник, активист движения за выезд в Израиль советского еврейства Юлий Кошаровский (1941–2014). Кроме того, в выборах участвовали четыре партии, боровшиеся за голоса еврейского религиозного электората, как минимум две из которых были, очевидно, «правые»: Национально-религиозная партия во главе со Звулуном Хаммером и «Геулат Исраэль» [«Спасение Израиля»] во главе с раввином Элизером Мизрахи; две другие партии, отстаивавшие идеологию и интересы ортодоксального еврейского населения – ШАС и «Яхадут ха’Тора»

[«Еврейство Торы»] – также ни в коей мере нельзя было назвать «левыми». Таким образом, сложилась не имевшая прецедентов ситуация: национально ориентированному избирателю, светскому или религиозному, предлагалось выбрать между *одинадцатью* правыми или правоцентристскими партиями, тогда как «левых» списков осталось только три: социал-демократическая Партия Труда, впервые участвовавший в кампании объединенный левый блок МЕРЕЦ и проходившая интенсивный процесс арабизации Коммунистическая партия.

Блок МЕРЕЦ заслуживает отдельного упоминания как пример способности к прагматичному компромиссу, невзирая на идеологические расхождения: в него вошли и убежденные социалисты из Объединенной рабочей партии (МАПАМ), с трудом искавшие свое место на политической карте страны и мира после распада Советского Союза, и две политические силы, представлявшие либерально ориентированную городскую интеллигенцию: Движение за права человека (РАЦ) и Движение за перемены («Шинуй»). Идеологических сходств между киббуцниками из Объединенной рабочей партии и тель-авивскими адвокатами из Движения за перемены было явно меньше, чем между сторонниками партий «Возрождение», «Родина» и «Тора и страна Израиля», однако первые сумели объединиться, тогда как вторые подошли к выборам в состоянии крайнего раскола, как будто правление «Ликуда» во главе с Ицхаком Шамиром вечно и сомнению не подлежит, и нужно лишь

бдительно следить, чтобы он не свернул с «пути истинного».

Три вышеназванные левые и левоцентристские партии получили в день выборов 1 миллион 220 тысяч голосов, а если добавить к ним два арабских списка (Арабскую демократическую партию и «Прогрессивный список за мир»), то 1 миллион 285 тысяч голосов, тогда как одиннадцать правых, правоцентристских и религиозных партий – 1 миллион 302 тысячи голосов²²⁰. Таким образом, «левый» лагерь, даже принимая во внимание голоса, полученные сугубо арабскими антиссионистскими политическими силами, получил и в 1992 году меньше голосов, чем «правые». Однако, учитывая действовавшее на тот момент электоральное законодательство, согласно которому партии, не набравшие полутора процентов голосов избирателей, не проходили так называемый электоральный барьер, вследствие чего отданные за них голоса не учитывались при распределении парламентских мандатов, «национальный лагерь» потерял 76 тысяч 882 голоса, отданных за «Тхию» [«Возрождение»], Новую либеральную партию, «Геулат Исраэль» [«Спасение Израиля»], движение «Демократия и алия» и «Ха'Тора ве-ха'арец» [«Тора и страна Израиля»], тогда как «левый» лагерь потерял лишь 27 тысяч 67 голосов, полученных арабским «Прогрессивным списком за мир» и

---

²²⁰ Рассчитано по официальным данным Центральной избирательной комиссии Израиля, опубликованным 1 июля 1992 г. // Собрание официальных публикаций, №4021, стр. 3776.

феминистской партией во главе с Рут Резник, до этого входившей в состав РАЦ. Таким образом, хотя общее число голосов, отданных за «правые», правоцентристские и иудейские религиозные списки, было пусть и лишь немногим (на тринадцать тысяч голосов) больше, чем число голосов, полученных «левыми» и арабскими партиями, исключение из подсчетов голосов тех, кто поддержал списки, не прошедшие электоральный барьер, привело к принципиально иной ситуации: «левые» и их арабские, как они верили, союзники получили на 37 тысяч больше учитываемых при распределении парламентских мандатов голосов. В результате последующего распределения мандатов четыре прошедшие в Кнессет «левые» и арабские партии в сумме получили 61 мандат, тогда как «правые», правоцентристские и религиозные партии – 59.

Если бы принимались во внимание все голоса избирателей, то расклад был бы противоположным: 61 против 59 в пользу «правых», однако, согласно действующему в Израиле законодательству, партия может передать голоса другой, идейно и политически близкой, только при условии, что обе они прошли электоральный барьер; поэтому голоса, отданные за списки во главе с Ицхаком Модай, Элизером Мизрахи, Юлием Кошаровским, Моше Левингером, Ювалем Неэманом и Геулой Коэн, просто «сгорели». Впервые в истории Израиля процесс пересчета голосов в парламентские мандаты привел к кардинальному искажению волеизъявления избирателей, но «правым» было некого

обвинять в этом, кроме собственной неспособности к конструктивному взаимодействию и объединению.

Поражение на выборах в значительной мере было личным фиаско Ицхака Шамира, которому шёл в то время 77-й год, но который, несмотря на почтенный возраст и определенную усталость от него избирателей, вновь настоял на том, чтобы возглавить предвыборный список партии. Моше Аренс считал, что оптимальным для «Ликуда» вариантом было бы объявление о добровольной досрочной отставке Ицхака Шамира и передаче ему, М. Аренсу, поста лидера партии и ее кандидата на пост главы правительства. М. Аренс был на десять лет моложе И. Шамира, он к тому времени накопил очень значительный управленческий опыт (в разные годы будучи председателем Комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне, послом Израиля в США, министром обороны, иностранных дел и снова обороны), в его преданности идеологии национал-либерального движения не было никаких сомнений, и при этом он не вызывал априорное отторжение ни в каких секторах израильского общества. М. Аренс предложил И. Шамиру добровольно уйти в отставку, будучи окруженным почетом и уважением, но глава правительства, неверно рассчитав свой электоральный потенциал, ответил отказом²²¹.

Согласно Уставу партии, в «Ликуде» были объявлены выборы председателя, который должен был в июне того же года возглавить предвыборный список. Голосование в Центральном комитете партии «Ликуд»

---

²²¹ Моше Аренс, *Во имя безопасности Израиля*, стр. 206

состоялось 20 февраля 1992 года, и хотя Моше Аренс был, по всей видимости, оптимальным кандидатом, из чувства лояльности по отношению к главе правительства он отказался от выдвижения своей кандидатуры. Против Ицхака Шамира баллотировались Давид Леви и Ариэль Шарон, которых премьер-министр победил с большим отрывом, получив 46% голосов, тогда как Давид Леви – 31%, а Ариэль Шарон – всего 22%²²². При этом обращает на себя внимание тот факт, что даже в возглавлявшемся им движении И. Шамир не получил в ходе выборов и половины голосов, что было очевидным свидетельством накопившегося недовольства им со стороны многих активистов и рядовых членов.

Хуже того: высшие руководители «Ликуда» вместо того, чтобы действовать сообща, находились в состоянии противостояния друг другу. Ицхак Модаи вообще покинул «Ликуд», организовав, как уже было указано, собственный список, не прошедший электоральный барьер и приведший к потере «национальным лагерем» почти семнадцати тысяч голосов избирателей, тогда как Давид Леви, проиграв внутрипартийные выборы, выдвинул Ицхаку Шамиру ультиматум, угрожая своим уходом из партии – опасаясь, что это будет иметь фатальные для «Ликуда» последствия, глава правительства принял все требования «своего» министра иностранных дел, лишь постфактум поставив в известность об этом тогдашнего

---

²²² Эти выборы были настолько бесславными для Ариэля Шарона, что в посвященной ему биографии, написанной Давидом Ландау, факт его в них участия не упоминается вообще.

министра обороны Моше Аренса, к вящему неудовольствию последнего. Все требования Д. Леви носили сугубо личный, интересантский характер и не касались реализации каких-либо программ, важных для избирателей «Ликуда» и тем более для населения страны в целом. Возмущенный М. Аренс потребовал от И. Шамира пересмотреть это решение, однако получил отказ, причем в неожиданно жесткой форме. В ответ М. Аренс известил И. Шамира, что каковы бы ни были итоги парламентских выборов, сразу после них он уйдет в отставку²²³. М. Аренс считал, что «Ликуда» нужно предложить избирателям что-то новое, выдвигая в этой связи план ухода из сектора Газа (в этом его поддерживал и тогдашний министр полиции Рони Мило), однако И. Шамир против этого категорически возражал. К весьма непростым, в любом случае, выборам, в которых впервые принимали участие более трехсот тысяч новых граждан страны, прибывших из Советского Союза в самом начале 1990-х годов, национал-либеральный лагерь, в целом, подошел в состоянии крайней раздробленности, а лидеры его флага – блока «Ликуд» – явно больше энергии тратили на борьбу между собой, чем против своих идеологических оппонентов.

Партия Труда провела 19 февраля 1992 года выборы своего председателя, в ходе которых, получив 40.59% голосов, победу одержал Ицхак Рабин. Шимон Перес был готов уступить свой пост в буквальном смысле слова кому угодно, лишь бы не Ицхаку Рабину, предлагая в лидеры

---

²²³ Моше Аренс, *Во имя безопасности Израиля*, стр. 207.

Партии Труда даже никогда не работавшего ни в Кнессете, ни в правительстве писателя Амоса Оза, однако пользовавшийся большим уважением бывший президент Израиля Ицхак Навон настаивал на том, что «Рабин – единственный шанс для партии выиграть [на всеобщих парламентских выборах]»²²⁴. Партия Труда демонстрировала обществу свою готовность к обновлению, с одной стороны, и сохранению внутреннего единства, с другой. «Ликуд» же, напротив, не демонстрировал ни первого, ни второго, и в значительной мере именно этим объяснялось существенное снижение его электоральной базы. «Ликуд» получил лишь 651 тысячу голосов – на 58 тысяч меньше, чем за четыре года до этого. В свою очередь, Партия Труда получила 907 тысяч голосов, то есть на 222 тысячи больше, чем 1 ноября 1988 года.

Значительное большинство новых избирателей, впервые голосовавших на выборах в Кнессет, поддержали именно список Партии Труда во главе с Ицхаком Рабиным. Согласно данным опроса, проведенного под руководством профессора Тamar Хоровиц в ходе предвыборной кампании 1992 года, 53% русскоязычных иммигрантов поддержали Партию Труда и еще 11% – левый блок МЕРЕЦ, в то время как лишь 14% проголосовали за «Ликуд», а 10.5% – за праворадикальные и религиозные партии²²⁵. На

---

²²⁴ Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 441.

²²⁵ См.: Tamar Horowitz, “The Influence of Soviet Political Culture on Immigrant Votes in Israel: The Elections of 1992” // *Jews in Eastern Europe*, №1 [23] (1994), pp. 5–22.

протяжении многих лет считалось само собой разумеющимся, что выходцы из Советского Союза, казалось бы, бежавшие от социализма, будут поддерживать на выборах в Израиле кого угодно, только не «левых». В «Ликуде» фактически считали, что несколько сот тысяч новых граждан страны априори находятся в их «электоральном кармане». Эта оценка ситуации была в корне ошибочной: новые граждане Израиля не были склонны ставить знак равенства (да и вообще сравнивать) между Коммунистической партией Советского Союза и Партией Труда Израиля, не без оснований воспринимая последнюю как политическую силу, которой еврейское государство в значительной мере обязано самим фактом своего существования.

О психологических проблемах Ицхака Рабина, касавшихся контроля над собой – и над ситуацией – в условиях стресса, отнюдь не только русскоязычные израильтяне не знали практически ничего – эта информация тщательно скрывалась от общества в целом. Новые граждане Израиля не воспринимали И. Рабина как человека, в 1948 году руководившего (пусть и по чужому приказу) расстрелом «Альталены», в 1967 году в самый ответственный момент оказавшегося неспособным исполнять свои профессиональные обязанности главы Генерального штаба, а в 1973 году раз за разом обводимого вокруг пальца американцами, когда он находился в Вашингтоне в статусе израильского посла; они ничего не знали о его коррупционных скандалах и многолетней борьбе против Шимона Переса – для них он был

прославленным генералом, куда больше сделавшим для безопасности Израиля, чем Ицхак Шамир, который о своей многолетней работе в Службе внешней разведки «Моссад» никогда не распространялся ни на каком языке.

В значительной мере по вине Шимона Переса, бывшего в 1989–1990 годах министром финансов, израильский бюджет оказался совершенно не готов к достойному приему и экономической интеграции нескольких сот тысяч человек, прибывших из Советского Союза, преимущественно из больших городов, уровень жизни которых в Израиле, в основном, резко ухудшился. Люди, в значительном большинстве своем жившие в благоустроенных квартирах в крупнейших городах Советского Союза, работавшие на ответственных должностях и имевшие в связи с этим достаточно высокий социальный статус, оказались в Израиле в низкокачественном жилье (а то и в так называемых «караванах») в периферийных районах страны, будучи вынужденными выполнять самые простые работы, чтобы иметь возможность оплачивать резко выросшую арендную плату за квартиры – с весьма неясными перспективами обретения постоянного жилья. Однако после распада правительства национального единства и устранению из кабинета Шимона Переса ситуацию можно – и нужно – было качественно выправлять, но этого, к сожалению, сделано не было. Яков Кедми вспоминает о своей беседе с Ицхаком Шамиром, состоявшейся в 1990 году: «А что будет с репатриантами, если мы не сможем их принять должным образом?» – спросил Шамир в задумчивости. Я

посмотрел ему прямо в глаза и сказал со свойственной мне дерзостью: “Думаю, вы неправильно ставите вопрос. Если вы не сможете принять репатриантов, вы потеряете власть”. Шамир был поражен: “До такой степени?” Я ответил коротко и четко: “Да, до такой степени”»²²⁶. Это предостережение Я.И. Кедми было совершенно верным, однако тогдашние руководители «Ликуда» и правительства Израиля не восприняли его в достаточной мере всерьез.

В июне 1992 года голоса выходцев из Советского Союза внесли решающий вклад в возвращение Партии Труда к власти. Узнав о результатах выборов, Ицхак Шамир обвинил евреев из Советского Союза в «неблагодарности»²²⁷, не найдя при этом ни одного слова для самокритики в связи с тем, что в руководимой им стране десятки тысяч людей, в целом вполне достойно устроенных до переезда в Израиль, оказались перед необходимостью селиться в коммунальные квартиры и в поставленные буквально в чистом поле фанерные домики, будучи вынужденными работать на уборке, на стройке и в других сферах, бесконечно далеких от их профессиональной квалификации.

Вместе с тем, можно понять И. Шамира, когда он записал: «Глубокая тревога за судьбу Эрец-Исраэль наполнила мое сердце. Я знал, что правительство, которое теперь будет сформировано, откажется от важнейших принципов, которые защищал “Ликуд”, и положит конец

---

²²⁶ Яков Кедми, *Безнадежные войны*, стр. 271.

²²⁷ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 337.

еврейскому заселению Иудеи, Самарии, Газы и Голанских высот. Ицхак Рабин должен был стать главой правительства (и министром обороны), а Шимон Перес – министром иностранных дел. Я прекрасно знал их взгляды и мнения по всем этим вопросам и знал, что для охватившей меня тревоги есть все основания»²²⁸. Подобные чувства испытывал и Моше Аренс, знавший о том, что Ицхак Рабин за пять с половиной лет пребывания в должности министра обороны *ни разу* не нашел времени и не счел нужным посетить даже самые крупные еврейские поселения в Иудее и Самарии – Маале-Адумим и Ариэль²²⁹.

После поражения на выборах «Ликуд» оказался обезглавленным: несмотря на то, что И. Шамир объявил об уходе в отставку с поста председателя партии, М. Аренс не пересмотрел свое решение оставить политику, отказавшись от напрашивавшегося выдвижения его кандидатуры на пост главы «Ликуда». И. Модаи, на протяжении многих лет считавший себя оптимальным кандидатом на пост главы правительства, оказался вне парламента, а полученное возглавляемой им партией мизерное количество голосов стало могильщиком его политических амбиций. Не выдвинул свою кандидатуру и Ариэль Шарон... Из «старой гвардии», многократно претендовавшей на пост председателя партии, выдвинулся лишь Давид Леви; кроме него баллотировались также сын Менахема Бегина Биньямин-Зеев, бывший министром

---

²²⁸ Там же, стр. 335.

²²⁹ Моше Аренс, *Во имя безопасности Израиля*, стр. 178.

науки в правительстве И. Шамира; Моше Кацав, бывший министром транспорта; и Биньямин Нетаньяху, фактически бывший представителем главы правительства в Министерстве иностранных дел, где он считался заместителем не выносившего его министра. Кто бы ни победил на этих выборах, было очевидно, что речь идет о передаче руководства «Ликудом» новому поколению политиков: Давид Леви был моложе Ицхака Шамира на 22 года, Бени Бегин – на 28, Моше Кацав – на 30, а Биньямин Нетаньяху – на 34 года!..

Именно кандидатуру Б. Нетаньяху поддержали как И. Шамир, так и М. Аренс, и в 1993 году он выиграл выборы председателя партии, получив 52% голосов на праймериз; Давид Леви получил 26%, Биньямин-Зеэв Бегин – 16%, а Моше Кацав – только 6% голосов. В партии «Ликуд» началась новая эпоха. Но еще большее значение имел тот факт, что, как и предвидел Ицхак Шамир, новая эпоха, враждебная национальному лагерю и его ценностям, началась в стране.

2. В тисках «процесса Осло»: отчаяние и бессилие

Путь, который было суждено пройти Биньямину Нетаньяху – а вместе с ним, и всему Государству Израиль – оказался куда более сложным, чем можно было предположить. Победа на внутривыборных выборах в «Ликуде» 24 марта 1993 года виделась ему как шаг к тому, чтобы стать главой правительства, ибо быть не имеющим никакого серьезного влияния на происходящее лидером

оппозиции совсем не входило в его планы. Б. Нетаньяху рассчитывал, что ему удастся убедить партию ШАС, представлявшую интересы традиционалистски настроенного сефардского электората, выйти из сформированного И. Рабиным правительства, навязав таким образом Кнессету необходимость самороспуска и проведения новых выборов. Однако и после того, как ШАС вышла из правительственной коалиции, досрочные выборы назначены не были: И. Рабин и Ш. Перес оставались у власти, а Б. Нетаньяху прозябал в оппозиции.

Изначально Биньямин Нетаньяху совсем не был консенсусным кандидатом ни в партии «Ликуд», ни тем более в «национальном лагере» в целом: в ходе внутрипартийных выборов его поддержали лишь чуть более половины проголосовавших, а для праворадикальных и тем более религиозных партий он отнюдь не был «своим». Однако достаточно быстро Б. Нетаньяху удалось изменить эту ситуацию, ярким примером чего стал, казалось бы, малозначительный, но имевший большое символическое значение эпизод, касавшийся офиса нового председателя «Ликуда». На протяжении одиннадцати лет, прошедших после отставки Менахема Бегина, его офис в здании «Мецудат Зеэв» в Тель-Авиве оставался незанятым, причем ситуация не изменилась и после кончины М. Бегина 9 марта 1992 года. Ицхак Шамир никогда не претендовал на эту канцелярию, а учитывая, что сам он, покинув пост председателя движения, остался членом Кнессета, его собственный офис сохранился за ним. Биньямину Нетаньяху свою

канцелярию был готов уступить Моше Аренс, после поражения на выборах 1992 года объявивший об уходе из политической жизни и из Кнессета (семь лет спустя, в январе 1999 года, уже будучи главой правительства, Биньямин Нетаньяху выразит столь много сделавшему для него Моше Аренсу свою признательность, в третий раз назначив его министром обороны), однако, по рекомендации многоопытного члена руководства Партии Свободы Авраама (Аврума) Апеля, Б. Нетаньяху было предложено занять именно канцелярию М. Бегина²³⁰. После сокрушительного поражения на выборах 1992 года в партии «Ликуд» ощущалась готовность к значительным переменам, и новоизбранный председатель, которому было тогда только 43 года и который строил себе имидж «израильского Клинтона» (за два месяца до этого, 20 января 1993 года, он вступил в должность президента США), был человеком, такое обновление в значительной мере символизировавшим.

Изначально Б. Нетаньяху считал своим наиболее опасным конкурентом в «Ликуде» сына М. Бегина Биньямина-Зеева, который был на шесть лет его старше, обладал достойным опытом парламентской работы (он был впервые избран депутатом в ноябре 1988 года, сразу же став членом наиболее важной комиссии Кнессета – по иностранным делам и обороне) и, в отличие от Б. Нетаньяху, за плечами которого было два развода и прогремевший на всю страну в конце 1992 года

---

²³⁰ Ронит Варди, *Биби. Кто Вы, господин премьер-министр?* (Иерусалим: «Кетер», 1997), стр. 281–282 [на иврите].

внебрачный роман с социологом Рут Бар, был примерным семьянином, познакомившимся со своей женой еще в ходе армейской службы и ставший в этом браке отцом шестерых детей. Однако внутрипартийные выборы показали, что личность самого претендента, его программа и харизма имеют большее значение в глазах членов партии, чем «громкая» фамилия: количество голосов, полученных Биньямином Нетаньяху, почти в три раза превышало число тех, кто проголосовал за Биньямина-Зеэва Бегина, который, будучи, как и его отец, убежденным демократом, сразу же признал легитимность нового председателя партии, гарантировав ему свою лояльность и поддержку.

Другой молодой политик, многими рассматривавшийся как достойный кандидат на пост лидера «Ликуда» – Дан Меридор, также бывший «потомственным парламентарием» (в 1960-е годы депутатом Кнессета от Партии Свободы избирался и его отец Элияху Меридор), пессимистично оценивая свои шансы, вообще не согласился на выдвижение своей кандидатуры, но также сразу признал легитимность лидерства Биньямина Нетаньяху. Большую радость в связи с его избранием испытывали и Моше Аренс, и Ицхак Шамир, опасавшиеся, что партия «упадет в руки» Давида Леви или Ариэля Шарона, в верности которых идеологии Жаботинского они испытывали немалые сомнения, оказавшиеся пророческими: Давид Леви покинул «Ликуд» перед выборами 1999 года, а Ариэль Шарон – в ноябре 2005 года, о чем еще будет сказано ниже.

На многочисленных митингах, прошедших в ходе его предвыборной кампании, Б. Нетаньяху обещал своим сторонникам, что «Ликуд» под его руководством сможет быстро возродиться и вернуться к власти. Три фактора, однако, затрудняли реализацию этого обещания.

Во-первых, партия вновь накопила огромные долги. Согласно действующему в Израиле законодательству, финансирование партий из государственного бюджета осуществляется в строгом соответствии с количеством избранных по их спискам депутатов Кнессета; соответственно, сокращение в 1992 году парламентской фракции «Ликуда» с 40 до 32 депутатов привело к двадцатипроцентному уменьшению получаемого партией из госбюджета финансирования. Партия, и так имевшая значительные долги перед банком «Дисконт» и другими кредиторами, не имела средств, чтобы расплатиться со всеми, кто работал на нее в ходе оказавшейся провальной предвыборной кампании. Вопрос финансового положения партии, несмотря на его кажущуюся малозначительность, на самом деле имел огромное значение, в том числе и в ходе выборов ее председателя: банк «Дисконт» угрожал подачей иска с требованием признания «Ликуда» банкротом, что грозило партии ликвидацией по решению суда. В здании «Мецудат Зеэв», где и поныне располагаются руководящие органы «Ликуда», в связи с непогашенными долгами были отключены лифты, и даже на верхние этажи этого высокого здания можно было подняться только пешком по лестнице. Беспрецедентные способности Б. Нетаньяху мобилизовывать (в основном, в

США) пожертвования на нужды «Ликуда» имели большое значение, будучи основным фактором надежды на то, что самого негативного сценария удастся избежать. Нужно сказать, что Б. Нетаньяху полностью оправдал возлагавшиеся на него в этой связи надежды, хотя финансовое оздоровление «Ликуда» не обошлось без массовых увольнений сотрудников аппарата в Центральном комитете партии и на местах.

Во-вторых, не только с парламентской базой в 32 мандата, но даже и с 40–48, которые «Ликуд» имел в 1977–1992 годах, сформировать однопартийное правительство невозможно; для его приведения к присяге нужна поддержка как минимум 61 депутата, в том числе и представлявших другие партии. Было совершенно непонятно, почему какие бы то ни было политические силы, кроме «Ликуда», будут выступать за досрочный роспуск только избранного в 1992 году Кнессета. Правительственная коалиция, на которую опирался в то время Ицхак Рабин, включала Партию Труда, леворадикальный блок МЕРЕЦ и партию сефардских традиционалистов ШАС; было ясно, что никакая из них не преподнесет Биньямину Нетаньяху на серебряном подносе ключи от канцелярии главы правительства, но представлялось очевидным, что значительное большинство религиозных граждан были бы рады, если бы И. Рабин уступил премьерское кресло Б. Нетаньяху. Согласно проведенным летом 1995 года социологическим опросам, главу «Ликуда» поддерживали 56% еврейских граждан Израиля, определявших себя в качестве

«традиционалистов», и 75% среди называвших себя «религиозными»²³¹.

После выборов 1992 года, когда Пария Труда во главе с И. Рабиным получила на 12 мандатов больше, чем «Ликуд» во главе с И. Шамиром, вопрос о том, кому быть главой правительства, был решенным и очевидным, однако после ухода И. Шамира с поста лидера партии и избрания вместо него Б. Нетаньяху он оказывался открытым вновь, несмотря на то, что парламентская арифметика не претерпела никаких изменений. Сам по себе выход партии ШАС из правительства не был способен привести к вынесению ему вотума недоверия – было понятно, что депутаты от Коммунистической и арабских партий поддержат его извне, лишь бы не допустить возвращения «Ликуда» к власти (а при их поддержке правительство и без ШАС могло рассчитывать на голоса 61 депутата). Вместе с тем, складывалась не имевшая прецедентов в истории Израиля ситуация: правительство еврейского государства оказывалось защищенным исключительно арабскими голосами, что со всей остротой ставило вопрос о том, не предало ли это правительство – самим фактом своего существования в тогдашней политической конфигурации – основополагающие идеалы сионизма. Когда партия ШАС, не выдержав давления со стороны своих избирателей и активистов, покинула правительство, которое, однако, отказалось уходить в отставку, национал-либералы провели символические

---

²³¹ См.: Ронит Варди, *Биби. Кто Вы, господин премьер-министр?*, стр. 295.

похороны сионизма, преданного, как они утверждали, правительством И. Рабина – Ш. Переса, причем одним из тех, кто лично нес на своих плечах этот символический «гроб сионизма», был тогдашний лидер оппозиции – Биньямин Нетаньяху. (Позднее, после убийства И. Рабина, в прессе многократно звучали обвинения в адрес Б. Нетаньяху, будто эта акция представляла собой подстрекательство к убийству главы правительства, однако в реальности она чутко отражала ту политическую ситуацию, которая сложилась в Израиле после подписания «соглашений Осло» и выхода партии ШАС из правительственной коалиции в сентябре 1993 года).

На проблематичность сложившегося после выборов в Кнессет тринадцатого созыва парламентского расклада первым обратил внимание Ариэль Шарон, опубликовавший уже в начале июля 1992 года статью, в которой утверждал, что в израильской политике произошел переворот. До этого словом *маханах* [переворот] характеризовались выборы 1977 года, когда «Ликуд» во главе с Менахемом Бегинным отобрал власть у бесценно правившей до тех пор Партии Труда. Ариэль Шарон обращал внимание на то, что в 1977 году один блок еврейских сионистских партий победил на демократических выборах другой; несмотря на значимость этого события, назвать его «переворотом» было бы несправедливо. Напротив, «в ходе выборов 1992 года произошло изменение совершенно другого рода, вызывающее огромные опасения: впервые в истории страны арабское меньшинство – и, в особенности, яростно

антисионистские силы – стали фактором, определяющим, кто будет управлять Государством Израиль и решать его судьбу»²³². Именно чтобы избежать такого впечатления о своем правительстве, Ицхак Рабин привлек в него партию ШАС, дабы продемонстрировать факт наличия еврейского парламентского большинства, однако после выхода ШАС из коалиции и категорического отказа – несмотря на это – левых сил от досрочных выборов, справедливость опасений, высказанных за год с небольшим до этого Ариэлем Шароном, стала очевидной.

В-третьих, вследствие инициированного командой Ш. Переса переговорного процесса (сами они этот процесс, разумеется, именовали не иначе как «мирный») существенно изменилась ситуация не только в Израиле, но и на Ближнем Востоке в целом. Когда весной 1993 года Биньямин Нетаньяху был избран председателем партии «Ликуд», в стране действовал закон, запрещающий ведение переговоров с представителями террористических организаций, в том числе ФАТХа и ООП, и никому не приходило в голову, что полномочные представители министра иностранных дел станут активными и систематическими нарушителями данного закона. О тайных переговорах, которые велись в Осло, глава «Ликуда» не знал ничего практически до тех самых пор, пока детали договора с Ясиром Арафатом были непосредственно согласованы. Б. Нетаньяху узнал о

---

²³² Ариэль Шарон, «Государство по милости арабов» // *Едиот ахронот* [«Последние известия»], 3 июля 1992 г.; цит. по: Давид Ландау, *Арик. Жизнь Ариэля Шарона*, стр. 219.

ведущихся переговорах почти случайно, будучи с визитом в США в самом начале сентября 1993 года²³³.

Б. Нетаньяху с самого начала последовательно выступал против переговоров с Организацией освобождения Палестины, которую он считал структурой, созданной и существовавшей, главным образом, с целью уничтожения еврейского государства. В своей первой большой книге, озаглавленной «Место под солнцем», Б. Нетаньяху посвятил обличению ООП ее самый большой раздел. «Большинство лидеров ООП происходят из израильских приморских городов, таких, как Акко, Хайфа и Яффо. Именно в эти места [а совсем не в сектор Газа или даже на Западный берег Иордана] они намереваются в будущем вернуться победным маршем», – предостерегал Б. Нетаньяху²³⁴. Цель, которую «начертала Организация освобождения Палестины на своих знаменах» – не достижение мира с Израилем, а «уничтожение целой страны и ее народа»²³⁵.

«Соглашения Осло» изначально были определены как промежуточные, срок их действия ограничивался пятью годами, причем не позднее конца третьего из них

---

²³³ См.: Ронит Варди, *Биби. Кто Вы, господин премьер-министр?*, стр. 291.

²³⁴ Биньямин Нетаньяху, *Место под солнцем. Борьба еврейского народа за обретение независимости, безопасное существование и установление мира* / пер. с иврита под ред. Виктора Яковлева (Иерусалим: Ассоциация «Алия за Эрец-Исраэль», 1996), стр. 275.

²³⁵ Там же, стр. 277.

должны были начаться переговоры о постоянном урегулировании палестино-израильского конфликта. Этим переговорам Б. Нетаньяху предрекал провал, цитируя в подтверждение своего тезиса Я. Арафата, заявившего: «Палестинское восстание не прекратится до тех пор, пока палестинскому народу не будут возвращены все его законные права, включая право на возвращение беженцев, ... право на самоопределение и право на создание независимого государства со столицей в Иерусалиме»²³⁶. Вопреки утверждениям Шимона Переса и его более молодых соратников, полагавших, что «процесс Осло» должен привести лидеров ООП к признанию того факта, что их национальные чаяния будут реализованы в политико-территориальном образовании, находящемся бок о бок с Израилем, Биньямин Нетаньяху подчеркивал, что для ООП даже «независимое государство на Западном берегу Иордана и в секторе Газа – это лишь часть программы, призванной привести к ликвидации Государства Израиль»²³⁷.

Сегодня сложно без улыбки читать опубликованную Шимоном Пересом четверть века назад книгу «Новый Ближний Восток», однако тогда многих вдохновляла его уверенность в скорых поездах из Турции через Сирию, Ливан, Израиль и Египет в Африку и автомагистралей – опять же, через Израиль – из Африки в Ирак и другие

---

²³⁶ Там же, стр. 348–349.

²³⁷ Там же, стр. 349.

страны Персидского залива²³⁸. Сегодня самое время спросить, с кем Израиль должен был устанавливать «региональные связи», в рамках которых возникла бы «здоровая конкуренция во внедрении демократических процессов»²³⁹ – с династией Асадов? С Хасаном Насраллой? С Абу Бакром аль-Багдади? С Саддамом Хуссейном и Муаммаром Каддафи – или теми, кто расправился с ними? Многим, однако, эта утопия представлялась весьма привлекательной и заманчивой, и даже среди тех, кому соглашение с Ясиром Арафатом не казалось вершиной политико-дипломатической мудрости, были те, кто считал, что «игра стоит свеч», учитывая, что после подписания серии договоров с ООП (то из них, которое получило название «соглашение Осло», было подписано в Вашингтоне, другие – в Париже и в Каире) к мирному процессу присоединилась Иордания (договор с ней был подписан 26 октября 1994 года), а также восемь других государств арабо-мусульманского мира, в которых были открыты – но, увы, позднее закрыты – израильские представительства (впрочем, никогда не имевшие статуса посольств). «Соглашение Осло» было навязано Израилю группой единомышленников Йоси Бейлина, которого Шимон Перес продвинул на пост своего заместителя в Министерстве иностранных дел.

Глава правительства Ицхак Рабин противился переговорам с ООП и «видел страшную угрозу в создании

---

²³⁸ Шимон Перес, *Новый Ближний Восток* (Тель-Авив: «Стеймацки», 1993), стр. 123 [на иврите].

²³⁹ Там же, стр. 63.

“государства Арафата”, считая последнего кровавым и жестоким врагом»²⁴⁰. Как указывал его биограф, «начиная с Шестидневной войны, Рабин видел в создании независимого палестинского государства угрозу самому существованию Израиля»²⁴¹. Будучи человеком весьма слабохарактерным, не умевшим противостоять внешнему давлению в кризисных ситуациях, И. Рабин как будто бы возглавил процесс, который противоречил всему его мировоззрению. На протяжении достаточно долгого времени Ш. Перес и члены его команды (Йоси Бейлин, Ури Савир, Рон Пундак, Яир Хиршфельд и Йозель Зингер) втайне от законно избранного главы правительства вели от имени Государства Израиль переговоры о территориальных уступках ООП; Ш. Перес проинформировал об этом И. Рабина, да и то не в полной мере, спустя многие месяцы после того, как переговоры начались. И. Рабин не наложил на них вето, ибо у него не было моральных сил уволить зарвавшегося министра иностранных дел (так как он опасался, что это приведет к распаду правительства в целом), и он не верил в то, что эти переговоры к чему бы то ни было приведут. О ходе переговоров с ООП не были информированы ни правительство, ни Кнессет.

Когда 6 июня 1993 года Ш. Перес передал И. Рабину подготовленный тогдашним генеральным директором Министерства иностранных дел Ури Савиром проект меморандума и Декларации принципов, то глава

---

²⁴⁰ Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 443.

²⁴¹ Йоси Гольдштейн, *Рабин. Биография*, стр. 409.

правительства был в бешенстве, категорически отказавшись участвовать в переговорах в Осло; он назвал предложение представителей ООП «катастрофой» и приказал остановить эти переговоры²⁴². Шимон Перес, однако, саботировал указание главы правительства, уполномочив членов своей команды продолжать их деятельность в полном объеме. И. Рабин был уверен, что Ш. Перес действует за его спиной и без его ведома – так оно, безусловно, в значительной мере и было. Биограф И. Рабина считает, что существенную роль в изменении его позиции сыграли террористические акты, жертвами которых становились граждане Израиля, жившие по обе стороны «зеленой черты»; будучи одновременно главой правительства и министром обороны, он оказывался ответственным за то, что армия и силовые структуры не способны обеспечить в стране безопасность – и он надеялся, что переговорный процесс с ООП хотя бы в кратко- и среднесрочной перспективе приведет к снижению числа терактов и их жертв²⁴³, что, в свою очередь, должно было способствовать упрочению его собственного политического статуса. И для Шимона Переса, и для Ицхака Рабина переговорный процесс с ООП имел ярко выраженные внутривнутриполитические задачи, и хотя ни в коем случае нельзя сказать, что «процесс Осло» был инициирован с целью недопущения прихода Биньямина Нетаньяху к власти, продвижение этого

---

²⁴² Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография*, стр. 453–454.

²⁴³ Йоси Гольдштейн, *Рабин. Биография*, стр. 411–412 [на иврите].

процесса, несомненно, происходило с учетом этого фактора.

Б. Нетаньяху, со своей стороны, опасался, что изменившаяся региональная ситуация превратит программу, которую он отстаивал, в заведомо нерелевантную: Израиль – демократическое правовое государство, и любые соглашения, подписанные законно избранными правительствами, обязательны для тех, кто приходит им на смену. Вместе с тем, было очевидно, что в Израиле, где буквально с детского сада никакие песни не поют чаще и громче, чем песни о мире, в эпоху «нового Ближнего Востока», отличительной чертой которого является движение к региональному мирному урегулированию, шансы «Ликуда» и правых партий на возвращение к власти минимальны. Ш. Перес и И. Рабин надеялись трансформировать реалии ближневосточного региона таким образом, что их пребывание у власти на многие годы станет естественным и практически необратимым. Действительность, однако, имела мало общего с этими надеждами.

С момента своего избрания главой «Ликуда» Б. Нетаньяху возглавлял не только парламентскую фракцию партии в составе 32 депутатов, но и был лидером оппозиции, насчитывавшей 59 депутатов Кнессета. Шансы национал-либералов на возвращение к власти во многом зависели от способности «Ликуда» служить остовом и связующим звеном оппозиции. При этом для многих пребывание в оппозиции было тяжким моральным и материальным бременем: при отсутствии постов в

правительстве, лидеры «правых» и религиозных партий не только не имели возможности оказывать реальное влияние на происходившие в стране процессы, но и не могли помочь активистам с трудоустройством в государственные учреждения.

Испытывая большие неудобства в связи с тем, что возглавляемая им коалиция имеет перевес всего в один депутатский голос, а также зависит от депутатов от Коммунистической и арабских партий, Ицхак Рабин и его приближенные прикладывали немалые усилия с целью переманить кого-либо из представителей оппозиции в свои ряды, суля каждому потенциальному перебежчику многочисленные личные блага. В этой связи заслуживает внимания тот факт, что ни один депутат от блока «Ликуд» или от какой-либо партии, представлявшей интересы религиозного населения, на эти уговоры не поддавался, однако в парламентской фракции партии «Цомет» [«Перекресток»] события развивались по-другому. 2 февраля 1994 года трое из восьми депутатов от этой партии объявили о выходе из нее и основании отдельной фракции, которой они дали название «Йеуд» [«Предназначение»] – и вскоре вошли в правительственную коалицию: Алекс Гольдфарб занял пост заместителя министра строительства, а доктор Гонен Сегев, занимавший второе место в списке партии «Цомет», – министра энергетики.

Последующие события нагляднейшим образом доказали, какого «незаурядного» человека И. Рабин привлек в свое правительство. В ноябре 2003 года,

находясь в Гонконге, Гонен Сегев шесть раз снял деньги с собственного счета, после чего, вернувшись в Израиль, обратился в компанию «Исракарт» с заявлением о том, что его кредитка была похищена, а деньги со счета снимались посторонними лицами; камеры видеонаблюдения, однако, показали, что его версия является ложной, после чего он был отдан под суд за заведомое лжесвидетельство и попытку получения денег обманным путем и приговорен к году заключения условно. В апреле 2004 года Г. Сегев – врач-педиатр! – был арестован при попытке ввезти в Израиль значительную партию наркотических таблеток «Экстази», используя к тому же подделанный дипломатический паспорт, срок действия которого давно закончился; в марте 2005 года он был приговорен к крупному денежному штрафу и пяти годам тюрьмы, откуда был досрочно освобожден в июне 2007 года. В 2008 году он был обвинен в выдаче значительного количества чеков без покрытия, и, несмотря на вынесенное в декабре 2012 года судебное решение, требовавшее от него, совместно с сообщниками, вернуть кредиторам около трехсот тысяч долларов, сумма эта так и не была возвращена. Сам Гонен Сегев бежал в Нигерию, но был арестован по запросу Израиля весной 2018 года при попытке въехать в Экваториальную Гвинею, в связи с собранными спецслужбами материалами о его работе на иранскую разведку, начавшуюся еще в 2012 году. В июне 2018 года Гонену Сегеву было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу Ирана и содействии враждебному режиму.

Согласно свидетельствам, собранным Общей службой безопасности (ШАБАКом), выполняя задания иранской разведки, Гонен Сегев контактировал с гражданами Израиля, которые имеют отношение к государственным структурам и службам безопасности; он предпринимал попытки связать их с представителями иранской разведки, выдавая последних за предпринимателей. Невозможно поверить, что именно голос этого человека позволил правительству Рабина – Переса протащить соглашение Осло-2 через Кнессет. Несмотря на возмущение многих представителей «национального» лагеря фактом «воровства мандатов», изменить ситуацию и заставить троих перебежчиков покинуть правительственную коалицию не удалось. 5 октября 1995 года именно их голосами в Кнессете было утверждено так называемое соглашение Осло-2, подписанное в Вашингтоне, за неделю до этого.

Вопреки взятым на себя ранее обязательствам, партнеры правительства Рабина – Переса по переговорам не отменили Палестинскую хартию и не прекратили террористическую деятельность против Израиля. 6 апреля 1994 года восемь человек погибли в результате взрыва заминированной машины, припаркованной возле автобуса в городе Афула; пять дней спустя террорист-самоубийца унес жизни пятерых пассажиров автобуса в городе Хадера; 19 октября того же года 24 человека погибли от устроенного палестинцами взрыва в автобусе в самом центре Тель-Авива; 9 апреля 1995 года шестеро солдат погибли в ходе двух скоординированных терактов

возле Кфар-Даром; 24 июля пятеро израильтян погибли вследствие взрыва в автобусе в Рамат-Гане и т.д. Невзирая на это, кабинет Партии Труда и блока МЕРЕЦ согласился вшестеро увеличить территорию, находящуюся под полным контролем Палестинской администрации, включив в нее все населенные арабами города на Западном берегу Иордана²⁴⁴. На массовом митинге в Иерусалиме соглашение Осло-2 было охарактеризовано как «акт национального предательства», который «правая» оппозиция, однако, не смогла предотвратить. Проводившиеся в то время опросы общественного мнения свидетельствовали о том, что рейтинг популярности Б. Нетаньяху был выше, чем И. Рабина, однако, согласно израильскому законодательству, выборы в стране проходят раз в четыре года, а потому И. Рабин должен был оставаться главой правительства до середины 1996 года, имея возможность беспрепятственно реализовывать курс, который навязывала ему команда Ш. Переса.

Всё, однако, сложилось по-другому: на митинге «в поддержку мира», который фактически ознаменовал собой начало новой предвыборной кампании «левых» сил, состоявшемся в Тель-Авиве 4 ноября 1995 года, Ицхак Рабин был убит. Без каких-либо выборов, в том числе и в самой Партии Труда, Ш. Перес занял оба поста И. Рабина – главы правительства и министра обороны. Последнее было особенно гротескным, принимая во внимание тот факт, что в правительство входил бывший глава военной

---

²⁴⁴ См.: Алек Д. Эпштейн, *Горизонты и миражи палестинской государственности*, стр. 371–374.

разведки и Генерального штаба армии Эхуд Барак, разумеется, куда более подходивший для руководства Министерством обороны, однако, несмотря на полное отсутствие у него какого-либо дипломатического опыта, Шимон Перес назначил его министром иностранных дел. Вопреки тому, что убийство Ицхака Рабина очевидным образом стало следствием глубокого разочарования сотен тысяч израильтян в том, каким путем и как продвигался так называемый «мирный процесс», никаких корректировок курса не последовало, напротив: 10 декабря 1995 года израильская армия покинула Тулькарм, передав ответственность за город арафатовским молодчикам; спустя сутки то же самое произошло в Шхеме, а 21 декабря войска были выведены из Вифлеема. Кроме того, 1 декабря Шимон Перес публично продекларировал готовность отказаться от Голанских высот, несмотря на то, что за пятнадцать лет до этого Кнессетом был принят закон, объявивший их неотъемлемой частью израильской территории: «Израиль должен заплатить Сирии полную цену за полноценный мир». 9 января 1996 года около восьмисот палестинцев, находившихся в израильских тюрьмах по обвинению в ведении антиизраильской вооруженной деятельности, были освобождены в качестве «шага, направленного на создание атмосферы доверия»; особо обращал на себя внимание тот факт, что среди освобожденных было четыреста активистов боевого исламистского движения ХАМАС, не признавшего Израиль и выступавшего категорически против «процесса Осло».

Несмотря на всё это, шок, связанный с убийством законно избранного главы правительства, был столь значительным, что опросы свидетельствовали о крайне низких шансах Биньямина Нетаньяху добиться победы на прямых выборах главы правительства, которые, согласно принятой Кнессетом в 1992 году второй редакции Основного закона о правительстве, должны были пройти впервые в истории Израиля. Когда 11 февраля 1996 года Шимон Перес объявил о назначении досрочных выборов, почти никто не сомневался в том, что он их выиграет. Эти его надежды, однако, не сбылись, и избирательная кампания 1996 года стала для Шимона Переса и возглавлявшейся им Партии Труда шоком не меньшим, чем кампания 1977 года.

На выборах 1992 года ни о каком создании Палестинской национальной администрации во главе с Ясиром Арафатом в программе Партии Труда не говорилось ни слова; не было речи и о возможности отступления с Голанских высот, как и о каком-либо «новом Ближнем Востоке» в целом. Выборы 1996 года были первой возможностью для граждан Израиля выразить свое мнение по поводу этой «многообещающей» концепции. Выборы были назначены на 29 мая, и за предшествовавшие им три с небольшим месяца «новый Ближний Восток» успел проявить себя во всем своем неприглядном уродстве. 25 февраля 1996 года 27 человек были убиты и 80 ранены в двух взрывах, сотрясших Иерусалим и Ашкелон. 3 марта 18 человек погибли и 70 были ранены в новом взрыве в Иерусалиме,

произошедшем в таком же автобусе восемнадцатого маршрута, что и неделю назад. Спустя сутки 14 человек были убиты и более сотни ранены в результате взрыва, прогремевшего в самом центре Тель-Авива, возле «Дизенгоф-центра». На эти трагические события, потрясшие Израиль и крайне серьезно поколебавшие чувство безопасности граждан страны, Шимон Перес ответил очень сомнительной мерой: 13 марта по его инициативе и под покровительством президента Египта Хосни Мубарака был созван так называемый «саммит миротворцев», в котором, наряду с Биллом Клинтоном и Борисом Ельциным, участвовал Ясир Арафат. Само участие многолетнего вдохновителя и непосредственного организатора вооруженной борьбы против Израиля и израильтян в форуме, призванном быть свидетельством наступления «эпохи мира», наглядно свидетельствовало о том, что правительство фактически смирилось с тем, что террор будет продолжаться «в параллель» с израильскими «уступками во имя мира».

Эту логику большинство израильтян счесть нормальной никак не могли, и именно это привело к тому, что несмотря на тотальную поддержку, которую ему оказывала американская администрация, с одной стороны, и почти все средства массовой информации в самом Израиле, с другой, прошедшие 29 мая 1996 года выборы Ш. Перес проиграл. Глава «Ликуда» Б. Нетаньяху с первой же попытки был избран премьер-министром, однако он становился главой страны, находившейся в одном из самых сложных моментов в своей истории.

3. Первое правительство Биньямина Нетаньяху

Биньямин Нетаньяху, по ряду причин, – совершенно незаурядный человек в истории израильской политики. Он родился 21 октября 1949 года в Тель-Авиве, став, таким образом, первым главой правительства, появившимся на свет в уже добившемся независимости Государстве Израиль, но значительная часть его жизни – в общей сложности, почти два десятилетия – прошла в США, где он закончил школу в пригороде Филадельфии в 1967 году. Его отец, профессор средневековой еврейской истории Бен-Цион Нетаньяху (урожденный Милейковский, 1910–2012) был личным секретарем и помощником В.Е. Жаботинского в последний год его жизни, начав работать с ним в 1939 году в Лондоне, затем перебравшись вслед за ним в Нью-Йорк.

На протяжении многих лет отец будущего премьер-министра Израиля был одним из интеллектуальных лидеров национал-либерального сионизма; во многом именно поэтому он так и не получил, безусловно, заслуженную им профессорскую ставку в чутко оберегавшем свою идеологическую «левизну» Иерусалимском университете. Бывший его научным руководителем выдающийся израильский историк и литературовед И.Л. Клаузнер (1874–1958), сам к этой «левой гвардии» совершенно не принадлежавший, очень высоко оценивал таланты своего ученика, однако помочь ему с трудоустройством в Израиле не сумел. В результате Б.-Ц. Нетаньяху преподавал и вел научную работу вначале

в *Dropsie College* в Филадельфии, где он был заведующим кафедрой языка иврит и ивритской литературы, затем – в Денверском университете в штате Колорадо, а в первой половине 1970-х годов – в знаменитом Корнеллском университете. Написанный им монументальный труд *Origins of the Inquisition in Fifteenth Century Spain* [«Истоки инквизиции в Испании в XV веке»], общим объемом в 1400 страниц, впервые увидел свет в 1995 году и был переиздан шесть лет спустя, получив восторженные рецензии в *New York Times*, *Los Angeles Times*, *New Yorker*, *New York Review of Books* и в других ведущих мировых периодических изданиях. На протяжении многих лет Бен-Цион Нетаньяху был главным редактором двух монументальных интеллектуальных проектов, и поныне составляющих основу библиотек многих американских евреев: *Encyclopedia Judaica* и *The World History of the Jewish People*. Немыслимым с точки зрения здравого смысла образом, несмотря на эти впечатляющие научные достижения, Бен-Цион Нетаньяху никогда не был избран в Израильскую Национальную академию наук и не получил звания почетного доктора ни одного из израильских университетов.

В семье Бен-Циона Нетаньяху и его супруги Цили (урожденной Сегал, 1912–2000) было трое детей, старший из которых, Йонатан (1946–1976), погиб в Энтеббе в ходе операции по освобождению заложников, находившихся в захваченном немецкими и арабскими террористами из Народного фронта освобождения Палестины самолете авиакомпании *Air France*, летевшем из Израиля в Париж с

248 пассажирами и 12 членами экипажа на борту. Почти все заложники, кроме трех человек, были освобождены в ходе операции израильского спецназа, проведенной 4 июля 1976 года (непосредственно руководивший операцией Дан Шомрон в 1987 году был назначен начальником Генерального штаба Армии обороны Израиля), однако погиб командир группы коммандос подполковник Йонатан Нетаньяху.

Эти события в одночасье – и навсегда – изменили статус семьи Нетаньяху в израильском обществе. Биньямин Нетаньяху изначально не собирался заниматься политикой, получив первую степень в области архитектуры, а вторую – в области управления бизнесом в Массачусетском технологическом университете. Не будет чрезмерным цинизмом сказать, что для человека, собиравшегося строить в Израиле политическую карьеру, он получил излишне блестящее образование, будучи выпускником одного из лучших университетов мира (в рейтинге мировых университетов по версии агентства *QS World University Rankings* за 2017/2018 учебный год Массачусетский технологический университет занимает первое место). Хотя он возвращался в Израиль всегда, когда стране грозила опасность, отслужив полный срок военной службы в 1967–1970 годах, а затем мужественно сражался в ходе Войны Судного дня, Биньямин Нетаньяху строил успешную карьеру в американском обществе и бизнесе; он даже сократил свое имя и подписывался *Ben Nitay*, чтобы окружающие не воспринимали его как «чужака». Получив в июне 1976 года степень магистра, он

начал работу над докторской диссертацией по политологии в Гарвардском университете, одновременно с этим устроившись работать в *Boston Consulting Group*, где одним из его коллег и друзей стал Митт Ромни, в 2003–2007 годах бывший губернатором штата Массачусетс, а в 2012 году выдвинутый Республиканской партией на пост президента США.

Гибель старшего брата кардинально изменила жизненный путь Биньямина Нетаньяху: он основал Институт по борьбе с террором, названный им в честь погибшего брата, под эгидой которого провел ряд международных конференций, про которые в ретроспективе можно сказать, что они значительно опередили свое время. В 1982 году ставший послом в США Моше Аренс добился назначения не имевшего прежде дипломатического опыта Биньямина Нетаньяху своим заместителем. Когда сам М. Аренс, после отставки М. Бегина с поста главы правительства, по приглашению И. Шамира вернулся в Израиль, чтобы возглавить военное ведомство, он пытался добиться утверждения Биньямина Нетаньяху послом, однако, несмотря на его прекрасное образование, большие связи в американском обществе и безупречный английский, а также глубинное понимание процессов, происходивших в американской политике и экономике, чиновники Министерства иностранных дел в Иерусалиме торпедировали это назначение. М. Аренс, однако, не отступал и смог добиться назначения Б. Нетаньяху постоянным представителем Израиля в ООН – эту должность он с успехом занимал в 1984–1988 годах.

Закончив дипломатическую каденцию, Биньямин Нетаньяху вернулся в Израиль, когда ему не было и сорока лет, и уже тогда воспринимался многими как один из самых перспективных политиков в стране; достаточно сказать, что уже в декабре 1986 года тель-авивская газета «Хадашот» [«Новости»] предсказала, что через десять лет, он, сумеет, пусть и не без труда, победить Давида Леви на внутрипартийных выборах, станет кандидатом «Ликуда» на высший государственный пост в стране. В 1988–1992 годах он работал заместителем министра: в первые годы – у Моше Аренса и короткое время – у Давида Леви в Министерстве иностранных дел, а затем – непосредственно в Администрации главы правительства.

В 1988 году Биньямин Нетаньяху впервые выдвинул свою кандидатуру для избрания депутатом Кнессета, и в ходе драматичного голосования в Центральном комитете партии «Ликуд» с первой же попытки был избран на шестое место в списке²⁴⁵, сразу же после ветеранов движения и опытных парламентариев – Давида Леви, Ариэля Шарона, Моше Аренса и Моше Кацава (глава «Ликуда» и глава правительства Ицхак Шамир, в силу своего статуса, был от участия в выборах освобожден). Именно этот, сразу же столь значительный, кредит доверия, полученный Биньямином Нетаньяху от соратников по национал-либеральному лагерю, позволил ему менее чем через пять лет претендовать на пост председателя партии, на который он и был избран.

---

²⁴⁵ Бен Каспит и Илан Кфир, *Нетаньяху – путь к власти* (Тель-Авив: «Альфа Тикшорет», 1997), стр. 148–149.

Несмотря на свой сравнительно молодой возраст (главой правительства он стал в сорок шесть лет – раньше, чем кто-либо другой за всю историю Государства Израиль), он уже имел весьма значительный опыт военной службы, работы в частном бизнесе в Израиле и в США и дипломатической деятельности на самом высоком уровне.

За восемь лет парламентской работы Биньямин Нетаньяху сформировал команду, которую готов был взять с собой в администрацию главы правительства. Человеком, под непосредственным руководством которого была перестроена работа аппарата партии «Ликуд», был уроженец Молдавии Авигдор (Ивет) Либерман, который в 1996 году был назначен руководителем Администрации главы правительства. А.Л. Либерман начал свой политический путь в Студенческой ассоциации Иерусалимского университета, где он изучал международные отношения и советологию; именно там он познакомился с Дани Наве, который впоследствии сумел получить работу в канцелярии Моше Аренса, бывшего в то время министром иностранных дел. Придя в то же ведомство в должности заместителя министра, Б. Нетаньяху начал формировать собственную команду, поскольку понимал, что при всем прекрасном отношении к нему Моше Аренса, не был его единственным протеже: М. Аренс также очень поддерживал детей Элияху Меридора, Дана и Салая, причем последний работал с ним в статусе политического советника.

Б. Нетаньяху искал людей, которые будут преданы именно ему и будут готовы пройти с ним огонь, воду и

медные трубы; тех, кто будет обязан своей карьерой именно ему и потому не предаст так, как на его глазах Шмуэль Тамир предавал Менахема Бегина, а Давид Леви все время шантажировал возможным предательством Ицхака Шамира. Именно Дани Наве познакомил Авигдора Либермана с Биньямином Нетаньяху²⁴⁶. Заслуживает особого внимания тот факт, что своей фактически правой рукой Биньямин Нетаньяху назначил человека, совершенно не принадлежавшего к той израильской «аристократии», к которой принадлежал он сам – и почти все остальные, кто окружал М. Аренса и кому он патронировал. Б. Нетаньяху оценил в говорившем отнюдь не на блестящем иврите сравнительно недавнем иммигранте из Кишинева А.Л. Либермане безграничную трудоспособность, крайнюю эффективность (обратной стороной которой была, по мнению многих, недостаточная человечность) и готовность заниматься изнурительной повседневной организационной работой, к которой сам Б. Нетаньяху не испытывал никакого влечения. Кроме того, А.Л. Либерман всегда был готов принять удар на себя, взяв ответственность за те или иные непопулярные решения, против которых Б. Нетаньяху не возражал, но с которыми ассоциироваться публично не хотел.

К концу 1980-х гг. Б. Нетаньяху, как никто другой в израильской политике, умел быть зажигательным оратором, использовать электронные СМИ – телевидение и радио – с целью привлечения новых сторонников,

---

²⁴⁶ Ронит Варди, *Биби. Кто Вы, господин премьер-министр?*, стр. 250.

однако выстраивание сети активистов в различных населенных пунктах по всей территории страны отнюдь не было сферой, в которой он чувствовал себя как рыба в воде. Как сам Б. Нетаньяху, так и те, кто его окружали, считали, что Ицхак Шамир, хотя и возглавлял «Ликуд» девять лет, так и не вышел из тени Менахема Бегина, и именно вследствие этого руководство партии постоянно сотрясали внутренние кризисы, ибо многие министры правительства И. Шамира, работавшие рядом с ним и в правительстве М. Бегина, как, в частности, Д. Леви, И. Модаи и А. Шарон, отнюдь не считали, что он чем-либо превосходит их, а потому были всегда готовы бросить ему вызов.

Этого положения Биньямин Нетаньяху всячески стремился избежать, что было особенно трудно, учитывая, что значительная часть лидеров «Ликуда» была существенно старше его, пусть даже Моше Аренс добровольно покинул Кнессет после поражения «Ликуда» на выборах 1992 года, Ицхак Модаи, уйдя из партии и сформировав собственный список, в том же году оказался за бортом парламента, не пройдя электоральный барьер, а Ицхак Шамир завершил свою политическую карьеру и не принимал участия в выборах в Кнессет четырнадцатого созыва, прошедших в 1996 году. Основной проблемой для лидерства Б. Нетаньяху в «Ликуде» были «старые зубры», Давид Леви и Ариэль Шарон, с одной стороны, и два амбициозных «принца», Бени Бегин и Дан Меридор, с другой. Каждый из них видел себя кандидатом на самые высшие государственные посты, причем Д. Леви проделал

с Б. Нетаньяху тот же трюк, которым он за четыре года до этого угрожал И. Шамиру, в марте 1996 года выйдя из «Ликуда» и создав движение «Гешер» [«Мост»], которое, кстати, так никогда и не участвовало в выборах самостоятельно. Д. Леви согласился войти в объединенный межпартийный список с «Ликудом», потребовав забронировать для себя второе место, а для своих сторонников, включая родного брата, – девятое, четырнадцатое, двадцать первое, тридцатое, тридцать шестое и сорок первое места в объединенном списке; кроме того, он потребовал письменных гарантий собственного назначения на пост министра иностранных дел в случае победы Б. Нетаньяху на прямых выборах премьер-министра.

Как и И. Шамир за четыре года до этого, Б. Нетаньяху не нашел в себе сил отвергнуть этот ультиматум, что стало первой миной замедленного действия, заложенной под его правительство. Более того, уже заняв должность министра иностранных дел, Давид Леви 3 июля 1996 года выдвинул новый ультиматум, вновь угрожая немедленной отставкой, требуя назначения на один из высших постов в правительстве Ариэля Шарона, которого Б. Нетаньяху изначально как раз планировал отодвинуть на второй план. Под давлением Давида Леви Биньямину Нетаньяху пришлось в авральном порядке перекраивать структуру правительства, чтобы создать новое ведомство – Министерство национальных инфраструктур, контроль над которым был отдан Ариэлю

Шарону²⁴⁷. Впоследствии Биньямин Нетаньяху как раз неплохо сработался с Ариэлем Шароном, причем, когда очередной ультиматум Давида Леви не был удовлетворен, и он громко хлопнул дверью, именно А. Шарона Б. Нетаньяху назначил на освободившийся пост, к вящему огорчению Д. Леви, возмущенного тем, насколько неблагодарным по отношению к нему оказался А. Шарон, которого он фактически «втащил» в первое правительство Б. Нетаньяху на своем горбу.

Еще одной проблемой были «принцы», причем если Бени Бегин безоговорочно признал итоги демократических выборов, на которых победил Биньямин Нетаньяху, то Дан Меридор, скорее, скрипя зубами, ждал, пока новый лидер «сломает себе шею», чтобы иметь возможность выдвинуться самому в качестве «спасителя» партии и государства. Предполагая, что Б. Нетаньяху проиграет Ш. Пересу, и планируя после этого начать кампанию за «спасение и оздоровление» партии, Д. Меридор практически не участвовал в агитационных мероприятиях в ходе предвыборной кампании. Рассуждая, что «кто не работал, тому и есть не полагается», Б. Нетаньяху и его ближайшие соратники не планировали приглашать Д. Меридора к дележке «пирога электоральной победы», однако Б. Бегин выдвинул собственный ультиматум, отказавшись входить в правительство в одиночку, без Д. Меридора.

---

²⁴⁷ Бен Каспит и Илан Кфир, *Нетаньяху – путь к власти*, стр. 321–322.

А.Л. Либерман встретился с Д. Меридором и поинтересовался, какой портфель тот хотел бы получить; обращает на себя внимание тот факт, что он был готов руководить чем угодно, лишь бы считаться большим начальником: хотя он не имел никакого военного опыта, первым делом он попросил у А.Л. Либермана пост министра обороны. Получив ответ, что на него будет назначен генерал Ицхак Мордехай, на протяжении девяти лет последовательно бывший командующим всех трех существующих в Израиле военных округов – Южного, Центрального и Северного, Д. Меридор попросил пост министра иностранных дел. А.Л. Либерман был вынужден напомнить своему собеседнику, что он еще до выборов был обещан Давиду Леви. После этого Д. Меридор попросил пост министра финансов, хотя не имел никакого опыта работы в бизнесе или финансовой сфере²⁴⁸. У Б. Нетаньяху был прекрасный кандидат на этот пост – один из наиболее уважаемых экономистов мира, профессор Высшей школы бизнеса Чикагского университета Яков Френкель, в 1991 году утвержденный главой Центрального банка Государства Израиль. (Закончив девятилетнюю каденцию на этом посту, он вернулся в США, где возглавил крупнейшую международную финансовую корпорацию JPMorgan Chase International). Разумеется, уровень компетентности в вопросах экономики и финансовой системы Дана Меридора – не имевшего экономического образования выпускника бакалавриата по юриспруденции

---

²⁴⁸ Там же, стр. 319–320.

Иерусалимского университета – был на порядок ниже, чем у профессора Я. Френкеля, однако, по сугубо политическим причинам, Б. Нетаньяху был вынужден передать ему пост министра финансов. Это стало второй миной замедленного действия, заложенной под его правительство, которое и Д. Меридор покинул со скандалом уже через год, 20 июня 1997 года, в связи с разногласиями с профессором Я. Френкелем, хорошо понимавшим, как именно нужно бороться с инфляцией и укреплять курс и статус израильской национальной валюты и не бывшим готовым подстраиваться под политические интересы малосведущего министра финансов.

По сути, уход Давида Леви из Министерства иностранных дел, а Дана Меридора – из Министерства финансов был благом для пользы дела, а отнюдь не вредил ей, однако в прессе с заслуживавшим лучшего применения сладострастием смаковался процесс «полураспада» правительства Б. Нетаньяху, и это оказывало очевидно негативное влияние на эффективность его работы.

Не нужно забывать и о том, что Б. Нетаньяху выиграл прошедшие впервые прямые выборы главы правительства, однако на выборах в Кнессет, состоявшихся в тот же день, Партия Труда получила на 51 тысячу голосов больше, чем правоцентристский блок, остовом которого был «Ликуд», что дало социал-демократам перевес в два парламентских мандата. Б. Нетаньяху, конечно, становился главой правительства, однако партия, которой

он руководил, оказывалась меньшинством в ведомой им коалиции. Это была третья мина замедленного действия, изначально заложенная под возглавляемое им правительство: необходимость удовлетворять зачастую противоречившие друг другу требования руководителей национально-религиозной партии, ШАС, «Еврейства Торы», созданного Натаном Щаранским движения «Исраэль ба'алия», вошедших в единый список с «Ликудом» партий «Цомет» и «Гешер», создавала совершенно невозможную динамику, в сравнении с которой триединство лебеда, рака и щуки было образцом конструктивного сотрудничества.

Ни один из назначенных министров не был в полном смысле слова «человеком Нетаньяху»: его наиболее доверенные лица – Авигдор Либерман, Дани Наве и Шай Базак – получили, соответственно, посты главы администрации премьер-министра, главы секретариата правительства и пресс-секретаря главы правительства, но во всех без исключения министерских креслах оказались люди, ведшие каждый свою политическую игру. *Изначально Биньямин Нетаньяху и Авигдор Либерман очень хотели трансформировать израильскую систему руководства страной таким образом, чтобы всенародно избранный глава правительства имел свободу маневра и возможность назначения на министерские посты профессионалов, вне зависимости от того, являются ли они членами Кнессета, а если да, то каково их место в той или иной партийной иерархии. Взяв за образец Белый дом, Б. Нетаньяху и А. Либерман выдвинули идею о*

создании при премьер-министре Совета по национальной безопасности и Национального совета по экономическому развитию, однако эти планы были в то время торпедированы политиками, занимавшими посты министров финансов и обороны, которые опасались утраты значительной части своих полномочий. Эти структуры, пусть и в несколько сокращенном виде, удалось создать, но отнюдь не сразу: Совет по национальной безопасности был сформирован лишь после отставки Ицхака Мордехая с поста министра обороны в марте 1999 года, а закон о его функциях и полномочиях был принят лишь в 2008 году. Что же касается Национального совета по экономике, то он был создан при администрации главы правительства только в сентябре 2006 года.

Ещё до выборов Биньямин Нетаньяху сформировал несколько мозговых центров, в работе которых принимали участие опытные экономисты, бизнесмены, отставные военные и ветераны спецслужб. Эти рабочие группы, каждая из которых была обособлена от другой, подготовили обстоятельные программы на случай возможной победы Биньямина Нетаньяху на выборах²⁴⁹, несмотря на то, что публиковавшиеся в прессе социологические опросы пророчили ему неминуемое поражение, а Шимону Пересу – электоральный триумф. И в «Ликуде» были те, кто считал электоральный цикл 1996 года заведомо потерянным, призывая не тратить зря

---

²⁴⁹ Ронит Варди, *Биби. Кто Вы, господин премьер-министр?*, стр. 290–291.

время и энергию, а готовиться к кампании 2000 года. Б. Нетаньяху вел себя по-другому, готовясь к максимально эффективной работе на посту премьер-министра и веря в то, что правильно проведенная предвыборная кампания может привести к успеху. Б. Нетаньяху – человек в принципе высокообразованный, благодаря эффективной работе созданных под его началом групп бизнесменов, интеллектуалов, специалистов по безопасности и борьбе с терроризмом, еще более увеличил свой багаж знаний. Он много выступал, почти никогда не используя конспекты-«подсказки», и несмотря на все усилия газетчиков подловить его на искаженных цитатах и неверных статистических выкладках, сделать им этого не удавалось.

Сложно сказать, каков был вклад в победу Б. Нетаньяху различных советников, привлеченных им из США, и тем более невозможно предсказать, как бы закончились выборы, если бы серия тяжелейших террористических актов не сотрясла Израиль за считанные недели до их начала. Совершенно очевидно, что у «Ликуда» не было никакой возможности повлиять на ХАМАС или предсказать его шаги; Б. Нетаньяху делал то, что должен был делать ответственный кандидат на пост главы правительства, прекрасно осознавая, что многое – не в его руках.

С первого дня пребывания Б. Нетаньяху у власти левоориентированная пресса воспринимала это как случайное недоразумение, как оскорбление памяти убитого И. Рабина и нанесение непоправимой незаслуженной обиды Ш. Пересу, которому газетчики еще

до выборов присягнули почти в полном составе. Став премьер-министром, Б. Нетаньяху оказался втянутым в войну, развязанную против него средствами массовой информации. Люди, взявшие себе право говорить от имени общества, день за днем убеждали людей в том, что они по ошибке доверили страну не тому, кому следовало. Нельзя сказать, что именно пресса победила Биньямина Нетаньяху на выборах 1999 года, однако нельзя отрицать тот очевидный факт, что она сделала для этого очень и очень много. Именно тогда стало понятно, что Израилю жизненно необходимо появление иных средств массовой информации, но симпатизирующая национал-либеральному лагерю газета «Израэль хайом» [«Израиль сегодня»], постепенно ставшая ведущей в стране, начала выходить только летом 2007 года.

*

Деятельность первого правительства под руководством Биньямина Нетаньяху сложно оценить однозначно. *В экономической сфере оно добилось беспрецедентного успеха, за три года, с 1996 по 1999, снизило инфляцию в стране в восемь раз: с 10.59% до 1.34%. В 1998 году был отменен структурно заложенный принцип контролируемой девальвации, и шеккель стал в полном смысле слова свободно конвертируемой валютой: с этого времени шеккель может быть свободно обменен на любую иностранную валюту в любом отделении любого из израильских банков. В момент, когда было принято это*

решение, средневзвешенный курс американского доллара в Израиле, составлял 3,65 шеккеля; как ни трудно в это поверить, спустя двадцать лет, в июне 2018 года, он был ровно такой же – 3,65. Реформы правительства Б. Нетаньяху в фискальной сфере, проведенные под непосредственным руководством тогдашнего главы Центробанка профессора Я. Френкеля, способствовали созданию базы, превратившей израильский шеккель в одну из самых стабильных валют мира (для сравнения укажем, что за тот же самый период курс российского рубля к доллару упал более чем в десять раз: от 6.17 рублей в мае 1998 года до 62.73 – в июне 2018 года).

Либерализация монетарной политики сопровождалась значительным сокращением дефицита бюджета, с одной стороны, и расширением масштабов приватизации, с другой. Одновременно с этим были проведены реформы в ряде сфер, в частности, в области связи и телекоммуникаций: появление в 1997 году компаний «Кавей захав» и «Барак» привело к кратному удешевлению международной телефонной связи, а появление компании кабельного телевидения «Yes» значительно расширило возможности абонентов в сфере телерадиовещания. Учитывая, что за три года в стране сменилось три министра финансов (Дан Меридор, профессор Яков Неэман и Меир Шитрит), а министром промышленности и торговли все эти годы был Натан Щаранский, не имевший ни соответствующих знаний, ни опыта, не будет ошибкой сказать, что ключевая роль в этих реформах принадлежала Биньямину Нетаньяху и

профессору Якову Френкелю. При этом правительство не смогло справиться с ростом безработицы, которая увеличилась более чем на треть: с 6.6% в 1996 году – до 8.9% три года спустя.

В сфере внешней политики новоизбранный премьер изначально оказался в крайне сложной ситуации, которую так и не сумел изменить. Американская администрация делала все, что было в ее силах, с целью поддержки Шимона Переса, и его поражение стало не только неприятной неожиданностью, но и было воспринято в Вашингтоне как вотум недоверия со стороны израильского общества, на который это общество не имело права. Администрация Клинтона отказалась сделать напрашивавшиеся выводы из итогов выборов, взяв курс на массированное давление на Биньямина Нетаньяху с целью превратить его во «второго Шимона Переса». Сотрудники администрации Клинтона отказывались смотреть правде в глаза, не признав и не приняв политический выбор израильского общества.

С самого начала Б. Нетаньяху оказался под сильнейшим давлением, которому не нашел в себе внутренних сил противостоять. Фактически, он оказался «зажатым» между Б. Клинтонем и Я. Арафатом, причем каждый всплеск насилия со стороны палестинцев приводил к усилению американского давления не на их руководителей, а на Биньямина Нетаньяху, от которого Билл Клинтон, госсекретарь Уоррен Кристофер и сменившая его в 1997 году Мадлен Олбрайт, а также ближневосточники Госдепартамента во главе с Деннисом

Россом требовали все новых и новых уступок «во имя мира». Тот факт, что никакие израильские уступки ни к какому миру, очевидно, не приводили, никак не влиял на пыл американских «посредников», требовавших от Биньямина Нетаньяху реализовывать совершенно чуждый ему и отвергнутый большинством израильтян принцип «территории в обмен на мир».

Нужно сказать, что вопреки имиджу, который создавал себе сам Б. Нетаньяху и который создавали ему его недруги, он был весьма прагматичным политиком, абсолютно не стремившимся к войне. Почти сразу после своего избрания главой правительства он встретился с Махмудом Аббасом (Абу Мазеном), которого сопровождал Ахмед Тиби, нетривиальным образом и поныне совмещающий статус доверенного лица высших руководителей Палестинской администрации с должностью и окладом депутата Кнессета²⁵⁰. Изначально, палестинские руководители не видели в избрании Б. Нетаньяху какой-либо принципиальной проблемы для себя, надеясь, что он станет для них тем же, кем стал для А. Садата М. Бегин: человеком, который вернет под их контроль все требуемые ими территории, будучи свободным при этом от давления многочисленной правой оппозиции, которой будет неоткуда взяться, когда председатель «Ликуда» стоит во главе правительства. Прекрасно отдавая себе отчет в том, что весь «процесс Осло» имел в Израиле значительное число противников,

---

²⁵⁰ Бен Каспит и Илан Кфир, *Нетаньяху – путь к власти*, стр. 313.

политическим лидером которых был глава «Ликуда», палестинские руководители видели немалый плюс в том, чтобы этот процесс продолжался как раз под его руководством; Я. Арафату, М. Аббасу и их приближенным было понятно, что в отличие от «Ликуда», устраивавшего массовые демонстрации против «процесса Осло», ведомого лидерами Партии Труда, последние, даже находясь в оппозиции, отнюдь не будут вставлять палки в колеса этого процесса.

Б. Нетаньяху все это тоже прекрасно понимал, но отнюдь не горел желанием палестинским руководителям подыгрывать. Он не верил в их стремление к миру, воспринимая сам процесс «промежуточного урегулирования» как крайне невыгодный для еврейского государства: лишаясь контроля над определенными территориями, Израиль фактически ничего не получал взамен, ибо весь тогдашний переговорный процесс изначально имел своей целью лишь строительство атмосферы взаимного доверия для будущих переговоров о постоянном урегулировании. В ходе этих будущих переговоров Я. Арафат, М. Аббас и их соратники были свободны выдвинуть любые требования, в том числе и заведомо абсолютно неприемлемые для Израиля (позднее именно это и произошло). Палестинские руководители на время, да и то преимущественно на уровне деклараций и обещаний, отказывались от террора и насилия (когда же террористические акты случались, руководители Палестинской администрации отрицали свою связь с ними), имея полную возможность вернуться к этой

тактике позднее, Израиль же навсегда лишился контроля над территориями, имевшими большое военно-политическое и историко-символическое назначение.

Сразу же после своего избрания Биньямин Нетаньяху столкнулся с действительностью, от иллюзии мирного урегулирования весьма далекой: 6 июня 1996 года северные районы Израиля были обстреляны боевиками «Хизбаллы»; 10 июня пятеро солдат израильской армии погибли в зоне безопасности в Южном Ливане; 26 июня трое других были убиты из засады террористами в Иорданской долине; 26 июля семья из трех человек была расстреляна террористами в окрестностях города Бейт-Шемеш, находящегося на полпути между Иерусалимом и Тель-Авивом; а весь август прошел в напряженном ожидании осложнений на сирийско-израильской границе в связи с перегруппировкой войск, которую многие сочли свидетельством подготовки нападения на Израиль. Напряженность на границе Израиля с Сирией постепенно ослабла вследствие активных дипломатических усилий, приложенных американцами и египтянами, но ситуация на израильско-ливанской границе оставалась очень далекой от нормальной: 19 сентября еще двое солдат погибли и восемь были ранены в столкновениях с боевиками «Хизбаллы», еще двое погибли и пятеро были ранены 23 октября; 13 декабря Западная Галилея была обстреляна «катюшами» с территории Южного Ливана...

Однако самые тяжелые события развернулись в конце сентября в столице: воспользовавшись как поводом

решением правительства Израиля, принятом для удобства туристов и паломников, открыть второй выход из Хасмонеяского тоннеля (до этого единственная дверь в него служила и входом, и выходом, что, конечно, было очень неудобно), Ясир Арафат объявил о том, что Израиль будто бы намеревался нанести ущерб мусульманским святыням, находящимся в Старом городе в Иерусалиме. Начались кровопролитные беспорядки, в ходе которых представители палестинских силовых структур впервые стреляли в израильских солдат и полицейских. Американцы пришли от этого в ужас, ибо от столь активно продвигаемого ими «мирного процесса» не оставалось и следа, вследствие чего Б. Клинтон в авральном порядке вызвал Б. Нетаньяху и Я. Арафата в Вашингтон.

Первое правительство под руководством Б. Нетаньяху было приведено к присяге 18 июня 1996 года, и за три первых месяца его работы новый премьер-министр отказывался встречаться с Я. Арафатом в своей канцелярии, в Газе, Рамалле или где бы то ни было еще. Я. Арафат не остановился перед тем, чтобы развязать новую волну насилия, жертвами которой стали 83 израильтянина и палестинских араба, лишь бы не дать новоизбранному главе правительства Израиля прервать этот разрушительный для еврейского государства процесс, для ухода от которого за Б. Нетаньяху, собственно, и голосовали избиратели. В середине 1990-х годов Б. Нетаньяху был глубоко светским человеком (позднее, под влиянием своей третьей жены Сары, выросшей в религиозной семье, Б. Нетаньяху стал существенно ближе

к традиционному иудаизму) и соображения о «святости земли Эрец-Исраэль» были достаточно далеки от него. Его противодействие «процессу Осло» проистекало из того, что он категорически не верил не только лично Ясиру Арафату, но и в саму возможность «доброй воли» ООП, изначально созданной для вооруженной борьбы с целью уничтожения Израиля, когда те территории, которые после 1967 года стали называться «оккупированными», еще находились под контролем Иордании и Египта.

Показательно, что в ходе предвыборной кампании Б. Нетаньяху пользовался безоговорочной поддержкой движения ХАБАД, которое попросило – и получило – от него письменное обязательство прекратить «процесс Осло»²⁵¹. Предвыборная кампания 1996 года фактически была референдумом об отношении граждан Израиля к «процессу Осло», инициаторы и сторонники которого этот референдум проиграли. И Я. Арафат, и Б. Клинтон это в целом прекрасно понимали, и еще в ходе своего самого первого визита в Вашингтон, начавшегося 9 июля 1996 года, Б. Нетаньяху не стал скрывать от Б. Клинтона своего намерения реализовать волю граждан Израиля, принципиально изменив курс по палестинскому вопросу.

Как это неоднократно бывало еще во времена британского мандата (в частности, в 1920, 1929 и 1936 годах) палестинские арабы инициировали волну насилия, чтобы влиятельная держава «дала евреям по рукам»; в 1920-е – 1930-е годы подлинным адресатом палестинской

---

²⁵¹ Ронит Варди, *Биби. Кто Вы, господин премьер-министр?*, стр. 317–318.

политики были англичане, а в 1996 году – американцы: для администрации Б. Клинтона произошедшие события стали поводом заставить Б. Нетаньяху действовать противоположно своим собственным убеждениям и мандату, полученному им от избирателей. Обращает на себя внимание тот факт, что сразу же после победы Б. Нетаньяху на выборах ведущий ближневосточник Госдепартамента Деннис Росс позвонил Ясиру Арафату, чтобы заверить главу ПНА в том, что американская администрация не позволит новоизбранному главе правительства Израиля «использовать соображения безопасности как отговорку, чтобы не продолжать мирный процесс»²⁵². Деннис Росс посоветовал Ясиру Арафату доказать Б. Нетаньяху, что палестинские руководители являются надежными партнерами, вместе с которыми можно строить путь к миру; глава ПНА повел себя противоположным образом, устроив всплеск вооруженного насилия, с целью остановки которого Б. Клинтон вызвал его самого и Б. Нетаньяху в Вашингтон. В очередной раз палестинские руководители доказали, что подготовка к войне выгоднее для их интересов, чем движение к миру, и ведущая западная держава вновь зачем-то подыграла им.

Американцы понимали, что Б. Нетаньяху не пойдет на какие-либо уступки в отношении Иерусалима, особенно учитывая, что под знаком верности объединенной столице

---

²⁵² Dennis Ross, *The Missing Peace: The Inside Story of the Fight for Middle East Peace* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2004), p. 259.

прошла вся его предвыборная кампания, одним из основных лозунгов которой был (не очень понятно, кстати, на чем тогда основанный) «Перес разделит Иерусалим». С другой стороны, американцы хотели продемонстрировать палестинским руководителям, что активное посредничество администрации США выгодно для палестинцев вне зависимости от того, кто является премьер-министром Израиля. Более того: американская администрация считала, что законно избранное израильское правительство не представляет все население страны, полагая, что оно в значительной мере является «заложником крайне правых»²⁵³. Когда 13 марта 1997 года иорданский солдат расстрелял группу израильских школьниц, семеро из которых погибли, и глава правительства Израиля в ходе переговоров с палестинцами стал настаивать на более веских гарантиях безопасности, чтобы исключить возможность повторения подобного теракта, американская администрация обвинила его в том, что он будто бы «эксплуатирует трагедию»²⁵⁴.

Д. Росс свидетельствует, что именно ему принадлежала идея надавить на Б. Нетаньяху, чтобы он согласился на вывод израильских войск из Хеврона и передачу города под палестинский контроль²⁵⁵. Хеврон оставался единственным городом на Западном берегу реки Иордан, который даже правительство Рабина – Переса не

---

²⁵³ Там же, р. 298.

²⁵⁴ Там же, pp. 336–337.

²⁵⁵ Там же, pp. 266–267.

передало под палестинский контроль – как вследствие того, что, согласно иудейской традиции, этот город был вторым по значимости в Эрец-Исраэль после Иерусалима, так и потому, что в нем была воссоздана еврейская община, существовавшая в нем на протяжении многих веков, вплоть до устроенного арабами в 1929 году погрома. 15 января 1997 года под давлением американцев одиннадцатью голосами против семи правительство утвердило соглашение о передислокации в Хевроне, что вызвало бурю негодования со стороны правого лагеря, в особенности – религиозных сионистов; Биньямин-Зеэв Бегин даже объявил об уходе в отставку с занимаемого им поста министра науки.

7 марта того же года правительство минимальным большинством голосов утвердило решение о передаче под контроль ПНА дополнительной территории на Западном берегу Иордана; в значительной степени в связи с противодействием со стороны религиозных сионистов, которым нужно было «что-то дать», чтобы умирить их критику, 14 марта было принято решение о создании нового еврейского квартала в столице на территории, отвоеванной у Иордании за тридцать лет до этого. Несмотря на вспыхнувшие беспорядки, распространившиеся по всей территории Западного берега и сектора Газа, Б. Нетаньяху не отменил принятое решение, и строительство нового еврейского района в Иерусалиме началось; спустя двадцать лет, в 2017 году, численность жителей этого района, переименованного в Хомат-Шмуэль, в честь заместителя мэра Иерусалима от

национально-религиозной партии Шмуэля Меера (1954–1996), превысила 20 тысяч человек.

Надеясь сломить израильского премьера, Я. Арафат объявил о прекращении каких-либо контактов с ним и его представителями; американцы серьезно озаботились тем, что «мирный процесс оказался в состоянии свободного падения»²⁵⁶. Как это ни покажется удивительным, именно евреи, привлеченные Б. Клинтонем в свою администрацию – советник по национальной безопасности Сэнди (Сэмюэль) Бергер (1945–2015), госсекретарь Мадлен Олбрайт (урожденная Мария Яна Карбелова) и Деннис Росс – занимали наиболее жесткую позицию в отношении Б. Нетаньяху и его курса. В Израиле со времен Г. Киссинджера было принято воспринимать каждого приближенного к президенту еврея как «своего», однако эти люди раз за разом демонстрировали, и высокопоставленные сотрудники администрации Б. Клинтона лишь подтверждали это, что они отстаивают только и исключительно интересы самих Соединенных Штатов, а израильским представителям не стоит лоббировать интересы своей страны с их помощью.

Все новые теракты, которые совершали палестинские боевики, как, в частности, взрыв в тель-авивском кафе 21 марта 1997 года, в котором погибли три молодые женщины и были ранены несколько десятков ни в чем не повинных граждан, воспринимались американскими представителями как проблема преимущественно в связи с тем, что после очередных кровопролитных терактов

---

²⁵⁶ Там же, р. 338.

израильские представители не были готовы к новым «уступкам во имя мира». В администрации Б. Клинтона сформировался подход, который можно было бы определить как «религия мирного процесса»: этот процесс сам по себе стал ценностью, в значительной мере определявшей американскую политику на Ближнем Востоке в целом и в отношении Израиля, в частности. Даже те сотрудники администрации, которые считали Б. Нетаньяху «блестящим политиком», полагали, что «он имел очень слабое представление о том, как именно действовать»²⁵⁷ – и они считали себя вправе главе правительства Израиля навязывать свои представления об этом. Американцы считали, что «после убийства И. Рабина Я. Арафат сделал ставку на то, что его реальным партнером являются США, а не Израиль»²⁵⁸. Эта иллюзия дорого стоила президенту Б. Клинтону, когда, несмотря на все его усилия, ему не удалось добиться подписания палестино-израильского соглашения ни в ходе саммита в Кемп-Дэвиде, ни после него; однако для главы правительства Израиля эта ситуация превратилась в непрекращающийся кошмар: госсекретарь М. Олбрайт, по свидетельству одного из ее приближенных, строила свои отношения с главой правительства еврейского государства в патрон–клиентских терминах²⁵⁹.

---

²⁵⁷ См.: Aaron David Miller, *The Too Much Promised Land. America's Elusive Search for Arab-Israeli Peace* (New York: Bantam Books, 2008), p. 270.

²⁵⁸ Там же, pp. 271–272.

²⁵⁹ Там же, p. 274.

Длительное давление принесло свои плоды: во второй половине октября 1998 года американцам удалось склонить Б. Нетаньяху к подписанию меморандума Wye River, согласно которому 13% территории Иудеи, Самарии и Иорданской долины, до этого находившиеся под полным контролем Израиля (т.н. зона «С»), передавались либо под полный контроль ПНА (зона «А»), либо под ее гражданский контроль при сохранении за израильской армией права на проведение там антитеррористических операций (зона «В»). Одновременно с этим, более 14% территорий, которые до этого находились лишь под гражданским контролем ПНА (в зоне «В»), передавались в ее полное ведение (в зону «А»).

Подписание этого меморандума Биньямином Нетаньяху и Ариэлем Шароном, который 13 октября 1998 года, то есть ровно за десять дней до подписания меморандума Wye River, стал министром иностранных дел, привело к проблемам в правительственной коалиции, оказавшимся непреодолимыми: два депутата от партии «Моледет» [«Родина»] и два депутата от «Ликуда», Биньямин-Зеев Бегин и Михаил Кляйнер, проголосовали в поддержку вотума недоверия правительству. Как и в 1992 году, голоса правых радикалов привели к падению правительства национал-либералов и досрочным выборам, которые в мае 1999 года вновь (впрочем, последний раз в ее истории) выиграла Партия Труда. Хотя большая часть договоренностей, содержащихся в меморандуме Wye River, никогда не была реализована, даже тех уступок, на которые Б. Нетаньяху и А. Шарон под

давлением американцев вынуждены были согласиться, хватило, чтобы внутривнутриполитический кризис похоронил правительство, которое они возглавляли.

4. Проиграв выборы, не проиграть страну: противостоя курсу Эхуда Барака

Проиграв в мае 1999 года выборы, Биньямин Нетаньяху оказался перед выбором: с одной стороны, его поражение Эхуду Бараку было столь значительным (с разницей более чем в 12% голосов), что «списать» результаты голосования на какие-либо посторонние факторы было невозможно: большинство населения страны выразило личное недоверие именно ему. С другой стороны, молодой еще государственный деятель (а Б. Нетаньяху к тому времени не исполнилось и пятидесяти лет) не собирался уходить в политическое небытие, посвятив остаток своей жизни написанию мемуаров. Именно поэтому Б. Нетаньяху искал способ уйти из политики так, чтобы в любой момент иметь возможность вернуться – причем на самую ведущую роль. Он хотел продемонстрировать избирателям, что понял урок, который они ему преподали, да и к тому же весьма успешные результаты и самого Эхуда Барака, и возглавлявшегося им парламентского списка Партии Труда и ее сателлитов (этот список получил хоть и сравнительно немного, 27 мандатов, но на целых восемь мандатов, то есть в полтора раза, больше, чем «Ликуд») делали оправданным предположение, что следующие

выборы не будут досрочными и пройдут в 2003 году – а до этого проигравшему премьер-министру все равно не на что особенно надеяться. Биньямин Нетаньяху рассчитывал, что в его распоряжении есть четыре года, за время которых он сможет попутешествовать по миру и хорошо заработать лекциями и консультациями, чтобы иметь надежную финансовую базу для борьбы за возвращение на пост главы правительства через четыре года.

Задача, которую Биньямину Нетаньяху надо было решить в этой связи, состояла в том, чтобы найти в прямом смысле слова местоблюстителя – человека достаточно авторитетного и серьезного, чтобы ему можно было доверить пост председателя партии «Ликуд», но который при этом будет готов освободить этот пост для самого Б. Нетаньяху, когда он решит вернуться на пост лидера партии. Вероятнее всего, оптимальным кандидатом такого рода для Биньямина Нетаньяху был бы Моше Аренс, в прошлом бывший и министром иностранных дел, и – трижды – министром обороны, в том числе последние полгода премьерской каденции Б. Нетаньяху, однако сам М. Аренс подобной инициативы не проявил, а Б. Нетаньяху и его приближенные, со своей стороны, ее не выдвинули. Подобную инициативу проявил другой политик, также в разное время бывший и министром обороны, и – как раз в правительстве Б. Нетаньяху – министром иностранных дел – А. Шарон.

Отношения между ними знали свои взлеты и падения. По свидетельству близкого А. Шарону

журналиста Ури Дана²⁶⁰, Б. Нетаньяху в сопровождении своего отца и одного из братьев побывал на ферме Ариэля Шарона еще в 1974 году, вскоре после Войны Судного дня. И Б. Нетаньяху, и А. Шарон имели причины как друг друга уважать, так и друг друга опасаться; на протяжении многих лет они обвиняли один другого в нарушении обещаний. Пиком кризиса в отношениях между ними стало невключение А. Шарона в состав правительства Б. Нетаньяху, вследствие чего министерский пост он получил позже других, да и то лишь под давлением ультиматума Давида Леви. Когда сам Д. Леви в 1998 году покинул правительство Б. Нетаньяху, и А. Шарону был предложен пост министра иностранных дел, то он потребовал – и получил – от главы правительства подробный письменный документ, фиксирующий его права и полномочия; не только текст, но и сам факт существования этой бумаги хранился в секрете²⁶¹, и она поныне так и не была опубликована.

Несмотря на очень сложную историю отношений между ними, Б. Нетаньяху все же не опасался оставлять партию в руках А. Шарона. На то было три взаимодополняющие причины. Во-первых, Б. Нетаньяху считал, что израильское общество не простило – и никогда не простит – А. Шарону травмы Первой Ливанской войны, а его увольнение с поста министра обороны в 1983 году в связи с рекомендациями, данными Государственной

---

²⁶⁰ Ури Дан, *Ариэль Шарон вблизи. Личный портрет* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2007), стр. 226 [на иврите].

²⁶¹ Там же, стр. 228.

следственной комиссией во главе с тогдашним председателем Верховного суда Ицхаком Каханом, не позволит ему претендовать на пост главы правительства, которому, естественно, среди других, подчинен и министр обороны. Во-вторых, в феврале 1999 года у супруги Ариэля Шарона Лили, бывшей родной сестрой его безвременно скончавшейся первой жены, был диагностирован рак, и она проходила изнурительные процедуры в Израиле и в США, на которые муж ее, как правило, сопровождал. Политические соперники Ариэля Шарона считали очевидным, что его энергия будет тратиться преимущественно на борьбу со смертельной болезнью его жены, а не на внутрипартийные интриги и распри. В-третьих, против Ариэля Шарона играл и фактор возраста: в 2003 году, когда должны были состояться следующие выборы, ему должно было исполниться 75 лет – никогда столь пожилой человек не выдвигал свою кандидатуру на высший государственный пост в стране в первый раз. В 1961 году Давид Бен-Гурион в этом возрасте в последний раз был переизбран на пост главы правительства, но речь шла о легендарном человеке, воспринимавшемся как отец-основатель государства, за плечами которого, в отличие от А. Шарона, уже были четыре выигранные электоральные кампании. Немаловажным был и тот факт, что в прошлые годы А. Шарон неоднократно выдвигался на пост председателя «Ликуда», но выборы всегда проигрывал, вследствие чего у Б. Нетаньяху и его приближенных сформировалась убежденность в том, что А. Шарон будет весьма и весьма

зависим от их поддержки. На выборах нового председателя партии «Ликуд», прошедших после объявления Б. Нетаньяху о его временном уходе из политики, такая поддержка была А. Шарону оказана, благодаря чему он выиграл выборы уже в первом туре, получив 53% голосов. Выдвинувшиеся против него Эхуд Ольмерт и Меир Шитрит получили 24% и 22% голосов, соответственно²⁶².

Едва ли не впервые в своей истории партия «Ликуд» обрела председателя, которого она не считала своим реальным лидером, однако, вопреки всем весьма разумным расчетам, наглядно объяснявшим, почему Ариэль Шарон таким лидером заведомо стать не мог, он таковым все-таки стал. В значительной мере, это произошло вследствие драматичных событий, случившихся в 2000 году, которые поставили Государство Израиль перед угрозами экзистенциального характера.

В октябре 1998 года Ариэль Шарон совместно с Биньямином Нетаньяху принимал участие в переговорах с руководством Палестинской администрации, прошедших под патронажем президента США в Wye River. В ходе этих переговоров израильские представители были вынуждены согласиться на передачу под контроль ПНА дополнительных 13% территории Западного берега, однако этот процесс был разбит на три этапа, причем переход к каждому последующему этапу обуславливался выполнением Ясиром Арафатом и его командой тех обязательств, которые они на себя взяли. Эти

---

²⁶² См.: Давид Ландау, *Арик. Жизнь Ариэля Шарона*, стр. 256.

обязательства включали в себя отмену статей Палестинской хартии, призывавших к уничтожению Государства Израиль, прекращение антиизраильского подстрекательства и террористической деятельности, а также изъятие оружия, находившегося у боевиков палестинских незаконных вооруженных формирований, прежде всего, ХАМАСа и «Исламского джихада». В Израиле знали о том, что тогдашний глава ЦРУ Джордж Тенет подготовил для президента Б. Клинтона меморандум, свидетельствующий о том, что к процессу экспроприации арсеналов у незаконных вооруженных формирований Я. Арафат даже не приступил²⁶³, однако, несмотря на это, американская администрация настаивала на том, чтобы Израиль в полном объеме выполнил взятые на себя обязательства. Правительство Нетаньяху – Шарона отказывалось способствовать усилению Палестинской администрации, очевидным образом не стремившейся к подлинному миру с Израилем, который она так и не признала – ни тогда, ни впоследствии – государством еврейского народа. Ставший новым премьер-министром Эхуд Барак был готов к уступкам намного более значительным.

Поскольку Эхуд Барак лично с триумфом выиграл прямые выборы премьер-министра, сделанные им предложения о вступлении в правительственную коалицию не были отвергнуты ни одной из партий, к которым он обратился. В результате этого он сформировал

---

²⁶³ См.: Ури Дан, *Ариэль Шарон вблизи. Личный портрет*, стр. 235.

очень широкую коалицию, в которую входили 75 депутатов Кнессета (и которую извне поддерживали десять депутатов от Коммунистической партии и арабских националистических списков). Заслуживает внимания тот факт, что в коалицию Эхуда Барака вошли и четыре партии, прежде входившие в правительство во главе с Биньямином Нетаньяху («Израэль ба'алия» во главе с Натаном Щаранским, Национальная религиозная партия, а также две партии, представлявшие иудейских ортодоксов: «Еврейство Торы» и ШАС). Кроме того, среди шести депутатов от Партии Центра трое были выходцами из «Ликуда», причем Ицхак Мордехай был в 1996 году назначен Биньямином Нетаньяху министром обороны, а Дан Меридор – министром финансов. В довершение всего, переназначенный в 1996 году министром иностранных дел Давид Леви вместе с несколькими соратниками был включен Эхудом Бараком в свой предвыборный список, а сам Д. Леви вновь занял в правительстве тот же пост, который он занимал и у И. Шамира, и у Б. Нетаньяху. Таким образом, Эхуду Барак удалось уйти от образа «левого» политика, которому он, впрочем, изначально не сказать, что соответствовал; не забудем, что штаб ООП в Тунисе он в 1988 году посетил не ради ведения каких-либо переговоров, а с целью убийства Халиля аль-Вазира (Абу-Джихада), бывшего вторым человеком в иерархии ООП²⁶⁴. Стремясь во всем походить на Ицхака Рабина и при этом избегать его ошибок, Эхуд Барак сформировал очень

---

²⁶⁴ Бен Каспит и Илан Кфир, *Эхуд Барак – солдат №1* (Тель-Авив: «Кор'им», 1998), стр. 226–229 [на иврите].

широкую по израильским понятиям правительственную коалицию, которая должна была гарантировать ему как минимум четыре года стабильного правления.

Эхуд Барак считал, что наиболее проблематичным компонентом арабо-израильского конфликта является комплекс проблем, завязанных на Сирии²⁶⁵. Речь шла не только о собственно израильско-сирийском противостоянии и отсутствии мирного договора между двумя странами, но и о той роли, которую Сирия играла во взаимодействии Ирана с шиитской боевой организацией «Хизбалла», действовавшей на территории Ливана; поскольку у Ирана с Ливаном нет общей границы, снабжение «Хизбаллы» иранским оружием осуществлялось (и осуществляется поныне) через территорию Сирии. Кроме того, после подписания «соглашений Осло» именно в Дамаске состоялись координационные форумы организаций так называемого «Фронта отказа», выступавших против любой формы признания Израиля и каких-либо переговоров с ним. Именно с территории Сирии отдавались распоряжения о проведении в Израиле террористических актов, именно из Сирии они зачастую организовывались и финансировались. Эхуд Барак считал, что если ему удастся разрубить сирийский «гордиев узел», то весь процесс арабо-израильского урегулирования станет намного более многообещающим и успешным.

---

²⁶⁵ Dennis Ross, *The Missing Peace: The Inside Story of the Fight for Middle East Peace*, pp. 509–535.

К вящему разочарованию палестинских руководителей, рассчитывавших на интенсификацию «процесса Осло» в связи с возвращением к власти в Израиле Партии Труда, Эхуд Барак поставил переговоры с ними «на паузу», сосредоточив все свое внимание на сирийском направлении. Переговоры начались саммитом с участием президента Б. Клинтона 15 декабря 1999 года в Вашингтоне и продолжились в Шепердстауне 3–11 января 2000 года, причем непосредственным руководителем сирийской делегации был министр иностранных дел Фарук аш-Шара, а израильской – лично глава правительства Эхуд Барак; президент США за эту неделю лично посетил Шепердстаун пять раз²⁶⁶. В ходе этих переговоров обсуждались преимущественно процедурные вопросы, а также темы, касавшиеся обеспечения безопасности Израиля *после* его отступления с Голанских высот – обязательство такого отступления Эхуд Барак фактически дал сирийцам через американцев еще до начала переговоров.

Нужно отметить, что подобного рода обязательство дал госсекретарю США Уоррену Кристоферу еще Ицхак Рабин, однако в то время тема израильско-сирийского урегулирования рассматривалась скорее как гипотетическая, с прицелом на будущее, в случае же Эхуда Барака речь шла о непосредственном заключении двустороннего соглашения, в рамках которого Израиль должен был покинуть *все* Голанские высоты, подобно тому, как – в рамках мирного урегулирования с Египтом –

---

²⁶⁶ Там же, pp. 549–565.

оставил всю территорию Синайского полуострова. Как и в том случае, однако, вопрос о «всей» территории оказался более сложным, чем казалось изначально: отступление Израиля из Синая завершилось двухлетним международным арбитражем по поводу судьбы Табы, в случае же с Голанскими высотами встал вопрос о том, кому принадлежит восточный берег Кинерета: Хафез Асад настаивал на том, что озеро должно быть поделено пополам: западный берег – Израилю, восточный – Сирии (сирийцы обосновывали свои требования тем, что именно такая ситуация существовала к моменту начала Шестидневной войны 4 июня 1967 года). Напротив, Эхуд Барак и его представители напоминали, что, по соглашению о разъединении сил между двумя странами, подписанному в 1949 году, озеро Кинерет целиком, включая все его берега, принадлежит Израилю.

Несмотря на интенсивные усилия американцев, им так и не удалось добиться изменения позиции Хафеза Асада по этому вопросу; готовность Эхуда Барака отказаться от контроля над Голанскими высотами, общей площадью 1.200 квадратных километров, оказалась в глазах Х. Асада менее важной, чем его отказ от передачи под сирийский контроль восточного берега озера Кинерет. История, конечно, не имеет сослагательного наклонения, однако, учитывая, что в 2010-е годы территория к востоку от Голанских высот оказалась одним из форпостов Исламского государства, можно только с ужасом думать о том, перед какими вызовами и угрозами оказался бы Израиль, если бы с Голанских высот на Галилею были

направлены артиллерийские и минометные орудия чловеконенавистнических исламистских радикалов.

Израильское общество было потрясено открытой готовностью главы правительства, превратив в клочок бумаги принятый Кнессетом еще в 1981 году Закон о Голанских высотах, передать важную часть территории страны заведомо враждебному режиму. На центральной площади Тель-Авива прошел массовый митинг протеста, в котором участвовало более 150 тысяч израильтян. Наряду с лидером оппозиции Ариэлем Шароном, в нем участвовали и руководители двух партий, входивших в правительственную коалицию: Натан Щаранский и раввин Ицхак Леви²⁶⁷. Поскольку невозможно одновременно заседать в правительстве и митинговать против него, то Национальная религиозная партия (МАФДАЛ) и «Израэль ба'алия» объявили о переходе в оппозицию. Этого не было достаточно, чтобы свалить правительство, но образ Эхуда Барака как надпартийного государственного деятеля, не являвшегося, в отличие от его предшественников на посту главы Партии Труда в последние годы, заложником «левого» лагеря, рушился на глазах.

Встреча Билла Клинтона с Хафезом Асадом, прошедшая в Женеве без участия кого-либо из представителей Израиля 26 марта 2000 года, закончилась провалом: сирийский руководитель отказался идти на какие бы то ни было уступки, что поставило крест на надеждах американцев добиться комплексного

---

²⁶⁷ См.: Давид Ландау, *Арик. Жизнь Ариэля Шарона*, стр. 259.

ближневосточного урегулирования²⁶⁸. Это заставило Эхуда Барака полностью пересмотреть свою политическую доктрину, базировавшуюся на том, что и сирийская, и ливанская, и – в значительной мере – палестинская проблемы будут урегулированы вследствие успеха израильско-сирийских переговоров. Мысли Ариэля Шарона в то время разрывались между беспокойством за судьбу Голанских высот, с одной стороны, и за здоровье своей супруги, с другой. Так сложилось, что в день накануне встречи Б. Клинтона и Х. Асада, 25 марта 2000 года, Лили Шарон умерла; ей было всего 63 года.

Глава «Ликуда» и лидер оппозиции оказался перед необходимостью бороться против «распродажи Родины» в то же самое время, как ему нужно было справляться с одним из самых тяжелых личных кризисов, перед которыми он когда-либо стоял. Жизнь Ариэля Шарона никогда не была простой: не говоря даже о тяготах и потерях, пережитых боевым офицером, участвовавшим в пяти войнах, в 1962 году в автомобильной катастрофе погибла его первая жена Маргалит; в 1967 году из-за неосторожного обращения с отцовским оружием, не достигнув 11 лет, погиб его старший сын Гур; смерть Лили стала, таким образом, третьим тяжелейшим ударом судьбы, обрушившимся на этого человека, которому уже было 72 года. Однако и в это время чувство глубочайшей национальной ответственности заставило А. Шарона возглавить борьбу против отдачи Голанских высот

---

²⁶⁸ Dennis Ross, *The Missing Peace: The Inside Story of the Fight for Middle East Peace*, pp. 583–587.

сирийцам – борьбу, которую, как он был убежден, он не имел права проиграть.

Потерпев неудачу в попытке добиться мирного соглашения с Сирией, Эхуд Барак принял решение о движении по двум другим направлениям. Он заявил о том, что вне зависимости от того, будет или, как уже было понятно, не будет достигнуто какое-либо соглашение с правительством Ливана, которое в Израиле не без оснований считали марионеткой Сирии, израильские войска будут выведены со всей территории этой страны. После того, как в 1985 году израильская армия была выведена с большей части территории Ливана, Израиль фактически сохранил за собой контроль над приграничной полосой, где при израильской поддержке действовала Армия Южного Ливана во главе с генералом Антуаном Лахадом. Бойцам этой армии Израиль исправно выплачивал денежное довольствие, из Израиля же она получала все находившееся в ее распоряжении оружие. При этом Эхуд Барак и его советники надеялись на то, что и после вывода израильских сил Армия Южного Ливана сможет продолжить свое существование и выполнение стоявших перед ней оперативных задач; Израиль был готов эту Армию и дальше экипировать и поддерживать.

Эта надежда оказалась, однако, огромной ошибкой, обернувшейся трагедией как для солдат и офицеров Армии Южного Ливана, которая прекратила свое существование в день израильской эвакуации 24 мая 2000 года, так и для интересов безопасности Государства Израиль, непосредственно на северной границе которого

стала возникать цепь укрепленных баз и форпостов «Хизбаллы». Эхуд Барак справедливо гордился тем, что эвакуация израильских сил из Южного Ливана была завершена вообще без потерь, однако именно она создала ту новую реальность, которая шесть лет спустя позволила «Хизбалле» обстрелять Израиль более чем четырьмя тысячами ракет.

В «правом» лагере не было единства мнений по поводу того, должны ли израильские силы оставаться в Ливане, либо же их вывод был правильным решением. Неожиданно для многих, выступая в Кнессете через две недели после завершения эвакуации, Ариэль Шарон, лично инициировавший в 1982 году ввод израильских войск в Ливан, сказал: «Хорошо, что мы вышли из Ливана, это можно было сделать и раньше». Однако, охарактеризовав решение как «верное», он охарактеризовал путь его реализации как «в корне негодный». А. Шарон справедливо указал, что подобное едва ли не бегство из Ливана нанесло громадный урон потенциалу сдерживания, имеющему ключевое значение для обеспечения безопасности Израиля, сформировав, к тому же, заведомо невыполнимые ожидания у палестинских руководителей: «Арафат хочет получить то, чего достигла “Хизбалла”, то есть полного отступления Израиля со всех [контролируемых] территорий»²⁶⁹. В этой критике Ариэль Шарон был, безусловно, прав, однако

---

²⁶⁹ Выступление А. Шарона опубликовано в протоколе 114-го заседания Кнессета 15-го созыва, 5 июня 2000 г., стр. 4–5 [на иврите].

оставалось совершенно непонятным, как и когда, по его мнению, можно и нужно было уйти из Ливана ранее, и почему, если это можно и нужно было сделать, ни одно из правительств «Ликуда», в которые он входил, включая правительство Б. Нетаньяху, этого не сделало. Граждане Израиля, в значительном большинстве своем, выступали за то, чтобы их мужья и сыновья больше не направлялись на службу в «ливанское болото», и руководитель «Ликуда», даже понимая связанные с подобным выводом войск проблемы, не имел альтернативного плана, который он мог бы предложить израильскому обществу, кроме как продолжение сохранения статуса-кво.

Однако наиболее драматичные события развернулись в июле 2000 года, когда Билл Клинтон пригласил Эхуда Барака и Ясира Арафата на интенсивные переговоры о постоянном урегулировании палестино-израильского конфликта²⁷⁰. Эхуд Барак, как и Биньямин Нетаньяху, был категорическим противником «логики Осло», в рамках которой Израиль отказывался то от одних, то от других территорий и полномочий, не имея никакого внятного представления о том, когда и чем этот переговорный процесс должен закончиться. К вящему

---

²⁷⁰ См.: Dennis Ross, *The Missing Peace: The Inside Story of the Fight for Middle East Peace*, pp. 637–649.

Совсем недавно была опубликована книга мемуаров бывшего главы правительства Израиля, в которой он излагает свое видение этих событий; см.: Ehud Barak, *My Country, My Life: Fighting for Israel, Searching for Peace* (New York: St. Martin's Press, 2018), pp. 357–381.

неудовольствию Я. Арафата, Э. Барак отказался провести не проведенный правительством Б. Нетаньяху третий этап израильского отступления (чтобы не расстраивать общественное мнение, это называлось не «отступлением», а «передислокацией») в Иудее и Самарии. Как и Биньямин Нетаньяху и Ариэль Шарон в 1998 году, Эхуд Барак стремился прийти к переговорам о завершении конфликта, по итогам которых было бы подписано обязательство о прекращении взаимных претензий (finality of claims), при этом, в отличие от руководителей «Ликуда», председатель Партии Труда был готов на чрезвычайно значительные территориальные уступки.

В ходе переговоров в Кемп-Дэвиде Эхуд Барак и Шломо Бен-Ами, сменивший на посту министра иностранных дел ушедшего в отставку Давида Леви, согласились на израильское отступление с 92% территории Иудеи, Самарии и Иорданской долины, впервые начав обсуждение возможности территориальной компенсации палестинцам земель, которые Израиль не был готов им передать, за счет суверенной территории Государства Израиль. Э. Барак также согласился на передачу под контроль Палестинской администрации 85% пограничной линии с Иорданией, отказываясь, таким образом, от израильского контроля над Иорданской долиной²⁷¹.

В Кемп-Дэвиде Э. Барак сделал палестинским представителям самое щедрое предложение, которое они когда-либо получали, причем передал его

---

²⁷¹ Там же, pp. 688–689.

непосредственно через президента Б. Клинтона: Э. Барак согласился на передачу под контроль Палестинской администрации мусульманского и христианского кварталов Старого города Иерусалима, с сохранением израильского контроля за еврейским и армянским кварталами; при этом предлагалась передача Храмовой горы в совместную «доверительную опеку» (*custodianship*) Палестинской администрации при участии Марокко (в связи с тем, что король Марокко был председателем Комитета по Иерусалиму в Организации «Исламская конференция»), за Израилем же должен был остаться суверенитет над сохранившейся Западной стеной Иерусалимского храма и прилегающей к ней площадью²⁷².

Кроме того, Эхуд Барак отказался от постоянно выдвигавшегося израильскими руководителями со времен «плана Алона» требования о сохранении контроля над Иорданской долиной (в израильской доктрине безопасности она определялась как «оборонная граница страны»), согласившись на то, чтобы военное присутствие Израиля там было ограниченным, как с точки зрения занимаемой территории, так и с точки зрения продолжительности этого процесса, который должен был закончиться передачей долины под палестинский контроль.

Эти предложения Эхуда Барака и сопровождавших его и игравших ключевую роль в переговорах в Кемп-

---

²⁷² Подробнее см: Григорий Меламедов и Алек Эпштейн, *Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история*, стр. 276–280.

Дэвиде Шломо Бен-Ами и Гилада Шера находились в разительном контрасте с векторами израильского общественного мнения. Вскоре после закончившегося провалом кемп-дэвидского саммита Ариэль Шарон справедливо напомнил Эхуду Бараку, что в транслировавшихся по телевидению в ходе предвыборной кампании 1999 года агитационных материалах Эхуд Барак восемнадцать раз обещал оставить Иерусалим единым и неделимым: «Вы обещали – и нарушили обещание». «Вы сказали, что выступаете от имени всех тех, кто поддержал Вас, – обратился А. Шарон к Э. Бараку, – они Вас больше не поддерживают, они изменили свое мнение ровно так же, как Вы изменили своим обещаниям»²⁷³. Шломо Бен-Ами озаглавил одну из глав своей книги воспоминаний «Барак и Бен-Ами разделят Иерусалим»²⁷⁴ – именно в этом их обвиняли, и отнюдь не без оснований.

Выступая в Кнессете неделей раньше, когда переговоры в Кемп-Дэвиде еще продолжались, тогдашний глава «Ликуда» подчеркнул: «Иерусалим принадлежит всему еврейскому народу. Нашему поколению выпала большая честь и обязанность освободить Иерусалим и объединить его, и он должен оставаться в наших руках на многие поколения вперед. Мы ответственны не только

---

²⁷³ Выступление А. Шарона опубликовано в протоколе 139-го заседания Кнессета 15-го созыва, 31 июля 2000 г., стр. 5–6 [на иврите].

²⁷⁴ Шломо Бен-Ами, *Фронт без тыла. Путь к границам мирного процесса* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2004), стр. 165–195 [на иврите].

перед нынешним, но и будущими поколениями. Арафат говорит, и я должен отметить, что отношусь к его словам с большим уважением, что в вопросе об Иерусалиме он должен получить поддержку своей позиции со стороны арабского и мусульманского мира. В отличие от него, Эхуд Барак не понимает, что когда он только инициирует уступки по вопросу Иерусалима, еще до того, как он просто говорит о своей готовности к ним, он должен получить согласие на это всего еврейского народа в Израиле и в диаспоре»²⁷⁵.

Пытаясь показать согражданам, что святыя места иудаизма в Старом городе Иерусалима важны ему не меньше, чем критиковавшим его представителям оппозиции, Эхуд Барак в ходе переговоров выдвинул идею о строительстве непосредственно на Храмовой горе небольшой синагоги, которая, ничем не угрожая двум находившимся рядом мечетям, служила бы наглядным выражением неразрывной связи еврейского народа с этой территорией, однако эта тактика оказалась контрпродуктивной для него: после того, как Я. Арафат с гневом отверг это предложение, Э. Барак также отказался от него, продемонстрировав этим не твердость своей позиции в защиту еврейского присутствия на Храмовой горе, а, наоборот, отсутствие таковой позиции.

Это не могло пройти незамеченным в Израиле, и Ариэль Шарон вновь обрушился на главу правительства с резкими нападками, особо обратив внимание на

---

²⁷⁵ Выступление А. Шарона опубликовано в протоколе 135-го заседания Кнессета 15-го созыва, 24 июля 2000 г. [на иврите].

абсурдность складывавшейся ситуации: «Барак согласился уступить Храмовую гору. Он пытается сгладить [эту уступку] обращением к Арафату, чтобы тот признал право евреев молиться [на Храмовой горе]. Само это обращение, чтобы Арафат признал наше право молиться в месте, которое является самым святым для еврейского народа, вызывает оторопь от того, как низко мы пали». Ариэль Шарон настаивал на том, что святость Иерусалима для еврейского народа «в несколько раз больше, чем для христиан и мусульман. ... Еврейский народ был первым, кто построил впечатляющий Храм в Иерусалиме, который был сакральным для всех евреев, живших на этой земле»²⁷⁶. Сам Ариэль Шарон вел подчеркнуто секулярный образ жизни, не соблюдая никаких традиций иудаизма, однако его выступления отражали консенсус, сложившийся практически во всех секторах израильского общества, вне зависимости от степени религиозности. Из исключительно религиозной святыни Иерусалим превратился в одну из первооснов того, что может быть определено как «израильская гражданская религия». Объединение Иерусалима и принятие закона о включении Восточного Иерусалима в состав территории Государства Израиль произошли тогда, когда страной правила Партия Труда, новый лидер которой спустя тридцать три года после этого выражал готовность отказаться от того, что значительное большинство израильтян воспринимало как одно из главных завоеваний страны за всю ее историю.

---

²⁷⁶ Выступление А. Шарона опубликовано в протоколе 142-го заседания Кнессета 15-го созыва, 15 августа 2000 г. [на иврите].

5. Крах «процесса Осло» и возвращение «Ликуда» к власти

В последующие месяцы масштабы территориальных уступок, на которые согласилось правительство Эхуда Барака, стали еще большими и превысили бы, в случае реализации обнародованных в декабре 2000 года так называемых «параметров Клинтона», 95% территорий Иудеи, Самарии и Иорданской долины²⁷⁷. Израильская делегация впервые согласилась и на раздел Иерусалима, включая его сердце – Старый город, причем в обмен на согласие палестинских руководителей (которое так и не было получено) признать израильский суверенитет над Западной стеной, сохранившейся от Иерусалимского храма, и прилегающей к ней площади, Эхуд Барак и члены возглавляемой им делегации выразили готовность отказаться от израильского контроля над самой Храмовой горой²⁷⁸. Знаменитая фраза командира десантников Моты Гура, впоследствии возглавлявшего Генеральный штаб израильской армии – «Храмовая гора – в наших руках» – оставалась в прошлом; Храмовая гора уходила из израильских рук, причем это происходило с согласия руководителей правительства страны²⁷⁹.

---

²⁷⁷ Dennis Ross, *The Missing Peace: The Inside Story of the Fight for Middle East Peace*, pp. 748–750.

²⁷⁸ Там же, pp. 753–755.

²⁷⁹ Подробнее см.: Алек Д. Эпштейн, «Опыт прошлого и драмы настоящего. Политическая психология палестино-израильских переговоров об окончательном урегулировании конфликта» //

Спасение пришло оттуда, откуда его не ждали вовсе: Ясир Арафат отказался принять все те уступки, на которые был готов пойти Эхуд Барак, охарактеризовав их как недостаточные²⁸⁰. Для значительного большинства израильтян это поведение Я. Арафата было зримым и очевидным доказательством того, что палестинские руководители отнюдь не стремятся к миру, используя любые лазейки для того, чтобы избежать подписания соглашения о прекращении конфликта с Израилем. Э. Барак, однако, был готов продолжать предпринимать усилия, направленные на то, чтобы убедить Я. Арафата принять израильские предложения, становившиеся все более и более щедрыми. Учитывая парламентскую арифметику, «Ликуд» не особенно мог повлиять на происходящее, но в конце сентября 2000 года А. Шарон нашел крайне нетривиальный ход, кардинально изменивший положение дел – 24 сентября он объявил о том, что, пользуясь парламентской неприкосновенностью, планирует 28 сентября подняться на Храмовую гору²⁸¹.

На 25 сентября была назначена встреча между Эхудом Барак и Ясиром Арафатом, которая должна была пройти в доме Махмуда Аббаса (Абу Мазена), однако

Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004), стр. 11–67.

²⁸⁰ Шломо Бен-Ами, *Фронт без тыла. Путь к границам мирного процесса*, стр. 386–409.

²⁸¹ См.: Ури Дан, *Ариэль Шарон вблизи. Личный портрет*, стр. 251–255.

в надежде добиться расположения палестинского руководства, Эхуд Барак пригласил его почти в полном составе, включая самого Ясира Арафата, Абу Мазена, Абу Аллу, Набиля Шаата и Саиба Ариката к себе домой в поселок Кохав-Яир²⁸²; Ясир Арафат и мечтать не мог о том, чтобы вертолет военно-воздушных сил Израиля доставил его в дом главы правительства еврейского государства, однако произошло именно так. В ходе этой встречи было согласовано начало нового раунда двусторонних переговоров, для ведения которых израильская и палестинская делегации вылетели в Вашингтон. Буквально накануне Ариэль Шарон объявил, что в знак протеста против высказанной Эхудом Бараком готовности к чрезмерным уступкам в Иерусалиме, он, совместно с группой депутатов Кнессета от «национального лагеря», совершит восхождение на Храмовую гору. Ясир Арафат выразил недовольство Эхуду Бараку фактом планируемого визита, не без оснований поинтересовавшись, почему Ариэль Шарон не посещал Храмовую гору ни в свою бытность министром обороны, ни министром иностранных дел, однако палестинские представители не выразили мнение, что планируемый Ариэлем Шароном шаг должен повлиять на ход переговорного процесса, детали которого обсуждались в

---

²⁸² Гилад Шер, *На расстоянии вытянутой руки. Мирные переговоры 1999–2001: свидетельство очевидца* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2001), стр. 281–282 [на иврите].

тот вечер между Э. Бараком, Я. Арафатом и их приближенными²⁸³.

Само по себе восхождение Ариэля Шарона во главе группы депутатов от «Ликуда» и других партий «национального лагеря» на Храмовую гору имело, разумеется, лишь символическое значение, и не могло помешать правительству вести какие бы то ни было переговоры о чем бы то ни было. Хотя посещение Ариэлем Шароном Храмовой горы продолжалось всего сорок пять минут, оно возымело далеко идущие последствия на самых разных направлениях.

Нужно сказать, что «демонстрация суверенитета», предпринятая Ариэлем Шароном, изначально была ограниченной: он не зашел ни в одну из двух мечетей, находящихся на Храмовой горе, и, насколько можно судить по сохранившимся свидетельствам, даже не приближался к ним. Учитывая, что о намерении А. Шарона посетить Храмовую гору было сообщено заранее, группа израильских арабов – депутатов Кнессета, воспользовавшись парламентской неприкосновенностью, ждала его там, чтобы продемонстрировать корреспондентам израильских и иностранных СМИ факт своего возмущения якобы имевшей место попыткой «мясника из Бейрута» осквернить мусульманские святыни. Поведение арабских парламентариев было циничным вдвойне: во-первых, получая зарплату в качестве депутатов Кнессета, высшего органа законодательной власти Государства Израиль, они

---

²⁸³ Давид Ландау, *Арик. Жизнь Ариэля Шарона*, стр. 267.

выступали против права лидера одной из крупнейших партий страны просто находиться на одном из участков земли, входящих в состав ее суверенной территории; во-вторых, когда корреспондентов рядом не было, они едва ли не по-товарищески обменивались шутками с депутатами от «Ликуда», однако как только на них были направлены телекамеры, тон их речи становился непримиримым, выражая бурное возмущение и праведное негодование, которых за минуту-другую до этого не было и в помине²⁸⁴. Они играли свою игру, которая предписывала им предпочитать палестинские арабские интересы израильским, несмотря на то, что они были депутатами парламента Израиля, а отнюдь не Палестинской администрации. На Храмовой горе начались беспорядки, масштаб которых, правда, оставался сравнительно ограниченным; в тот день ни с израильской, ни с палестинской стороны не было погибших, вследствие чего первоначально возникло ощущение, что посещение Ариэлем Шароном Храмовой горы прошло без каких-либо серьезных последствий.

Однако уже на следующий день, 29 сентября, ситуация изменилась кардинальным образом. На Храмовой горе на еженедельную пятничную молитву собралось около двадцати тысяч мусульман, многие из которых прибыли туда с явной готовностью к насильственным беспорядкам, имея при себе камни, бутылки и другие предметы, которыми они готовились атаковать как евреев, молившихся у Стены плача, так и

---

²⁸⁴ Там же, стр. 269.

израильских полицейских, ответственных за поддержание порядка в Старом городе. Среди раненых оказался командующий иерусалимской полицией Арье Ицхаки, который был срочно эвакуирован в больницу в бессознательном состоянии²⁸⁵. Полицейские пытались восстановить порядок, но им удалось это сделать только тогда, когда число пострадавших с палестинской стороны стало весьма значительным: семеро погибших, более ста раненых. Телекомпания «Аль-Джазира» и радио «Голос Палестины» на арабском языке практически в прямом эфире вели репортаж о происходивших событиях, который оказал огромное влияние на настроения среди арабского населения, как на контролируемых территориях, так и в пределах «зеленой черты».

Израильская армия была полна решимости не дать разгореться новой интифаде, о которой объявил Ясир Арафат, и в первый же день беспорядков на Западном берегу шесть человек погибли, а более ста получили ранения разной степени тяжести. Активные массовые выступления израильских граждан арабской национальности, перекрывавших шоссе, поджигавших покрышки и атаковавших проезжавшие машины, создавая непосредственную угрозу жизни и безопасности ни в чем не повинных людей, не имели прецедентов в истории Израиля. Не ожидавшее такого развития событий правительство оказалось между ступором и паникой; занимавший в то время

---

²⁸⁵ Шломо Бен-Ами, *Фронт без тыла. Путь к границам мирного процесса*, стр. 292.

одновременно посты министра иностранных дел и министра внутренней безопасности Шломо Бен-Ами совершенно не был готов к тому, что вместо праздничного подписания мирного договора перед Белым домом, ему нужно давать полицейским инструкции относительно предотвращения начала восстания арабских граждан Израиля.

А ситуация тем временем абсолютно выходила из-под контроля: за несколько дней в самом конце сентября – начале октября 2000 года от пуль израильских полицейских погибли двенадцать граждан Израиля арабской национальности. Гражданский мир и хрупкое межнациональное согласие, существовавшие в Израиле на протяжении многих лет, дали трещину, угрожавшую проблемами, масштаб которых никто не мог предсказать. Еврейское государство неоднократно воевало с различными арабскими странами, однако оно никогда не стояло перед реальной опасностью бунта со стороны арабских граждан внутри самого Израиля. Видя, что израильская полиция готова противостоять им так же, как и зачинщикам беспорядков в Хевроне и Шхеме, общественно-политические лидеры израильских арабов сочли за лучшее для себя не продолжать акты антиеврейского насилия, однако и без того хрупкое взаимное доверие между двумя народами, сосуществующими в одном государстве, оказалось фатально подорвано²⁸⁶.

---

²⁸⁶ Подробнее см.: Алек Д. Эпштейн и Григорий Меламедов, «Двунациональное еврейское государство и проблемы

За прошедшие с тех пор годы так и не был решен вопрос о личной ответственности Я. Арафата за начало второй интифады в то самое время, когда он и его представители находились в эпицентре переговорного процесса с Эхудом Бараком и его эмиссарами. Одни обвиняют его в том, что он был непосредственным инициатором этих беспорядков, воспользовавшись никому и ничем реально не мешавшим и не угрожавшим визитом А. Шарона на Храмовую гору как поводом для того, чтобы поджечь ситуацию, тогда как другие настаивают на том, что волна насилия в конце сентября 2000 года началась спонтанно, не будучи инспирированной палестинской стороной. При этом как тем, кто обвинял Я. Арафата в намеренном и сознательном начале вооруженных беспорядков, так и тем, кто считал, что эти события в значительной мере застали главу ООП и ПНА врасплох, было очевидно, что он ничего не сделал для того, чтобы снизить градус насилия и напряженности, вернув события в более или менее мирное русло. Начиная с этого времени, ситуация стала поистине кафкианской: переговоры, в ходе которых израильские представители выражали готовность на все новые и новые уступки палестинцам – во имя так называемого «мира» – продолжались, а параллельно продолжалась и усиливалась вооруженная борьба палестинских арабов против Государства Израиль.

арабоязычного населения Израиля (к выводам Госкомиссии под председательством Теодора Ора)» // *Ближний Восток и современность*, №20 (2003), стр. 17–34.

К концу 2000 года кабинет Эхуда Барака стал правительством меньшинства, которое покинули все партии, включая, как это ни смешно и ни удивительно, даже леворадикальный блок МЕРЕЦ, однако оно продолжало существовать при поддержке этого блока, Коммунистической и арабских националистических партий извне. На рассмотрение Кнессета был вынесен законопроект о самороспуске и проведении досрочных парламентских выборов, которые казались практически неизбежными. Несмотря на это, Эхуд Барак и его приближенные продолжали вести переговоры с Ясиром Арафатом и его доверенными лицами, делая им новые и всё более щедрые предложения; последний раунд таких переговоров начался в египетском городе Таба 21 января 2001 года²⁸⁷.

К тому времени Эхуд Барак инициировал гамбит, который казался ему более выгодным, чем любая из возможных альтернатив: он объявил о своей отставке с поста главы правительства, что сделало необходимым проведение новых выборов без роспуска Кнессета; эти выборы были назначены на 6 февраля 2001 года. Эхуд Барак рассчитывал таким образом «убить двух зайцев»: во-первых, это, вне зависимости от исхода запланированных выборов, сохраняло фракцию

---

²⁸⁷ См. воспоминания ключевых участников этих переговоров: Шломо Бен-Ами, *Фронт без тыла. Путь к границам мирного процесса*, стр. 432–451; Гилад Шер, *На расстоянии вытянутой руки. Мирные переговоры 1999–2001: свидетельство очевидца*, стр. 397–415.

возглавляемой им Партии Труда в качестве крупнейшей в Кнессете; во-вторых, в связи с тем, что действовавшая тогда редакция Основного закона о правительстве гласила, что на пост премьер-министра может претендовать только депутат Кнессета, в назначенных выборах не мог принять участие Биньямин Нетаньяху, в 1999 году объявивший о временном уходе из политики. Эхуд Барак и его советники предполагали, что в сложившейся политической ситуации их шансы победить вновь набравшего большую популярность Биньямина Нетаньяху невелики, однако Ариэля Шарона, к которому определенная часть населения страны относилась крайне негативно, они считали кандидатом, заведомо неспособным добиться победы на всеобщих выборах.

В «Ликуде» многие были возмущены подобным маневром Эхуда Барака, настаивая на том, что Биньямину Нетаньяху, так или иначе, должна быть предоставлена возможность баллотироваться. Более того, немалое число однопартийцев обвиняло Ариэля Шарона в том, что он якобы вошел в сговор с Эхудом Бараком, чтобы совместными усилиями не дать Биньямину Нетаньяху вернуться к руководству страной. Ариэль Шарон категорически отверг эти обвинения, совершив поступок не менее благородный, чем совершил Давид Леви по отношению к нему чуть менее, чем за пять лет до этого: А. Шарон согласился на то, чтобы партия «Ликуд» в авральном порядке внесла в Кнессет проект изменения Основного закона о правительстве таким образом, чтобы для кандидата на пост премьер-министра исключалось

требование быть действующим депутатом Кнессета. Правоцентристские и религиозные партии, желавшие как можно скорее положить конец правлению Эхуда Барака, поддержали эту инициативу, в результате чего за один день, 18 декабря 2000 года, изменения Основного закона о правительстве, имеющего конституционный статус, были утверждены сразу в трех чтениях²⁸⁸. Биньямин Нетаньяху получил «зеленую улицу» для возвращения на пост главы партии «Ликуд» (внутрипартийные выборы были назначены на 19 декабря) и правительства. Можно сказать, что возвращение к власти было преподнесено Биньямину Нетаньяху, что называется, на серебряном подносе, однако он решил рискнуть, потребовав большего – и проиграл. Человек, который мог во второй раз стать главой правительства Израиля еще в феврале 2001 года, был вынужден ждать возвращения на этот пост на протяжении восьми с лишним дополнительных лет.

Принятая Кнессетом поправка к Основному закону о правительстве разрушала вторую, указанную выше, часть плана Эхуда Барака, однако требование Биньямина Нетаньяху состояло именно в том, чтобы была разрушена и первая. Указав, что в случае победы представителя «Ликуда», он встанет перед необходимостью сформировать правительственную коалицию в составе как минимум 61 депутата Кнессета, из которых лишь девятнадцать представляли «Ликуд», Биньямин Нетаньяху объявил эту ситуацию невозможной, подчеркивая, что новоизбранный глава правительства

---

²⁸⁸ Давид Ландау, *Арик. Жизнь Ариэля Шарона*, стр. 275.

окажется в фатальной зависимости от своих политических оппонентов, вследствие чего заведомо не сможет реализовать свой курс. Можно понять Б. Нетаньяху, ибо за всю историю израильского парламентаризма фракция «партии власти» никогда не была такой малочисленной. Вместе с тем, он недооценил тот факт, что большинство членов Кнессета пятнадцатого созыва, не проработавшего и двух лет, совершенно не желали ставить под угрозу свое положение, идя на риск досрочных парламентских выборов. Депутаты Кнессета считали, что поскольку они, в авральном порядке изменив конституционный закон, дали возможность Б. Нетаньяху решить свою проблему, у него нет никакого морального права ввергать в проблемы их. Трудно было не согласиться с тем, что никто не виноват в провале «Ликуда» на парламентских выборах 1999 года больше, чем сам Б. Нетаньяху, а потому, он не должен требовать от других рисковать своим политическим положением с целью исправления ситуации, созданной вследствие его неудач. Голосами депутатов от Партии Труда, леворадикального блока МЕРЕЦ, партии сефардских традиционалистов ШАС, отколовшейся от «Израэль ба'алия» фракции Романа Бронфмана, Коммунистической и арабских партий предложение о проведении досрочных выборов в Кнессет было отклонено.

Беспрецедентные уступки, на которые Э. Барак и члены его команды согласились в Кемп-Дэвиде, Вашингтоне и Табе, создали в широких слоях израильского общества ощущение приближающегося

апокалипсиса, и Б. Нетаньяху рассчитывал, что депутаты Кнессета от правых, центристских и религиозных партий сделают все, чтобы отстранить Э. Барака от власти. Они же, в свою очередь, полагали, что этот процесс можно провести и без участия Б. Нетаньяху, если ему недостаточно тех шагов, которые они уже сделали ради его возвращения. В 1999 году А. Шарон был избран временным председателем «Ликуда», который должен был пробыть на этом посту ровно до того момента, когда Б. Нетаньяху решит вернуться и начать борьбу за пост главы правительства. Никто не имел в виду, что за этот пост будет бороться сам А. Шарон, однако бег Э. Барака к «окончательному мирному урегулированию на Ближнем Востоке», закончившийся за год с небольшим крахом Армии Южного Ливана, началом второй интифады и самыми крупными в истории Израиля волнениями в арабском секторе, изменили ситуацию кардинальным образом. В 1983 году журналист Ури Дан сказал, что «те, кто не хотели видеть Шарона начальником Генерального штаба [вопреки широко распространенному мнению, он никогда не занимал этот пост], получили его в качестве министра обороны, а те, кто не смиряются с ним в качестве министра обороны, получают его как главу правительства». В это пророчество никто тогда не верил, но шло к тому, что Ури Дан окажется прав. При поддержке как партий и движений национально-либерального лагеря, так и религиозных кругов Ариэль Шарон добился 6 февраля 2001 года почти двукратного перевеса над Эхудом Бараком, получив наибольшее число голосов избирателей

(1 миллион 698 тысяч – против 1 миллиона 23 тысяч у его соперника) за всю историю прямых выборов главы правительства в стране. В этот день правление социал-демократов в Израиле закончилось; более никто из их представителей никогда не занимал высший государственный пост в стране. Ариэль Шарон же после объявления о его победе на выборах первым делом направился на могилу своей ушедшей из жизни за год до этого супруги Лили, а оттуда – к Западной стене Иерусалимского храма в Старом городе²⁸⁹.

Шломо Бен-Ами озаглавил свою книгу аналитических воспоминаний «Путь к границам мирного процесса», и это название представляется, в целом, весьма точным, по крайней мере, для израильской стороны. Крах переговоров в Табе, проходивших уже после завершения президентской каденции Билла Клинтона, ознаменовал собой завершение «процесса Осло», который продолжался как раз всё время его пребывания в Белом доме. Есть немалая горькая ирония в том, что именно этот государственный деятель, без сомнения, очень хорошо относившийся к еврейскому государству и желавший ему только мира и процветания, в значительной степени стал виновником процесса, имевшего многообразное, но почти исключительно негативное влияние на Государство Израиль. В 1993–2001 годах была предпринята беспрецедентная попытка добиться урегулирования векового конфликта между евреями и арабами в Палестине/Эрец-Исраэль, приведшая к существенному

---

²⁸⁹ Ури Дан, *Ариэль Шарон вблизи. Личный портрет*, стр. 268.

ухудшению бывшей и без того непростой ситуации. «Процесс Осло» в эпоху Клинтона – это яркий и очевидный пример того, как дорога, вымощенная благими намерениями, способна подвести к воротам в ад.

Как верно отметил многолетний редактор газеты «Ха'арец» Давид Ландау, из краха «процесса Осло» и – шире – попытки всеобъемлющего урегулирования арабо-израильского конфликта Эхуд Барак и Ариэль Шарон сделали, как это ни удивительно, очень похожие выводы: у еврейского государства нет партнера для мирного договора и его реализации, а значит, оно должно в одностороннем порядке инициировать шаги, в наибольшей степени соответствующие его интересам²⁹⁰. Многих в «национальном» лагере возмущал лозунг, под которым глава «Ликуда» вел свою предвыборную кампанию – «Только Шарон принесет мир» (заслуживает внимания тот факт, что на русском языке рекламный слоган был совершенно другим: «Сильный Шарон – сильный Израиль»), однако в этот лозунг глава «Ликуда» вкладывал совершенно иной смысл, чем было принято прежде, когда шла речь о «мире». Считалось самоочевидным, что мир может быть достигнут исключительно в результате подписания мирного соглашения с теми или иными арабскими странами или представителями палестинских арабов; начиная с соглашения Фейсала – Вейцмана, заключенного еще в 1919 году, эта логика никогда не подвергалась сомнению. Израильяне десятилетиями пели песни о мире, а

---

²⁹⁰ Давид Ландау, *Арик. Жизнь Ариэля Шарона*, стр. 277–278.

израильские руководители декларировали готовность прибыть куда угодно по первому приглашению арабских лидеров, чтобы переговоры о мирном урегулировании вести. Выведя войска из Ливана в одностороннем порядке, Эхуд Барак считал, что мир на северных рубежах Израиля может быть достигнут и обеспечен без какого-либо соглашения с кем бы то ни было, что мощь Израиля и его армии являются наиболее важными сдерживающими факторами, которые позволят поддерживать безопасность и *фактическое состояние* мира на северных границах.

После краха его переговоров с руководителями ПНА, Эхуд Барак стал осторожно продвигать идею строительства Израилем в одностороннем порядке так называемой «стены безопасности» на Западном берегу (подобно тому, как сектор Газа еще во времена правительства И. Рабина был обнесен цепью оборонительных сооружений). Эта идея нашла в Ариэле Шароне своего горячего сторонника. Он на самом деле верил, что сможет принести Израилю мир, совершенно не рассчитывая при этом на помощь кого-либо из арабских лидеров в его установлении. С его точки зрения, факторами обеспечения мира должны были стать не те или иные подписанные договора, а мощь израильской армии и других силовых структур и развязывание им рук для ведения антитеррористических операций, с одной стороны, и одностороннее выстраивание Израилем своих пограничных рубежей, с другой. «Мы должны предпринять шаги, которые обеспечат нашу безопасность даже без того, чтобы у нас был партнер с палестинской

стороны», – говорил Ариэль Шарон, и именно это мировоззрение он стремился реализовать²⁹¹.

Подчеркнем этот момент: несмотря на весьма разное отношение Ариэля Шарона и Эхуда Барака к возможности израильских территориальных уступок в Иерусалиме, Иудее и Самарии и в Иорданской долине, фундаментальное понимание ими того вектора, по которому должен был двигаться Израиль, было весьма и весьма близким. Ариэль Шарон изначально ни на йоту не доверял Ясиру Арафату, а Эхуд Барак решил рискнуть, превратив главу ООП в потенциального партнера по достижению мирного урегулирования, но их выводы из краха «процесса Осло» были практически идентичными: *Израиль нуждается в мире, безопасности и стабильности, которых постарается добиться в одностороннем порядке, отойдя к той линии границы, которую он сможет защищать наилучшим образом*, причем эта граница должна существовать не только на политико-административных картах, но и быть воплощена в виде цепи барьеров, заборов и стен, призванных не допустить проникновения боевиков враждебных палестинских и ливанских организаций на территорию еврейского государства. Далеко не факт, что в массовом порядке голосуя за Ариэля Шарона, израильские избиратели отдавали себе отчет в этом – их главной задачей, несомненно, было изгнание Эхуда Барака из офиса главы правительства, что и произошло. За восемнадцать лет, прошедших с тех пор, никто из

---

²⁹¹ Ури Дан, *Ариэль Шарон вблизи. Личный портрет*, стр. 406.

руководителей Партии Труда более не занимал этот пост, и едва ли займет его в сколь-нибудь обозримой перспективе. Однако сменщиком Эхуда Барака оказался человек, основы политического мировоззрения которого парадоксальным образом были более схожими с его взглядами, нежели разнились с ними. Ариэль Шарон, десятилетиями считавшийся наиболее правофланговым ястребом израильской политики, к февралю 2001 года уже не был таковым. Евгений Сатановский в радиоинтервью назвал тогда Ариэля Шарона «единственным голубем, за которого готово проголосовать израильское общество»; жизнь показала, что это определение было удивительно точным.

ГЛАВА IX.

В XXI ВЕКЕ:

**НАЦИОНАЛ-ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ИЗРАИЛЬ
ПОД РУКОВОДСТВОМ АРИЭЛЯ ШАРОНА
И БИНЬЯМИНА НЕТАНЬЯХУ**

---

1. Электоральные триумфы Ариэля Шарона

После триумфальной победы на выборах А. Шароном было – в третий раз в истории страны – создано правительство национального единства, в котором представители Партии Труда возглавили важнейшие ведомства: Шимон Перес стал министром иностранных дел, а Биньямин Бен-Элиэзер (1936–2016) – обороны. А. Шарон рассчитывал назначить на этот пост Э. Барака, однако он, подобно Б. Нетаньяху, объявил после поражения о временном уходе из политики. Это правительство просуществовало лишь год и девять месяцев, после чего внутрипартийные соображения преопределили решение ставшего в декабре 2001 года председателем Партии Труда Б. Бен-Элиэзера развалить его. Формально речь шла о разногласиях, касавшихся проекта государственного бюджета, однако тот факт, что в тот момент Закон о бюджете вносился в Кнессет для голосования в первом чтении, равно как и то, что впоследствии, уже выйдя из правительства, депутаты от Партии Труда поддержали его на голосовании в парламенте, не позволяет воспринимать всерьез их декларации и заявления, сделанные в конце октября 2002 года.

К тому времени правительства с участием как «правых», так и «левых» партий существовали в Израиле на протяжении одиннадцати лет, и как в «Ликуде», так и в Партии Труда пришли к выводу, что, несмотря на определенные плюсы, в целом они являются

малоэффективными. Желая сохранить единую коалицию, политические лидеры, исповедующие весьма и весьма различные взгляды, находят «общий знаменатель» путем отказа от сколько-нибудь решительных действий на каком бы то ни было направлении. Как результат, сторонники обоих политических лагерей, несмотря на большую популярность в обществе идеи надпартийного сотрудничества, выражали все возрастающее недовольство политическим курсом такого правительства.

Именно подобное недовольство внутри Партии Труда привело Б. Бен-Элиэзера к решению о выходе из правительства, причем произошло это за три недели до назначенных перевыборов председателя партии. Так как оба его конкурента (Хаим Рамон и Амрам Мицна) выступали против участия Партии Труда в правительственной коалиции во главе с лидером «Ликуда», Б. Бен-Элиэзер решил попробовать разыграть ту же карту, оставив ради этой сомнительной интриги пост министра обороны страны. На него был немедленно назначен генерал армии в отставке Шауль Мофаз, завершивший армейскую службу в должности начальника Генерального штаба армии за четыре месяца до этого и присоединившийся к «Ликуду». На пост министра иностранных дел вместо Шимона Переса Ариэлем Шароном был приглашен Биньямин Нетаньяху.

Этот политиканский маневр, однако, ничем не помог Б. Бен-Элиэзеру: на состоявшихся 19 ноября 2002 года выборах председателя партии он получил лишь 38.2% голосов, в то время как А. Мицна – 53.9%, а Х. Рамон –

7.2%. За семь лет, прошедших с момента убийства И. Рабина, в Партии Труда четвертый раз сменился лидер. Потеряв пост министра обороны, Б. Бен-Элиэзер менее чем три недели спустя лишился и поста председателя партии; в 2003 году именно А. Мицна возглавлял список Партии Труда на выборах в Кнессет.

А. Шарон заявил, что переговоры с палестинскими представителями не возобновятся до тех пор, пока вооруженные выступления против Израиля полностью не прекратятся – хотя бы на недельный срок. А. Шарон стал первым за десятилетие премьер-министром Израиля, отказавшимся от личных контактов с Я. Арафатом (в январе 2002 года А. Шарон объявил, что более не считает Я. Арафата «релевантным»²⁹², а 11 сентября 2003 года по его инициативе правительство приняло решение, что Я. Арафат является «препятствием к миру, которое необходимо устранить»²⁹³). В 2001–2003 годах иностранными посредниками обсуждались различные инициативы по снижению остроты конфликта (среди них: план Митчелла, план Теннета, так называемая «Дорожная карта» и т.д.), однако ни одна из них не была реализована.

Весной 2002 года стало ясно, что локальные операции израильской армии не являются адекватным ответом на действия палестинцев, которые, используя террористов-смертников, осуществляли одну за другой кровавые атаки в разных городах. После взрыва в

---

²⁹² См.: Ури Дан, *Ариэль Шарон вблизи. Личный портрет*, стр. 296–299.

²⁹³ См. там же, стр. 323–325.

гостинице «Парк» в Нетании, устроенного во время проведения торжественной пасхальной трапезы, правительство санкционировало широкомасштабную военную операцию, получившую название «Защитная стена». Свыше тридцати тысяч резервистов были мобилизованы в рамках объявленного тогда внеочередного призыва. Вслед за тем израильские войска вошли во все арабские города Западного берега (Иудеи и Самарию) и провели там массовые аресты подозреваемых в террористической деятельности. В Рамалле была окружена и блокирована резиденция Ясира Арафата. Операция «Защитная стена» нанесла существенный урон боеспособности палестинских террористических организаций, доказав, что при наличии политической воли израильская армия и службы безопасности могут эффективно и с минимумом жертв проводить боевые операции в любых районах, в т.ч. и в так называемой «зоне А», находящейся под контролем ПНА. В 2004 году Израиль провел две аналогичные операции в Газе: первая, проходившая преимущественно в районе Рафияха, получила название «Радуга в облаках», вторая – в лагере беженцев в Джебалии – «Дни ответа».

Осенью 2002 года Б. Нетаньяху объявил о своем решении вновь бороться за пост лидера партии. Бывший глава правительства, однако, недооценил, насколько изменились настроения в «Ликуде» за время премьерства Ариэля Шарона. На внутрипартийных выборах, состоявшихся 29 ноября 2002 года, А. Шарона поддержали 78.740 членов «Ликуда» (55.9%), Б. Нетаньяху

– только 56.480 (40.1%); 4.870 человек (3.5%) проголосовали за третьего выдвинувшегося кандидата – бывшего лидера боровшегося против «соглашений Осло» движения «Зо арцейну» [«Это – наша страна»] Моше Фейглина.

Террористическая война, развязанная Палестинской администрацией при поддержке и активном участии оппозиционных по отношению к ее институтам исламистских организаций, не позволила «левой» оппозиции не только прийти к власти, но даже и реально соперничать с блоком «Ликуд». А. Шарон стал первым за двадцать лет израильским государственным деятелем, которому удалось выиграть всеобщие выборы в ранге действующего главы правительства. Более того, фракция возглавляемой им партии составила большинство в правительственной коалиции.

В ходе выборов в Кнессет шестнадцатого созыва полуторапроцентный электоральный барьер преодолели тринадцать партий, из коих одна («Ликуд») могла считаться крупной, три (получившие больше десяти, но меньше двадцати мандатов) – средними (Партия Труда, Движение за перемены и ШАС), а остальные девять, получившие от двух до семи мандатов, могли быть охарактеризованы как небольшие. Подобная политическая конфигурация (одна большая, несколько далеко отстающих от нее средних и несколько маленьких партий) сложилась в Израиле не впервые – именно такой расклад существовал в Кнессете первого созыва, в котором партия МАПАЙ (прародительница Партии Труда)

доминировала с 46 мандатами, три партии (МАПАМ, Партия Свободы и Блок религиозных партий) имели по 14–19 мандатов каждая, и еще восемь партий были представлены фракциями, состоящими из одного – семи депутатов. Схожая политическая конфигурация (большая партия, три средние, имеющие более десяти депутатов каждая, и сравнительно много маленьких партий) существовала и в Кнессете третьего и пятого созывов. В 1970-е – 1990-е годы в Израиле существовал иной расклад политических сил: «Ликуд» и Партия Труда соперничали между собой, разрыв между ними был иногда больше, достигая временами 11–12 мандатов (как в 1973, 1977 и 1992 годах), иногда меньше, сокращаясь до одного–двух мандатов (как в 1981, 1988 и 1996 годах), но отрыв второй партии от третьей был значительно больше, чем разница между второй и первой партиями. Иными словами, какими бы ни были тенденции развития остальных партий, за власть между собой боролись лишь «Ликуд» и Партия Труда. *В 2003 году эта ситуация тридцатилетнего противостояния двух ведущих партий завершилась: оторвавшись от Движения за перемены лишь на четыре и проиграв «Ликуду» два десятка мандатов, Партия Труда перестала быть политической силой, реально претендующей на власть в стране.*

Сразу после выборов было достигнуто соглашение о вхождении партии «Израэль ба'алия» в «Ликуд», что привело к увеличению числа членов фракции правящей партии до сорока. Натану Щаранскому был обещан (и

предоставлен) пост министра по делам Иерусалима и связям с диаспорой, а «Ликуд» обязался погасить долги «Израэль ба'алия», превысившие четырнадцать миллионов шеккелей. Коалиционные переговоры с остальными партиями также закончились сравнительно быстро. Кроме представителей «Ликуда», получивших под свой контроль почти все ключевые министерства, в том числе обороны, иностранных дел, финансов и просвещения и культуры, в правительство вошли Движение за перемены [«Шинуй»], блок «Национальное единство» – «Наш дом – Израиль» и Национальная религиозная партия.

Сформированное Ариэлем Шароном буквально на следующий день после собственного 75-летнего юбилея правительство базировалось на парламентской поддержке 68 депутатов. Бывший с 1999 года председателем Кнессета один из лидеров Партии Труда Авраам Бург, сохранивший свой пост и после отставки Эхуда Барака и избрания премьер-министром Ариэля Шарона, был заменен одним из лидеров «Ликуда» иерусалимцем в восьмом поколении Реуеном Ривлиным, позднее избранным десятым президентом Государства Израиль. «Ликуд» получил под свой контроль и все важнейшие парламентские комиссии, в том числе по иностранным делам и обороне (ее главой был избран Юваль Штайниц), по вопросам конституции, законодательства и права (ее председателем стал Михаэль Эйтан), по финансам и бюджету (ее руководителем стал Авраам Хиршзон) и по организационным вопросам (ее возглавил Рони Бар-Он). Таким образом, «Ликуд»

получил под свой контроль важнейшие рычаги как исполнительной, так и законодательной власти.

Некоторые сравнивали победу Ариэля Шарона в январе 2003 года с победой Эхуда Барака в мае 1999 года: тот факт, что тогда «Ликуд» получил 19 мандатов, что не помешало ему четыре года спустя удвоить свою фракцию, приводился как доказательство того, что и поражение Партии Труда ни о чем не свидетельствовало в долгосрочной перспективе. Данное сравнение было, однако, некорректным.

Во-первых, хотя в 1999 году «Ликуд» действительно получил лишь 19 мандатов, «правые», правоцентристские и религиозные партии («Ликуд», ШАС, «Израэль ба'алия», Национальная религиозная партия, «Еврейство Торы», «Национальное единство», «Наш дом – Израиль») получили в сумме 60 мандатов – больше, чем «левые», левоцентристские и арабские партии (Партия Труда, МЕРЕЦ, Партия Центра, коммунисты и арабские списки вместе получили лишь 52 мандата). Подобная расстановка сил не без оснований позволяла «национальному лагерю» рассчитывать на реванш, связанный с возвращением части избирателей из ШАС, «Израэль ба'алия» и других партий в «Ликуд», причем как обострение арабо-израильского конфликта после начала второй интифады, так и отмена прямых выборов главы правительства усиливали подобные ожидания. В 2003 году «левые» и арабские партии получили вместе лишь 33 мандата (среди этих депутатов 25 евреев и 8 арабов, причем по спискам Партии Труда и блока МЕРЕЦ не был избран ни один

представитель национальных меньшинств, в то время как по спискам Коммунистической партии, партий БАЛАД и РААМ прошли только арабы), в то время как «правые» и религиозные партии – 69.

Во-вторых, в ходе выборов 1999 года «Ликуд» заметно уступил Партии Труда по стране в целом, но превзошел ее в ряде населенных пунктов, в том числе в столице страны – Иерусалиме (64.5% проголосовавших за Б. Нетаньяху против 35.4% – за Э. Барака; 15.2% проголосовавших за «Ликуд» против 14.1% – за Партию Труда). Четыре года спустя Партия Труда проиграла «Ликуду» не только в целом по стране, но и во всех четырех крупнейших городах, в том числе в городе, которым десять лет руководил ее тогдашний председатель А. Мицна – Хайфе (22.3% проголосовавших за Партию Труда, 28.2% – за «Ликуд»), а также в Тель-Авиве (22.6% проголосовавших за Партию Труда, 28.4% – за «Ликуд») и Беэр-Шеве (10.0% проголосовавших за Партию Труда, 35.7% – за «Ликуд»). В Иерусалиме Партия Труда уступила «Ликуду» втрое (9.0% против 27.8%), в религиозном секторе – вчетверо (2.0% против 8.4%), в населенных пунктах на контролируемых территориях и на Голанских высотах – в семь раз (4.0% против 28.6%). Партия Труда уступила «Ликуду» и в деревнях (20.8% против 27.4%) и фермерских хозяйствах (22.1% против 32.5%), победив исключительно в киббуцах (45.5% проголосовавших за Партию Труда, 6.9% – за «Ликуд») и среди национальных меньшинств (среди арабов, друзов и бедуинов Партию Труда поддержали 7.7% избирателей, «Ликуд» – 3.5%),

подавляющее большинство избирателей которых голосовали, впрочем, за свои собственные партии: коммунистов и арабских националистов. «Ликуд» победил – причем со значительным отрывом – и среди молодежи.

Экономическое положение в Израиле в то время было сложным, и А. Шарон считал, что министр финансов С. Шалом не может продолжать оставаться на этом посту. Сам А. Шарон в экономике практически не разбирался – и на компетентность в этой сфере не претендовал и претендовать не стремился. Ему, однако, пришла в голову блестящая мысль поменять местами С. Шалом и Б. Нетаньяху, отправив первого «на коктейли» в Министерство иностранных дел (ключевыми вопросами внешней политики А. Шарон занимался сам), а второго попросив возглавить Министерство финансов. Экспремьер не сразу согласился на эту рокировку, в первый момент угрожая вообще отказаться от участия в работе кабинета министров, но вскоре осознал, какие большие возможности таит в себе предлагавшийся ему пост²⁹⁴.

Б. Нетаньяху стал не только министром финансов, но и возглавил межминистерские комиссии по экономическим вопросам и по приватизации. В марте 2003 года он выдвинул радикальную программу экономических реформ, вызвавшую большие разногласия в израильском обществе и приведшую к серии массовых забастовок, которые, однако, не оказали никакого влияния на шаги, предпринимаемые министром финансов.

---

²⁹⁴ Дов Вайсглас, *Арик Шарон – глава правительства* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2012), стр. 98–101 [на иврите].

Политика Б. Нетаньяху заключалась в сокращении государственных расходов, снижении налогов, урезании социальных выплат и разрушении монополий. Отдельные из этих шагов поставили на грань нищеты многие семьи (в особенности среди многодетных ультраортодоксов, по коим сокращение пособий ударило в наибольшей мере), однако снижение налогов привело к увеличению экономической активности в стране и существенному росту иностранных инвестиций.

На посту министра финансов Б. Нетаньяху также руководил приватизацией ряда крупных государственных компаний, среди которых авиаперевозчик «Эль-Аль», судоходная компания «Цим», телекоммуникационный гигант «Безек» и банк «Дисконт», контрольные пакеты акций которых до этого принадлежали государству. Данные реформы имели большое значение для обеспечения стабильности финансовой и банковской системы страны. Достаточно сказать, что за 2002–2005 гг. ВВП Израиля вырос на 16%, официально зарегистрированная безработица снизилась с 10.5% до 8.9%, экономический рост превысил 4.1% в год, при этом бюджет, дефицит которого достигал в 2002 году 4.5%, был сбалансирован.

Нужно сказать, что Ариэль Шарон с подчеркнутым равнодушием относился ко всем членам своего правительства от каких бы то ни было партий, кроме Биньямина Нетаньяху, которого он побаивался²⁹⁵. Показательно, что Эхуд Ольмерт, сменивший Ариэля

---

²⁹⁵ Там же, стр. 228.

Шарона на посту главы правительства, в число его наиболее доверенных лиц не входил. По его собственному признанию, он ни разу не был на встречах так называемого «форума фермы Шикмим»²⁹⁶, в ходе которого А. Шарон со своими ближайшими приближенными обсуждал и принимал решения по важнейшим государственным вопросам. Эхуд Ольмерт встречался с Ариэлем Шароном для глубокого и искреннего обсуждения вопросов, стоявших на повестке дня государства и общества, в доме главы правительства на улице Бальфур в Иерусалиме, причем, кроме них двоих, в этих встречах участвовали сын Ариэля Шарона Омри, глава его канцелярии Ури Шани и близкий Эхуду Ольмерту депутат Кнессета Авраам Хиршзон (позднее, когда Э. Ольмерт уже был премьер-министром, А. Хиршзон был назначен им министром финансов)²⁹⁷.

А. Шарон в наибольшей степени советовался с узкой группой своих приближенных, в которую входили специалисты по рекламе и связям с общественностью, руководившие его предвыборными кампаниями в 2001 и в 2003 годах, Эяль Арад и Реувен Адлер, их выдвигенец и более молодой коллега Лиор Хорев, генеральный директор партии «Ликуд» в 1999–2001 годах и начальник канцелярии А. Шарона с момента его избрания премьером и до апреля 2002 года Ури Шани, сменивший его на этом посту многолетний адвокат А. Шарона Дов Вайсглас,

---

²⁹⁶ Эхуд Ольмерт, *От первого лица* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2018), стр. 558 [на иврите].

²⁹⁷ Там же, стр. 559.

назначенный в марте 2003 года советником премьер-министра по внешней политике Шалом Турджеман (до этого работавший на второстепенных должностях в посольствах Израиля в Лондоне и Аммане) и сыновья премьер-министра Омри и Гильад, а также генерал Йоав Галант, в 2002–2005 годах работавший в должности военного секретаря премьер-министра, и генерал Гиора Айленд, возглавивший в январе 2004 года Совет по национальной безопасности; никто из избранных депутатов Кнессета и членов правительства в число доверенных лиц Ариэля Шарона, к сожалению, не входил. Собственно, само назначение Гиоры Айленда главой Совета по национальной безопасности было результатом конфликта между занимавшим этот пост многоопытным разведчиком Эфраимом Халеви, бывшим главой «Моссада», и адвокатом Довом Вайсгласом²⁹⁸, сумевшим добиться отставки того, кого он воспринимал как своего конкурента за влияние на Ариэля Шарона.

В декабре 2003 года, выступая на форуме в Герцлии, Ариэль Шарон выдвинул принципиально новую внешнеполитическую программу, названную им «планом размежевания», основным содержанием которой была эвакуация израильских сил и поселений из тех районов, где палестинские арабы составляли многократно преобладавшее большинство, прежде всего, – из сектора Газа. Главной причиной выдвижения этой программы, в разработке которой ключевую роль играл Дов Вайсглас,

---

²⁹⁸ Гиора Айленд, *Не засыпаю по ночам* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2018), стр. 336 [на иврите].

которого генерал Гиора Айленд характеризует как человека «левых» взглядов²⁹⁹, с самого начала было добиться расположения американской администрации, прежде всего, лично более всего отвечавшей за внешнюю политику Кондолизы Райс, в первые четыре года – в статусе советницы президента Дж. Буша-мл. по национальной безопасности, а затем – государственного секретаря³⁰⁰. По свидетельству Гиоры Айленда, даже после выступления в Герцлии Ариэль Шарон имел крайне расплывчатое представление о том, в чем именно конкретно должно было состоять «размежевание», будучи твердо готовым эвакуировать лишь три одиночных еврейских поселения в секторе Газа: Нецарим, Кфар-Даром и Мораг³⁰¹. Тогдашний глава Совета по национальной безопасности вспоминает, что интервью Ариэля Шарона корреспонденту газеты «Ха'арец» Йоэлю Маркусу, опубликованное 3 февраля 2004 года, в котором глава правительства объявил о намерении эвакуировать из сектора Газа всех еврейских поселенцев, стало для него полным сюрпризом³⁰². Эхуд Ольмерт, бывший в то время первым заместителем главы правительства, по его собственному свидетельству, тоже заранее не знал ни о встрече Йоэля Маркуса с Ариэлем Шароном, ни о том, что

---

²⁹⁹ Там же, стр. 344.

³⁰⁰ Дов Вайсглас, *Арик Шарон – глава правительства*, стр. 209.

³⁰¹ Гиора Айленд, *Не засыпаю по ночам*, стр. 340.

³⁰² Там же, стр. 341.

именно глава правительства собирался сказать в этом интервью³⁰³.

Вопрос о том, как и почему родилась так называемая «программа размежевания», едва ли имеет однозначный ответ. Высказывались различные версии на этот счет.

Согласно первой из них, Ариэль Шарон, став главой правительства, пережил травму, аналогичную той, которая сломила Менахема Бегина во время Первой Ливанской войны; Ури Дан вспоминает об одной из своих бесед с Ариэлем Шароном в конце 2004 года, когда глава правительства признался: «Каждое утро между половиной шестого и шестью часами утра мне звонит военный секретарь, и я всё время боюсь услышать от него о гибели солдат в секторе Газа»³⁰⁴.

Согласно второй версии, А. Шарон опасался международного давления на Израиль в связи с отклонением им согласованного плана палестино-израильского урегулирования, разработанного под руководством Й. Бейлина и Я. Абед-Рабо³⁰⁵. Э. Ольмерт вспоминает, как в ходе одной из бесед с Д. Вайсгласом в 2003 году тот признался, что «Арик [Шарон] по-настоящему обеспокоен Женевской инициативой, и это

---

³⁰³ Эхуд Ольмерт, *От первого лица*, стр. 615.

³⁰⁴ См.: Ури Дан, *Ариэль Шарон вблизи. Личный портрет*, стр. 363.

³⁰⁵ Полный текст «Женевского соглашения» в переводе на русский язык см. в книге: *Программы урегулирования палестино-израильского конфликта* (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004), стр. 115–148.

[Одностороннее отступление из Газы] может спасти нас от этой напасти, хотя бы на международной арене»³⁰⁶.

Согласно третьей версии, Ариэль Шарон не был инициатором этой программы, которая была ему навязана членами его команды – и чему он не смог или не захотел противостоять. Тогдашний глава Совета национальной безопасности Гиора Айленд считает, что это была инициатива Д. Вайсгласа, который еще 5 января 2004 года объявил представителям американской администрации о готовности Израиля к отступлению со значительной части контролируемых территорий, и лишь затем сумел убедить А. Шарона в том, что этот шаг якобы послужит израильским интересам; глава Совета национальной безопасности характеризует эти действия начальника канцелярии главы правительства как «ошибку»³⁰⁷. В свою очередь, бывший в то время начальником Генерального штаба Моше (Бути) Яалон утверждает, что инициатива принадлежала тогдашнему министру обороны Шаулю Мофазу, который в середине января 2004 года сообщил ему, что в беседе с главой правительства выразил мнение, что эвакуация трех небольших поселений не будет иметь никакого эффекта и значения и потому нужно либо сохранить статус-кво, либо принять решение о выводе израильских сил и эвакуации еврейских поселенцев из всего сектора Газа³⁰⁸. При этом, по словам Моше (Бути)

---

³⁰⁶ Эхуд Ольмерт, *От первого лица*, стр. 607.

³⁰⁷ Гиора Айленд, *Не засыпаю по ночам*, стр. 337.

³⁰⁸ Моше (Бути) Яалон, *Длинный короткий путь* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2018), стр. 177 [на иврите].

Яалона, он сразу же выразил министру обороны своё резкое несогласие с этой инициативой, потребовав ее обстоятельного обсуждения с участием главы правительства – оно ему было обещано, но до того времени, когда было обнародовано интервью Ариэля Шарона Йоэлю Маркусу, сделавшее ситуацию необратимой, так и не состоялось³⁰⁹.

Согласно четвертой версии, которой придерживается и Моше (Буги) Яалон (Б. Нетаньяху назначил его в 2013 году министром обороны), с премьер-министром что-то произошло: он серьезно ослаб физически, всё чаще засыпал в ходе важных заседаний и обсуждений, стал нетерпимым к любым мнениям, отличным от его собственных, и практически прекратил серьезное обстоятельное обсуждение стратегических задач и вызовов, стоявших перед Государством Израиль³¹⁰. Эхуд Ольмерт также свидетельствует о том, что «в последние два года его жизни Шарон был другим человеком: он чувствовал себя очень усталым, потерял присущую ему жажду жизни и достаточно часто с трудом сохранял способность к вниманию и концентрации в ходе совещаний, что было трудно не замечать»³¹¹.

Моше (Буги) Яалон считает, что в это время на Ариэля Шарона оказывали чрезмерное влияние бизнесмены, в том числе зарубежные; в этой связи назывались имена австрийского еврея Мартина Шлаффа,

---

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ Там же, стр. 176.

³¹¹ Эхуд Ольмерт, *От первого лица*, стр. 617.

владевшего казино «Оазис» в Иерихо, интересы которого в Израиле представляла адвокатская контора Дова Вайсгласа, и проживающего в Южной Африке британского текстильного магната Сирила Керна, по неизвестным причинам переводившего крупные денежные суммы сыновьям главы правительства. «Бывали случаи, когда поведение людей Шарона выходило, на мой взгляд, за рамки разумного, – свидетельствует М. Яалон. – Я не мог объяснить, в чем была причина такого поведения, но делалось то, что ни в коем случае нельзя было делать. ... Было чувство, что руководитель канцелярии главы правительства адвокат Вайсглас решает вопросы Государства Израиль безответственным образом. ... Порой было чувство, что личные и сторонние интересы, не относящиеся к делу, оказывали влияние на то, как принимались решения, касавшиеся безопасности Израиля, в результате чего принимались решения, не соответствовавшие интересам Государства Израиль»³¹². Моше (Буги) Яалон подчеркивает опасную смычку власти и некоторых представителей крупного капитала, которая, приведя к полицейско-прокурорскому расследованию действий премьер-министра и его сыновей, превратила Ариэля Шарона в заложника обстоятельств, которым он уже был не в силах противостоять.

Однако и после того, как А. Шарон обнародовал свой план одностороннего выхода из сектора Газа и эвакуации всех созданных там еврейских поселений, не было ясно, в какой мере «план размежевания» затронет Иудею и

---

³¹² Моше (Буги) Яалон, *Длинный короткий путь*, стр. 172.

Самарию. Г. Айленд считал, что изначально в намерения А. Шарона не входило отступление откуда бы то ни было, кроме как из сектора Газа³¹³. А. Шарон и его приближенные стремились получить фактическое согласие Белого дома на отказ от «Дорожной карты», которую они считали очень опасной для будущего Израиля, особенно в связи с ее единогласным одобрением в ноябре 2003 года Советом Безопасности ООН.

Нельзя, однако, не заметить, что так называемая «программа размежевания» разительным образом контрастировала и с предвыборными обещаниями партии «Ликуд», главой которой А. Шарон тогда был, и с позицией большинства членов партии, которая была выражена в ходе прошедшего 2 мая 2004 года внутрипартийного референдума (60% проголосовали «против» этой программы, и только 40% «за»). Несмотря на это, А. Шарон настойчиво добивался ее реализации, вызвав готовность даже к существенному реформатированию правительства: входившие в коалицию до того времени Национальная религиозная партия и блок «Национальное единство» ее в знак протеста покинули, тогда как левоцентристы к ней присоединились. Четверо министров от «Ликуда» последовательно выступали против «программы размежевания», в том числе Узи Ландау (позднее перешедший в партию «Наш дом – Израиль»), Исраэль Кац, Цахи Ханегби и Дани Наве³¹⁴; все остальные, по тем

---

³¹³ Гиора Айленд, *Не засыпаю по ночам*, стр. 343.

³¹⁴ Дов Вайсглас, *Арик Шарон – глава правительства*, стр. 240.

или иным причинам, на протяжении длительного времени оставались лояльными по отношению к главе правительства. Позднее к числу противников присоединились также Биньямин Нетаньяху, Сильван Шалом и Лимор Ливнат, которых 3 июня 2004 года Ципи Ливни смогла убедить проголосовать в поддержку «программы поэтапного размежевания», имея в виду, что эвакуация еврейских поселений будет проводиться не одномоментно, а поэтапно, причем каждый новый этап будет выноситься на отдельное голосование в правительстве³¹⁵. Б. Нетаньяху, выступавший за ускоренное принятие Кнессетом Закона о референдуме – и скорейшее проведение такого референдума по вопросу т.н. «программы размежевания», равно как и С. Шалом и Л. Ливнат, приняли этот компромисс, который, однако, А. Шарон, как показали дальнейшие события, и не думал соблюдать. Биньямину Нетаньяху была обещана поддержка в принятии Закона о референдуме, однако 28 марта 2005 года он был забаллотирован в Кнессете. Сложно сказать, почему Ариэль Шарон так настойчиво стремился избежать референдума, ибо опросы общественного мнения свидетельствовали о том, что значительное большинство населения идею ухода из Газы поддерживало двумя руками, а личная популярность главы правительства была беспрецедентно высокой. Обжегшись на «молоке» внутривластной референдуме, Ариэль Шарон дул не на ту «воду», но Биньямину Нетаньяху не удалось переубедить его.

---

³¹⁵ Там же, стр. 247.

14 апреля 2004 года состоялась важная встреча А. Шарона с президентом США Дж. Бушем-мл., в ходе которой стороны обменялись письменными заявлениями. В декларации президента США, среди прочего, подчеркивались обязательства США по вопросам обеспечения безопасности Израиля и его процветания как еврейского государства. Кроме того, хотя в письме Дж. Буша указывалось, что признанные и безопасные границы Государства Израиль должны быть согласованы в ходе переговоров, базирующихся на резолюциях №242 и №338 Совета Безопасности ООН, в нем было сказано о том, что исходя из новых реалий на местности, возникших в последние несколько десятилетий, в том числе создание нескольких израильских поселенческих блоков, нереалистично ожидать, что окончательные границы будут полностью соответствовать линии разъединения войск 1949 года (т.н. «зеленой черте»). При этом в письме президента Дж. Буша-мл. ничего не говорилось об обязанности Израиля компенсировать палестинцам какие-либо территории – принцип, активно обсуждавшийся на Кемп-Дэвидских переговорах 2000 года и в последующее время.

Мало кто даже в Израиле знает, что по поручению руководителя канцелярии главы правительства Дова Вайсгласа генерал Гиора Айленд подготовил несколько вариантов реализации «программы размежевания»: первый из них включал только сектор Газа, второй – также ликвидацию четырех обособленных еврейских поселений в окрестностях Дженина в Самарии, третий

расширял число ликвидируемых поселений до семнадцати, а четвертый включал в себя эвакуацию из Иудеи и Самарии всех еврейских поселений, которые находились вне поселенческих блоков за т.н. разделительным «забором безопасности»³¹⁶. Американцам был представлен третий из них, предусматривавший ликвидацию семнадцати еврейских поселений, в которых проживали пятнадцать тысяч человек!³¹⁷

Версии относительно того, почему этот вариант был отклонен, расходятся. По свидетельству Дова Вайсгласа, фактором, спасшим всех этих людей от изгнания из их домов, стали американские эксперты в сфере безопасности, пришедшие к выводу, что после ухода израильской армии с такой значительной части территории Западного берега возникнет вакуум власти, который не сможет быть заполнен никакой ответственной палестинской структурой³¹⁸. Эхуд Ольмерт также указал, что этот план не был реализован из-за позиции, занятой американской администрацией, однако он дал принципиально иное объяснение занятой американцами позиции; по его словам, «американцы опасались, что данная инициатива приведет к политическому краху Ариэля Шарона и его правительства и приходу к власти существенно меньше готовых к каким-либо уступкам оппонентов, вследствие чего не только никакие еврейские поселения в Иудее и Самарии не будут эвакуированы, но и

---

³¹⁶ Гиора Айленд, *Не засыпаю по ночам*, стр. 343.

³¹⁷ Дов Вайсглас, *Арик Шарон – глава правительства*, стр. 227.

³¹⁸ Там же, стр. 228.

“одностороннее размежевание” с сектором Газа окажется сорванным»³¹⁹. В результате американцы посоветовали своим израильским собеседникам сократить масштабы отступления до минимума, который бы не позволил сказать, что «Израиль уходит из Газы, чтобы избежать необходимости территориального компромисса на Западном берегу», но который бы не привел к кардинальным изменениям с непредсказуемыми последствиями.

Гиора Айленд же свидетельствует, что американцы как раз призывали к максимальному по масштабам и скорейшему по срокам (уже к ноябрю 2004 года) выводу израильских сил с контролируемых территорий, но Ариэль Шарон объяснил Кондолизе Райс, что внутривнутриполитические причины сковывают его шаги³²⁰. Гиора Айленд прямо признавал, что в эвакуации четырех одиночных поселений, в которых суммарно проживали несколько сот человек, не было никакой логики и никакого смысла³²¹; однако в августе 2005 года т.н. план «одностороннего размежевания» с сектором Газа и Северной Самарией был реализован, в результате чего были разрушены более двадцати еврейских поселений (в том числе уникальный поселок Са-Нур в Северной Самарии, созданный группой русскоязычных художников), а более восьми тысяч еврейских жителей этих регионов потеряли свои дома. В это же время было

---

³¹⁹ Эхуд Ольмерт, *От первого лица*, стр. 616.

³²⁰ Гиора Айленд, *Не засыпаю по ночам*, стр. 348.

³²¹ Там же, стр. 345.

начато строительство т.н. «забора безопасности» (или «забора размежевания») на Западном берегу реки Иордан, заметно сократившего количество палестинских арабов, находящихся и работающих в Израиле (подобная стена вокруг сектора Газа была возведена в 1994–1995 гг. и заметно сократила проникновение в Израиль арабов из этого района).

2. От фикции «размежевания» – к расколу

Реализация т.н. «программы размежевания» не привела к каким-либо позитивным изменениям в отношениях Израиля с другими государствами – ни на региональном, ни на международном уровне. Хотя Израиль полностью и без каких-либо условий вывел свои войска и эвакуировал всех поселенцев из сектора Газа, ни одно из государств арабо-мусульманского мира не предприняло после этого каких-либо шагов в направлении признания Израиля и установления политических или экономических связей с ним.

Отдельной проблемой стало существенное ухудшение отношений между политическими элитами Израиля и США – страны, с большими или меньшими основаниями традиционно считавшейся основным военно-политическим союзником еврейского государства. Вопреки надеждам Ариэля Шарона и Дова Вайсгласа, американцы отказались предоставить Израилю какие-либо реальные дивиденды в связи с выводом сил и поселений из сектора Газа. Администрация Дж. Буша-мл.

отказалась недвусмысленно поддержать израильский подход, согласно которому палестинские беженцы 1948 года и их потомки не могут получить право на возвращение в Государство Израиль; в письме А. Шарону Дж. Буш-мл. использовал оборот «возвращение скорее в Палестинское государство [которое предусматривалось создать], чем в Израиль»:

It seems clear that an agreed, just, fair and realistic framework for a solution to the Palestinian refugee issue as part of any final status agreement will need to be found through the establishment of a Palestinian state, and the settling of Palestinian refugees there, *rather* than in Israel³²².

Таким образом, Государство Израиль соглашалось и с идеей возвращения палестинских беженцев и их потомков, и с созданием независимого Палестинского государства, что, конечно, у многих в «национальном лагере» вызвало оторопь. Кроме того, американцы так и не освободили из тюрьмы Джонатана Полларда, еще в 1987 году осужденного за шпионаж в пользу Израиля, и не перевели свое посольство из Тель-Авива в Иерусалим, продолжая политику непризнания Иерусалима в качестве столицы Израиля (эта политика изменилась лишь после прихода к власти президента Дональда Трампа).

*

---

³²² Цит. по тексту письма президента Дж. Буша-мл., обнародованного на портале агентства новостей CNN: <http://edition.cnn.com/2004/WORLD/meast/04/14/bush.letter/>

25 сентября 2005 года Ариэль Шарон планировал выступить на заседании Центрального комитета партии «Ликуд», которую тогда возглавлял. Глава правительства трижды выходил к микрофону, который именно в эти моменты неожиданно отключался; заподозрив, что речь идет о сознательной провокации его противников с целью сорвать его запланированное выступление, А. Шарон в гневе покинул зал, передав текст своего выступления журналистам для публикации в печати. Фактически, это была последняя попытка Ариэля Шарона изменить «Ликуд» изнутри; менее чем через два месяца он уже объявил о создании новой партии.

В своем произнесенном выступлении Ариэль Шарон акцентировал внимание на облике «Ликуда» не как правой, а как центристской партии. В подготовленном им к выступлению тексте, в частности, говорилось: «Мы должны решить, какой путь мы выбираем – и каким мы хотим видеть “Ликуд”. Мы должны определить, будет ли это “Ликуд”, находящийся в центре национального консенсуса – или радикальный “Ликуд” на периферии политической системы страны. ... Настоящий “Ликуд” создал я, под руководством Менахема Бегина, да будет благословенна его память. Я работал в его правительстве, когда он создал коалицию с Движением за демократию и реформы и включил в кабинет Моше Даяна, когда он подписал мирный договор с Египтом и принял болезненное решение об эвакуации и разрушении всех еврейских поселений на Синайском полуострове.

Ответственность и взвешенность – вот настоящий “Ликуд”. Большое движение, в центре, национально-либеральное, которое способствует единению народа, не боится принимать трудные решения и идти на болезненные уступки, не поддается политическому давлению, а всегда руководствуется чувством ответственности, взвешенности, во имя национальных интересов»³²³.

Ариэль Шарон, несомненно, говорил правду, однако столь же несомненно то, что говорил он не всю правду, апеллируя к тем компонентам политического наследия Менахема Бегина, к которым ему было апеллировать удобно, и совершенно игнорируя те, которые его политической программе не соответствовали. В шестой главе настоящей книги, посвященной периоду пребывания М. Бегина на посту главы правительства, как раз подчеркивалась фундаментальная разница между отношением М. Бегина к Синайскому полуострову, с которого он, действительно, пусть и с очень тяжелым сердцем, но согласился отступить в полном объеме, и его отношением к Иудее и Самарии, контроль над которыми он как раз стремился сохранить за Израилем. Ариэль Шарон же, в свою очередь, использовал «Синайский прецедент» для того, чтобы оправдать свои планы масштабного отступления из различных районов Иудеи и Самарии, что взглядам и политическому наследию Менахема Бегина никак не соответствовало.

---

³²³ Цит. по: Давид Ландау, *Арик. Жизнь Ариэля Шарона*, стр. 406.

И вот с какими словами Ариэль Шарон планировал обратиться к тогдашним однопартийцам далее: «Перед нами сегодня открыта возможность, которой никогда прежде не было. ... Нужно сказать правду, которую знает каждый: когда нужно будет принимать решение, не все останется в наших руках. У нас есть мечта, и она хороша и справедлива. Но есть еще и действительность, которая трудна и требовательна. Невозможно сохранить еврейское демократическое государство и одновременно с этим править во всех частях Эрец-Исраэль. Если мы будем настаивать на том, что должны реализовать мечту в полном объеме, то мы рискуем потерять все, именно все – и к этому ведет путь радикалов. ... Мы должны приложить все наши усилия с целью продолжать укреплять наше присутствие в Иерусалиме, завершить строительство “забора безопасности”, укреплять крупные поселенческие блоки, Иорданскую долину и районы, важные для обеспечения безопасности, Негев, Галилею, Голанские высоты»³²⁴.

Из перечисления того, что нужно сохранить и укреплять, становилось понятно, от чего Ариэль Шарон был готов отказаться: за исключением Восточного Иерусалима, крупных поселенческих блоков (которых, вообще говоря, в Иудее и Самарии так мало, что их можно пересчитать по пальцам одной руки) и Иорданской долины, никакие части Западного берега (Иудеи и Самарии) сохранить под израильским суверенитетом не планировалось. С этой доктриной вполне можно

---

³²⁴ Цит. там же.

соглашаться, но остается неясным, в чем ее принципиальное отличие от программы Партии Труда. Ставший преемником Ариэля Шарона на посту главы правительства Эхуд Ольмерт сделал эти различия еще менее заметными.

*

Т.н. «одностороннее размежевание» привело к расколу в партии «Ликуд». Б. Нетаньяху, под руководством которого в 2003–2005 годах в стране был проведен ряд экономических реформ, в знак протеста покинул правительство, в котором занимал пост министра финансов, после чего на это место был назначен сохранявший лояльность А. Шарону Эхуд Ольмерт. Испытывая постоянное напряжение в связи с угрозами активистов «Ликуда» добиваться его смещения с поста председателя партии (и, как следствие, с поста главы правительства), в ноябре 2005 года Ариэль Шарон решился на шаг, не имевший прецедентов в истории израильской политики: действующий глава правительства в период пребывания в этой должности покинул партию, которая его на эту должность выдвинула. Некоторые приближенные премьера считали, что это был ошибочный шаг, нанесший большой вред интересам «национального лагеря» и Государства Израиль в целом, на который А. Шарона лестью, обманом и интригами толкнули Э. Ольмерт и другие политики, опасавшиеся за свои карьеры в случае возвращения Б. Нетаньяху к руководству

партией³²⁵; как бы то ни было, этот шаг был сделан.

Отдельные юристы и политологи считали, что после этого А. Шарон был обязан подать в отставку, ибо после отмены прямых выборов главы правительства нахождение того или иного политика на этом посту является следствием складывающегося после парламентских выборов соотношения сил между партиями; коль скоро новая партия, о создании которой объявил А. Шарон, ни в каких выборах к тому времени, естественно, не участвовала, то она не могла претендовать на то, чтобы ее председатель возглавлял правительство страны. Сам А. Шарон не чувствовал, однако, ни малейшего дискомфорта в связи с тем, что лишил возглавлявшийся им «Ликуд» поста главы правительства, и совершенно не считал себя обязанным даже рассматривать возможность своего ухода в отставку с этой должности. Таким образом, возникшая в ноябре 2005 года партия – на протяжении первых двух недель своего существования она называлась «Ахрайут леумит» [«Национальная ответственность»], а после этого сменила название на «Кадима» [«Вперед»] – сразу стала правящей.

Существенное большинство руководства «Кадимы» (а рядовыми членами эта партия обзавелась лишь на более поздних этапах) составляли бывшие члены парламентской фракции «Ликуда», включая нескольких министров от этой партии. После раскола Б. Нетаньяху, С. Шалом, Ю. Эдельштейн и другие остались в «Ликуде»,

---

³²⁵ См.: Ури Дан, *Ариэль Шарон вблизи. Личный портрет*, стр. 402–403.

тогда как Э. Ольмерт, Ц. Ливни, А. Дихтер, М. Шитрит, З. Элькин и другие, в том числе бывший начальник Генерального штаба и министр обороны Ш. Мофаз, переметнулись в «Кадиму». В нее же вошли и трое видных деятелей, прежде входивших в руководство Партии Труда: Ш. Перес, Х. Рамон и Д. Ицик. Руководители новой партии с первых дней ее существования позиционировали ее как центристскую, тогда как критики обвиняли вошедших в нее политиков в беспринципном карьеризме и идеологическом оппортунизме.

А. Шарон планировал в третий раз бороться за пост премьер-министра Израиля, на который он был впервые избран в феврале 2001 года, именно во главе партии «Кадима», однако действительность оказалась иной: спустя менее чем два месяца после создания «Кадимы», вследствие обширного кровоизлияния в мозг, произошедшего в начале января 2006 года, А. Шарон потерял возможность выполнять обязанности главы правительства, и де-факто занимающим этот пост был утвержден Э. Ольмерт, прежде бывший министром финансов и первым вице-премьером. Именно во главе с Э. Ольмертом «Кадима» участвовала в прошедших в 2006 году выборах в Кнессет семнадцатого созыва, на которых получила наибольшее число мандатов в сравнении со всеми остальными партиями – 29. Партия Труда во главе со своим новым лидером Амиром Перецем получила 19 мандатов, и именно эти две политические силы стали основой сформированного после выборов правительства, в котором лидеры «Кадимы» Э. Ольмерт и Ц. Ливни заняли

соответственно посты главы правительства и министра иностранных дел, а А. Перец – министра обороны. Э. Ольмерт оставался главой правительства Израиля на протяжении трех последующих лет.

Отцы Эхуда Ольмерта и Ципи Ливни, Мордехай Ольмерт (1908–1998) и Эйтан Ливни (урожденный Иерухам Бзозович, 1919–1991), были активистами ЭЦЕЛЯ и членами Кнессета от Партии Свободы и блока «Ликуд»; активистками ЭЦЕЛЯ были и их матери, Белла Ольмерт (Вогман) и Сара Ливни (Розенберг). Их дети также выросли и сделали свои карьеры в «Ликуде», но в середине первого десятилетия XXI века возглавили борьбу против «родной» партии с целью ее разрушения. Анализ этого явления в рамках чисто политологической методологии представляется заведомо недостаточным, так как данный феномен, очевидно, требует понимания и на психологическом уровне.

Для ослабленного уходом значительно части руководителей «Ликуда», главой которого вновь стал Б. Нетаньяху, эти выборы оказались одними из самых провальных за всю историю: партия получила всего 12 мандатов. Учитывая, что в 2003 году «Ликуд» во главе с А. Шароном получил 38 мандатов, а после присоединения к этой партии двух депутатов от «Израэль ба'алия» их число выросло до сорока, очевидно, что практически идентичное суммарное число мандатов, полученное в 2006 году партиями «Кадима» и «Ликуд» (в сумме – 41), свидетельствовало о том, что «большого взрыва» в израильской политике не произошло, и то же количество

голосов избирателей (пусть это были и не совсем те же люди), которое прежде получал «Ликуд», в этот раз разделилось надвое. Иными словами, и после раскола в «Ликуде» обе партии, возникшие из бывшего прежде единым движения, могли рассчитывать на поддержку лишь примерно того же количества избирателей. При этом сложно однозначно ответить на вопрос о том, правомерно ли относить партию «Кадима» к национал-либеральному лагерю: хоть и создана она была почти исключительно теми, кто до этого входил в «Ликуд», лидеры этой партии шли путем, принципам В.Е. Жаботинского – М. Бегина соответствовавшим в очень ограниченной мере.

В конце января 2006 года победу на выборах в Законодательный совет Палестинской администрации одержало радикальное исламистское движение ХАМАС, признанное в Израиле и ряде других стран террористическим. Движение ХАМАС изначально находилось в оппозиции к ООП и ФАТХу, руководимым Ясиром Арафатом, и не признавало «соглашений Осло» – и не признало их и поныне. Весной 2004 года с санкции Ариэля Шарона израильские силовые структуры провели акции по точечной ликвидации руководителей ХАМАСа шейха Ахмеда Ясина и Абд-эль-Азиза аль-Рантиси, однако и без них исламисты добились победы на выборах, что наглядно показало, насколько приоритеты большинства палестинского социума далеки от мирного урегулирования с Израилем. Интересно, что израильские представители предупреждали своих и палестинских, и

американских собеседников, что разрешение ХАМАСу участвовать в выборах обернется победой исламистов – и крахом всех надежд на какое бы то ни было урегулирование, но деятели ФАТХа убеждали и себя, и американцев в том, что, наоборот, их популярность так высока, что победа им гарантирована. По свидетельству Дова Вайсгласа, тогдашний координатор деятельности армии на контролируемых территориях Йусеф Мишлеб – первый представитель друзской общины Израиля, дослужившийся до генеральского звания – настойчиво повторял, что среди местного арабского населения ХАМАС намного популярнее ФАТХа³²⁶, но его никто не слушал. Лишь за считанные недели до выборов руководители ФАТХа осознали, что стоят перед лицом электоральной катастрофы, и обратились к Израилю с настоятельной просьбой, запретив голосование арабских жителей Восточного Иерусалима, дать Махмуду Аббасу повод отменить эти выборы вообще. Ариэль Шарон согласился подыграть палестинским руководителям, которые, «в благодарность» за это, выступили с новыми обвинениями в адрес «сионистских оккупантов», но тут, неожиданно для всех, настойчиво вмешались американцы, требуя, чтобы назначенные выборы состоялись «при любой погоде»³²⁷, в противном случае угрожая прекратить финансирование Палестинской администрации. Махмуду Аббасу пришлось обещать проведение этого «фестиваля

---

³²⁶ См.: Дов Вайсглас, *Арик Шарон – глава правительства*, стр. 260–261.

³²⁷ Там же, стр. 263–264.

демократизации», который закончился уверенной победой исламистов, получивших 76 из 132 мест в Законодательном совете Палестинской администрации.

В июне 2007 года ХАМАС захватил власть в секторе Газа, заявив о намерении создать там исламское государство. Между сторонниками ФАТХа и ХАМАСа произошли вооруженные столкновения, в результате которых сектор Газа оказался под контролем ХАМАСа; тем самым, Палестинская администрация раскололась на два враждующих меж собой анклава: один – на Западном берегу Иордана, другой – в секторе Газа³²⁸. В октябре 2007 года Израиль объявил сектор Газа «враждебным квазигосударственным образованием» и приступил к его частичной экономической, а также полной транспортной блокаде, основная цель которой – препятствовать поставкам оружия незаконным исламистским вооруженным формированиям.

Сменивший А. Шарона на посту главы правительства Э. Ольмерт начал интенсивные тайные переговоры с главой Палестинской администрации М. Аббасом, но несмотря на готовность израильской стороны к огромным уступкам, сравнимым с теми, на которые были готовы эmissары Эхуда Барака в Табе в январе 2001 года, палестинские лидеры оказались не готовы подписать мирный договор и приложенные к нему карты.

Вторая Ливанская война, неожиданно для многих вспыхнувшая 12 июля 2006 года, унесла жизни ста

---

³²⁸ См.: А.Д. Эпштейн, *ХАМАС в региональной политике* (Москва: Институт Ближнего Востока, 2007), стр. 10–19.

шестидесяти израильтян. Эта война, начавшаяся спустя несколько недель после формирования нового правительства Израиля, стала тяжелым испытанием для не привыкшего к достаточно затяжным военным действиям израильского общества. Она длилась пять недель – то есть больше, чем арабо-израильские войны 1956, 1967 и 1973 годов, вместе взятые. Эта война вызвала резкую критику в адрес тыловых служб израильской армии, которых обвиняли в совершенно недостаточной подготовленности, с одной стороны, и разведывательных и военно-воздушных сил, оказавшихся неспособными прекратить ракетные обстрелы «Хизбаллой» территории Израиля, с другой. Одновременно с этим, было кардинально переосмыслено стратегическое значение вывода израильских сил с территории Южного Ливана в мае 2000 года³²⁹.

Все это привело к кардинальному изменению отношения широких слоев общества к А. Перецу, с одной стороны, и к Б. Нетаньяху, с другой. Председателя Партии Труда обвиняли в том, что он поставил личные интересы выше государственных, потребовав себе в ходе коалиционных переговоров «престижный» пост министра обороны, несмотря на то, что не обладал достаточными компетенциями для этой должности, что, по мнению многих, наглядно проявилось в ходе войны в июле – августе 2006 года. В значительной степени именно эти

---

³²⁹ См.: А.Д. Эпштейн, *Израильская война против «Хизбаллы» и формирование новых контуров ближневосточной политики* (Москва: Институт Ближнего Востока, 2006).

настроения в обществе привели к тому, что во второй тур выборов председателя Партии Труда в 2007 году вышли два генерала в отставке: бывший начальник Генерального штаба, премьер-министр и министр обороны Э. Барак (эти выборы выигравший) и бывший командующий военно-морским флотом и глава Общей службы безопасности А. Аялон, занявший второе место. Проиграв внутрипартийные выборы, А. Перец был вынужден покинуть Министерство обороны, уступив пост Э. Бараку.

Б. Нетаньяху и возглавляемый им «Ликуд» в правительство Э. Ольмерта так и не вошли, но, вследствие пережитой Израилем войны, начатой «Хизбаллой», которая не имеет никаких международно-правовых оснований предъявлять какие бы то ни было территориальные претензии к Израилю (в 2000 году Организация Объединенных Наций признала, что Израиль полностью выполнил резолюцию Совета Безопасности №425 о выводе своих сил из Ливана), отношение в обществе к позиции односторонних уступок существенно изменилось. Хотя, возглавляя фракцию из всего двенадцати депутатов, Б. Нетаньяху, с формальной точки зрения, никоим образом не мог претендовать на пост главы правительства, на протяжении более чем двух с половиной лет, с момента окончания Второй Ливанской войны и до прошедших в 2009 году выборов в Кнессет восемнадцатого созыва, опросы свидетельствовали о том, что с точки зрения большинства израильтян, именно он является наиболее предпочтительным кандидатом на этот пост.

Справедливость требует указать, что, хотя к моменту ее окончания Вторая Ливанская война воспринималась гражданами Израиля как военно-дипломатическое фиаско, последующие события, а именно длительное поддержание режима фактического мира и спокойствия на северной границе, побудили пересмотреть ее итоги в более позитивном ключе. Однако сразу после окончания войны общественное давление вынудило премьер-министра согласиться на создание Государственной следственной комиссии во главе с судьей Элияху Виноградом (1926–2018); в обоих представленных ею отчетах правительство подвергалось серьезной критике. Тела двух израильских солдат, погибших в первый день войны, были возвращены в Израиль на погребение лишь 16 июля 2008 года, причем в обмен «Хизбалла» добилась освобождения из израильских тюрем пятерых ливанских заключенных, включая Самира Кунтара (1962–2015), совершившего со своими сообщниками в 1979 году страшный теракт в Нахарии, жертвами которого стали пять человек, включая четырехлетнюю девочку.

*

Глава правительства Израиля еженедельно видится с главой Службы внешней разведки «Моссад», которого нередко сопровождают те или иные офицеры, наиболее компетентные в вопросах, запланированных для обсуждения в ходе каждой конкретной встречи. В этих встречах всегда принимает участие военный секретарь

премьер-министра. Учитывая регулярность подобных встреч, можно понять удивление Эхуда Ольмерта, когда 13 марта 2007 года тогдашний глава «Моссада» Меир Даган позвонил ему и попросил о срочном разговоре буквально в этот же день. У премьер-министра была запланирована инспекционная поездка в воинские части на юге Израиля с целью убедиться на местности в том, насколько службы тыла готовы к организации гражданской жизни в случае обострения ситуации в секторе Газа; глава правительства планировал также лично осмотреть систему противовоздушной обороны. Кроме того, Э. Ольмерт хотел ближе познакомиться с генералом Биньямином Ганцем, рассматривавшимся в качестве одного из кандидатов на пост начальника Генерального штаба, на который впоследствии (в феврале 2011 года) действительно был назначен. Исходя из этого заранее согласованного графика, Э. Ольмерт просил М. Дагана прибыть в его канцелярию ближе к вечеру, когда он должен был вернуться в Иерусалим.

К удивлению Э. Ольмерта, в приемной канцелярии его ждал не только сам М. Даган, но и его заместитель Тамир Пардо (в январе 2011 года он сам возглавил «Моссад») и глава разведывательного отдела «Моссада» бригадный генерал запаса Амнон Софрин. В ходе этой встречи главе правительства Израиля сообщили, что собранные «Моссадом» материалы неопровержимо свидетельствуют о строительстве сирийцами плутониевого реактора в районе города Дейр-эз-Зор на северо-востоке Сирии. Руководители «Моссада» подчеркнули, что

плутониевый реактор не может быть предназначен ни для каких других целей, кроме как для создания атомной бомбы, причем все это происходит на расстоянии менее пятисот километров от границы Израиля³³⁰. С этого дня началось планирование военной операции с целью уничтожения реактора; каждый человек, который принимал какое-либо участие в подготовке этой операции или связанных с ней мероприятиях, подписывал специальное обязательство хранить всю информацию, касающуюся этой деятельности, в полном секрете. За полгода, прошедших между обнаружением израильской разведкой факта строительства сирийцами ядерного реактора и его уничтожением, данный бланк секретности подписали две с половиной тысячи израильтян, но никакая информация обо всем этом не появилась ни в открытой печати, ни в социальных сетях, ни где бы то ни было еще³³¹.

Эхуд Ольмерт сразу же согласился с мнением руководителей разведывательных служб о том, что сирийский реактор представляет зримую и очевидную угрозу безопасности Израиля, а потому должен быть уничтожен. Для планирования этой операции, обсуждения ее хода и возможных последствий было создано несколько консультативных групп. Так, начальник Генерального штаба Габи Ашкенази сформировал группу советников, в которую были включены один из его предшественников на посту Амнон Липкин-Шахак,

---

³³⁰ Эхуд Ольмерт, *От первого лица*, стр. 196.

³³¹ Там же, стр. 210.

бывший командующий военно-воздушными силами и первый глава Совета национальной безопасности Израиля Давид Иври и бывший глава военной разведки Ури Саги³³². Эхуд Ольмерт, в свою очередь, счел необходимым проинформировать о возникшей угрозе и спросить их мнения о том, как ей противостоять, трех бывших глав правительства Израиля: Шимона Переса, формально бывшего тогда одним из его заместителей, Биньямина Нетаньяху, возглавлявшего парламентскую оппозицию, и Эхуда Барака, не занимавшего в то время государственных должностей, но вскоре вернувшегося на пост главы Партии Труда и министра обороны. С каждым из них Э. Ольмерт встретился один на один³³³.

Реакции этих государственных деятелей на услышанную информацию были весьма разными: в то время как Биньямин Нетаньяху настаивал на необходимости скорейшего уничтожения сирийского реактора любым доступным Израилю способом³³⁴, Шимон Перес предложил известить сирийцев о том, что строительство ими реактора перестало быть тайной для Израиля, начав с ними переговоры по данному вопросу³³⁵. Э. Ольмерт и спустя девять лет, когда писал свои воспоминания, не смог скрыть удивления этим советом, который он получил от своего тогдашнего заместителя. Вероятнее всего, он забыл или просто не знал, какие

---

³³² Там же, стр. 198.

³³³ Там же, стр. 197.

³³⁴ Там же, стр. 198.

³³⁵ Там же, стр. 197.

значительные усилия приложил Шимон Перес с целью остановить бомбардировку израильскими военно-воздушными силами иракского реактора в Осираке, решение о которой было принято Менахемом Бегиним в 1981 году. Четверть века спустя сложилась аналогичная ситуация потенциальной ядерной угрозы еврейскому государству, и Шимон Перес вновь надеялся решить проблему исключительно дипломатическими средствами.

Позиция Эхуда Барака была наименее последовательной: он то выступал в поддержку военной операции, то считал возможным и правильным перенести ее на более поздний срок. Специалисты предостерегали, что в 2008 году реактор уже будет введен в действие, и его бомбардировка будет иметь тяжелейшие экологические последствия в связи с неизбежным загрязнением реки Евфрат, служащей источником питьевой воды миллионам людей. Именно поэтому Эхуд Ольмерт поддерживал позицию, занятую Биньямином Нетаньяху, согласно которой, с целью предотвращения большого числа невинных жертв, реактор должен быть уничтожен как можно скорее. Этой же точки зрения придерживался генерал в отставке Яаков Амидрор, бывший военным советником лидера оппозиции Биньямина Нетаньяху и в марте 2011 года назначенный им главой Совета национальной безопасности.

Как и у Ариэля Шарона, у Эхуда Ольмерта был свой круг наиболее доверенных лиц, в который тоже не входил ни один министр и ни один избранный депутат Кнессета. Ключевая роль принадлежала главе аппарата

администрации премьер-министра Йораму Трубовичу и «унаследованному» Э. Ольмертом от А. Шарона советнику по внешнеполитическим вопросам Шалому Турджеману. Именно их, а также главу Службы внешней разведки «Моссад» Меира Дагана Эхуд Ольмерт во вторую неделю апреля 2007 года делегировал в Вашингтон с целью информировать руководителей американской администрации о сирийском ядерном досье, собранном израильскими спецслужбами. С американской стороны в этой встрече участвовали вице-президент Дик Чейни, советник президента по национальной безопасности Стивен Хэдли и директор ЦРУ, бывший генерал военно-воздушных сил Майкл Хайден. Непосредственно в ходе встречи в офис, где она проходила, зашел лично президент Джордж Буш-мл. По свидетельству израильских участников переговоров, американские руководители были потрясены представленной им информацией, ибо спецслужбы США о создании сирийцами при помощи специалистов из Северной Кореи ядерного реактора не знали вообще ничего³³⁶.

За четыре года своего пребывания в должности государственного секретаря США Кондолизы Райс побывала в Израиле двадцать пять раз³³⁷; Эхуд Ольмерт за

---

³³⁶ Там же, стр. 199.

³³⁷ Там же, стр. 797. Данные проверены по сайту Госдепартамента США, где зафиксированы все поездки К. Райс в 2005–2008 гг.: <https://history.state.gov/departmenthistory/travels/secretary/rice-condoleezza>

три года работы на посту главы правительства побывал в США шесть раз³³⁸. На всем протяжении своего пребывания в этой должности он информировал американскую администрацию буквально обо всем, что ее, по его мнению, могло интересовать. Нельзя сказать, что американцы проявляли взаимность: после избрания Барака Обамы президентом США, Кондолиза Райс и генерал Джеймс Джонс, бывший специальным посланником президента США по вопросам безопасности на Ближнем Востоке, готовили для новой администрации Меморандум об актуальном положении политико-дипломатических и военно-стратегических связей с Государством Израиль. В ноябре 2008 года Эхуд Ольмерт обратился к Кондолизе Райс с просьбой получить копию этого документа для ознакомления и реагирования, однако завершавшая свою каденцию госсекретарь ответила ему отказом³³⁹. Э. Ольмерт обратился по этому вопросу лично к президенту Дж. Бушу-мл., но максимум, чего он смог добиться – обещания президента посоветоваться с ним в случае, если документ, подготовленный К. Райс и Дж. Джонсом, вызовет у него вопросы, однако ни дальнейшего обсуждения этой темы, ни передачи главе правительства Израиля предназначенного для администрации Б. Обамы Меморандума об американско-израильских отношениях так и не последовало³⁴⁰.

---

³³⁸ См.: <https://history.state.gov/departmenthistory/visits/israel>

³³⁹ Эхуд Ольмерт, *От первого лица*, стр. 824.

³⁴⁰ Там же, стр. 825.

Э. Ольмерт относился к американцам иначе, передавая им всю значимую информацию. Он надеялся, что американцы инициируют операцию по разрушению строившегося сирийцами ядерного реактора либо совместно с израильянами, либо самостоятельно. Э. Ольмерт вел об этом переговоры как с вице-президентом Д. Чейни, так и с президентом Дж. Бушем-мл. Глава израильского правительства рассчитывал, что страна, претендующая на то, что является крупнейшей мировой державой, не потерпит подобного вызывающего нарушения режима ядерного нераспространения и будет готова предпринять все необходимые меры для того, чтобы сирийская ядерная программа была немедленно остановлена. Эта надежда оказалась, однако, наивной и ошибочной. Американские военные, как и представители Государственного департамента, оказывали давление на президента и вице-президента в противоположном направлении, аргументируя это тем, что даже если Сирия обретет ядерное оружие, это не представляет собой немедленной угрозы чьей-либо безопасности, ибо в ее распоряжении нет баллистических ракет, с помощью которых можно нанести ядерный удар. Э. Ольмерт пытался объяснить Дж. Бушу, насколько абсурден этот аргумент, напоминая, что сами США в ходе единственных в истории атомных бомбардировок – в Хиросиме и Нагасаки – не использовали баллистические ракеты, а сбросили бомбы с самолетов³⁴¹. Однако премьер-министр Израиля бывал в Белом доме значительно реже, чем

---

³⁴¹ Там же, стр. 204.

назначенный самим президентом США министр обороны, который сумел склонить главу Белого дома на свою сторону; Роберта Гейтса поддержала и Кондолиза Райс. 13 июля 2007 года Дж. Буш-мл. позвонил Э. Ольмерту, чтобы сообщить о своем окончательном решении не инициировать военную операцию против Сирии и не участвовать в совместной операции с Израилем. Президент США проинформировал Э. Ольмерта, что принял решение делегировать на Ближний Восток Кондолизу Райс с целью проведения ею совместной пресс-конференции с премьер-министром Израиля, в ходе которой будет высказано однозначное требование к Башару Асаду отказаться от ядерной программы.

Э. Ольмерт был крайне разочарован, попросив президента пересмотреть свое решение о направлении Кондолизы Райс в Израиль. «Я понял, что США не выйдут на военную операцию, – прямо сказал Э. Ольмерт Дж. Бушу. – Я уважаю Ваши аргументы, но мы сделаем то, что должно быть сделано»³⁴². По свидетельству заместителя советника президента США по национальной безопасности Эллиота Абрамса, присутствовавшего в кабинете Джорджа Буша в ходе этой беседы, по окончании разговора президент распорядился: «Вы должны внимательно следить за всеми действиями Израиля. Вы должны проследить за тем, чтобы никто в Администрации не предпринял каких бы то ни было шагов, которые помешают Ольмерту сделать то, что он решил»³⁴³.

---

³⁴² Там же, стр. 206.

³⁴³ Цит. там же.

Оказавшись перед лицом крупнейшего кризиса, подрывавшего всю систему ядерного нераспространения, американская администрация фактически самоустранилась от решения проблемы, превратив Израиль в своего «субподрядчика» и взвалив на еврейское государство все связанные с возможной атакой риски. «Проблема осталась нашей, и только нашей», – подчеркнул Э. Ольмерт³⁴⁴.

На совещании, прошедшем 1 августа 2007 года, глава Общей службы безопасности (ШАБАК) Юваль Дискин, глава военной разведки Амос Ядлин и глава Управления планирования Генерального штаба Идо Нехуштан (в 2008–2012 годах он командовал военно-воздушными силами) предупредили, что откладывать военную операцию против создававшегося сирийцами ядерного реактора дальше нельзя. Однако единства мнений не было: министр обороны Эхуд Барак и министр внутренней безопасности Ави Дихтер, сам в прошлом возглавлявший ШАБАК, выступили против, причем Э. Барак в грубой форме прервал выступление И. Нехуштана, потребовав от него замолчать³⁴⁵. Сложилась беспрецедентная ситуация: глава правительства Э. Ольмерт, как бы от своего имени, зачитал до конца текст, который был подготовлен в Управлении планирования Генерального штаба. Когда Э. Барак попробовал возражать, Э. Ольмерт резко оборвал его следующими словами: «Будьте любезны сидеть тихо и

---

³⁴⁴ Там же, стр. 207.

³⁴⁵ Там же, стр. 214–219.

слушать. Сейчас говорит глава правительства»³⁴⁶. Фактически, лишь увидев, что все руководители разведывательных служб – и «Моссада», и ШАБАКа, и военной разведки (АМАН) – поддерживают позицию премьер-министра, Эхуд Барак переметнулся в тот же лагерь, и на заседании президиума правительства, на котором 5 сентября 2007 года проходило решающее голосование по вопросу о том, бомбить или нет сирийский реактор, вместе со всеми, кроме Ави Дихтера, проголосовал «за»³⁴⁷.

Спустя год после оказавшей существенное травматическое воздействие на израильское общество Второй Ливанской войны, Э. Ольмерт и члены его правительства опасались нового и еще большего обострения ситуации на северных границах из-за возможной мести сирийцев за израильскую военную операцию по уничтожению строившегося ими реактора. Кроме того, были опасения, что военно-воздушные силы не смогут справиться с этой задачей без потерь; особое беспокойство было связано с возможностью пленения кого-либо из летчиков (травма, связанная с судьбой штурмана Рода Арада, пропавшего без вести на территории Ливана 16 октября 1986 года, вот уже более тридцати лет остается незаживающей для израильского общества). Осознавая все это, тогдашний командующий военно-воздушными силами генерал Элиэзер Шкеди, родители которого чудом пережили Катастрофу

---

³⁴⁶ Там же, стр. 214.

³⁴⁷ Там же, стр. 227.

европейского еврейства, 31 августа 2007 года попросил Эхуда Ольмерта о беседе один на один. По свидетельству Э. Ольмерта, Э. Шкеди обратился к нему со следующими словами: «Глава правительства, я прошу Вас утвердить план операции так, как я его представил. Положитесь на наших летчиков, они лучшие в мире»³⁴⁸. Позиция, занятая главой ВВС, существенно укрепила Э. Ольмерта в его намерении.

Другая проблема была связана с тем, что предполагаемый маршрут следования израильских самолетов пролегал через территорию Турции, однако израильские эксперты считали крайне маловероятным существенное обострение отношений между двумя странами вследствие этого. Вместе с тем, поскольку эти отношения имеют большое значение для еврейского государства, данный фактор нужно было внимательно проанализировать, прежде чем принять окончательное решение.

После того, как 5 сентября 2007 года президиум правительства Израиля проголосовал за то, чтобы реактор был уничтожен, Эхуд Ольмерт сообщил об этом главе парламентской оппозиции Биньямину Нетаньяху, который всемерно поддержал это решение³⁴⁹.

Непосредственно в ту же ночь израильские военно-воздушные силы уничтожили сирийский реактор (для проведения операции были задействованы боевые самолеты F-16 и F-15; непосредственное уничтожение

---

³⁴⁸ Там же, стр. 221.

³⁴⁹ Там же, стр. 228.

реактора осуществили четыре самолета F-16, выпустившие 22 ракеты по трем объектам); в это время Э. Ольмерт, Э. Барак, их ближайшие советники, а также руководители армии и спецслужб, находились в специальном бункере в комплексе зданий Генштаба. Операция стала вторым примером осуществления «доктрины Бегина», согласно которой еврейское государство должно уничтожать любые ядерные возможности стран, не признающих Израиль и не поддерживающих добрососедские отношения с ним. Как и иракский ядерный реактор в 1981 году, строившийся сирийский реактор был полностью уничтожен силами израильских ВВС, при этом Израиль не оказался втянут в военное противостояние с атакованной им или какой-либо иной арабской страной. При этом, как и в 1981 году, Израиль оказался вынужден действовать в одиночку, не получив поддержки со стороны какого-либо другого государства, несмотря на то, что в случае обретения Ираком и Сирией статуса ядерных держав, это угрожало бы отнюдь не только Израилю, особенно учитывая последующее развитие событий в этих странах, существенная часть территорий которых в 2013–2014 гг. оказалась под контролем ультрарадикального Исламского государства, не признающего никакую форму цивилизованного сосуществования с неисламским миром.

Высказывалось предположение, что оружейный плутоний, который планировалось производить на объекте возле Дейр-эз-Зора, предназначался для вооруженных сил Ирана. Еще 21 июня 2008 года газета *Der Spiegel* со ссылкой на источники в немецких

спецслужбах сообщила, что ядерный реактор в Аль-Кибаре, уничтоженный ВВС Израиля, должен был «работать на Иран». В публикации утверждалось, что существовал единый план Ирана, Сирии и Северной Кореи, в рамках которого именно Дамаск должен был обеспечить производство оружейного плутония на своей территории. Северокорейские специалисты должны были создавать компоненты атомной бомбы в Сирии, поскольку Иран находился под пристальным вниманием инспекторов МАГАТЭ. В *Der Spiegel* утверждалось, что этот секретный план обсуждался в начале 2006 года, во время визита в Дамаск тогдашнего президента Ирана Махмуда Ахмадинежада. В статье говорилось, что реактор возле Дейр-эз-Зора был своего рода «запасным аэродромом» для иранской военной ядерной программы.

Через посредников Израиль проинформировал президента Сирии Башара Асада, что ни в коем случае не заинтересован в дальнейшей эскалации напряженности и намерен всячески избегать сползания региона к полномасштабной войне. Как и Менахем Бегин, отдавший в 1981 году распоряжение о бомбардировке строящегося ядерного реактора в Ираке, так и Эхуд Ольмерт четверть века спустя стремился не допустить появления в какой-либо арабской стране атомного оружия, стараясь при этом сохранить существующий в регионе военно-политический статус-кво. Сирийцы сделали вид, что ничего не произошло, опубликовав заведомо ложное сообщение о будто бы рядовой атаке, якобы успешно отбитой силами ПВО страны. Правдивая информация о том, что возле

Дейр-эз-Зора строился ядерный реактор, который был уничтожен Израилем, была обнародована американцами в апреле 2008 года. Израильская военная цензура сняла запрет на публикацию подробной информации об этой операции и предшествовавших ей обсуждениях лишь 21 марта 2018 года.

*

Едва ли кто-нибудь мог представить себе, насколько изменилось мировоззрение Эхуда Ольмерта за годы, прошедшие с начала его политической жизни. По его собственному признанию, ключевым временем был десятилетний – с 1993 по 2003 годы – период его пребывания на посту мэра Иерусалима, когда он пришел к выводу, «что мы не можем продолжать сохранять фиктивное единство, и нужны драматические перемены в нашем отношении к Иерусалиму»³⁵⁰. С первых дней своего пребывания в должности главы правительства, и особенно после выборов, прошедших 28 марта 2006 года, Эхуд Ольмерт прикладывал огромные усилия к тому, чтобы добиться успеха там, где его не добились Эхуд Барак и Билл Клинтон в 2000 году. Отношение Эхуда Ольмерта к палестинским руководителям было весьма странным: характеризуя Ясира Арафата как «убийцу и террориста»³⁵¹, он на протяжении двух лет вел переговоры с Махмудом Аббасом (Абу Мазеном), совершенно

---

³⁵⁰ Там же, стр. 558.

³⁵¹ Там же, стр. 797.

игнорируя тот факт, что М. Аббас еще в 1958 году был, наряду с Я. Арафатом, одним из пятерки основателей ФАТХа, а затем – одним из высших руководителей этой организации и ООП, ни разу за все годы не выступив ни против Я. Арафата лично, ни против использовавшихся им методов. Когда Я. Арафата не стало, именно под руководством М. Аббаса в Рамалле был создан мемориал его памяти, который в обязательном порядке посещали и посещают официальные гости нынешнего главы Палестинской администрации. По неведомым причинам, Э. Ольмерт воспринимал М. Аббаса в отрыве от всей его деятельности на протяжении предшествовавшего полувека.

Удивительным образом, человек, бывший потомственным членом Партии Свободы, в конце лета 2006 года обратился к главе леворадикальной партии МЕРЕЦ Й. Бейлину с просьбой организовать его встречу с М. Аббасом³⁵². Как показали последующие события, этот выбор посланника не был случайным: перед международной конференцией в Аннаполисе, прошедшей в конце ноября 2007 года, Э. Ольмерт обратился к известному израильскому писателю Амосу Озу, леворадикальные взгляды которого по палестино-израильскому конфликту хорошо известны, с просьбой написать для него текст выступления, посвященного состраданию проблеме палестинских беженцев³⁵³; обратим внимание на то, что глава правительства

---

³⁵² Там же, стр. 791.

³⁵³ Там же, стр. 809–810.

попросил об этом не специалиста-историка, а писателя, политические взгляды которого весьма далеки от израильского национального консенсуса. Осенью 2008 года, когда его переговоры с Абу Мазеном, несмотря на выраженную им готовность на беспрецедентные уступки, застопорились, Эхуд Ольмерт обратился с просьбой встретиться от его имени с Махмудом Аббасом и поспособствовать заключению мирного договора к вышеупомянутому Йоси Бейлину и еще одному леворадикальному активисту, бывшему одним из ключевых людей в команде, готовившей «соглашение Осло», – Рону Пундаку (1955–2014)³⁵⁴, являвшемуся в то время генеральным директором Центра мира Шимона Переса (имя Переса данный Центр, созданный еще в 1996 году, получил еще при жизни своего основателя). Уже сам тот факт, что программа Э. Ольмерта, по его собственным словам, была охарактеризована и Р. Пундаком, и Й. Бейлиным как «безупречная»³⁵⁵, свидетельствует о том, насколько далекой она была от идеологических принципов В.Е. Жаботинского и М. Бегина...

Выше уже рассказывалось, как в надежде добиться расположения Я. Арафата, Э. Барак выслал за ним военный вертолет, который привез главу ООП в дом премьер-министра Израиля в созданном специально для отставных офицеров поселке Кохав-Яир. Эхуд Ольмерт пошел по отношению к Махмуду Аббасу еще дальше, пригласив его в дом-резиденцию главы правительства

---

³⁵⁴ Там же, стр. 844.

³⁵⁵ Там же.

Израиля в Иерусалиме и дав указание установить на его крыше в честь визита столь высокого гостя палестинский флаг, чего не случалось прежде никогда³⁵⁶. Уже в ходе их первой встречи Э. Ольмерт продемонстрировал готовность удовлетворить любые просьбы М. Аббаса в масштабах даже больших, чем на то надеялся сам глава Палестинской администрации: в ответ на просьбу освободить из израильских тюрем пятьсот палестинских заключенных (а все они находились в местах лишения свободы по обвинению в ведении антиизраильской деятельности, преимущественно насильственной), Э. Ольмерт сразу же ответил, что «не будет проблемы освободить даже девятьсот», а когда М. Аббас попросил перевести пятьдесят миллионов шеккелей на повседневные нужды Палестинской администрации, Э. Ольмерт упрекнул его в том, что этих денег ни на что не хватит, выразив готовность перевести сумму в восемь раз большую – сто миллионов долларов!³⁵⁷

Э. Ольмерт и М. Аббас договорились о ведении переговоров «на двух уровнях». Вопросы, касавшиеся транспортного сообщения, воздушного пространства, пограничных пунктов и проверок, водных ресурсов и водоснабжения и некоторые другие, должны были обсуждаться группами, которые возглавили Ахмед Курей (Абу Алла), бывший в то время главой правительства Палестинской администрации, и Ципи Ливни, являвшаяся в тот период заместительницей главы

---

³⁵⁶ Там же, стр. 792.

³⁵⁷ Там же, стр. 793.

правительства и министром иностранных дел Израиля. Наиболее сложные проблемы, касавшиеся статуса Иерусалима, судьбы палестинских беженцев 1948 года и их потомков и границ территориальных уступок Израиля, должны были обсуждаться непосредственно самими Э. Ольмертом и М. Аббасом³⁵⁸. Эхуд Ольмерт всегда демонстрировал полное доверие Ципи Ливни, хотя на самом деле чувствовал так – чем дальше, тем меньше³⁵⁹. Э. Ольмерт не вел протоколов своих многочисленных бесед с М. Аббасом, сообщая полные детали переговоров только своим ближайшим советникам – Шалому Турджеману и Йораму Турбовичу, а также военному секретарю генералу Меиру Калифи, создав при этом для переговоров, которые вела Ципи Ливни, «группу сопровождения» во главе с бригадным генералом запаса Уди Декелем, подчинявшимся и отчитывавшимся непосредственно перед премьер-министром³⁶⁰. Ципи Ливни же, будучи министром иностранных дел, провела многочисленные встречи один на один с государственным секретарем США Кондолизой Райс, о содержании которых она ни разу не доложила ни в письменной, ни даже в устной форме главе правительства³⁶¹.

Эхуд Ольмерт не сомневался, что установленные им глубокие отношения личного доверия с Махмудом Аббасом и его готовность пойти на беспрецедентные

---

³⁵⁸ Там же, стр. 794.

³⁵⁹ Там же, стр. 828–829.

³⁶⁰ Там же, стр. 798.

³⁶¹ Там же, стр. 828.

уступки приведут к подписанию всеобъемлющего мирного договора. Э. Ольмерт считал, что, в отличие от него, Ц. Ливни не была готова согласиться ни на раздел Иерусалима, ни на возвращение в Израиль какого бы то ни было количества палестинских беженцев и их потомков³⁶². Э. Ольмерт же был убежден, что без готовности на уступки, в том числе и по этим вопросам, израильско-палестинский мирный договор никогда не будет подписан. На таковые уступки он пошел, согласившись на отступление Израиля с 94% территории Западного берега (включив в этот подсчет Восточный Иерусалим) и обязавшись компенсировать Палестинской администрации остальные 6% земель за счет суверенной территории еврейского государства в пределах «зеленой черты»³⁶³. Э. Ольмерт также согласился на раздел Иерусалима при условии, что все созданные после 1967 года еврейские кварталы останутся за Израилем (и включены в те 6% отчуждаемой территории, которая палестинцам будет компенсирована), а все арабские кварталы, в том числе Исауийя, Джабель-Мукабер, Шейх Джерах, Шуафат и Бейт-Ханина, будут выведены из состава Государства Израиль и переданы под полный палестинский контроль.

Что же касалось Храмовой горы, то Э. Ольмерт от имени Израиля выразил готовность передать ее в доверительное управление международной комиссии, которая бы включала представителей пяти государств:

---

³⁶² Там же, стр. 829.

³⁶³ Там же, стр. 838.

Саудовской Аравии, Иордании, создававшегося Палестинского государства, Израиля и США (сам Э. Ольмерт приводит в своей книге этот список именно в таком порядке)³⁶⁴. Обращал на себя внимание тот факт, что в международной комиссии, которая должна была обеспечить защиту святых мест трех монотеистических религий и реализацию права на свободу вероисповедания для всех, представители арабо-мусульманских государств составляли бы большинство.

Кондолиза Райс вспоминает об испытанном ею шоке, когда Эхуд Ольмерт впервые изложил ей свой план: «Действительно ли я слышу это? – удивлялась я. – Говорит ли мне премьер-министр Израиля, что он разделит Иерусалим и передаст международному форуму полномочия и ответственность за находящиеся в нем Святые места? Необходимо сконцентрироваться и записать это. Но нет, это нельзя записать – ибо что, если это станет известным?» Кондолиза Райс не скрыла, что, вернувшись в отель, и рассказав двум своим ближайшим помощникам о содержании своей беседы с Эхутом Ольмертом, она не посвятила их в детали предложения премьер-министра Израиля о создании международного форума, в ведении которого будут находиться святые места трех монотеистических религий в Иерусалиме. «Я доверяла своим советникам, но если бы что-то даже случайно сорвалось с языка одного из них, это имело бы разрушительные последствия для Ольмерта», – указала Кондолиза Райс. В тот же день она связалась с

---

³⁶⁴ Там же, стр. 839.

помощником президента по национальной безопасности Стивеном Хэдли, сообщив ему о том, что у нее «есть экстраординарные новости после встречи с Эхудом Ольмертом, но, даже говоря по защищенной телефонной линии, она не чувствует себя вправе повторить то, что она услышала от него». Государственный секретарь США даже выразила опасения, что инициатива Э. Ольмерта может стоить ему жизни: «Ицхак Рабин был убит, когда предложил [отдать] значительно меньше»³⁶⁵.

В отношении Иорданской долины и контроля над передвижением из Иордании в создававшееся Палестинское государство и обратно Э. Ольмерт пообещал, что в этом районе, контроль над которым со времен «плана Алона» считался неоспоримой потребностью для обеспечения израильской безопасности, будут расквартированы «международные военные формирования»³⁶⁶.

Все эти предложения были сделаны Эхудом Ольмертом Махмуду Аббасу на протяжении двух лет переговоров и суммированы 16 сентября 2008 года. М. Аббас назвал эти предложения «серьезными», добавив: «Мы никогда не получали такого серьезного предложения. Мне нужно несколько дней на раздумье, прежде чем я отвечу Вам»³⁶⁷. Э. Ольмерт с горечью отметил, что ответа он так и не получил – ни через

---

³⁶⁵ См.: Condoleezza Rice, *No Higher Honor: A Memoir of My Years in Washington* (New York: Random House, 2011), pp. 650–666.

³⁶⁶ Эхуд Ольмерт, *От первого лица*, стр. 840.

³⁶⁷ Цит. там же, стр. 842.

несколько дней, ни в последующие полгода, пока оставался премьер-министром Израиля, ни когда-либо позже (впрочем, позже этот ответ едва ли бы имел практическое значение). В январе и в мае 2008 года президент США Дж. Буш-мл. побывал в Израиле, но и его личное участие не смогло побудить М. Аббаса пойти на заключение мирного соглашения. Хотя книга Э. Ольмерта занимает почти девятьсот страниц, он так ни разу и не попытался ответить на вопрос, о чем же свидетельствовал провал его миротворческих усилий.

Обо всех этих переговорах и сделанных им уступках Э. Ольмерт не информировал ни членов правительства, которое возглавлял, ни депутатов Кнессета. В любом случае, от раздела Иерусалима и эвакуации многих десятков еврейских поселений из Иудеи, Самарии и Иорданской долины Израиль был спасен не своими министрами и депутатами, а категорической неготовностью руководителей палестинских арабов согласиться на прекращение конфликта с Израилем на каких бы то ни было условиях.

*

Во второй половине 2008 года, особенно ближе к концу года, резко увеличилось количество ракетных и минометных обстрелов израильской территории из сектора Газа. 27 декабря 2008 года Э. Ольмерт, совместно с тогдашними министрами обороны Э. Бараком и иностранных дел Ц. Ливни, приняли решение о начале

антитеррористической операции «Литой свинец» против ХАМАСа. Эта операция, в ходе которой погибли более тысячи палестинских арабов, была завершена непосредственно накануне вступления в должность новоизбранного президента США Барака Обамы.

Важным фактором тогдашней внутривнутриполитической жизни стали множившиеся полицейские расследования против Э. Ольмерта по обвинению в различных правонарушениях финансового характера. Еще до того, как дело было передано в суд, Ц. Ливни, с одной стороны, и Э. Барак, с другой, требовали от Э. Ольмерта уйти в отставку. Оказавшись фактически без поддержки со стороны соратников (близкие ему министр финансов Авраам Хиршзон и министр юстиции Хаим Рамон были вынуждены покинуть свои посты и по разным причинам были отданы под суд еще ранее: первый обвинялся в финансовых преступлениях в бытность главой Национального профсоюза, а второй – в неподобающем поведении по отношению к молодой женщине, с которой он взаимодействовал по долгу службы), Э. Ольмерт согласился подать в отставку, после чего бывший в то время президентом страны Ш. Перес поручил Ц. Ливни сформировать новое правительство.

Вопреки ожиданиям, что речь идёт о сугубо технической процедуре, предусматривающей фактическое переутверждение правительственной коалиции в том же составе, как она уже существовала на протяжении более чем двух с половиной лет, добиться поддержки со стороны достаточного количества коалиционных партнеров Ципи

Ливни не смогла – камнем преткновения стала позиция партии ШАС. Многие считали, что этот кризис в значительной мере был сознательно инициирован Ц. Ливни, которая хотела пойти на выборы, представляя себя в качестве негибкого политика, имеющего жесткие моральные принципы. Э. Барак во главе Партии Труда, в свою очередь, надеялся в ходе этих выборов добиться решающего перевеса над партией «Кадима» во главе с Ц. Ливни, которую он считал неподходящей для поста главы правительства. В свою очередь, внутри самой партии «Кадима» отнюдь не все считали самим собой разумеющимся тот факт, что место Э. Ольмерта во главе страны займет именно Ц. Ливни; вызов ей бросил Ш. Мофаз, который в ходе праймериз занял второе место, уступив менее одного процента голосов, что лишь подстегнуло его лидерские амбиции.

Итоги выборов в Кнесет восемнадцатого созыва, прошедших 10 февраля 2009 года, оказались, однако, не такими, на какие рассчитывали все вышеперечисленные политики. Общая численность депутатов от «Кадимы» (включая ставшую ее сателлитом Партию пенсионеров) и Партии Труда сократилась с 55 до 41 мандата, что было явно недостаточным для формирования новой коалиции. Э. Барак, надеявшийся существенно превзойти показатели А. Переца, под руководством которого Партия Труда тремя годами ранее получила девятнадцать мандатов, довольствовался лишь тринадцатью, что стало худшим результатом для социал-демократов за всю историю Государства Израиль. Напротив, партии «национального

лагеря» заметно усилились, и две крупнейшие из них на тот момент – «Ликуд» и «Наш дом – Израиль» – получили в сумме 42 мандата – в сравнении с двадцатью тремя за три года до этого.

Таким образом, несмотря на то, что «Кадима» во главе с Ц. Ливни получила почти столько же, сколько во главе с Э. Ольмертом за три года до этого, потеряв лишь один мандат (28 против 29), и осталась крупнейшей фракцией в составе Кнессета, претендовать на формирование правительства Ц. Ливни практически больше не могла. В ходе проведенных тогдашним президентом Израиля Ш. Пересом консультаций, представители ни одной другой партии, кроме самой «Кадимы», не рекомендовали поручить формирование правительства ей, предложив либо вновь назначить на пост главы правительства Б. Нетаньяху, либо самоустранившись от конкретной рекомендации. Так поступили и арабские партии, не желавшие выразить поддержку никому из сионистских политиков, и Э. Барак и его коллеги по руководству Партии Труда, большинство из которых было готово работать в любом правительстве, кто бы его ни возглавлял – заняв лишь четвертое место на выборах, сами они претендовать на формирование кабинета, естественно, не могли. В этих условиях, к нескрываемому разочарованию руководителей партии «Кадима», от которой сам Шимон Перес в 2007 году был избран на пост президента, глава государства поручил формирование правительства Биньямину Нетаньяху.

3. Возвращение Биньямина Нетаньяху

Лидер «Ликуда», возвращавшийся на пост главы правительства после десятилетнего перерыва, хорошо помнил о том, как бесславно закончился первый срок его правления именно в связи с внутренними распрями и отсутствием достаточной парламентской поддержки, поэтому он стремился сформировать максимально широкую правительственную коалицию, в которой бы никакая фракция не имела возможности угрожать стабильности существования кабинета.

Однако стремление Б. Нетаньяху к формированию широкой коалиции, в которую он стремился привлечь все пять крупнейших парламентских фракций, воплотить в жизнь не удалось. Обвиняя Б. Нетаньяху в «краже власти», Ц. Ливни настаивала на том, что согласится войти в правительство лишь на условиях полного паритета с «Ликудом» как по общему числу назначаемых министров, так и по своему статусу с Б. Нетаньяху, требуя ротацию с ним на посту премьер-министра (как это имело место между Ш. Пересом и И. Шамиром в 1984–1988 годах). Б. Нетаньяху, в свою очередь, был готов принять первое требование Ц. Ливни, но категорически отказывался согласиться на второе; попытки посредничества Х. Рамона и других политиков, выдвинувших идею ротации на неравный срок (Б. Нетаньяху предлагалось возглавлять правительство на протяжении 2/3 времени его работы, тогда как Ц. Ливни – 1/3), успеха не имели.

Вопреки надеждам руководителей партии «Кадима», считавших, что без них «Ликуд» не сможет сформировать правительство, в коалицию согласилась войти Партия Труда, получившая пять министерских портфелей, в том числе пост министра обороны для Эхуда Барака³⁶⁸. Пять постов в правительстве получила и партия «Наш дом – Израиль», в том числе пост министра иностранных дел для ее лидера Авигдора Либермана, с которым Биньямин Нетаньяху был очень хорошо знаком еще с конца 1980-х годов, накопив огромный опыт успешной совместной работы. «Кадима» же осталась в оппозиции, предвещая коалиции «лебедя, рака и щуки» скорый распад, а стране – досрочные выборы. Эти предсказания оказались фатально неверными: правительство проработало четырехлетний срок практически в одном и том же составе, тогда как сама партия «Кадима», напротив, распалась. Сегодня, когда партия «Кадима» ушла в политическое небытие, особенно важно внятно сформулировать, в чем состоит внешнеполитическая программа «Ликуда», и какое реально достижимое будущее его руководство считает желательным для Государства Израиль.

В первом квартале 2009 года власть сменилась не только в Израиле, но и в США: после восьми лет правления президента-республиканца Дж. Буша-мл.

---

³⁶⁸ О своей работе на посту министра обороны в правительствах Э. Ольмерта и Б. Нетаньяху Э. Барак рассказал в своей недавно изданной книге; см.: Ehud Barak, *My Country, My Life: Fighting for Israel, Searching for Peace*, pp. 403–439.

кандидат этой партии сенатор Джон Маккейн (1936–2018) проиграл выборы выдвинутому Демократической партией сенатору Баракку Обаме, вследствие чего полностью сменился состав руководителей исполнительной власти страны. Во многом под давлением нового президента США Б. Обамы, 21 июня 2009 года Б. Нетаньяху выступил в Университете Бар-Илан с новым видением будущего урегулирования, в рамках которого выразил согласие на создание Палестинского государства в случае признания палестинскими руководителями Государства Израиль как национального дома еврейского народа и получения международных гарантий безопасности Израиля.

Отношения между Б. Нетаньяху и Б. Обамой не сложились с самого начала и лишь ухудшались со временем, а все усилия новоназначенного посла Израиля в США Майкла Орена (позднее, в 2015 году, он стал депутатом Кнессета) по налаживанию конструктивного взаимодействия между руководителями двух стран оказались малорезультативными. Убежденный в том, что создание Израилем еврейских поселений в Иудее и Самарии (а не, например, неготовность палестинского руководства признать Израиль в качестве государства еврейского народа в каких бы то ни было согласованных границах) является главным фактором, препятствующим заключению мирного соглашения с Палестинской администрацией, Б. Обама требовал полного замораживания поселенческой деятельности. Подчеркнем этот момент: с самого начала своего существования администрация Барака Обамы требовала от Израиля

замораживания *всей* поселенческой деятельности на территориях, до 1967 года принадлежавших Иордании, включая Восточный Иерусалим. Это замораживание строительства, с точки зрения американцев, должно было стать тотальным, исключая возможность возведения нового жилья даже для тех, кто уже жил в этих поселениях; не допускалось и строительство общественных зданий, в том числе школ и больниц. Повторим, что эти требования выдвигались и в отношении большей части территории столицы Государства Израиль³⁶⁹.

Б. Нетаньяху именно эти американские требования отверг категорически, заявив, что «Иерусалим не является поселением, Иерусалим – наша столица». Буквально накануне визита в Израиль вице-президента США Джозефа Байдена в марте 2010 года окружная комиссия по планированию и строительству при Министерстве внутренних дел Израиля утвердила проект возведения 1.600 новых единиц жилья в районе Рамат-Шломо в Восточном Иерусалиме (этот район располагается за пределами «зеленой черты», между еврейским кварталом Рамот и арабским кварталом Шуафат). Вице-президент США и сотрудники его аппарата не скрывали своего возмущения этим шагом; советник президента США по вопросам внешней политики Тони Блинкин, сам – еврей, отчим которого Шмуэль Писар (1929–2015) чудом выжил, пройдя ад нацистских лагерей смерти, обратился к послу Израиля в США Майклу Орену с вопросом, который сам

---

³⁶⁹ Michael B. Oren, *Ally* (New York: Random House, 2015), p. 76.

он, видимо, считал риторическим: «Как вы можете так поступать по отношению к лучшему другу Израиля?»³⁷⁰ Однако, дело как раз и состояло в том, что американская администрация отнюдь не относилась к Израилю и его правительству как к лучшему другу, и Биньямин Нетаньяху сделал из этого адекватные выводы.

Ариэль Шарон и его ближайшие соратники утверждали, что письмо, переданное президентом Джорджем Бушем-мл. премьер-министру Израиля 14 апреля 2004 года, включало в себя обязательство признать сложившуюся реальность невозможности возвращения к пограничным линиям, существовавшим в 1949–1967 годах, однако, к удивлению посла Израиля в США, Государственный департамент известил его, что это письмо «не стало частью официальной позиции Соединенных Штатов»³⁷¹. Барак Обама и назначенная им госсекретарем Хиллари Клинтон пошли на беспрецедентный для серьезной демократической страны шаг, дезавуировав обязательства, которые были взяты прошлым президентом этой страны, и это несмотря на то, что декларация Дж. Буша-мл. была одобрена обеими палатами Конгресса при поддержке, в частности, самой Хиллари Клинтон, бывшей тогда сенатором³⁷². В этом письме признавалось, что крупные поселенческие блоки в будущем станут частью территории Израиля – а коли так, то чем и кому могло мешать строительство новых домов в

---

³⁷⁰ Michael B. Oren, *Ally* (New-York: Random House, 2015), p. 175.

³⁷¹ Там же, p. 80.

³⁷² Там же.

них?! С самого начала новая администрация взяла курс на противостояние Израилю; если, как считали многие, Билл Клинтон, будучи президентом, едва не задушил Израиль в своих дружеских объятиях, то его супруга на посту госсекретаря, совместно с президентом Б. Обамой, с трудом скрывали за дежурными улыбками откровенно враждебное отношение к законно избранному главе израильского правительства.

Под давлением американцев Б. Нетаньяху был вынужден согласиться на замораживание любого нового строительства в еврейских поселениях Иудеи, Самарии и Иорданской долины (но не в Восточном Иерусалиме) с 26 ноября 2009 года на срок в десять месяцев, однако, несмотря на сильнейший нажим Вашингтона, отказался продлить мораторий на строительство после окончания этого срока 26 сентября 2010 года. Никакого продвижения к миру между Израилем и Палестинской администрацией за это время, естественно, не произошло. Давление на Израиль по этому вопросу оставалось достаточно сильным и в последующие годы. 23 декабря 2016 года Советом Безопасности ООН была принята резолюция №2334, требовавшая от Израиля прекратить строительство поселений на территории Западного берега реки Иордан, оказавшейся под израильским контролем в 1967 году в результате Шестидневной войны, «включая аннексированный Израилем Восточный Иерусалим», однако никаких практических последствий она не имела.

Крайне неудачный опыт переговоров, которые вели Э. Барак с Я. Арафатом и Э. Ольмерт с М. Аббасом, был

очень значимым фактором, не позволявшим израильским руководителям всерьез рассчитывать на возможность дипломатического прорыва на палестинском направлении. Новоизбранный президент США же был склонен обвинять в стагнации переговорного процесса именно Израиль. В ходе его первого ближневосточного турне Барак Обама отказался от посещения Израиля, выступив с наиболее значимым докладом, в котором объявил об изменениях американской политики на Ближнем Востоке, 4 июня 2009 года в Каире. Кроме Египта, он побывал также в Турции, которую считал успешной моделью сочетания ислама и демократии, и в Саудовской Аравии; на посещение же Израиля он нашел время лишь во вторую свою президентскую каденцию, в 2013 году. Очевидно, что в Израиле это воспринималось с нескрываемой тревогой³⁷³. После выступления в Каире рейтинг популярности президента США Барака Обамы в израильском обществе достиг беспрецедентно низкого уровня – 4%³⁷⁴. Никогда в истории двусторонних отношений израильское общество не воспринимало политического лидера страны, претендующей на то, что является ближайшим союзником еврейского государства, настолько негативно. Нужно отметить, что военно-стратегическое сотрудничество Израиля и США и на протяжении обоих сроков правления Барака Обамы оставалось незыблемым, однако на политическом уровне новая администрация всячески дистанцировалась от

---

³⁷³ Моше (Бути) Яалон, *Длинный короткий путь*, стр. 284.

³⁷⁴ Michael B. Oren, *Ally*, p. 86.

Израиля; отношение же президента к самому Биньямину Нетаньяху родившийся и выросший в США израильский посол определил как враждебное³⁷⁵. Всё это, разумеется, не прошло незамеченным в столицах арабо-мусульманских государств³⁷⁶.

Тогдашние руководители двух стран были принципиально разными по своему жизненному опыту и мировоззрению людьми: Барак Обама был избран как политик, обещавший реализацию надежд и перемены, тогда как ключевыми понятиями предвыборных кампаний Биньямина Нетаньяху были стабильность и безопасность³⁷⁷. Б. Обама был государственным деятелем, возведшим принцип политической корректности в абсолют, тогда как Б. Нетаньяху, ни в коем случае не будучи расистом или ксенофобом, оставался все же от риторики и идеологии политической корректности весьма и весьма далеким; М. Орен даже считает, что он ненавидел политическую корректность как таковую³⁷⁸.

Для Барака Обамы, как и для Кондолизы Райс, огромное значение имел их собственный жизненный опыт как «людей второго сорта», которых не воспринимали как равных людям белого цвета кожи. Эхуд Ольмерт рассказал об одной из своих самых глубоко личных бесед с Кондолизой Райс, в ходе которой выразил понимание той ситуации, в которой она, афроамериканка, росла в штате

---

³⁷⁵ Там же, р. 144.

³⁷⁶ Там же, pp. 88–89.

³⁷⁷ Там же, р. 53.

³⁷⁸ Там же, р. 219.

Алабама, где в ее детские годы в общественном транспорте, ресторанах и многих других местах существовала расовая сегрегация; он попросил ее понять, что евреи, создавшие Государство Израиль, являются народом-жертвой в не меньшей мере, чем палестинские арабы, что уподобление ею евреев-израильтян белым расистам из южных штатов, а палестинцев – страдающему от дискриминации чернокожему населению, является, в целом, ошибочным³⁷⁹. Аналогичным образом, на формирование личности Барака Обамы большое влияние оказали детские годы в Кении, где колониальное наследие тогда еще было весьма сильным. Показательно, что в ходе своего выступления в Каире непосредственно перед тем, как он заговорил о палестинском народе и его будущем, Барак Обама напомнил, что «веками чернокожее население Америки страдало, когда во времена рабства его секли кнутом, а в годы расовой сегрегации подвергали всяческим унижениям»³⁸⁰. От палестинцев и их лидеров Барак Обама требовал лишь признать право Израиля на существование, тогда как список его требований к государству, которое палестинцы не были готовы признать еврейским, был весьма внушительным. Сага о возвращении изгнанного народа на свою землю два тысячелетия спустя, являющаяся краеугольным камнем израильского общественного сознания, оставляла Барака Обаму равнодушным³⁸¹.

---

³⁷⁹ Эхуд Ольмерт, *От первого лица*, стр. 814.

³⁸⁰ Цит. по: https://en.wikisource.org/wiki/A_New_Beginning

³⁸¹ Michael B. Oren, *Ally*, p. 98.

В Израиле обращали большое внимание на тот факт, что полное имя президента США – Барак Хуссейн Обама, отец которого – мусульманин из Кении, а отчим – мусульманин из Индонезии, в которой будущий президент жил и учился в возрасте с шести до десяти лет. По мнению многих, большое значение имел и жизненный опыт Валери Джарретт, родившейся и выросшей в Иране и свободно говорившей на персидском языке; по мнению израильского посла в США, она была «ближайшим советником президента»³⁸²; ее родители были американскими гражданами смешанного европейского и афроамериканского происхождения, а не мусульманами, но опыт жизни в мусульманской стране, где она провела все детство, несомненно, оказал значительное влияние на формирование ее личности.

Не следует забывать и о том, что Барак Обама вошел в Белый дом, имея за спиной поддержку Конгресса, обе палаты которого контролировались Демократической партией, к которой принадлежал и он сам, а также леволиберальных в своем большинстве средств массовой информации, что развязывало ему руки; Биньямин Нетаньяху, в свою очередь, вынужден был опираться на весьма пеструю парламентскую коалицию, сотканную из конфликтовавших между собой политических партий со своими партикулярными интересами, а также противостоять прессе, откровенно враждебной по отношению к нему (эта ситуация в некоторой мере изменилась лишь в последние годы).

---

³⁸² Там же, р. 127.

В 2011 году представители Палестинской администрации обратились к дипломатам разных стран с просьбой добиться принятия Организацией Объединенных Наций решения о признании независимости Государства Палестина безотносительно того, какую позицию занимает по этому вопросу правительство Израиля. С целью не допустить такое развитие событий 23 сентября 2011 года Б. Нетаньяху выступил с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, подчеркивая, что Палестинское государство может быть создано только в результате прямых двусторонних переговоров руководителей ПНА и Израиля. Решение, на которое надеялись палестинские лидеры, структурами ООН принято не было. При этом правительству Б. Нетаньяху не удалось торпедировать запрос о признании Палестины государством в статусе наблюдателя в ООН; решение об этом было принято 29 ноября 2012 года.

В связи с резким увеличением числа беженцев из различных государств Африки, нелегально переходивших египетско-израильскую границу, в январе 2010 года правительство Б. Нетаньяху приняло решение о создании разделительного забора на всем ее протяжении. Б. Нетаньяху указывал, что этот забор также сможет защитить Израиль от возможного проникновения террористов с территории Египта. Строительство забора пятиметровой высоты длиной 260 километров продолжалось более трех с половиной лет, и к декабрю 2013 года этот проект был полностью реализован.

Одним из важнейших решений, принятых Б. Нетаньяху в ходе его второй премьерской каденции, стало утверждение договоренности с организацией ХАМАС, достигнутой при посредничестве немецких представителей, об освобождении находившегося в плену более пяти с половиной лет капрала Гилада Шалита – при одновременном освобождении Израилем 1.027 палестинских заключенных, из которых 280 были приговорены к пожизненному заключению за террористическую деятельность, унесшую жизни многих невинных людей, как евреев, так и арабов. 18 октября 2011 года Г. Шалит вернулся в Израиль³⁸³. 14 ноября 2012 года Б. Нетаньяху, после многочисленных совещаний с руководством армии и спецслужб, принял решение о проведении «точечной ликвидации» командующего силами ХАМАСа Ахмеда Джабари, лично планировавшего операцию, в ходе которой был похищен Г. Шалит, и принимавшего ключевые решения, касавшиеся его судьбы, все время его нахождения в плену. В ответ на убийство А. Джабари боевики ХАМАСа обстреляли ракетами территорию Израиля, вследствие чего правительство приняло решение о начале масштабной антитеррористической операции «Огненный столп». Она продолжалась неделю, с 14 по 21 ноября 2012 года, в ней погибли шесть израильтян и около 170 палестинцев –

---

³⁸³ О спорах в израильском руководстве в отношении того, оправдано ли было заключение соглашения с ХАМАСом на таких условиях, см.: Моше (Буги) Яалон, *Длинный короткий путь*, стр. 262–268.

жителей сектора Газа. Установившееся после окончания этой операции спокойствие на границе Израиля с сектором Газа продержалось до начала августа 2014 года, хотя всё это время силы ХАМАСа занимались рытьем подземных туннелей под территорией Израиля для последующей организации масштабных терактов, что не было своевременно взято под контроль армией и спецслужбами Израиля.

С экономической точки зрения период работы второго правительства Нетаньяху был не слишком удачным: протесты, вызванные дороговизной жизни и недоступностью жилья, вывели на улицы летом 2011 года сотни тысяч израильтян, причем несмотря на повышение налогов, дефицит бюджета страны в 2012 году превысил десять миллиардов долларов. Однако финансово-экономическая стабильность, которую Государство Израиль демонстрировало, несмотря на все кризисы и войны, была оценена в мире, вследствие чего в 2010 году страна была принята в «элитный клуб» членом основанной в 1961 году Организации экономического сотрудничества и развития; до присоединения Израиля в нее входили только 32 наиболее развитых государства планеты. Б. Нетаньяху не без оснований воспринимал это во многом как свое личное достижение, ибо переговоры о возможности присоединения Израиля к ОЭСР были начаты в 2004 году в его бытность министром финансов.

Нельзя не упомянуть и о том, что израильские геологи нашли в территориальных водах страны четыре газовых месторождения, два из которых являются весьма

крупными. Начиная с 30 марта 2013 года, «Электрическая компания» Израиля получает собственный израильский природный газ, что значительно изменило общерегиональный расклад, обеспечив энергетическую независимость страны.

Как указывалось выше, партия «Кадима» изначально возникла не «снизу», а «сверху»: руководство у нее появилось еще до того, как партия обрела хоть какое-то число рядовых членов. На протяжении первых трех с половиной лет существования именно руководители партии «Кадима» Э. Ольмерт, Ц. Ливни, М. Шитрит, Ш. Мофаз, А. Дихтер и другие составляли костяк израильского правительства. Решение о неучастии в работе правительства Б. Нетаньяху и уходе в жесткую оппозицию к нему, принятое Ц. Ливни, противоречило желанию многих депутатов, а также активистов на местах, продолжавших занимать руководящие должности в органах муниципальной власти различных городов страны. Разочарование в связи с потерей ими руководящих позиций в органах исполнительной власти способствовало существенному ухудшению отношения ряда депутатов от партии «Кадима» к ее главе.

Наиболее последовательным выразителем этой позиции стал Ш. Мофаз, критиковавший Ц. Ливни при каждом удобном случае. В ходе внутрипартийных выборов в марте 2012 года ему удалось уверенно победить ее и занять пост председателя. Оказавшись во главе партии, Ш. Мофаз начал переговоры о вхождении в правительство Б. Нетаньяху, который, в свою очередь, был рад

расширению коалиционной базы возглавляемого им кабинета. Проблема, однако, состояла в том, что в правительстве не было ни одной вакантной должности, вследствие чего Б. Нетаньяху мог предложить Ш. Мофазу лишь квазипрестижный пост вице-премьера, принимающего участие в заседаниях правительства с правом решающего голоса, но не имеющего четко очерченного круга полномочий и обязанностей.

Согласие Ш. Мофазы войти в правительство на таких весьма унижительных для фракции из более чем двадцати депутатов условиях вызвало волну критики в его адрес, которая лишь усиливалась вследствие крайне непоследовательного курса нового главы партии «Кадима» по ряду ключевых вопросов тогдашней общественно-политической жизни страны; опросы свидетельствовали о драматичном снижении популярности партии. В этих условиях Ш. Мофаз объявил о выходе партии «Кадима» из правительства, начав массивную рекламную кампанию, в которой он представлял себя в качестве якобы наиболее реальной и осмысленной альтернативы Б. Нетаньяху на посту главы правительства. Эта кампания подверглась широкой общественной критике, как вследствие того, что на посту вице-премьера деятельность Ш. Мофазы не была отмечена никакими зримыми достижениями, так и потому, что, с идеологической точки зрения, различия взглядов Б. Нетаньяху и Ш. Мофазы представлялись крайне малозначительными. Все это привело к фактическому краху партии, получившей на выборах в Кнессет

девятнадцатого созыва в 2013 году лишь два парламентских мандата; новый список «Ха'тнуа» [«Движение»] во главе с Ц. Ливни, не признавшей поражение на праймериз и вышедшей из «Кадимы», получил шесть мандатов. Таким образом, обе партии, возглавлявшиеся двумя наиболее видными руководителями партии «Кадима», получили в 2013 году в сумме на двадцать мандатов меньше, чем за четыре года до этого. В 2015 году обе эти партии прекратили свое существование. Почти все голоса левоцентристки настроенных избирателей перетекли к новой партии «Есть будущее», созданной известным публицистом и тележурналистом Яиром Лапидом за считанные месяцы до выборов 2013 года.

Другим значительным изменением конфигурации израильской партийно-политической системы перед выборами 2013 года стало объединение партий «Ликуд» и «Наш дом – Израиль» в единый предвыборный блок. Б. Нетаньяху и А. Либерман надеялись, что возглавлявшийся ими объединенный список получит не менее сорока мандатов в Кнессете, однако действительность оказалась достаточно разочаровывающей для них: имея до объединения по отдельности в сумме 42 мандата, единый список получил лишь 31. Этого, однако, оказалось достаточно для того, чтобы сформировать самую крупную фракцию в Кнессете. Такие итоги выборов позволили Б. Нетаньяху сохранить пост главы правительства, а А. Либерману – пост министра иностранных дел. Министром обороны вместо

Э. Барака стал другой глава Генерального штаба в отставке Моше (Буги) Яалон. Ц. Ливни, категорически отказавшаяся в 2009 году войти в правительство Б. Нетаньяху в качестве министра иностранных дел, в этот раз, возглавляя фракцию из всего шести депутатов, согласилась удовлетвориться должностью министра юстиции.

Большим успехом выборы стали для пережившей процесс кардинального обновления Национальной религиозной партии, объединившейся с блоком «Национальное единство» и сменившей название на «Еврейский дом». Во главе с молодым харизматичным лидером Нафтали Беннетом партия получила двенадцать мандатов, а сам Н. Беннет – успешный предприниматель в сфере высоких технологий – занял пост министра промышленности и торговли. В четвертом правительстве, сформированном Биньямином Нетаньяху в 2015 году, он занял пост министра образования.

Вскоре после начала работы правительства Кнессетом был принят государственный бюджет на 2013–2014 годы, предусматривавший урезание ряда социальных расходов и повышение отдельных налогов с целью сокращения дефицита бюджета. При этом все последние десять лет в Израиле сохраняется крайне низкая инфляция, которая снизилась со среднегодового уровня 4.6% в 2008 году – к менее чем 2% в 2012–2013 годах и к практически нулевому уровню в 2014–2017 годах, что позволило Центробанку снизить учетную ставку до 0.1% – самый низкий показатель за всю историю страны. Уровень

безработицы снизился к лету 2017 года до 4.1% – также самого низкого показателя за всё время существования государства. С 2000 по 2017 годы экономика Израиля выросла на 62%, что почти вдвое больше роста экономики стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая за аналогичный период поднялась всего на 32%. С 2008 года – пика экономического кризиса – Израиль был на втором месте (из 34) по скорости и объему роста: его показатель достиг 35%, тогда как средний показатель стран ОЭСР составил всего 14%. Запасы иностранной валюты объемом более 100 миллиардов долларов выводят Израиль в элитарную группу стран с самыми большими резервами на душу населения. С другой стороны, продолжающийся непрерывно с 2006 года рост цен на жилье сделал свою квартиру недоступной мечтой для большинства молодых израильтян, что вызывает растущую социальную напряженность в обществе. Несмотря на повторяющиеся обещания главы правительства и министра финансов (этот пост в 2015 году занял Моше Кахлон) изменить ситуацию в этой сфере, неуклонный рост стоимости жилья в Израиле продолжается.

Одна из самых острых проблем Израиля – транспортная, проявляющаяся в чрезмерной загруженности автомобильных дорог. В Израиле активно развивается сеть железных дорог, новые вокзалы открылись в Иерусалиме, Ашдоде, Ашкелоне, Беэр-Шеве и других городах. 19 августа 2011 года первых пассажиров перевез Иерусалимский скоростной трамвай, с тех пор

функционирующий непрерывно. В 2015 году было начато строительство первой комбинированной линии метро и скоростного трамвая в Тель-Авиве. Глава правительства и министр транспорта (этот пост с 2013 года занимает Исраэль Кац) придают большое значение развитию железнодорожного транспорта в стране. Другая проблема, прежде считавшаяся очень значительной, – отсутствие достаточного количества пресной воды. Однако 16 апреля 2010 года в Хадере был открыт самый мощный в мире опреснитель морской воды. Работа в этом направлении продолжалась, постепенно превращая Израиль в мирового лидера в этой сфере, как и в сфере использования солнечной энергии для нагрева воды.

Работа правительства была, в целом, достаточно успешной, однако министр финансов Я. Лапид и министр юстиции Ц. Ливни вели интенсивные консультации о возможности совместного выхода из него и формирования другого кабинета, без участия «Ликуда» и «Еврейского дома», вместе с оставшимися в оппозиции Партией Труда и ортодоксальными религиозными партиями. Терпение Б. Нетаньяху по отношению к членам кабинета, предпринимавшим усилия с целью его развала изнутри, оказалось весьма ограниченным. Проявив политическую волю, в начале декабря 2014 года премьер-министр объявил об увольнении Я. Лапида и Ц. Ливни с занимаемых ими постов, вследствие чего возглавляемые ими партии (имели на двоих семь министерских портфелей) объявили о выходе из правительственной коалиции.

Электоральная кампания перед выборами в Кнессет двадцатого созыва, досрочно прошедшими в марте 2015 года, была исключительно острой даже по израильским стандартам. Оскорбленный увольнением, Я. Лапид объявил, что никогда больше не присоединится к правительству во главе с Б. Нетаньяху, вследствие чего, по соображениям электоральной арифметики, последний, якобы, больше не сможет оставаться главой правительства.

В отличие от выборов 2013 года, в этот раз «Ликуд» баллотировался отдельно от партии «Наш дом – Израиль». В преддверии выборов рассматривалась возможность объединения «Ликуда» и «Еврейского дома», однако этот план не был реализован, и каждая из этих трех партий «национального лагеря» принимала участие в выборах самостоятельно. Кроме них, отдельно баллотировался и правоцентристский список во главе с вышедшим из «Ликуда» бывшим министром связи Моше Кахлоном, получивший название «Кулану» [«Все мы»].

Предвыборная кампания запомнилась израильтянам беспрецедентно широким распространением грязных политических технологий, публиковавшейся и распространявшейся, как правило, анонимно, разнузданной критикой премьер-министра, достижения которого нивелировались, а неудачи, наоборот, получали гипертрофированное внимание. Против Б. Нетаньяху фактически агитировали в своих программах и журналисты десятого телевизионного канала, который сам глава правительства годами призывал закрыть в связи с

его стабильной нерентабельностью. Решение о его фактическом закрытии было, наконец, принято только 8 ноября 2018 года; с января 2019 года он должен быть объединен с тринадцатым каналом, принадлежащим компании «Решет».

Наиболее массовая газета страны, «Едиот ахронот» [«Последние известия»], в прежние годы стремившаяся к соблюдению политической нейтральности в освещении предвыборных баталий и широкому отражению различных политических взглядов, фактически объявила главе правительства личную вендетту с целью добиться его падения. Это в значительной мере было вызвано стремлением основного владельца издательского дома «Едиот ахронот» А. Мозеса добиться закрытия газеты «Израэль ха'йом» [«Израиль сегодня»], созданной сторонниками Б. Нетаньяху на средства американского миллиардера Шелдона Адельсона с целью изменения политической конфигурации в печатных СМИ. В разные годы в Израиле выходили многочисленные газеты, распространявшиеся бесплатно или за символическую плату, но ни одна из них не сумела войти в число наиболее массово читаемых изданий; напротив, «Израэль ха'йом», как свидетельствуют многие опросы, стала одной из двух наиболее читаемых газет страны, а возможно, и самой популярной в глазах читательской аудитории, что непосредственно угрожает статусу «Едиот ахронот» и объемам привлекаемых ею рекламных бюджетов.

Заслуживает упоминания и тот факт, что незадолго до выборов в Партии Труда был в очередной раз избран

новый председатель, которым стал Ицхак Герцог, сын шестого президента Израиля Хаима Герцога. Стремясь повторить успех Э. Барака на выборах 1999 года, когда Партия Труда была представлена избирателю под другим названием в качестве блока «Израэль эхат» [«Один Израиль»], И. Герцог подписал соглашение о создании объединенного блока с «Ха'тнуа» во главе с Ц. Ливни, который шел на выборы под новым брендом «Ха'махане ха'циони» [«Сионистский лагерь»]. Многочисленные опросы, ежедневно публиковавшиеся в прессе, свидетельствовали о том, что «Сионистский лагерь» якобы обходит «Ликуд».

Итоги выборов, однако, оказались ушатом холодной воды для всех, кто надеялся свалить премьер-министра. Даже в одиночестве «Ликуд» получил наибольшее количество голосов избирателей, что позволило ему сформировать крупнейшую парламентскую фракцию из тридцати депутатов, тогда как объединенный список «Сионистского лагеря» во главе с И. Герцогом и Ц. Ливни получил всего 24. В этих условиях избранный в 2014 году десятым президентом Государства Израиль Реувен Ривлин не имел практически никаких альтернатив в решении вопроса о том, кому должно быть поручено формирование нового правительства страны, которое было приведено к присяге 14 мая 2015 года. Б. Нетаньяху стал вторым, после Д. Бен-Гуриона, израильским национальным лидером, четырежды получившим мандат доверия от Кнессета в качестве главы кабинета министров.

Новое правительство Б. Нетаньяху в значительной мере отличалось от предшествующих как по своей коалиционной структуре, так и по своему персональному составу. Опытные государственные деятели, на протяжении многих лет руководившие работой ряда министерств, постепенно вышли в отставку и завершили политическую деятельность; сказанное касается не только входивших в число руководителей «Ликуда» Сильвана Шалома, Дана Меридора, Биньямина-Зеева Бегина, Михаэля Эйтана, Гидеона Эзры (1937–2012) и других, а также ушедших в партию «Кадима» Меира Шитрита, Рони Бар-Она и Шауля Мофаза, но и работавших в правительстве по квоте партии «Наш дом – Израиль» Узи Ландау, Яира Шамира (сына бывшего премьер-министра) и Давида Ахароновича.

Вместо них на ведущие посты выдвинулись более молодые политики: Ярив Левин (министр туризма), Мири Регев (министр культуры и спорта), Зеэв Элькин (в 2015–2016 гг. бывший министром абсорбции, а затем назначенный министром защиты природы – и одновременно с этим министром по делам Иерусалима и наследия), Офер Акунис (министр науки и технологий) и другие. Уроженец Харькова Зеэв (Владимир) Элькин, в прошлом бывший председателем парламентской коалиции и главой Комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне, воспринимается многими как наиболее перспективный человек из этой группы, однако его провал

на выборах мэра Иерусалима 30 октября 2018 года (выдвинув свою кандидатуру и получив поддержку главы правительства, он не сумел даже выйти во второй тур, заняв лишь третье место), скорее всего, окажет существенное негативное влияние на его статус в партии.

Принадлежащие к среднему поколению политики, впервые вошедшие в состав правительства в 2009 году (Исраэль Кац, Гидеон Саар, Юваль Штайниц, Гилад Ардан и Юлий Эдельштейн, в 2013 году ставший председателем Кнессета), сформировали костяк нового руководства «Ликуда»; каждый из них считает себя достойным возглавить партию после окончания «эпохи Нетаньяху». Отношения всех их с самим Биньямином Нетаньяху – очень уважительные, за исключением Гидеона Саара, который, с одной стороны, осознает высокую степень популярности премьер-министра в партии, но, с другой, выстраивает против него разветвленную сеть недружественных интриг. Еще одним политиком, которого нужно принимать в расчет, является Нир Баркат – успешный бизнесмен в области высоких технологий, дважды избранный мэром столицы Израиля – Иерусалима – и проработавший десять лет, с 2008 по 2018 годы, на этом посту.

Перейдя в 2015 году на пост министра образования, Нафтали Беннет упрочил свои позиции и как лидер остающейся преимущественно секторальной партии «Еврейским дом», и как государственный деятель общенационального масштаба. Согласно проводимым опросам общественного мнения, представляющая эту

партию министр юстиции А. Шакед является наиболее популярным членом правительства, несмотря на то, что отдельные ее инициативы подвергаются серьезной критике в профессиональных юридических кругах. Учитывая произошедший в партии ШАС перед выборами 2015 года раскол (бывший председатель партии Эли Ишай покинул ее и баллотировался в рамках отдельного списка, не сумевшего преодолеть электоральный барьер, поднятый перед выборами 2015 года до 3.25%), партия «Еврейский дом», согласно опросам, значительно увеличила свою популярность среди традиционалистски настроенных израильтян как ашкеназского, так и сефардского происхождения. В будущем не исключена вероятность объединения «Ликуда» и «Еврейского дома», что позволит Нафтали Беннету бороться за право быть лидером всего национал-либерального лагеря. Его статус серьезно поколебали политические зигзаги, совершенные им в ноябре 2018 года, после отставки Авиغدора Либермана с поста министра обороны: вначале Н. Беннет потребовал своего назначения на эту должность, угрожая в противном случае выходом из правительства и развалом коалиции, а затем безропотно принял отказ Б. Нетаньяху доверить ему это министерство, отказавшись от всех своих требований, которые еще накануне объявлялись «не подлежащими обсуждению».

Партия «Наш дом – Израиль» была серьезно ослаблена начатым незадолго до выборов 2015 года масштабным полицейским расследованием, фигурантами которого стала большая группа ее руководителей и

активистов, в том числе бывший министр туризма Стас Мисежников (20 ноября 2017 года он был признан виновным в обмане общественного доверия и приговорен к году и трем месяцам тюремного заключения) и бывшая генеральный секретарь партии и заместитель министра внутренних дел Фаина Киршенбаум. Сократившись до шести (а в 2016 году, вследствие ухода из партии дочери бывшего министра иностранных дел Давида Леви Орли Леви-Абуксис, и до пяти) мандатов, партия не вошла в правительство сразу после парламентских выборов, но присоединилась к нему спустя год, когда Б. Нетаньяху согласился назначить Авигдора Либермана на пост министра обороны.

Глава военного ведомства в 2013–2016 годах Моше (Буги) Яалон отказался от сделанного ему предложения перейти в Министерство иностранных дел, к огорчению многих, объявив об уходе из правительства и из Кнессета. Поскольку никакой «своей» фракции у Моше (Буги) Яалона не было, его уход практически никак не отразился на соотношении сил в партийно-политической системе страны, однако сам он не скрывает своих амбиций, планируя в самом скором будущем побороться за высший пост в структуре исполнительной власти страны. Как показывает опыт других отставных военных, пытавшихся пройти аналогичный путь (в частности, Ариэля Шарона, Эзера Вейцмана, Ицхака Мордехая, Амнона Липкина-Шахака, Узи Даяна и других), вне рамок «Ликуда» или Партии Труда их шансы на успех минимальны. С другой стороны, несмотря на все его очевидные достоинства и

громадный военно-политический опыт, очень трудно представить себе триумфальное возвращение Моше (Буги) Яалона в сегодняшний «Ликуд».

Моше (Буги) Яалон сам вырос в киббуце, где, понятно, доминировала социал-демократическая идеология: его родители были сторонниками Партии Труда и читателями выпускавшейся ею газеты «Слово», и сам он в течение многих лет поддерживал эту партию, однако, начиная с 1996 года, голосовал за «Ликуд», считая, что «процесс Осло» представляет собой «иллюзии, основанные на самообмане»; по его словам, «не я покинул Партию Труда, а Партия Труда покинула меня»³⁸⁴. Так, понятно, чувствовал себя отнюдь не только Моше Яалон, и если бы не такие люди, не бывшие идейными наследниками Жаботинского и Бегина, то «Ликуд» не сумел бы стать правящей партией. Однако происходившие – и продолжающие происходить – в «Ликуде» процессы вызывают у многих из этих людей категорическое неприятие. Моше (Буги) Яалон напомнил в своей книге состав президиума правительства Израиля, сформированного после выборов 2009 года, в котором было семь человек, четверо из которых представляли «Ликуд»: он сам, Биньямин Нетаньяху, Бени Бегин и Дан Меридор³⁸⁵. Однако спустя четыре года, в ходе внутрипартийных выборов в январе 2013-го, и Дан Меридор, и Бени Бегин оказались в нижней части партийного списка, что не позволяло им надеяться на

---

³⁸⁴ Моше (Буги) Яалон, *Длинный короткий путь*, стр. 229–230.

³⁸⁵ Там же, стр. 231.

переизбрание в Кнессет и, как следствие, на получение постов в правительстве, членами которого они, в самом деле, быть перестали; тогда же не был переизбран и Михаэль Эйтан, пользовавшийся уважением как опытный парламентарий, не замешанный ни в каких коррупционных скандалах³⁸⁶. «Ликуд» стремительно менялся, и ведущие роли в партии стали играть люди, отдельные из которых не отличались ни интеллектом, ни широтой кругозора, ни честностью, ни политической чистоплотностью; Моше (Бути) Яалон отмечал, что на первые роли вышли крикуны и скандалисты³⁸⁷.

Нынешний «Ликуд», конечно, ни в коем случае нельзя назвать «партией жуликов и воров», но слишком многие жулики и воры чувствуют себя в этой партии вольготно и привольно – при или неспособности, или нежелании Биньямина Нетаньяху как-то искать решение этой проблемы. Тяжелые уголовные преступления, за которые были осуждены бывший президент Израиля Моше Кацав, бывший министр финансов Авраам Хиршзон и в которых подозревается бывший председатель фракции «Ликуда» в Кнессете и глава парламентской коалиции Давид Битон (а все они сделали свои политические карьеры именно в «Ликуде») не могут быть ни проигнорированы, ни затушеваны разговорами о «двуличной левой прессе»; даже если пресса, в самом деле, нередко и «левая», и «двуличная», уголовные преступления этими людьми были совершены именно в то

---

³⁸⁶ Там же, стр. 234.

³⁸⁷ Там же.

время, когда они занимали высокие государственные и общественные должности, будучи выдвинутыми на них партией «Ликуд». Многочисленные коррупционные скандалы с участием первых лиц и их приближенных, немыслимые в Партии Свободы при кристально честных Жаботинском и Бегине, так и не стали предметом внутрипартийной рефлексии и глубокого анализа, вследствие чего на значимые посты по-прежнему нередко выдвигаются люди, чье интеллектуальное и моральное несоответствие этим постам представляется очевидным.

4. Израиль – региональная держава

Несмотря на подстрекательские действия и разнузданную антиизраильскую пропаганду активистов т.н. организации BDS, выступающей за бойкот еврейского государства, внешнеполитическое положение Израиля в последние годы серьезно укрепилось. В апреле 2005 года состоялся первый в истории визит в Израиль действующего главы российского государства – президента В.В. Путина; в июне 2012 года он побывал в Израиле во второй раз. В марте 2013 года в Израиле побывал президент США Барак Обама, а в мае 2017 года – сменивший его на этом посту Дональд Трамп. С официальными визитами в Израиле побывали руководители крупнейших государств мира, в т.ч. президенты Франции Николя Саркози (в июне 2008 года) и Франсуа Олланд (в ноябре 2013 года), Германии Хорст Кёлер (в феврале 2005 года) и Кристиан Вульф (в ноябре

2010 года), Чехии Милош Земан (в октябре 2013 года) и Польши Анджей Дуда (в январе 2017 года), канцлер Германии Ангела Меркель (в марте 2008, в январе 2011, феврале 2014 и в октябре 2018 годов), премьер-министры Канады Стивен Харпер (в январе 2014 года), Великобритании Дэвид Кэмерон (в марте 2014 года), Японии Синдзо Абэ (в январе 2015 и в мае 2018 годов), Индии Нарендра Моди (в июле 2017 года), Австралии Малькольм Тернбулл (в октябре 2017 года) и многие другие. Глава правительства Израиля Биньямин Нетаньяху, в свою очередь, побывал с официальными визитами во многих десятках стран на всех континентах.

Необходимо при этом осознавать, что в последние годы во внешней политике Израиля произошли драматичные изменения.

Во-первых, существенно ухудшились отношения между Израилем и Турцией. В ночь с 30 на 31 мая 2010 года закончилась трагедией операция сил военно-морского флота Израиля, которым не удалось мирно остановить эскадру из шести кораблей, шедшую из Турции с целью прорвать морскую блокаду сектора Газа – пассажирами корабля «Мави Мармара» было оказано сопротивление, и в результате последующих событий девять из них погибли, несколько десятков получили ранения. Инициированная Р.Т. Эрдоганом провокация имела трагические последствия... 22 марта 2013 года в ходе визита в Израиль президента США Б. Обамы, под его сильным давлением, Б. Нетаньяху позвонил премьер-министру Турции Р.Т. Эрдогану и принес извинения за

гибель турецких граждан. Несмотря на то, что последствия этого инцидента формально были урегулированы, по сути, израильско-турецкие отношения в настоящее время очень далеки от военно-политического сотрудничества 1990-х годов. Ставший президентом Турции Р.Т. Эрдоган, несмотря на существование дипломатических отношений между его страной и Израилем, регулярно выступает с беспрецедентно резкими антиизраильскими заявлениями. Чтобы минимизировать последствия ухудшения отношений с Турцией, Б. Нетаньяху инициировал создание тройственного блока в составе Израиля, Греции и Кипра; руководители этих стран провели в 2016–2017 годах три встречи на высшем уровне в Никосии, Салониках и Иерусалиме.

Во-вторых, начавшиеся в конце 2010 года в Тунисе, Египте и других странах массовые волнения и демонстрации протеста, получившие неуместное название «Арабской весны», привели к драматичным переменам в регионе Ближнего и Среднего Востока в целом, а также в двух из четырех граничащих с Израилем стран, в частности. Падение в начале 2011 года режима Хосни Мубарака, тридцать лет стоявшего во главе Египта, и приход к власти в 2012 году представителя движения «Братья-мусульмане» Мухаммеда Мурси отчетливо продемонстрировали хрупкость сложившегося между Израилем и Египтом статус-кво; хотя формально новые египетские власти не разорвали мирный договор с Израилем, они фактически свели на нет все экономические и культурные связи между своей страной и

еврейским государством, а неоднократные подрывы газопровода из Египта в Израиль поставили под угрозу энергетическую безопасность еврейского государства. Одновременно с этим, новые египетские власти оказывали активную разностороннюю поддержку действовавшему в секторе Газа исламистскому движению ХАМАС, что несло в себе очевидную угрозу безопасности Израиля.

Фактически совершенный министром обороны Египта А.Ф. ас-Сиси 3 июля 2013 года государственный переворот, в ходе которого законно избранный президент М. Мурси был отстранен от власти и арестован (он остается в тюрьме и поныне), привел к формированию в Египте куда менее враждебного Израилю режима, однако со всей отчетливостью продемонстрировал, что результатом «Арабской весны» в крупнейшей стране арабского мира стало усиление не либерально-демократических, а исламистских, а затем авторитарных тенденций. С новым египетским режимом израильское руководство выстроило конструктивную систему достаточно доверительных отношений, что, учитывая существенное сближение Египта с Саудовской Аравией, стало одним из важных факторов выстраивания двусторонних связей, несмотря на формальное отсутствие дипломатических отношений, между руководителями Израиля и Саудовской Аравии. Эти связи существенно окрепли после прихода к власти в январе 2017 года нового президента США Дональда Трампа, сделавшего ставку на одновременное укрепление отношений и с Израилем, и с Саудовской Аравией, как ключевыми игроками,

максимально обеспокоенными усилением позиций на Ближнем и Среднем Востоке Исламской республики Иран.

Наиболее трагический оборот события «Арабской весны» приняли в Сирии, где в 2011 году началась гражданская война. Начиная с 2013 года, значительная часть территории этой страны находилась под контролем непризнанного Исламского государства, в июне 2014 года провозгласившего сирийский город Ракка своей столицей. Ввиду отсутствия дипломатических отношений, торгово-экономических и культурных связей между Израилем и Сирией, гражданская война в этой стране напрямую не затронула еврейское государство, однако косвенное влияние этих событий было и остается очень значительным, в особенности в связи с военной операцией, которую проводит там российская армия. Силы израильской армии нанесли более сотни авиаударов по целям в Сирии, стараясь, с одной стороны, не вмешиваться в идущую в этой стране гражданскую войну, а с другой – предотвратить обретение «Хизбаллой», не признающей само право Израиля на существование, современного оружия.

В-третьих, уже много лет не находит урегулирования проблема отношений между Израилем и Ираном, руководители которого регулярно угрожают стереть еврейское государство с лица земли. 5 марта 2014 года Израиль перехватил в Красном море судно с оружием, направленным из Ирана для исламистских незаконных вооруженных формирований в секторе Газа. 27 сентября 2012 года Б. Нетаньяху выступил с трибуны Генеральной

Ассамблеи ООН, полностью посвятив свою речь важности недопущения обретения Ираном возможности создания ядерного оружия. Этой же проблеме было посвящено выступление Б. Нетаньяху на совместном заседании обеих палат Конгресса США 3 марта 2015 года. Администрация Б. Обамы пыталась сорвать это выступление, требуя от главы правительства Израиля отказаться от полученного от спикера Палаты представителей приглашения, но это давление оказалось контрпродуктивным. Это была третья – и наиболее триумфальная – речь Б. Нетаньяху в Конгрессе США, она неоднократно прерывалась бурными аплодисментами. Аргументы Б. Нетаньяху и переданные им материалы сыграли решающую роль в обнародованном в мае 2018 года решении президента США Дональда Трампа о выходе из соглашения, заключенного группой стран – постоянных членов Совета Безопасности ООН и Германией с Ираном 14 июля 2015 года и о возвращении (и даже усилении с 5 ноября 2018 года) режима санкций против этой страны.

В-четвертых, хотя в целом ситуация в сфере безопасности в Израиле значительно улучшилась, особенно по сравнению со временем начала второй интифады (2000–2001 гг.), акты террора и насилия, инициируемые палестинскими националистическими и исламистскими организациями, не прекращаются. 31 августа 2010 года был обстрелян автомобиль, следовавший из Кирьят-Арбы; четыре человека были убиты. 12 марта 2011 года пять человек, среди которых трое детей, были зарезаны в ходе теракта в поселении Итамар. 18 августа

2011 года произошло три террористических акта, в т.ч. нападение на рейсовый автобус неподалеку от израильско-египетской границы; восемь человек погибли. 18 ноября 2014 года вооруженные пистолетами, топорами и ножами террористы напали на молящихся в одной из синагог Иерусалима и убили пятерых человек (еще один скончался позднее от полученных ран). Серия нападений прокатилась по разным городам Израиля в октябре – ноябре 2015 года. 8 июня 2016 года два двоюродных брата-араба из Ятты открыли стрельбу по посетителям одного из тель-авивских ресторанов; четыре человека были убиты, еще шестнадцать ранены. 8 января 2017 года араб совершил теракт в иерусалимском районе Армон ха'нацив, сознательно направив грузовик, за рулем которого он находился, на тротуар, сбивая людей на автобусной остановке; четыре человека погибли, пятнадцать были ранены...

Израиль инициировал несколько масштабных военных операций, имевших своей целью сократить угрозы безопасности, исходящие из сектора Газа. Одна из них началась 9 марта 2012 года, когда военно-воздушные силы точечным ударом ликвидировали генерального секретаря военизированной палестинской организации «Комитеты народного сопротивления» Зухейра аль-Кейси; в ответ палестинские боевики выпустили по территории Израиля более двухсот ракет (которые, к счастью, не привели к человеческим жертвам), а Израиль, в свою очередь, на протяжении недели атаковал военные объекты в секторе Газа. 14 ноября того же года аналогично был

убит начальник штаба «Бригад Изз-ад-Дин аль-Касам» ХАМАСа Ахмад Джабари; в ответ на ракетные обстрелы израильской территории после этого была начата антитеррористическая операция «Облачный столп», также продлившаяся неделю.

12 июня 2014 года на одном из перекрестков в Иудее неподалеку от Хеврона были похищены трое израильских подростков. В армии и спецслужбах исходили из предположения, что юноши были захвачены палестинскими террористами для последующего шантажа Израиля с требованием освобождения из тюрем боевиков ХАМАСа, однако в результате длительной поисковой операции 30 июня того же года были найдены тела 16-летнего Гилада Шаера, 16-летнего Нафтали Френкеля и 19-летнего Эяля Ифраха; было установлено, что они были убиты спустя считанные минуты после похищения. 7 июля Израилем была начата самая масштабная из антитеррористических операций, проводившихся против ХАМАСа в секторе Газа и на Западном берегу; она получила название «Нерушимая скала» и продлилась до 26 августа того же года; для ее проведения были мобилизованы более 82 тысяч резервистов. За это время в сторону израильских населенных пунктов из сектора Газа были выпущены более четырех с половиной тысяч ракет и минометных снарядов; за время операции погибли 69 израильтян и один гражданин Таиланда. Среди жителей Газы число погибших превысило две тысячи, ранены были более десяти тысяч человек; четверть миллиона людей потеряли жилье, так как их дома были разрушены.

Израильская армия атаковала свыше пяти тысяч целей в секторе Газа; были уничтожены тысячи ракет, множество ракетных шахт и пусковых установок, разрушены более тридцати туннелей, прорытых для создания возможности проникновения боевиков на территорию Израиля. Однако добиться отстранения ХАМАСа от власти и его разгрома не удалось. Противостояние Израиля с исламистами продолжается, отвлекая от мирного строительства значительные людские и материальные ресурсы.

Наряду с отмеченными выше негативными факторами, ряд внешнеполитических векторов имел безусловно позитивное направление для Израиля.

Во-первых, существенно улучшились отношения Израиля со странами Восточной Европы, в особенности входящими в состав так называемой «Вышеградской четверки»: Польшей, Чехией, Словакией и Венгрией. Эти государства находятся в оппозиции к курсу институтов Евросоюза в отношении расселения мигрантов из стран арабо-мусульманского мира и Африки, отстаивая свое право на сохранение собственного национально-культурного и религиозного характера. Этот подход сближает эти страны с Израилем; особенно доверительные отношения связывают израильских руководителей с президентом Чехии Милошем Земаном.

Во-вторых, существенно улучшились отношения Израиля со странами Юго-Восточной и Южной Азии, которым Б. Нетаньяху придает особое значение: в мае 2014 года он совершил государственный визит в Японию, а в марте 2017 года – в Китай. В ходе этих визитов были

подписаны десятки соглашений в сфере экономического и культурного сотрудничества. С главой правительства Индии Нарендрой Модии, совершившим первый в истории государственный визит руководителя этой страны в Израиль, Биньямин Нетаньяху установил глубокие личные отношения взаимного уважения и симпатии. В значительной степени благодаря этому концерном «Авиационная промышленность» в апреле 2017 года была подписана самая масштабная сделка в его истории на общую сумму более полутора миллиардов долларов, предусматривающая поставку Индии современных систем противовоздушной обороны; в октябре 2018 года между сторонами было заключено еще одно соглашение.

В-третьих, существенно укрепились отношения Израиля с государствами Центральной Африки, которые на протяжении многих лет были скорее враждебными по отношению к еврейскому государству. В июне 2017 года Б. Нетаньяху стал первым главой правительства Израиля, посетившим Уганду, Кению, Руанду, Эфиопию и Либерию. В этих странах выражают серьезную заинтересованность в различных израильских технологиях, как военных, так и гражданских, в особенности касающихся использования солнечной энергии, опреснения воды и транспортной и компьютерной безопасности – сфер, достижения в которых израильских специалистов хорошо известны.

В-четвертых, беспрецедентного уровня доверия достигли отношения с американской администрацией. Вспоминая о своей встрече с Биллом Клинтоном (и сопровождавшим его советником президента США по

национальной безопасности Сэнди Бергером), Эхуд Ольмерт пришел к выводу, что «он [Клинтон] просто ненавидит Нетаньяху»³⁸⁸; стоило ли удивляться, что в ходе предвыборной кампании 2016 года, когда за президентский пост боролась супруга Билла Клинтона Хиллари Биньямин Нетаньяху не стал сохранять нейтралитет?! Многие обвиняли его во вмешательстве в чужие внутренние дела, которое, якобы, будет дорого стоить Израилю, однако в реальности всё сложилось по-иному: Дональд Трамп не забыл открыто высказанную ему руководителем правительства Израиля поддержку тогда, когда его фиаско считалось едва ли не предрешенным. Между Биньямином Нетаньяху и новым президентом США сложились исключительно доверительные отношения, которые принесли Израилю беспрецедентные политико-дипломатические дивиденды. 6 декабря 2017 года Дональд Трамп объявил о признании Иерусалима столицей Израиля, поручив перенести в этот город посольство США. Хотя 21 декабря того же года Генеральная Ассамблея ООН приняла предложенную представителями Йемена и Турции резолюцию, объявляющую это решение «недействительным и не имеющим юридической силы», этот шаг новой американской администрации был самым ярким актом международной солидарности с еврейским государством за несколько десятилетий. В день семидесятилетия Государства Израиль, 14 мая 2018 года, в Иерусалиме было торжественно открыто посольство США. А 16 ноября 2018

---

³⁸⁸ Эхуд Ольмерт, *От первого лица*, стр. 603.

года постпред США при ООН Никки Хейли впервые проголосовала против резолюции, осуждающей оккупацию Израилем Голанских высот.

В-пятых, существенно улучшились отношения Израиля со странами Латинской Америки. Б. Нетаньяху стал первым главой правительства Израиля, совершившим государственные визиты в Аргентину и Колумбию. В состав израильской делегации входили многочисленные представители деловых кругов, представлявшие местным государственным деятелям и бизнесменам образцы разработанных в Израиле инновационных технологий. Избранный в октябре 2018 года президентом Бразилии Жаир Болсонару объявил о том, что планирует отказаться от пропалестинского курса своих «левых» предшественников и намерен перевести посольство своей страны в Израиле из Тель-Авива в Иерусалим.

В-шестых, во второй половине первого десятилетия XXI века существенно улучшились отношения Израиля со странами постсоветского пространства. Это произошло вследствие нескольких взаимодополняющих факторов. Во-первых, усиление позиций выходцев из бывшего СССР во внутриполитической жизни Израиля привело к тому, что именно они стали оказывать едва ли не определяющую роль в выстраивании двусторонних отношений еврейского государства со странами, возникшими на постсоветском пространстве. Эта «дипломатия без переводчиков» оказалась весьма эффективной, приведя к прорыву в целом ряде сфер.

Во-вторых, ухудшение отношений правительства Израиля с американской администрацией в период правления Б. Обамы шло практически одновременно с ухудшением российско-американских отношений и крахом политики так называемой «перезагрузки». Кризисным для российско-американских отношений стал август 2008 года, когда российскими войсками от Грузии, позиционировавшей себя как стратегического союзника США, были отторгнуты Абхазия и Южная Осетия, которые после этого провозгласили независимость. Ухудшение отношений России со странами Запада проходило одновременно и в определенной мере вследствие изменений в восприятии Второй мировой войны и ее итогов; российские руководители считали, что страны Запада сознательно переписывают и даже фальсифицируют историю с целью принизить подвиг и решающую роль советского народа в разгроме нацизма и фашизма. В Израиле, напротив, в разных городах 9 мая каждого года стали регулярно проводиться парады ветеранов, а в Нетании 25 июня 2012 года в присутствии президентов Израиля и России Шимона Переса и Владимира Путина был открыт памятник бойцам Красной армии, победившим гитлеризм.

Ярким индикатором укрепления двусторонних отношений стала отмена в 2008 году визового режима для туристических поездок граждан обеих стран. Введение безвизового режима спустя менее чем семнадцать лет после восстановления дипломатических отношений между двумя странами, бывших разорванными на протяжении

почти четверти века, стало зримым свидетельством грандиозного сдвига в двусторонних отношениях, однако можно сказать, что за прошедшие с тех пор годы политические, экономические и культурные связи между Израилем и Россией еще более окрепли. В 2011 году безвизовый режим был введен Израилем и с Украиной, а в 2015 году – и с Белоруссией.

Отношения Израйля с государствами постсоветского пространства оказались перед сложным вызовом в 2014 году в связи с совершенным на Украине государственным переворотом, введением в Автономную республику Крым расширенного контингента российских войск и последующим вхождением ее в состав Российской Федерации. На всем протяжении российско-украинского конфликта Израиль занимал и занимает позицию равной удаленности от противоборствующих сторон. Так, когда 27 марта 2014 года на Генеральной Ассамблее ООН обсуждалась резолюция «Территориальная целостность Украины», дезавуирующая значение состоявшегося в Крыму референдума и последующих политических процессов на полуострове, израильский представитель не принял участия в голосовании по ней. Несмотря на сильное американское давление, Израиль не присоединился ни к каким санкциям, введенным с декларируемой целью побудить Россию гарантировать суверенитет Украины в Крыму и на Донбассе. Позиция правительства Б. Нетаньяху состоит в том, что данный конфликт не имеет отношения к Израилю, а еврейское государство не желает обострять отношения ни с властями

России, ни с властями Украины, в частности, чтобы не ставить под удар еврейские общины, существующие в обоих этих государствах. При этом в Израиле с растущим беспокойством следят за кампанией легитимизации нацистских коллаборационистов из Украинской повстанческой армии и Организации украинских националистов и их включением в «пантеон героев» современной Украины; о категорической неприемлемости подобного курса говорил в ходе своего визита в Киев в сентябре 2016 года президент Израиля Реувен Ривлин.

С течением времени Израиль прошел путь от ультимативной ориентации на Соединенные Штаты к многовекторной внешней политике, составной частью которой являются конструктивные добрососедские отношения со всеми ключевыми государствами постсоветского пространства. В этой связи особенную важность для обеспечения безопасности Израиля приобрели отношения с Азербайджаном – страной, большинство населения которой исповедует ислам, но совместно с которой Израиль реализует широкий спектр военно-политических мероприятий, имеющих своей целью блокировать устремления Исламской республики Иран к установлению своего господства на Среднем Востоке. Б. Нетаньяху дважды побывал в Азербайджане, в том числе в декабре 2016 года.

Вклад Израиля в международное сотрудничество проявляется и в той важной помощи, которую он оказал государствам, пострадавшим от природных катастроф. Когда в 2010 году на Гаити произошло разрушительное

землетрясение, в зону бедствия были направлены 220 израильских спасателей и медиков, а также 80 тонн гуманитарного груза: лекарства, оборудование для полевого госпиталя с современной аппаратурой, палатки, генераторы. Год спустя Израиль отправил команду спасателей и медиков в пострадавшую от цунами Японию. Израиль также направлял оборудование, лекарства и специалистов для спасения и помощи пострадавшим от стихийных бедствий в США, Мексике, Непале и Сьерра-Леоне.

В 2014 году Израиль впервые вошел в двадцатку ведущих стран мира по публикуемому ООН Индексу развития человеческого потенциала, и с тех пор остается в этой группе самых высокоразвитых государств планеты. В 2017 году американское издание *U.S. News & World Report* присвоило Израилю восьмую строчку в рейтинге самых могущественных держав в мире. По средней продолжительности жизни Израиль занимает пятое место в мире: 80,7 года для мужчин и 84,2 года для женщин. В 2014 году Израиль стал 21-м государством-членом Европейской организации ядерных исследований (CERN). Количество *high-tech* компаний, котирующихся на фондовой бирже NASDAQ, в Израиле выше, чем в любой другой стране мира, кроме США и Китая.

5. Определяя облик Государства Израиль

19 июля 2018 года в Израиле был принят тринадцатый закон, имеющий конституционный статус;

этот правовой акт получил название *Основной закон: Израиль – национальное государство еврейского народа*. За последние четверть века это всего второй принятый в стране Основной закон; ему предшествовал утвержденный в третьем чтении 12 марта 2014 года *Основной закон о референдуме*, согласно которому, в случае, если правительство принимает решение о передаче какой-либо части суверенной территории Государства Израиль под внешний контроль, не заручившись при этом поддержкой не менее восьмидесяти депутатов Кнессета, вопрос должен быть вынесен на всенародное голосование. Такой закон Биньямин Нетаньяху требовал принять накануне так называемого «размежевания», о чем уже говорилось выше, но тогда его усилия были торпедированы; спустя десять лет этот правовой акт не только был принят, но и был наделен конституционным статусом.

Изначально предполагалось, что именно так, поглавно, будет приниматься Конституция Государства Израиль, каждый из разделов которой будет представлять собой отдельный Основной закон, однако этот план сразу же столкнулся с трудностями. Первый Основной закон – о Кнессете – был принят незадолго до окончания работы его четвертого созыва, в 1958 году! Процесс конституционного законотворчества, изначально шедший медленно, в первой половине 1990-х годов застопорился вообще. После того, как в 1992 году был принят *Основной закон о свободе и достоинстве человека*, а в 1994 году – вторая редакция *Основного закона о свободе деятельности*, провозгласившая, что «основные права человека в

Израиле основываются на признании значимости человека, святости его жизни и присущей ему свободы, и соблюдаются в духе принципов Декларации независимости Израиля», Верховный суд постановил, будто в Израиле произошла «конституционная революция». Многие считали, что Верховный суд, именно тогда объявивший себя органом конституционного контроля и надзора, значительно превысил свои полномочия, приписав парламентариям намерения, которых у них и близко не было (именно такую позицию отстаивал, в частности, нынешний президент Израиля Реувен Ривлин, на протяжении двух каденций бывший председателем Кнессета). Это привело к продолжавшемуся двадцать лет конституционному «параличу», когда, опасаясь подвоха со стороны Верховного суда, депутаты от «правых» и религиозных партий отказывались участвовать в разработке каких-либо законов, имеющих конституционный статус.

Этот лед недоверия смог растопить только проект *Основного закона о референдуме*, внесенный с целью сделать фактически невозможной передачу под контроль Сирии Голанских высот, а под контроль Палестинской администрации, Иордании или какой-либо другой стороны – Восточного Иерусалима, включая его Старый город. Надеясь сорвать принятие этого Основного закона, оппозиция объявила, что вообще не примет участия в голосовании, однако этот демарш никаких практических последствий не имел: принятый 68 голосами «за» при отсутствии голосовавших «против» или воздержавшихся,

Основной закон о референдуме стал двенадцатым правовым актом, наделенным Кнессетом конституционным значением. За всю историю Израиля в стране никогда не проходили референдумы ни по какому вопросу, то есть в стране существовала и существует исключительно репрезентативная (представительная), а не прямая демократия. Принятый в 2014 году *Основной закон* не имел своей целью изменить это положение вещей, не предусматривая возможности проведения референдума ни по какому другому вопросу, кроме как по поводу передачи под внешний контроль каких бы то ни было территорий, являющихся, с точки зрения израильского права, частью территории страны.

Фактически, Закон этот принимался не для того, чтобы наделить население Израиля какими-либо новыми правами, а чтобы лишить правительство, опирающееся на минимальное большинство и действующее при поддержке арабских депутатов, возможности передать часть суверенной территории Израиля под внешний контроль. Обращала на себя внимание пятая статья *Основного закона о референдуме*, которая постулировала, что этот правовой акт может быть пересмотрен не иначе, как путем принятия другого основного закона большинством депутатов Кнессета. Кроме того, если все основные законы, принятые ранее, фиксировали уже существовавшее положение вещей, наделяя фактически сложившуюся реальность конституционным статусом, то *Основной закон о референдуме* стал первым подобным правовым актом очевидно политической направленности, принятым с

целью ограничить свободу маневра правительства в ходе действий, которые инициаторы этого правового акта считали бессмысленной «распродажей родины».

Принятый по инициативе министра туризма Ярива Левина и тогдашних депутатов Кнессета от Национальной религиозной партии «Еврейский дом» Орит Струк и нынешней министра юстиции Айелет Шакед (в принятии этого закона очень велика была и роль тогдашнего председателя парламентской коалиции Зеэва Элькина), *Основной закон о референдуме* стал фактически первым конституционно-правовым актом, который смогли «пробить» те, кто причисляют себя к национальному лагерю. При этом нужно отметить, что никакой дискриминации по национальному, религиозному или какому-либо другому признаку *Основной закон о референдуме* не предусматривал. Статья вторая этого Закона постулировала, что «право на участие в референдуме имеет тот, кто имел бы право на участие в выборах в Кнессет, если бы они проходили во время проведения референдума», то есть все граждане страны – евреи, арабы, друзы, бедуины, черкесы и представители других национальностей – обладают равными правами, а их голоса равнозначны при подсчете. Таким образом, данный национально-ориентированный закон не противоречил либерально-демократическим основам израильской государственности и зафиксированному еще в Декларации независимости принципу равенства людей разных вероисповеданий, полов и расовой принадлежности.

Все сказанное выше в полной мере применимо и к *Основному закону: Израиль – национальное государство еврейского народа*, принятому 19 июля 2018 года. Впервые его проект был внесен в Кнессет бывшим министром внутренней безопасности и служб тыла Ави Дихтером (при поддержке Зеэва Элькина) еще 3 августа 2011 года. Законопроект был тогда поддержан 37 членами Кнессета от самых разных партий, в том числе представителем Партии Труда Нахманом Шаем и депутатом Орли Леви-Абуксис от партии «Наш дом – Израиль», которая в ходе голосования по окончательному варианту законопроекта, несколько парадоксальным образом, оказалась одной из двух воздержавшихся. Этот факт можно объяснить лишь чисто конъюнктурными соображениями политика, недавно покинувшей партию правительственной коалиции и пытавшейся продемонстрировать свою самостоятельность. Законопроект довольно долго не выносился на обсуждение; в июне 2013 года аналогичный законопроект разработали и подали Ярив Левин и Айелет Шакед. В третьем правительстве под руководством Биньямина Нетаньяху, сформированном в 2013 году, посты министра юстиции и председателя межминистерской комиссии по законодательству достались Ципи Ливни, которая фактически торпедировала продвижение этого законопроекта. 23 ноября 2014 года межминистерская комиссия по законодательству большинством в пятнадцать голосов против шести (одной из голосовавших «против» была сама Ципи Ливни) поддержала комбинированную версию

законопроектов Дихтера – Элькина и Шакед – Левина. Несмотря на решение межминистерской комиссии, законопроект так и не был вынесен на голосование в Кнессете даже в первом чтении до роспуска девятнадцатого состава израильского парламента (решение о досрочном самороспуске Кнессет принял 8 декабря 2014 года).

Хотя уже 31 марта 2015 года, спустя две недели после проведения досрочных выборов, начал работу Кнессет двадцатого созыва, законопроект по-прежнему не подавался правительством на рассмотрение парламента. Отчаявшись добиться чего-либо конкретного от правительства, инициаторы законопроекта в конце концов внесли его в парламента от своего имени, что требовало прохождения предварительного чтения, от которого правительственные законопроекты освобождены. 10 мая 2017 года проект *Основного закона: Израиль – национальное государство еврейского народа* был принят Кнессетом в предварительном чтении 48 голосами «за» при 41 – «против».

Этот парламентарский расклад поставил правительство перед очевидной дилеммой: данный правовой акт касался судьбоносных основ израильской государственности, и было бы в высшей степени странным, если бы он был принят как частная законотворческая инициатива самоорганизовавшейся группы депутатов. 10 июля 2017 года Биньямин Нетаньяху принял решение о том, что будет создана специальная парламентарская комиссия во главе с депутатом Кнессета от блока «Ликуд» Амиром

Оханой для доработки и продвижения данного законопроекта. Процесс доработки весьма короткого законопроекта, общий объем которого не превышает двух страничек, едва ли должен был быть особенно трудным и длительным; речь, скорее, шла не о том, как доработать законопроект, сколько как «пробить» его, вопреки сопротивлению леворадикальных кругов и арабских депутатов.

На голосование в первом чтении Закон был вынесен в ночь с 30 апреля на 1 мая 2018 года и был принят с впечатляющим перевесом: 64 голоса «за» при 50 «против». Ави Дихтер, бывший инициатором законопроекта в его изначальной версии 2011 года, лично представлял его депутатам семь лет спустя. Вдохновленные успехом этого голосования, инициаторы данного Закона поставили своей целью добиться его принятия в окончательной редакции до конца той же сессии Кнессета, что им и удалось сделать уже 19 июля, пусть и при менее впечатляющей поддержке: 62 голоса «за», 55 – «против». Таким образом, будущая Конституция Израиля пополнилась хронологически тринадцатым, а по сути своей – первым законом, определяющим *raison d'être* самого существования государства.

Сравнение текстов оригинального законопроекта Дихтера – Элькина 2011 года и той версии, которая в итоге была принята, свидетельствует о довольно существенных изменениях, которые в этот правовой акт были внесены в ходе его доработки всевозможными комиссиями. Несмотря на лаконичность принятого в итоге текста

Закона, он содержит ряд принципиально новых для израильского конституционного права положений.

Во-первых, статья 1 Закона пополнилась новой частью, постулирующей, что «Эрец-Исраэль является исторической родиной еврейского народа, в которой возникло Государство Израиль». Само понятие Эрец-Исраэль [Земля Израиля] в конституционном праве никогда прежде не фигурировало.

Во-вторых, впервые в конституционном праве Израиля появилось положение, согласно которому «Государство Израиль будет усердно стараться обеспечивать благополучие сынов еврейского народа и его граждан, находящихся в беде или в неволе в связи с их еврейством или их гражданством». Это положение представляется чрезвычайно важным еще и потому, что оно сразу же не оставляет камня на камне от аргументов тех, кто утверждает, будто этот Закон является дискриминационным по отношению к нееврейским гражданам Израиля: напротив, он гарантирует попавшим в беду гражданам страны любого этнического происхождения равную и максимальную степень защиты со стороны государства и его институций (борьба за освобождение арестованного египтянами в 1997 году и освобожденного в 2004 году израильского друга Азама Азама – яркое свидетельство такого рода).

В-третьих, впервые в конституционном праве Израиля появилось положение о том, что государство видит себя обязанным обеспечивать благополучие всех подвергающихся опасности и притеснениям евреев, вне

зависимости от того, где они живут. Если так случится, что кто-то где бы то ни было решит пойти вслед за Богданом Хмельницким, Адольфом Гитлером и другими «спасателями» своих стран путем «бития жидов», то Государство Израиль внятно и конкретно продекларировало, что не останется в стороне и не будет молча взирать на происходящее. Таким образом, принятый Закон формирует совершенно новые рамки взаимоотношений между Израилем и еврейской диаспорой.

В-четвертых, статья 7 нового Основного закона впервые интегрирует тему развития еврейских поселений в корпус конституционного права: «Государство рассматривает развитие еврейских поселений как национальный интерес и предпримет шаги для того, чтобы его поощрять, продвигать и осуществлять». Вместе с тем, в Законе нет никаких историко-географических уточнений, касающихся развития еврейских поселений; в оригинальной версии закона на иврите используется слово *хитъяшвут*, а не *хитнахалут*, как традиционно обозначаются еврейские поселения на контролируемых территориях.

Израиль был создан решением Генеральной Ассамблеи ООН в 1947 году именно как еврейское государство, и этот непреложный факт и нашел свое отражение в принятом *Основном законе: Израиль – национальное государство еврейского народа*. Этот правовой акт акрепил статус иврита как официального языка Израиля, при этом все существующие права

арабоязычного населения сохранены в полном объеме, о чем свидетельствуют части (б) и (в) статьи 4, касающиеся статуса арабского языка.

Третья статья закона постулирует, что «целостный и объединенный Иерусалим» является столицей Государства Израиль. Это редчайший пример повторения одного Основного закона в другом, ибо дословно так же звучит первая статья *Основного закона: Иерусалим – столица Израиля*, принятого в 1980 году. Вероятнее всего, это самоцитирование израильским законодателем правового акта, принятого почти сорок лет назад, имеет своей целью дезавуировать все те инициативы по разделу Иерусалима, которые обсуждались в ходе переговоров с палестинцами (и американцами) уже в 2000-е годы. Этим Законом четко сказано о том, что может, а что не может и не должно быть предметом переговоров.

Комментируя принятие этого Основного закона, Биньямин Нетаньяху напомнил, что «Израиль предоставляет равные права всем гражданам вне зависимости от религии, расы, национальности или пола. Мы сильны не вопреки нашему разнообразию, мы сильны вследствие нашего разнообразия». Закон о еврейском характере государства «определяет право еврейского народа на самоопределение в Израиле», – справедливо указал Б. Нетаньяху, добавив, что все граждане страны «имеют право сохранять свою культуру, свое наследие, свой язык и свою идентичность». Б. Нетаньяху суммировал принятие Закона следующими словами: «Израиль – национальное государство еврейского народа,

соблюдающее личные права всех своих граждан, и на всем Ближнем Востоке только Израиль соблюдает эти права». Не будет преувеличением назвать новый Основной закон венцом всей законотворческой деятельности национально-либеральных сил Израиля за все почти семьдесят лет израильского парламентаризма.

ЭПИЛОГ

Парадокс непонимания. Современный либерализм и Государство Израиль

Во второй половине XX века судьба политического либерализма сложилась весьма парадоксальным образом. С одной стороны, принципы прав человека, верховенства закона и всеобщего гражданского равенства вне зависимости от пола, расы или имущественного положения были восприняты повсеместно. В настоящее время ни в Европе, ни в Америке (в том числе, Южной и Центральной) нет практически ни одной страны, в которой бы эти принципы на официальном уровне оспаривались. Важно, что это никак не зависит от формы правления в той или иной стране: основополагающие принципы политического либерализма равным образом считаются незыблемыми как в монархиях, так и в президентских и парламентских республиках. Едва ли можно найти какую-либо другую политическую идеологию, которую можно было бы считать настолько успешной в исторической перспективе: возникнув в эпоху Просвещения, прежде всего, во Франции и в Англии, она в полном смысле слова «завоевала» мир.

Однако всё сказанное выше представляет собой лишь одну сторону медали, и нужно отметить как минимум две существенные проблемы, не позволяющие сделать вывод о «конце истории» в связи с окончательной победой

либерализма даже в государствах, которые принято относить к так называемому «золотому миллиарду».

Во-первых, почти нигде в мире в наши дни у власти не находится партия или движение, которые называли бы себя либеральными. За поддержку граждан борются социалисты и националисты, христианские демократы и лейбористы, коммунисты и «евроскептики», консерваторы и «зеленые», условные «демократы» и не менее условные «республиканцы». На этом «рынке идеологий» либерализм, против которого, в общем-то, никто особенно не выступает, оказывается практически сиротой. Те партии, которые называют себя либеральными и либерально-демократическими (вынося в данном случае за скобки совершенно курьезный российский случай, где партия, называющая себя таковой, от этой идеологии бесконечно далека), получают весьма ограниченную поддержку со стороны избирателей и ни в одной из ведущих европейских стран не являются правящими.

Либеральная партия Великобритании, в прошлом давшая стране семь премьер-министров (последним из них был Дэвид Ллойд Джордж в 1916–1922 годах), растеряла все свое бывшее политическое влияние. Если на парламентских выборах 1865–1880 годов она четырежды получала большинство голосов избирателей, то в послевоенные годы ей ни разу не удалось получить и четверти, да и этот рубеж в последние годы выглядит для ее политических наследников – либеральных демократов – заоблачной и недостижимой мечтой: на выборах 2015 и 2017 годов они получили менее 8% голосов.

Национал-либеральная партия Германии, получившая более 30% голосов избирателей и сформировавшая крупнейшую депутатскую фракцию после первых выборов в Рейхстаг в 1871 году, последний раз выиграла выборы в 1887 году. Ее политическая наследница – Свободная демократическая партия (*Freie Demokratische Partei*) Германии, отстаивающая ценности классического либерализма, за всю послевоенную историю Германии не смогла подняться на выборах в рейхстаг выше третьего места, ни разу не получив поддержки и 15% избирателей (на выборах 2017 года – менее 11%).

В 1949 году первым президентом ФРГ был избран один из основателей и первый председатель этой партии – Теодор Хойс (1884–1963), однако впоследствии никто из партийных лидеров не поднимался выше поста министра иностранных дел.

Итальянская либеральная партия, распущенная в 1926 году фашистским режимом Бенито Муссолини, была воссоздана после его падения, после чего на протяжении пятидесяти послевоенных лет принимала участие во всех выборах в Палату депутатов и Сенат Италии, но ни разу не смогла добиться поддержки и 8% избирателей. Партия не пережила коррупционный скандал, потрясший итальянскую политику в начале 1990-х годов, и в феврале 1994 года на своем XXII съезде приняла решение о самоликвидации. Многочисленные попытки воссоздания этой партии, предпринятые в последние четверть века, успеха не имели.

Во Франции, во многом являющейся родиной самой идеологии либерализма, единственные партии, в названиях которых сохранился этот термин – «Либеральная альтернатива» (*Alternative Libérale*) и Партия либерал-демократов (*Parti libéral démocrate*) – вообще не представлены ни в Национальной ассамблее, ни в Сенате Франции. Очевидно, что либеральная идеология инкорпорирована в мировоззрение различных политических сил этой страны, однако везде она является вторичной по отношению к каким-то иным политическим или персоналистским соображениям.

В США в 1872 году была создана Либеральная республиканская партия (*Liberal Republican Party of the United States*), однако она была создана с одной конкретной целью – не допустить переизбрания Улисса Гранта (1822–1885) на пост президента США; когда же этой цели достичь не удалось, партия исчезла, не оставив после себя никакого следа. В 1971 году в США была основана Либертарианская партия, число членов которой достигло к середине 2010-х годов полумиллиона человек; на выборах 2016 года выдвинутый ею кандидатом на пост президента бывший губернатор штата Нью-Мексико Гэри Джонсон получил поддержку более чем четырех с половиной миллионов американцев, что стало самым лучшим показателем кандидатов-либертарианцев за всю историю американской политики. Однако совершенно очевидны различия между идеологиями либерализма и либертарианства; собственно же либеральной партии в США так и не возникло, хотя либеральные идеи были

инкорпорированы в программы как Республиканской, так и Демократической партий.

В США, как и во всех европейских странах, либерализм оказывается своего рода «довеском», «нагрузкой» к чему-то другому, а граждане в большинстве своем голосуют то за социалистов, то за лейбористов, то за христианских демократов, то за консерваторов, то за популистские движения «Вперед!» или «Пять звезд»... Из наиболее развитых государств мира, наибольшего успеха либеральные партии добились в Австралии, Канаде и Японии, где в настоящее время являются правящими; в большинстве же стран Европы ситуация, как было показано выше, совершенно иная. Израиль представляет собой исключение, ибо – и географически, и демографически – будучи куда ближе к европейским странам, чем к Канаде, Австралии или Японии, остается государством, где правящим является Национально-либеральное движение «Ликуд» [«Единство»], все четыре руководителя которого в разное время возглавляли правительство. Словосочетание «национально-либеральное» представляет собой не только сущностную характеристику, но и часть официального названия движения.

Во-вторых, сам либерализм изменился, причем весьма существенно. Изначально речь шла о политических и экономических правах индивида, ограничении возможностей власти вмешиваться в деятельность человека, в особенности, хотя и не только, в хозяйственной сфере. В момент его появления на интеллектуальной

авансцене истории, либерализм был, очевидно, наиболее ориентированной на правозащитную деятельность идеологией, защищавшей права каждого отдельного человека от насильственного вмешательства со стороны государственной власти, в особенности – монархической. Либерализм также постулировал, что государство должно как можно меньше вмешиваться в экономику, устанавливая минимум юридических барьеров и ограничений для хозяйственной деятельности и не вторгаясь в процессы, которые должны регулироваться свободным рынком.

С течением времени, однако, произошло внутреннее перерождение либерализма как такового, и, начиная с конца XIX века, эта идеология в ее классическом понимании стала вытесняться так называемым социальным либерализмом, ключевым положением которого стало (по форме своей крайне антилиберальное) положение о том, что государство должно использовать свои властные полномочия с целью утверждения принципов общественной справедливости. Концепция прав личности была существенно видоизменена, и к тем правам человека, обеспечение которых требует от государства невмешательства, были добавлены гражданские и социальные права, как раз предоставляемые и гарантируемые государством и обществом. Таким образом, в полную противоположность классическому либерализму, социальный либерализм поддерживает право государства на вмешательство в экономическую конкуренцию и на введение

прогрессивного налогообложения – во имя предоставления социальной защиты и денежной помощи наиболее нуждающимся в них гражданам и установления «более справедливой» финансово-хозяйственной системы.

Дальнейшее развитие социального либерализма включало в себя утверждение значимости *коллективных прав* людей на жизнь в мире, на доступ к природным ресурсам и культурным памятникам, на сохранение и развитие языка, культуры и науки, а также на национальное самоопределение. Все эти права не могут быть обретены личностью без участия общества и государства, а раз так, то оказывается, что либеральная идеология защиты прав индивида от вмешательства со стороны государства и общества превращается в свою противоположность: вмешательство государства и общества объявляется непреложным условием осуществления индивидом многих важнейших прав, которые ни один человек не может реализовать в одиночку. Таким образом, концепция так называемых «прав человека третьего поколения» (этот термин был введен в конце 1970-х годов) представляла собой движение в сторону в определенной мере развивавшую, но в немалой степени и противоречившую либерализму в его изначальном понимании.

Именно этим, как представляется, в значительной мере объясняется тот феномен, жертвой которого Государство Израиль является много лет. Совершенно очевидно, что даже при возможной критике в адрес Израиля, с какой угодно стороны, в регионе, где он

находится, нет ни одной страны, которая не то что могла бы быть названа более либеральной, чем он, но и которая в принципе могла бы быть проанализирована сквозь призму политического либерализма. Сложно найти две страны, политические элиты которых ненавидят друг друга больше, чем это имеет место быть в случае Ирана и Саудовской Аравии, однако нет никаких сомнений в том, что это два равно глубоко антилиберальных режима. За последние годы Египет пережил несколько государственных переворотов, в результате которых власть в стране несколько раз переходила из рук в руки, но ни о каком либерализме речь не могла идти ни на каком этапе этого процесса.

Единственной страной Ближнего Востока, где регулярно проходят конкурентные многопартийные выборы, где существуют независимые суды, где гражданам обеспечиваются права на свободу вероисповедания и свободу от вероисповедания, является Израиль. Из всех государств Ближнего Востока, только в этой стране власть всегда передавалась мирным путем тем, кто выиграл выборы, без единой попытки отмены итогов этих выборов или узурпации власти со стороны военных. Совершенно очевидно, просто посмотрев на карту Ближнего Востока, что либералам некого будет поддержать в регионе, кроме Государства Израиль. Либералы могут предъявить еврейскому государству различные претензии, но никакого другого государства и общества, где бы хоть как-то реализовывались принципы либеральной идеологии в любом ее толковании, на Ближнем Востоке просто нет.

Израиль является открытым миру, разным народам и культурам, плюралистичным, либеральным государством, которое отражает мультикультурный характер его многонационального, многоконфессионального и весьма различного по своим социально-демографическим характеристикам населения. Страна, окруженная радикальными исламскими организациями («Хизбаллой» с севера, ХАМАСом – с юга и ИГИЛом – с северо-востока), как в экономической, так и в общественно-политической сферах остается островом плюрализма и либерализма.

Правящее в Израиле движение «Ликуд» создано с целью реализации в строившем социализм еврейском обществе подмандатной Палестины/Эрец-Исраэль доктрины политического и экономического либерализма. Объединяя в своих рядах светских, традиционалистов и приверженцев ортодоксального иудаизма, эта партия демонстрирует торжество принципа религиозного плюрализма во всем его великолепии. Объединяя в своих рядах выходцев из многих стран диаспоры, где евреи жили на протяжении веков рассеяния, и давая возможность этим людям, независимо от их этнической принадлежности, сделать впечатляющую политическую карьеру, эта партия демонстрирует торжество либерального принципа равенства граждан независимо от их происхождения. Объединяя в своих рядах евреев и неевреев (а, например, министром связи в нынешнем правительстве Израиля, возглавляемом лидером «Ликуда» Биньямином Нетаньяху, является друг Аюб

Кара из города Дальят-аль-Кармель, именно от «Ликуда» пять раз избиравшийся членом парламента Израиля), эта партия показывает скептикам, что национально-либеральное движение не обязано быть заражено бактериями ксенофобии и расизма. Объединяя в своих рядах и отставных генералов, и людей, никогда не служивших в вооруженных силах, либо тех, чья служба ограничилась сроком, предусмотренным Законом об обязательной армейской службе, эта партия демонстрирует верховенство либеральной политической традиции над принципом милитаризма, что совершенно необходимо для поддержания устойчивого демократического режима.

Израиль стал к настоящему времени экономически успешной, открытой миру страной, признанной региональной военной и мировой научно-технологической державой, и это было достигнуто под руководством национально-либеральных сил; в конце концов, с 1977 года именно партия «Ликуд» большую часть времени находилась у власти. Из последних сорока с лишним лет какие-либо другие силы доминировали в израильской политике на протяжении всего тринадцати, то есть менее чем трети указанного периода. Остальные же годы были временем, когда (разумеется, с участием тех или иных коалиционных партнеров) страной руководило национально-либеральное движение «Ликуд» и его последовательно сменявшие друг друга лидеры: Менахем Бегин, Ицхак Шамир, Биньямин Нетаньяху, Ариэль Шарон – и вновь Биньямин Нетаньяху, к настоящему

времени уступающий по общему сроку своего пребывания во главе правительства Израиля лишь Давиду Бен-Гуриону.

Несколько парадоксальным образом, несмотря на всё вышеизложенное, отношение либеральных кругов в большинстве стран современного мира к Израилю является весьма и весьма критическим. Причиной этого феномена представляется тот факт, что национально-либеральное движение в Израиле сохранило куда большую верность идеологии и ценностям классического либерализма, укорененного в трудах Джона Локка, Шарля Луи Монтескье, Алексиса де Токвиля и их единомышленников, чем те, кто в современном мире называют себя либералами. Выше вкратце описывался процесс заката либеральных партий Великобритании, Германии и Италии, а также указывалось, что в таких странах, как США и Франция, либеральные партии никогда не доминировали в местной политической жизни. Фактически, весь тот западный мир, который принято называть «либеральным», является таковым лишь в некоторой степени; либеральные ценности в нем реализуются, но практически ни для каких политических сил они не являются ключевыми. Доминирование концепции «прав человека третьего поколения» привело к тому, что во главу угла были поставлены не права человека, а права общественных групп, причем, чем более активно и милитантно вели себя лидеры этих групп, тем на большие права они могли претендовать. Обладавший нетривиальной (в разных смыслах этого слова) харизмой

многолетний глава Организации освобождения Палестины Ясир Арафат был ярчайшим тому примером. Человек, бесконечно далекий от либерального мировоззрения и ценностей либерализма в каком бы то ни было их понимании, руководивший организацией, на протяжении десятилетий ведшей свою борьбу, в том числе, и откровенно террористическими методами, Ясир Арафат удивительным образом получил наибольшее признание именно в тех общественных кругах и средствах массовой информации, которые сами себя относят к «либеральным». Фактически, произошел грандиозный фарс: западные «либералы» стали поддерживать не своих идейных единомышленников, а тех, кто готов использовать этих либералов лишь как попутчиков в достижении собственных, глубоко антилиберальных по сути своей, целей и программ.

Хочется верить, что эта аномалия не продлится вечно, и что либеральный характер израильского общественно-политического устройства, экономики и культурной жизни станет мостом для строительства более адекватных отношений между еврейским государством и другими, прежде всего западноевропейскими, странами. Будущее либерализма заключается отнюдь не в борьбе за реализацию программ тех или иных рвущихся к власти арабских или любых других националистов, равно как оно не состоит в размытии культурно-идентификационных основ западной цивилизации. Возвращаясь к либерализму в его изначальном, классическом значении, очевидно, что «Ликуд», правящая партия в сегодняшнем Израиле,

именно эту идеологию, как в общественно-политической, так и в социально-экономической сферах, стремится реализовать. История отношений между «либеральными силами» и Государством Израиль является сагой о трагическом непонимании, приведшем к тому, что Израиль имел и имеет все основания чувствовать себя преданным – и предаваемым – теми, на чью поддержку он более всего имеет право рассчитывать. Хочется надеяться, что ситуация изменится, причем в скором будущем, ибо Израилю к настоящему времени есть очень много что сказать и предложить, что «либеральному миру» имело бы смысл услышать, о чем задуматься, и что перенять.

Цитируемая литература

Труды на русском языке

Шломо Авинери, *Происхождение сионизма* [1981] / пер. с иврита (Москва: «Мосты культуры», 2004).

Игаль Алон, *Щит Давида* [1972] / пер. с англ. Г. Бена (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1985).

Михаэль Бар-Зохар, *Бен-Гурион* / пер. с иврита С. Векслер (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1985), 2 тома.

Михаэль Бар-Зохар, *Шимон Перес. Биография* [2005] / пер. Б. Гонтарева и В. Танской (Москва: «Гамма-пресс», 2011).

Менахем Бегин, *В белые ночи* [1952] / пер. с иврита Л. Злотник (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 1991).

Моше Бела, *Мир Жаботинского* [1972] / пер. с иврита А. Лоренсона и М. Короля (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 1992).

Валентина Брио, *Польские музы на Святой земле. Армия Андерса: место, время, культура. 1942–1945 гг.* (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2017).

Рут Вайс, *Евреи и власть* [2007] / пер. с англ. Л. Черниной (Москва: «Книжники», 2009).

Йехиам Вайц, *Политические и идеологические дискуссии* / пер. с иврита (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2001).

Йехиам Вайц, «Становление партийно-политической системы и парламентаризма в Израиле» / пер. с иврита // *От мечты – к ее реализации. Формирование израильской*

государственности: политика, право и международные отношения, под ред. А.Д. Эпштейна (Иерусалим – Москва – Ереван: ИД «Долуханов», 2018), стр. 231–347.

Хаим Вейцман, *В поисках пути* [1948] / пер. с англ. Р. Нудельмана (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1983).

Хаим Герцог, *Арабо-израильские войны* / пер. с иврита (Лондон: «Нина Карсов», 1982), 2 книги.

Мартин Гилберт, *Черчилль и евреи* / пер. с англ. Р. Рыжика (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2007).

Мартин Гилберт, *Иерусалим. История города в XX веке* / пер. с англ. А. Глушаковой (Москва: «КоЛибри», 2012).

Даниэль Гордис, *Менахем Бегин. Битва за душу Израиля* / пер. с англ. Виктора Гопмана (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2014).

Моше Даян, *Дневник Синайской кампании* [1966] / пер. с англ. А. Колина (Москва: «Эксмо», 2003).

Моше Даян, *Жизнь с Библией* [1979] / пер. с англ. Н. Бартман (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1986).

Владимир Жаботинский, *Полное собрание сочинений* (Минск: МЕТ, 2007–2017).

Владимир Жаботинский, *Избранные речи и статьи* (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 1991).

Владимир Жаботинский, *Выступление перед Королевской Комиссией по Палестине [1937] // Сионизм в контексте истории*. Хрестоматия (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1993), книга 2, стр. 297–317.

Владимир Жаботинский, *«Повесть моих дней» [1937]* / пер. с иврита Н. Бартман // *О железной стене: речи, статьи, воспоминания* (Минск: МЕТ, 2004), стр. 454–534.

- Марк Зайчик, *Жизнь Бегина* (Москва: «Олимп», 2003).
- Ю.В. Иванов, «Польская армия генерала В. Андерса в СССР (август 1941 — август 1942 года)» // *Новая и новейшая история*, №3 (2012), стр. 52–58.
- Шмуэль Кац, *Одинокий волк. Жизнь Жаботинского* [1993] / пер. с иврита (Тель-Авив: «Иврус», 2000), 2 тома.
- Яков Кедми, *Безнадежные войны* / пер. с иврита (Москва: «Яуза», 2012).
- Чарльз Кинг, *Одесса – величие и смерть города грез* [2011] / пер. с англ. О. Кириченко (Москва: Издательство Ольги Морозовой, 2014).
- Вальтер Лакер, *История сионизма* [1972] / пер. с англ. яз. (Москва: «Крон-Пресс», 2000).
- Яир Лапид, *Мои посмертные воспоминания. История жизни Йосефа Томи Лапида* [2011] / пер. С. Могилевского и А. Боцмановой (Москва: «Синдбад», 2017).
- Пнина Лахав, «“Бочка без обручей”: влияние борьбы с террором на израильскую юридическую культуру» [1988] / пер. с англ. Нелли Хеймец // *Национальная безопасность и демократия в Израиле*, Том 1 (Раанана: Открытый университет Израиля, 2007), стр. 306–351.
- Голда Меир, *Моя жизнь* [1975] / пер. с иврита Р. Зерновой (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2015).
- Григорий Меламедов и Алек Эпштейн, *Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история* (Москва/Иерусалим: Институт Ближнего Востока – ИСАА при МГУ им. Ломоносова – «Мосты культуры», 2008).
- Ури Мильштейн, *Рабин: рождение мифа* / пер. с иврита (Иерусалим: «Сридут», 1997).

Йосеф Недава, *Кто изгнал британцев из Эрец-Исраэль. Источники и факты* [1988] / пер. с иврита (Иерусалим: «Яир», 1991).

Йосеф Недава, «Владимир Жаботинский: веки жизни» / пер. с иврита Д. Таубина и Т. Груз // Герцль. *Жаботинский. Исторические силуэты* (Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998), стр. 133–283.

Бен-Цион Нетаньяху, *Пять отцов-основателей* [1981] / пер. с ивр. М. Липкина (Минск/Москва: «Ковчег», 2006).

Биньямин Нетаньяху, *Место под солнцем. Борьба еврейского народа за обретение независимости, безопасное существование и установление мира* / пер. с иврита под ред. Виктора Яковлева (Иерусалим: Ассоциация «Алия за Эрец-Исраэль», 1996).

Бениамин Нойбергер, *Политические партии в Израиле* / пер. с иврита С. Фролова (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1998).

Татьяна Носенко, *Иерусалим – три религии, три мира* (Москва: «Олма-пресс», 2003).

Меир Паил, *Становление сил еврейской обороны, 1907–1948* / пер. с иврита А. Белова (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны Израиля – Институт истории сил еврейской самообороны «Хагана» им. И. Галили, 1987).

Евгений Примаков, *Конфиденциально: Ближний Восток: на сцене и за кулисами*, 2-е издание, переработанное и дополненное (Москва: «Российская газета», 2012).

Дан Равив и Йосси Мелман, *История разведывательных служб Израиля* / пер. с англ. Ю.Н. Кобякова (Москва: «Международные отношения», 2000).

Говард Сакер, *История Израиля. От зарождения сионизма до наших дней* / пер. с англ. В. Орла и В. Гопмана (Москва: «Книжники», 2011), 3 тома.

Иехуда Слущкий, *Хагана – еврейская боевая организация в Эрец-Исраэль* / пер. с иврита А. Ценципера (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1978), 2 тома.

Павел Судоплатов, *Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля* (Москва: «Гея», 1996).

Андрей Федорченко, *Экономика Израиля* (Москва, 2004).

Владимир Хазан, *Пинхас Рутенберг: от террориста к сионисту* (Москва/Иерусалим: Еврейский университет в Иерусалиме – «Мосты культуры», 2008), 2 тома.

Авива Халамиш, *Иерусалим в период британского мандата* / пер. с иврита (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1998).

Заки Шалом, *Проблемы безопасности и формирование оборонной политики Израиля* / пер. с иврита (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2001).

Ицхак Шамир, *Подводя итоги [1994]* / пер. с иврита Ю. Шлейфман, (Центр изучения наследия Иерусалима, 2000).

Михаил Шпанин, *Перечитывая страницы нашей истории* (Лондон: Russian Media House, 2010).

Алек Д. Эпштейн и Григорий Меламедов, «Двунациональное еврейское государство и проблемы арабоязычного населения Израиля» // *Ближний Восток и современность*, №20 (2003), стр. 17–34.

Алек Д. Эпштейн, «Опыт прошлого и драмы настоящего. Политическая психология палестино-израильских

переговоров об окончательном урегулировании конфликта» // *Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии* (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004), стр. 11–67.

Алек Д. Эпштейн, «В заложниках у терроризма: полувековой ближневосточный опыт и выводы из него» // *Международное сотрудничество и роль общественности в противодействии экстремизму и терроризму* (Москва: Общественная палата РФ – Институт религии и политики, 2006), стр. 8–15.

Алек Д. Эпштейн, *Израильская война против «Хизбаллы» и формирование новых контуров ближневосточной политики* (Москва: Институт Ближнего Востока, 2006).

Алек Д. Эпштейн, *ХАМАС в региональной политике* (Москва: Институт Ближнего Востока, 2007).

Алек Д. Эпштейн, *Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться* (Москва/Иерусалим: Институт Ближнего Востока – «Мосты культуры», 2008).

Алек Д. Эпштейн, *Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений* (Москва/Иерусалим: Институт Ближнего Востока – «Мосты культуры», 2014), 2 тома.

Алек Д. Эпштейн, *Горизонты и миражи палестинской государственности* (Москва/Иерусалим: Институт Ближнего Востока – «Мосты культуры», 2016).

Труды на английском языке

Ran Aaronsohn, *Rothschild and Early Jewish Colonization in Palestine* (Lanham: Rowman & Littlefield, 2000).

Asher Arian, *Security Threatened: Surveying Israeli Opinion on Peace and War* (Tel Aviv: Jaffee Center for Strategic Studies – Cambridge University Press, 1995).

Jerold S. Auerbach, *Brothers at War: Israel and the Tragedy of the Altalena* (New Orleans: Quid Pro Books, 2011).

Yehudit Auerbach, “Ben-Gurion and Reparations from Germany”, in R. Zweig (ed.), *David Ben-Gurion – Political Leadership in Israel* (London: Frank Cass, 1991), pp. 274–292.

Yehuda Avner, *The Prime Ministers* (Jerusalem: Toby Press, 2010).

Ehud Barak, *My Country, My Life: Fighting for Israel, Searching for Peace* (New York: St. Martin’s Press, 2018).

David Ben-Gurion, *My Talks with Arab Leaders* (Jerusalem: Keter, 1972).

J. Bowyer Bell, *Terror Out of Zion: The Fight for Israeli Independence* (New Brunswick: Transaction Publishers, 1996).

Daniel Judah Elazar, “Religious Parties and Politics in the Begin Era”, in Robert O. Freedman (ed.), *Israel in the Begin Era* (New York: Praeger, 1982).

Douglas Frantz and Catherine Collins, *Death on the Black Sea: The Untold Story of the Struma and World War II’s Holocaust at Sea* (London: HarperCollins, 2003).

Yoav Gelber, *Jewish–Transjordanian Relations, 1921–1948* (London: Frank Cass, 1997).

Yoav Gelber, *Palestine, 1948: War, Escape and the Emergence*

of the Palestinian Refugee Problem (Brighton: Sussex Academic Press, 2006).

Isabella Ginor and Gideon Remez, “A Cold War Casualty in Jerusalem: The Assassination of Witold Hulanicki” // *Israel Journal of Foreign Affairs*, vol. 4, no. 3 (2010), pp. 135–156.

Harry Gordon, *The Shadow of Death: The Holocaust in Lithuania* (Lexington: University Press of Kentucky, 2000).

Tamar Horowitz, “The Influence of Soviet Political Culture on Immigrant Votes in Israel: The Elections of 1992” // *Jews in Eastern Europe*, №1 [23] (1994), pp. 5–22.

Vladimir Jabotinsky, *Turkey and the War* (London: T. Fisher Unwin, 1917).

David A. Korn, “US–Soviet Negotiations of 1969 and the Rogers Plan” // *The Middle East Journal*, vol. 44, no. 1 (1990), pp. 37–50.

Michael A. Ledeen, *Perilous Statecraft: An Insider’s Account of the Iran-Contra Affair* (New York: Charles Scribner’s Sons, 1988).

Aaron David Miller, *The Too Much Promised Land. America’s Elusive Search for Arab-Israeli Peace* (New York: Bantam Books, 2008).

Michael B. Oren, *Ally* (New York: Random House, 2015).

Ronald Reagan, *An American Life. The Autobiography* (New York: Simon & Schuster, 1990).

Condoleezza Rice, *No Higher Honor: A Memoir of My Years in Washington* (New York: Random House, 2011).

Samuel Segev, *The Iranian Triangle: The Untold Story of Israel’s Role in the Iran-Contra Affair* (New York: Free Press, 1988).

Avi Shlaim, *Lion of Jordan: The Life of King Hussein in War and Peace* (London: Penguin Books, 2007).

George Shultz, *Turmoil and Triumph: My Years as Secretary of State* (New-York: Charles Scribner's Sons, 1993).

Ned Temko, *To Win or to Die: A Personal Portrait of Menachem Begin* (New York: William Morrow, 1987).

Steven Wagner, "Britain and the Jewish Underground, 1944–1946: Intelligence, Policy and Resistance". M.A. Thesis (Calgary: University of Calgary, 2010).

Avner Yaniv, *Dilemmas of Security. Politics, Strategy, and the Israeli Experience in Lebanon* (Oxford University Press, 1987).

Труды на языке иврит

Шнеур-Залман Абрамов, *Об исчезнувшей партии и о либерализме* (Тель-Авив: «Двир», 1995).

Гиора Айленд, *Не засыпаю по ночам* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2018).

Моше Аренс, *Во имя безопасности Израиля. История жизни* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2018).

Михаэль Бар-Зохар, *Феникс. Шимон Перес – политическая биография* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2006).

Ицхак Бар-Он, *Зонтик для дождливого дня: военное сотрудничество между Францией и Израилем в 1948–1956 гг.* (Израиль: издатель Эфи Мельцер, 2010).

Менахем Бегин, *Восстание* (Тель-Авив: «Ахиасаф», 1956).

Шломо Бен-Ами, *Фронт без тыла. Путь к границам мирного процесса* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2004).

Давид Бен-Гурион, *Обновленное Государство Израиль* (Тель-Авив: «Ам овед», 1969), 2 тома.

Давид Бен-Гурион, *Военный дневник* (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны Израиля, 1982).

Борец за свободу Иерусалима: воспоминания Йехошуа Зельтера / записаны Х. Регев-Яркони и О. Регевом (Иерусалим: «Порат», 2007).

Ури Бреннер, *Альталена. Политическое и военное исследование* (Издательство Института истории рабочего движения им. Табенкина, 1978).

Дов Вайсглас, *Арик Шарон – глава правительства* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2012).

Йехиам Вайц, *От вооруженного подполья – к политической партии* (Сде-Бокер: Издательство Университета им. Д. Бен-Гуриона в Негеве, 2003).

Ронит Варди, *Биби. Кто Вы, господин премьер-министр?* (Иерусалим: «Кетер», 1997).

Йоав Гелбер, *Истощение. Забытая война* (Модиин: «Двир», 2017).

Ами Глуска, *Эшколь, дайте приказ! Армия обороны Израиля и правительство на пути к Шестидневной войне* (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны Израиля, 2004).

Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин* (Иерусалим: «Эйданим», 1978).

Амир Гольдштейн, «Правые сионисты в третье десятилетие: путь к перевороту» // *Третье десятилетие 1968–1978*, под ред. Ц. Цамерета и Х. Яблонка (Иерусалим: Издательство Центра им. И. Бен-Цви, 2008), стр. 323–339.

- Йоси Гольдштейн, *Эшколь. Биография* (Иерусалим: «Кетер», 2003).
- Йоси Гольдштейн, *Рабин. Биография* (Тель-Авив: «Шокен», 2006).
- Офер Грозбард, *Менахем Бегин. Портрет лидера* (Тель-Авив: «Рислинг», 2006).
- Иехиэль Гутман, *Потрясение в Общей службе безопасности* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 1995).
- Ури Дан, *Ариэль Шарон вблизи. Личный портрет* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2007).
- Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография* (Иерусалим: «Эйданим» – Тель-Авив: «Двир», 1976).
- Коби Двир, «Лондонские соглашения – крах тайных переговоров об объединении в сионистском движении» // *Израильтяне*, №5 (2013), стр. 87–113.
- Моше Егар, *История Политического департамента Еврейского агентства* (Иерусалим: «Сионистская библиотека», 2011).
- Натан Елин-Мор, *ЛЕХИ – Борцы за свободу Израиля* (Тель-Авив: «Шикмона», 1974).
- Ишув во времена национального дома, 1917–1948 гг.* Сборник статей и документов / под ред. Б. Элиава (Иерусалим: «Кетер», 1976).
- Бен Каспит и Илан Кфир, *Нетаньяху – путь к власти* (Тель-Авив: «Альфа Тикшорет», 1997).
- Бен Каспит и Илан Кфир, *Эхуд Барак – солдат №1* (Тель-Авив: «Кор’им», 1998).
- Давид Ландау, *Арик. Жизнь Ариэля Шарона* (Ор-Иехуда: «Двир», 2015).

- Иехуда Лапидот, *Сезон: охота на братьев* (Тель-Авив: Институт наследия Жаботинского, 1994).
- Мирон Медзини, *Голда. Политическая биография* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2008).
- Яков Меридор, *Длинна дорога к свободе* (Иерусалим: «Ахиасаф», 1964).
- Арье Наор, *Бегин во власти: личное свидетельство* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 1993).
- Шломо Накдимон, *Перед часом ноль: драма, предшествовавшая Шестидневной войне* (Тель-Авив: «Рамдор», 1968).
- Шломо Накдимон, *Таммуз в огне* (Иерусалим: «Эйданим», 1986).
- Наша борьба за Землю Израиля* / под ред. Й. Недава (Тель-Авив: издание движения БЕЙТАР, 1986).
- Эхуд Ольмерт, *От первого лица* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2018).
- Шимон Перес, *Праца Давида* (Иерусалим, 1971).
- Шимон Перес, *Новый Ближний Восток* (Тель-Авив: «Стеймацки», 1993).
- Офер Регев, *Иерусалимский принц. Покушение на графа Фольке Бернадота* (Иерусалим: «Порат», 2006).
- Моше и Това Савураи, *От ЭЦЕЛЯ – к ЛЕХИ* (Тель-Авив: издание авторов, 1989).
- Том Сегев, *1967* (Иерусалим: «Кетер», 2005).
- Шмуэль Тамир, *Сын этой страны. Автобиография* (Тель-Авив: «Змора–Битан», 2002), 2 тома.
- Элиэзер Таубер, *Дир-Ясин: конец мифа* (Модиин: «Кинерет – «Змора–Битан», 2017).

Исер Харэль, *Советский шпионаж: Коммунизм в Эрец-Исраэль* (Тель-Авив: «Эйданим», 1987).

Йосеф Хелер, *ЛЕХИ: идеология и политика, 1940–1949* (Иерусалим: Издательство Центра им. З. Шазара, 1989).

Заки Шалом, *Охваченный огнем: Давид Бен-Гурион и его борьба за государство и его будущее, 1963–1967* (Сде-Бокер: Издательство Университета им. Д. Бен-Гуриона в Негеве, 2004).

Меир Шамгар, *Закончено, но не завершено. Страницы жизни* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2015).

Гилад Шер, *На расстоянии вытянутой руки. Мирные переговоры 1999–2001: свидетельство очевидца* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2001).

Ави Шилон, *Бегин: 1913–1992* (Тель-Авив: «Ам овед», 2007).

Ави Шилон, *Скорбь «левых»: Йоси Бейлин и крах лагеря мира* (Модиин: «Двир», 2017).

Эстер Штейн-Ашкенази, *БЕЙТАР в Эрец-Исраэль, 1925–1947* (Тель-Авив: Издательство Института им. Жаботинского, 1997).

Эран Эльдар, *Путь к 1977 году: крах гегемонии Партии Труда, 1965–1977* (Тель-Авив: «Ам овед», 2018).

Моше Яалон, *Длинный короткий путь*, расширенное и дополненное издание (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2018).

Натан Янай, *Политические кризисы в Израиле. Эпоха Бен-Гуриона* (Иерусалим: «Кетер», 1982).

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

2017 г.

289. **М.В.Казанин:** "Китай-Пакистан: военно-техническое и экономическое сотрудничество в начале XXI века".
290. **А.А.Кузнецов:** "Политический процесс в Ливане на рубеже XX-XXI веков".
291. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Кувейта".
292. **А.Д.Манафова:** "Нефтяная политика Ирака 2003–2016 гг.".
293. **С.С.Балмасов:** "Опыт решения миграционных проблем в странах Аравийского полуострова".
294. **П.П.Рябов:** "«Арабская весна» по-йеменски".
295. **М.В.Казанин:** "Сирийский конфликт: оценки китайских специалистов".
296. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 51.
297. **В.В. Куделев:** "«Арабская весна»: марокканский феномен".

2018 г.

298. **Т.А.Ганиев, С.М.Задонский:** "Военная мощь Турецкой Республики".
299. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о сирийском конфликте".
300. **Е.А.Якимова:** "Государство Израиль и европейские республики бывшего СССР: ускользящее партнерство".

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2017

289. "China – Pakistan: cooperation military-technical and economic fields in the beginning of the XXI century" by **M.Kazanin**
290. "Political process in Lebanon in the turn of the XXI century" by **A.Kuznetsov**
291. "Tribes, clans and families in Kuwait" by **A.Aganin**
292. "Iraqi oil policy in the 2003–2016" by **A.Manafova**
293. "Experience of the Arabian Peninsula States in tackling migration problems" by **S.Balmasov**
294. ""The Arab Spring" in Yemani way" by **P.Rjabov**
295. "Conflict in Syria: assessments of Chinese experts" by **M.Kazanin**
296. "The Contemporary Middle East" № 51 (collection of essays)
297. "The Arab Spring: a Moroccan phenomenon" by **V.Kudelev**

2018

298. "The military power of the Republic of Turkey" (volume 1, 2) by **T.Ganiev and S.Zadonskiy**
299. "Thoughts on the Syrian conflict" by **Ju.Scheglovin**
300. "The state of Israel and the European republics of the former Soviet Union: the slipping partnership" by **E.Yakimova**

Научное издание

Алек Д. Эпштейн

**От Владимира Жаботинского
до Биньямина Нетаньяху:
Национально-либеральное движение
Израиля – прошлое и настоящее**

Том второй
Определяя облик государства

Подписано в печать 15.01.2019 г.

Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 29,5 уч. изд. л.
Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 031

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12